

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

7-я всероссийская научная конференция молодых
востоковедов

Китай и соседи

3–4 марта 2022 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022

УДК 294.311+294.321+327+321+355/359+7.011+902.03+94+82.01+821.521

ББК 63+65+66+68+71+79+83+85.1+86.3

CENTER FOR LANGUAGE
EDUCATION AND COOPERATION
教育部中外语言交流合作中心

中国国际
中文教育基金会
Chinese International
Education Foundation

*Издание подготовлено при поддержке ДОП «Институт Конфуция в СПбГУ»,
Столичного педагогического университета (КНР), Центра языкового образования и
сотрудничества (КНР) и Международного образовательного фонда китайского
языка (КНР)*

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

СОСТАВИТЕЛИ

Т. А. Пан, Д. И. Маяцкий, В. В. Щепкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

канд. ист. наук В. Ю. Климов (ИВР РАН)

канд. ист. наук А. Ю. Сеницын (МАЭ РАН)

Печатается в авторской редакции

Китай и соседи. Сборник материалов 7-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов. Сост. Т. А. Пан, Д. И. Маяцкий, В. В. Щепкин. — СПб.: изд-во Art-Xpress, 2022. — 298 с.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками 7-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов «Китай и соседи», состоявшейся 3–4 марта 2022 г. в ИВР РАН. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов: история, литература, международные отношения, искусство Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

ISBN 978-5-4391-0779-7

9 785439 107797 >

Заказ 32429 Тираж 50 экз

Отпечатано

в «Издательство «Арт.Экспресс»

тел. 331-33-22

199155, Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, к. 4

e-mail: zakaz@art-xpress.ru

ISBN 978-5-4391-0779-7

© Авторский коллектив, 2022

© Институт восточных рукописей РАН, 2022

© Восточный факультет СПбГУ, 2022

Все права защищены

От составителей

Уже ставшая традицией всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» в седьмой раз была организована Институтом восточных рукописей РАН (отделом Дальнего Востока) совместно с Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета и Институтом Конфуция при СПбГУ. Она состоялась 3–4 марта 2022 г. в ИВР РАН в главном Зеленом зале Ново-Михайловского дворца в центре Санкт-Петербурга на Дворцовой набережной, 18.

Как и в предыдущие годы, конференция собрала студентов бакалавриата и магистрантов различных вузов города и страны — студентов, занимающихся историей и культурой Китая и сопредельных стран. В этот раз было заявлено 62 доклада (44 из которых были сделаны студентами бакалавриата). Основной контингент докладчиков был с Восточного факультета СПбГУ (21 человек); Факультет международных отношений и Институт философии СПбГУ представили по четыре доклада; один докладчик был из Института истории СПбГУ. Другие вузы Санкт-Петербурга также прислали своих участников: НИУ ВШЭ СПб (9 человек), РГПУ им. Герцена (3 человека), СПбГПУ (2 человека). Наибольшее число докладчиков из иногородних было от Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (10 человек) и трех факультетов Казанского федерального университета (3 человека). По одному представителю было от МГПУ, БФУ, РГГУ, АлтГУ, СПбГЭУ. Даже просто перечисление вузов, принявших участие в 7-й конференции, говорит о заинтересованности студентов различных вузов страны поделиться своими научными наработками и доложить о них коллегам.

Конференцию открыла член-корреспондент РАН, директор ИВР РАН, д. и. н. И. Ф. Попова и рассказала о роли Института в развитии отечественного востоковедения и значении научной традиции в поддержании высокого профессионального уровня. Участников конференции приветствовала консул Генерального консульства КНР в Санкт-Петербурге по вопросам образования, проф. Лю Жомэй. В частности, она сказала: «Молодежь — это будущее мира, а молодые специалисты — это будущее академического развития. Всероссийская научная конференция молодых востоковедов Китай и соседи в значительной степени способствовала подготовке и развитию молодых специалистов. Например, некоторые китайские аспиранты и молодые специалисты, принимавшие участие в этой конференции несколько лет назад, и сейчас плодотворно продолжают развивать свои научные темы. В Институте восточных рукописей РАН и на Восточном факультете СПбГУ работают многие выдающиеся китаеведы, и хранится богатая литература за более чем столетнее изучение китаеведения. Сюда часто приезжают ученые со всего мира, чтобы ознакомиться с литературой и сотрудничать с российскими китаеведами. Я искренно надеюсь, что студенты и аспиранты, российские и китайские, будут в полной мере использовать коллекцию литературы, хранящуюся в

Санкт-Петербурге, усердно и глубоко заниматься своей темой, стараться заложить прочную основу для своих будущих исследований. Многолетняя традиция китаеведения в Санкт-Петербурге также создала уникальную атмосферу китайско-русской дружбы. Я надеюсь, что присутствующие молодые специалисты будут поддерживать многонациональную специфику культуры Санкт-Петербурга и своими академическими усилиями вносить собственный вклад в дружбу между Китаем и Россией». Доцент СПбГУ, к. ф. н. Д. И. Маяцкий напутствовал студентов от имени преподавателей Восточного факультета и Института Конфуция при СПбГУ.

Основная часть докладов была представлена в очном режиме. Наибольшее количество докладов было посвящено Китаю: современной политике и культуре, китайскому языку (15 докладов), а также истории и культуре древнего Китая (13 докладов). В этом году были сделаны сообщения по Вьетнаму, Пакистану, Индии, Корее и Японии и их культурным, политическим и экономическим связям с Китаем. Многие иногородние студенты изъявили желание принять участие в конференции, но по различным причинам не смогли приехать в Санкт-Петербург. В связи с этим были организованы две секции онлайн, на которых студенты представили свои доклады. Все сессии вели научные сотрудники Отдела Дальнего Востока ИВР РАН и преподаватели Восточного факультета СПбГУ, комментируя доклады и ведя дискуссии.

Для участников конференции были проведены экскурсии в Музей отечественного востоковедения и Рукописный отдел ИВР РАН. Стало традицией организовывать мастер-класс «Дальневосточная книга и переплет», во время которого ведущий реставратор ИВР РАН Л. И. Крякина не только рассказывает об истории китайской книги и ее влиянии на весь дальневосточный регион, но и обучает присутствующих, как самим сделать один из вариантов такой книги. В этом году участники конференции сами склеивали книгу-гармонику.

В течение двух дней молодые востоковеды смогли представить свои научные достижения, получить профессиональную оценку старших коллег, оценить свой научный уровень и познакомиться со своими единомышленниками из различных вузов страны.

По результатам работы конференции был составлен очередной сборник прочитанных докладов. Он отражает весь спектр обсуждавшихся на конференции вопросов. Как было принято и для предыдущих выпусков сборника, редакционная коллегия публикует статьи в авторской версии с незначительными редакторскими исправлениями, оставляя ответственность за материал за авторами и их научными руководителями, чьи имена указаны в каждой статье.

Зам. директора по научной работе ИВР РАН
Заведующая отделом Дальнего Востока ИВР РАН
к. и. н. Т. А. Пан

Японская военная пропаганда в отношении Китая в период Японо-китайской войны 1937–1945 гг.: средства, методы и идеи

Для японских идеологов влияние державы на территории Китая казалось ключом к японской национальной и экономической безопасности. Доступ к природным ресурсам и внутреннему рынку Китая являлся важным фактором укрепления японской индустрии, а усиление западных держав на территории Китая могло представлять опасность для самого японского государства. Пропаганда Японии преследовала две основные цели: убедить китайцев в том, что Япония — лидер Азии; побудить население чувствовать, что японцы помогут им достичь цели освобождения от западного империализма².

После захвата Пекина в 1937 г. официальными пропагандистскими органами на территории Северного Китая являлись «Пропагандистский отдел Тяньцзиньской японской армии» и «Пропагандистский отдел Северокитайского японского экспедиционного корпуса»³. Ещё до Японо-китайской войны были сформированы многочисленные китайские марионеточные организации для защиты японской программы: «Лига Азиатских народов», «Добровольная Армия великой Азии»; особое внимание уделялось молодежным организациям, таким как «Кио-Ва-Кай» («Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи»). «Кио-Ва-Кай» в дальнейшем стала идеологическим, культурно-просветительским органом Северо-Восточного Китая.

Широко распространялась идея о паназиатском государстве в различных формах (концепция Восточноазиатской федерации (Тоа Рэммэй), концепция Восточноазиатской ассоциации (Тоа Кёдотай), концепция Великой восточноазиатской сферы совместного процветания). В Маньчжоу-Го восхвалялась идея о «Ван Дао» в качестве аналога японского «Ко:До:» («Пути императора»)⁴.

Удерживать контроль над такой большой территорией оказалось технически сложной задачей, решение которой нашлось в запуске радиопередач и показе кинофильмов. Так, до 1937 г. программы радио на территории Северного Китая

¹ Научный руководитель — к. и. н., доцент Теленьга Марина Павловна.

² Kushner B. The thought war Japanese imperial propaganda. / B. Kushner. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007. P. 119.

³ Rowe D.N. Japanese Propaganda in North China, 1937-1938 // The Public Opinion, 1939. Vol. 3 (4). P. 564-565.

⁴ Фоменко В. М. Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-Го (1932–1945 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 «Всеобщая история» / Иркутский государственный университет. Иркутск, 2015. С. 119.

включали в себя: новостные обзоры, пропагандистские лекции, развлекательные программы. С началом войны радиэфир был ориентирован на обзор военных действий и вызов патриотических чувств у японского населения Китая. Появилась программа «Из первой траншеи», которая рассказывала о солдатских буднях, вызывая чувство гордости у родственников японских солдат. В 1942 г., взятые под контроль радиосети объединяются в единую сеть «Радиовещание Восточной Азии». Японское радиовещание почти полностью блокировало прием радиопрограмм со станций на подконтрольных Китаю территориях⁵.

Говоря о киноискусстве, большинство работ представляли собой японские и китайские традиционные кинофильмы, японские фильмы о войне, различные военные кинохроники. По мнению Э. Родса, Японии не удалось использовать весь потенциал фильмов о действительности или документальных фильмов в качестве пропагандистского оружия ввиду недостатка подлинной информации⁶.

Японцы устремили свое пристальное внимание на развитие подконтрольной им печати и печатного слова. Широкое распространение получили короткие рассказы о жизни японской армии в Маньчжурии – книги-репортажи («Пшеница и солдаты», «Земля и солдаты», «Цветы и солдаты»). Хотя было выпущено множество пропагандистских книг и памфлетов, их общий объем был намного меньше объема выпускаемых плакатов и листовок. По выражению В. М. Фоменко, именно они были кратчайшим способом донести до жителей нужные японским властям идеи⁷.

В то время как плакаты обычно можно было увидеть только в общественных местах, листовки распространялись достаточно легко на большие площади: их распространяли либо с помощью самолетов, либо с помощью армейских грузовиков. Данный метод также превосходно подходил для раздачи листовок вражеским войскам в районах, удерживаемых китайцами. Более того, в листовках пропаганда была выражена намного ярче. Они охватывали широкий круг тем: защита местных жителей от натиска европейцев; неприязнь к коммунистам; продвигали позитивный образ японской армии и прочее⁸.

Таким образом мы можем видеть, какими способами и методами распространялась японская пропаганда на территории Китая и какие идеи и штампы были её присущи.

⁵ Menefee S.C. Japan's Psychological War // *Social Forces*, 1943. Vol. 21 (4). P. 425.

⁶ Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945 / пер. с англ. Ю.К. Бардина. М.: Эскмо, 2008. С. 254.

⁷ Фоменко В. М. Указ. соч. С. 124.

⁸ Rowe D. N. Japanese Propaganda in North China, 1937-1938 // *The Public Opinion*, 1939. Vol. 3 (4). P. 574-580.

Список использованной литературы

Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945 / пер. с англ. Ю.К. Бардина. М.: Эскмо, 2008. 312 с.

Фоменко В.М. Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-Го (1932 – 1945 гг.): специальность 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Фоменко Вера Михайловна; Иркутский государственный университет. Иркутск, 2015. 204 с.

Duus P. The Japanese informal empire in China, 1895–1937. Princeton: Princeton University Press, 1991. 492 p.

Hotta E. Pan-Asianism and Japan's war 1931-1945. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 305 pp.

Kushner B. The thought war Japanese imperial propaganda. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007. 257 pp.

Menefee S.C. Japan's Psychological War // Social Forces, 1943. Vol. 21 (4). P. 425-436.

Myers R.H. The Japanese Colonial Empire, 1895-1945. Princeton: Princeton University Press, 1987. 560 pp.

Rowe D.N. Japanese Propaganda in North China, 1937-1938 // The Public Opinion, 1939. Vol. 3 (4). P. 564-580.

Алексеева Елена Витальевна
студентка 3 курса кафедры американских исследований
Факультет международных отношений СПбГУ¹

Использование результатов образовательных реформ во внешней политике КНР

КНР максимально эффективно воспользовалась результатами глобализации мировой экономики за последние 30 лет, не только вошла в лидеры экономического роста в мире, но и сформировала инструментарий, с опорой на культурно-историческое прошлое, успешно продвигающий положительный образ страны в глазах мирового сообщества. Фундаментом регионального и глобального позиционирования КНР являются экономические успехи и базисные ценности культуры китайской цивилизации, концептуально выраженные в понятии «мягкая сила», которые руководство КНР активно эксплуатирует. Мягкая сила КНР формируется за счет внутренних преобразований, направленных на всестороннее развитие государства, в том числе в образовательном секторе. Основными результатами последовательного реформирования системы образования во внешней политике КНР стали проект «Институт Конфуция» - как пример удачной интеграции реформ и внешнеполитических целей, и формирование КНР как успешного международного игрока на рынке предложения услуг в сфере высшего образования.

План реформирования образования в Китае оформился к середине 80-х годов. Признав образование стратегически важным для социально-экономического развития страны, китайское правительство выработало курс развития образования, суть которого сформулировал Дэн Сяопин в 1983 г.: «Образование должно повернуться к модернизации, к миру, к будущему» (“教育要面向现代化, 面向世界, 面向未来.”)². Собственно, это и стало целевой идеологемой системы мер по обновлению образовательного процесса. Документ «Решения по образовательным реформам» от 1985 г. ознаменовал новый этап развития системы образования в КНР. В нем предлагалось децентрализовать систему управлением образованием, расширить полномочия университетов.³ Новый Закон КНР о высшем образовании от 1998 г. разрешил вопросы бюджетных ассигнований на обязательное образование и подготовил юридическую почву для дальнейшей модернизации системы высшего образования в КНР. Одновременно с задачей повсеместного обеспечения доступа к обязательному

¹ Научный руководитель – проф., д. и.н. Новикова Ирина Николаевна

² Образование должно повернуться к модернизации, к миру, к будущему. [Электронный ресурс] // Новости КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0208/c69113-29066863.html> . 教育要面向现代化 · 面向世界 · 面向未来 // 中国共产党新闻

³ Решение Центрального комитета КПК о реформировании образования // Жэньминь Жибао. 1985. 28 мая. 中共中央关于教育体制改革的决定. 人民日报 (1985年5月29日)

среднему образованию, планомерно осуществлялся курс на включение КНР в международную образовательную систему, в частности, соответствие мировым стандартам высшей школы. В качестве приоритетного направления выделялось повышение конкурентоспособности китайского высшего образования. В целях реализации последней задачи в 1995 г. и 1998-99 гг. соответственно были приняты и реализовывались две долгосрочные программы по поддержке перспективных ВУЗов — «Проект 211» и «Проект 985». С 2015 г. главной задачей образовательной политики было объявлено строительство ВУЗов мирового класса и вхождение китайских университетов в мировые рейтинги. Для реализации поставленной задачи был запущен проект Университеты и дисциплины мирового класса «Шуан и лю» (双一流). Первоначально в проекте участвовали 42 университета, которые составили список первоклассных ВУЗов класса (一流大学建设高校). В список вошли перспективные университеты, уже имеющие потенциал стать ВУЗами мирового уровня. В 2017 г. план дополнился новым списком из 95 университетов (一流学科建设高校), которые были признаны ведущими по отдельным академическим дисциплинам.⁴ С 2019 г. реализуется инициатива 2019 г. «Университетское пространство Гуанчжоу — Гонконг — Макао», подразумевающая сопряжение высшего образования и создания инноваций.

Основным достижением процесса реформирования стало то, что в настоящее время Китай является признанным мировым лидером по массовости и масштабности высшего образования. Оценка уровня и качества выстроенной структуры высшего образования на международной арене происходит через тестирование рейтингов. В таблице ниже представлена в основном положительная динамика расположения 7 ведущих ВУЗов КНР в международных рейтингах за период 2020-21 гг. В среднем, положение университетов в рейтингах сместилось вверх на 9,6 позиций.

Таблица 1

Международные рейтинги ведущих ВУЗов КНР в 2021 г.

ВУЗ	QS World University Rankings ⁵	Times Higher Education World University Rankings ⁶	Academic Ranking of World Universities (ARWU) ⁷
Университет Цинхуа	15 +1 позиция	20 +3 позиции	28 +1 позиция

⁴ Опубликован список 95 университетов первоклассных специальностей. [Электронный ресурс] // Сеть китайского образования. URL: https://gaokao.eol.cn/news/201709/t20170921_1555799.shtml. 95 所一流学科建设高校名单公布//中国教育网

⁵ Top Global Universities [Электронный ресурс] // QS World University Rankings 2021. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021>

⁶ World University Rankings 2021 [Электронный ресурс] // THE. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats

⁷ 2021 ARWU [Электронный ресурс] // Shanghai Ranking. URL: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2021>

Пекинский университет	23 +1 позиция	23 +1 позиция	45 +4 позиция
Фуданьский университет	34 +6 позиций	70 +39 позиции	77 +23 позиция
Чжэцзянский университет	53 +1 позиция	94 +13 позиции	52 +6 позиция
Шанхайский университет транспорта	47 +13 позиций	100 +57 позиции	59 +4 позиция
Научно-технический университет Китая	93 -4 позиции	87 -7 позиция	63 +10 позиций
Нанкинский университет	124 -4 позиции	111 +33 позиции	101-150

Можно констатировать, что Китай, в свойственном себе стиле решая внутренние задачи развития производительных сил, извлек сопутствующий эффект, сделав привлекательным свое высшее образование для остального мира.

Органы управления КНР успешно осуществляют политику по продвижению китайского высшего образования на глобальном рынке, если учитывать стартовые условия и непродолжительный промежуток времени, в течение которого были достигнуты результаты. Действия всех органов власти – центрального правительства, руководства провинций и местных образований, направленные на привлечение иностранных студентов в китайские университеты, являются продуманной и хорошо организованной частью политики «мягкой силы». В результате наблюдается рост влияния китайского образования, культуры и ценностей на глобальный мир. Согласно официальной статистике, отраженной на слайде, КНР в 2019 г. 811 образовательных учреждений высшей школы страны оказывали образовательные услуги 397 635 иностранным студентам из 202 юрисдикций.⁸

В международной образовательной политике особое внимание уделяется странам регионального позиционирования. Следуя этому принципу, в 2019 г. 60% иностранных студентов в Китае были выходцами из Азии. Таким образом, КНР успешно справляется с целью стать крупнейшим экспортером образовательных услуг в Азии. Кроме того, китайское правительство ориентируется на государства, в которых испытывает прежде всего экономическую заинтересованность. Например – страны Африки. В 2012 г. Китай

⁸ Статистика по образованию: обнародованы данные о студентах-иностранцах, приехавших в Китай в 2019 г. [Электронный ресурс] // Образование Шаньдун. URL: <http://www.jxdx.org.cn/gnfy/14176.html> . 教育数据：2019年全国来华留学生数据发布» // 山东教育

принял более 27 тыс. студентов из Африки, к концу 2013 г. – более 35 тыс. студентов.⁹ В 2019 г. значение достигло практически 50 тыс. В этом регионе Китай поощряет развитие образовательных программ со своим участием по целевым направлениям, таким как горнодобывающая отрасль, геологоразведка, испытывая потребность в квалифицированных специалистах соответствующего профиля.

Тем не менее, невозможно объяснить привлекательность китайской высшей школы только качеством и масштабом китайских ВУЗов, тем более для иностранцев, не проживающих в регионе. Многих студентов, решивших получить именно китайское высшее образование, привлекают скорее китайский язык, культура, экономическая мощь КНР, как следствие – возможность самореализации. В основном их первичное ознакомление с Китаем произошло через систему институтов Конфуция. Руководство Китая реализовало проект по первичному ознакомлению мира с Китаем через язык, реализовав проект института Конфуция.

Программа создания институтов Конфуция стартовала в 2004 г. под общим руководством Ханьбань (Канцелярия по распространению китайского языка и культуры), основанного в 1987 г. Подоплекой принятия руководством КНР такого решения стала констатация усиления опасений государств АТР на фоне резкого роста экономических и политических амбиций КНР в начале 21 века. С целью смягчения образа страны была разработана стратегия погружения ближайших партнеров государства в историко-культурологические ценности КНР через пропаганду языка и культурных традиций, с последующим усилением образовательных обменов, особенно среди молодого поколения, чьи взгляды и восприятие могут быть подвергнуты корректировке или обновлению.

До недавнего времени юридическим основанием для появления института Конфуция в другом государстве являлось как правило соглашение между образовательными учреждением-резидентом и агентством Ханьбань, либо между университетами двух стран под общим руководством агентства. Нужно отметить, что форма внедрения института Конфуция в образовательную структуру другого государства продумана с точки зрения оптимизации затрат времени и ресурсов на легализацию. Институты Конфуция не имеют отдельного юридического статуса, соответственно не требуется получение специальной аккредитации (или лицензирования) от надзорных органов. До 2019 наблюдался устойчивый рост числа институтов до пикового значения 550 учреждений.

⁹ Краснова Г.А., Краснова А.А. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов. [Электронный ресурс]/ Аккредитация в образовании: аналит. журн. 2015. № 84. URL: https://akvobr.ru/strategiya_kitaya_po_privlecheniu_inostrannih_studentov.html

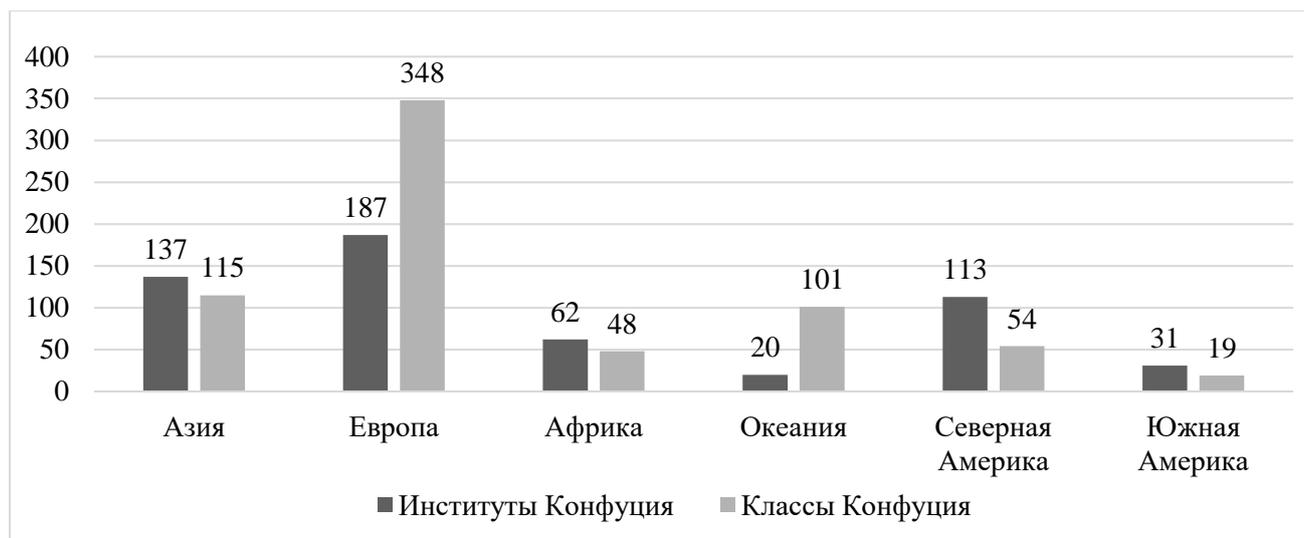

Рис. 1 Институты и классы Конфуция по регионам 2019 г.¹⁰

Рассматривая географию (см. рис. 1) распространения институтов и классов (т.е. более простой организационной формы проекта), можно заметить, что подавляющее число учреждений обоих типов располагается в Европе. Азия занимает 2-е место, Северная Америка – 3-е, Африка – 4-е. Карта распространения проекта обусловлена соображениями целесообразности и интенсивности двусторонних контактов. В Северной Америке США, являясь основным торговым партнером КНР, в 2019 г. были абсолютным лидером по числу институтов Конфуция, которое достигло 110 точек. Китай и страны Европы также объединяет множество экономических контактов. Широкое присутствие институтов Конфуция в Азии связано с фактором регионального позиционирования КНР. В Африке Китай посредством проекта поощряет программы студенческого обмена по целевым направлениям, таким как горнодобывающая отрасль, геологоразведка, испытывая потребность в квалифицированных специалистах соответствующего профиля.

¹⁰ Сеть институтов Конфуция по всему миру [Электронный ресурс] // Китайский международный образовательный фонд. URL: <https://www.cief.org.cn/qq> . 全球网络 // 中国国际中文教育基金会

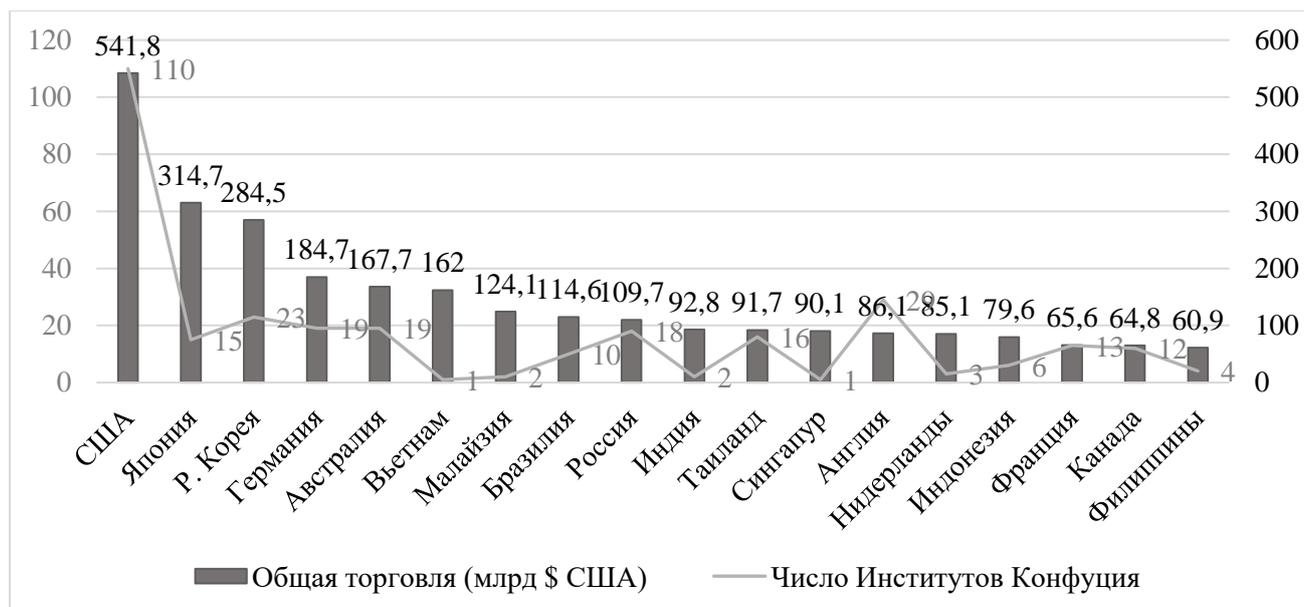

Рис. 2 Объем торговли Китая с партнерами и распределение институтов Конфуция на 2019 г.

Если же рассматривать страны по отдельности (рис. 2), то корреляции между объемом экономических связей и количеством действующих институтов не наблюдается. Наличие и распространение институтов Конфуция в том или ином государстве продиктовано характером политических отношений, а также непосредственной целью проекта – формирование положительного имиджа Китая за рубежом. Так, в общем позитивный курс российско-китайских отношений создает благоприятные условия для реализации и расширения проекта на территории РФ. С другой стороны, в тех странах (США, Англия, Канада, Япония, Германия, Франция), с которыми КНР находится в состоянии информационной и периодически обостряющейся политической конфронтации, наличие большого числа институтов Конфуция является препятствием очернению образа Китая в глазах общества этих стран.

Тем не менее, несмотря на отсутствие формальных оснований считать проект формой политического давления и экспансии, на фоне роста международной напряженности, ряд стран в последние годы предприняли массовое закрытие институтов Конфуция. В частности, в марте 2021 г. 72-й по счету университет США заявил о закрытии института на своей территории. Весной 2020 г. в Швеции прекратил действовать последний институт Конфуция. Осознавая то, что проект стал заложником геополитической конфронтации, КНР приняла решение о его ребрендинге. В июле 2020 г. управление Института Конфуция было передано Китайскому международному образовательному фонду. Ранее в июне того же года Ханьбань был переименован в Центр языкового обмена и сотрудничества Министерства образования, который курирует другие международные культурные и языковые программы. Китайский международный образовательный фонд – неправительственная некоммерческая структура, учрежденная 27 университетами, компаниями и общественными организациями. Новая форма курирования проекта не позволяет критиковать институт

Конфуция за очевидное участие государства в его деятельности и свидетельствует о гибком, чрезвычайно адаптивном характере китайской мягкой силы.

Таким образом, Китай успешно реализует поставленную цель по созданию положительного имиджа за рубежом через популяризацию языка и культуры, и позиционируя себя в качестве поставщика качественных услуг в сфере высшего образования. В свою очередь, в других странах, особенно в государствах АТР, где Китай является безусловным экономическим лидером, несмотря на исторически обусловленные политические противоречия, складывается четкое представление о перспективах взаимодействия с крупным партнером. Так, в Японии китайский язык является, уступая только английскому языку, наиболее часто предлагаемым школьникам в качестве первого иностранного.

Безусловно, мировой интерес к образовательным услугам, предлагаемым КНР, обусловлен текущими экономическими достижениями и потенциалом роста с учетом очевидных целевых показателей развития, а также стабильности китайской модели сохранения преемственности политического курса. Кроме того, китайское руководство, формируя внутреннюю сплоченность нации, весьма успешно использует базовые культурно-нравственные ценности, которые во внешнем мире играют роль мягкой силы. Это является подосновой стратегии построения китайского «гармоничного общества» и концепции сообщества единой судьбы человечества в рамках нового международного «гармоничного мира». Нельзя сказать, что мир с радостью смотрит на становление китайской цивилизации в обновленном формате. КНР, осознавая это, использует все ресурсы для обеспечения своих целей развития, в том числе и в образовательной плоскости, используя образование как инструмент сохранения национальной целостности, идентичности, духовной безопасности, и одновременно как инструмент влияния на внешний мир.

Список источников и литературы

Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на саммите ООН по случаю 60-й годовщины организации на тему «Приложить усилия по созданию гармоничного мира, где будут прочный мир и совместное процветание» от 15.09.05. URL: <https://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/china050915eng.pdf>

Краснова Г.А., Краснова А.А. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов. [Электронный ресурс]/ Аккредитация в образовании: аналит. журн. 2015. № 84. URL: https://akvobr.ru/strategiya_kitaya_po_privlecheniu_inostrannih_studentov.html

2021 ARWU [Электронный ресурс] // Shanghai Ranking. URL: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2021>

Top Global Universities [Электронный ресурс] // QS World University Rankings 2021. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021>

World University Rankings 2021 [Электронный ресурс] // THE. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats

习近平谈治国理政 / 民族出版社 [Си Цзиньпин об управлении Китаем / Издательство национальных меньшинств]. 2017. 92 с.

95 所一流学科建设高校名单公布 [Опубликован список 95 университетов первоклассных специальностей.]: [Электронный ресурс] // 中国教育网 [Сеть китайского образования]. URL: https://gaokao.eol.cn/news/201709/t20170921_1555799.shtml

教育要面向现代化, 面向世界, 面向未来 [Образование должно повернуться к модернизации, к миру, к будущему]: [Электронный ресурс] // 中国共产党新闻 [Новости КПК]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0208/c69113-29066863.html>

全球网络[Сеть институтов Конфуция по всему миру]: [Электронный ресурс] // 中国国际中文教育基金会 [Китайский международный образовательный фонд]. URL: <https://www.cief.org.cn/qg>

教育数据: 2019 年全国来华留学生数据发布 [Статистика по образованию: обнародованы данные о студентах-иностранцах, приехавших в Китай в 2019 г.]: [Электронный ресурс] // 山东教育 [Образование Шаньдун]. URL: <http://www.jxdx.org.cn/gnjy/14176.html>

孔子学院助力构建人类命运共同体 [Институты Конфуция в построении Сообщества единой судьбы человечества]: [Электронный ресурс] // 理论中国[Теория в Китае]. URL: http://www.china.com.cn/opinion/theory/2018-06/22/content_52996125.htm

周玮生. 文化多样性与“孔子学院”现象 [Чжоу Вэйшен. культурное разнообразие и феномен института Конфуция]: [Электронный ресурс] // 中国改革论坛网 [Сеть китайского форума по вопросам реформ]. URL: <http://www.chinareform.org.cn/2021/0905/35276.shtml>

Влияние традиционной литературы Кореи на становление жанра *манхва*

Литература — это культурное зеркало нации. Изменяется общество, нужды народа — меняется литература, появляются новые жанры и сюжеты. Так происходило и с корейской литературой. Но старые жанры не исчезают бесследно, они, будучи важной составляющей культурной жизни нации, подстраиваются под новые реалии и продолжают оказывать существенное влияние и на современную литературу.

Исторически сложившиеся жанры корейской литературы нашли свое продолжение не только в современных новеллах и романах, но также и в произведениях под названием «*манхва*», что в настоящее время очень популярны не только среди населения Южной Кореи, но и по всему миру. Манхва (만화 /манхва/) – корейские комиксы. В корейской культуре этот термин используется также и для обозначения мультфильмов — манхваёнхва (만화영화 /манхваёнхва/) и карикатур.

Зарождение этого жанра в Корею относится к концу XIX – началу XX, когда *манхва* начали широко использоваться во многих газетах и периодических изданиях. В эпоху японской оккупации (1910–1945 гг.) большинство политических газет было закрыто, а политические и социальные карикатуры уступили место детским и юмористическим иллюстрациям, которые и послужили дальнейшему развитию жанра *манхва*. В наши дни корейские комиксы очень тесно связаны с общественной жизнью, что делает их самой популярной формой современного искусства.

Преимственность жанров традиционной литературы Кореи можно проследить в содержании историй и разделении на поджанры в *манхва*. Так, например, в «Истории корейской традиционной литературы» А.Ф. Троцевич, пишет, что с конца XIII вв. в литературе Кореи появляется жанр пхэсоль (패설 /пхэсоль/), целью которого является развлечение читателя [Троцевич, 2004, с. 65]. Пхэсоль, в отличие от исторической прозы, представляют собой небольшие юмористические рассказы [Елисеев, 1966, с. 118]. Преемником традиции этого жанра является – мёнанманхва (명랑만화 /мёнанманхва/) – юмористическую манхва. Такие произведения обычно яркие, красочные, описывающие в шуточной форме повседневную жизнь.

В XV-XVI вв. достигает расцвета жанр повести на ханмуне, в котором были представлены сатирические, аллегорические или утопические рассказы. Вслед за этими повестями появились *сосоль* (소설 /сосоль/), т.е. повести на корейском языке [Троцевич, 2004, с. 222]. Сюжетом для этих повестей служили фольклорные истории или сокращенные пересказы китайских романов. Особую популярность такие повести

¹ Научный руководитель – канд. пед. наук, доц. А. А. Ден.

имели среди женщин и низшего класса населения. Параллель этим жанрам в манхва составляют сонёнманхва (소년만화 /сонёнманхва/), аудиторией которой являются юноши от 12 до 18 лет, а сюжет обычно сфокусирован на темах мужской дружбы, товарищества, боевых искусствах, и сунчонманхва (순정만화 /сунчонманхва/), манхва нацеленная на девушек от 12 до 18 лет, главной темой которой является женский персонаж и процесс ее взросления, и становления как личности, часто все это сопровождается любовными отношениями, и в большинстве своем, сюжеты идут по одному и тому же пути развития.

С конца XVII в. возник жанр романа на корейской языке [Троцевич, 2004, с. 175]. Такие романы, как правило были написаны на хангыле, а не на ханмуне, и обладали сложным и разветвленным сюжетом. Таким романам соответствуют чхоннёнманхва (청년만화 /чхоннёнманхва/), аудиторией которой являются мужчины от 18 лет и старше, и ттакчиманхва (딱지만화 /ттакчиманхва/), т. е. приключенческая манхва. Сюжеты этих поджанров манхва отличаются реализмом. В таких произведениях меньше сцен битв и действий, и больше сцен, посвященных развитию личностей персонажей и линий сюжета.

Будучи в определенной мере преемниками традиционных жанров, манхва повторяют исторически характерные для корейской литературы сюжетные линии. В статье «Корейская средневековая повесть. Развертывание события и типы связей» А.Ф. Троцевич пишет о том, что в корейских повестях, вне зависимости от их тематики, события развертываются по схеме нарушения между высокой природой главного героя и его низким статусом, что ведет к восстановлению гармонии с помощью тяжелых испытаний героя, что в конечном итоге возносит его наверх [Троцевич, 1972, с. 53]. Так, данная схема развития сюжета особенно характерна приключенческой ттакчиманхва (딱지만화 /ттакчиманхва/), события которой могут происходить в мире фэнтези. Примером может служить манхва «Башня Бога», где у главного героя украли возлюбленную и, чтобы ее вернуть ему нужно пройти сквозь башню полную врагов, ловушек и различных испытаний.

Из всего вышесказанного можно сделать выводы, что традиционные жанры литературы Кореи не ушли бесследно в прошлое, а вместо этого их традиции были восприняты современными жанрами. То же самое можно сказать и про традиционные сюжеты: меняются места событий, главные герои, но принцип развития событий и мотивация персонажей остается прежний.

Список использованной литературы

Башня Бога (신의 탑) // Naver Series: [series.naver.com] URL: <https://series.naver.com/comic/detail.series?productNo=2140867> (дата обращения: 10.02.2022)

Елисеев Д.Д. О характере литературы пхэсоль (Предварительные соображения о возникновении художественной прозы в Корее) // Народы Азии и Африки. 1966, № 1. С. 116-120.

Намувики 나무위키: namu.wiki URL: <https://namu.wiki/w/%EB%AA%85%EB%9E%91%EB%A7%8C%ED%99%94> (дата обращения: 10.02.2022)

Намувики 나무위키: namu.wiki URL: <https://namu.wiki/w/%EC%86%8C%EB%85%84%EB%A7%8C%ED%99%94> (дата обращения: 10.02.2022)

Намувики 나무위키: namu.wiki URL: <https://namu.wiki/w/%EC%88%9C%EC%A0%95%EB%A7%8C%ED%99%94> (дата обращения: 10.02.2022)

Намувики 나무위키: namu.wiki URL: <https://namu.wiki/w/%EC%B2%AD%EB%85%84%EB%A7%8C%ED%99%94> (дата обращения: 10.02.2022)

Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 321, [3] с.

Троцевич А.Ф. Корейская средневековая повесть. Развертывание событий и типы связей // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов 5-й научной конференции (Ленинград, 1972) / ЛО ИВ АН СССР, Вост. фак-т ЛГУ. М.: ГРВЛ, 1972. С. 53–55.

Идеологи японского колониализма 1920-1940-х гг.

Японский колониализм характеризуется своей непродолжительностью по сравнению с великими колониальными империями (Испания, Португалия, Великобритания, Франция и др.), но также и своей замысловатостью. Многие философы, учёные и политики задавались вопросом, как лучше проводить колониальную политику на завоёванных или подлежащих завоеванию территориях. Это привело к появлению ряда оригинальных концепций, многие из которых не встречаются у теоретиков западного колониализма, поскольку эти воззрения исходят напрямую из традиций японской культуры. Несмотря на различия в отдельных подходах японских мыслителей, все они согласны с той или иной формой колониализма. Одни выступали за осуществление более агрессивной политики, другие поставили на первое место интересы метрополии и всех колоний, а не только японские. Подходы японских теоретиков колониализма делятся на два основных течения: консервативное и либеральное, учитывая, что их объединяло общее понимание верховенства Японии как главного проводника колониальной политики в Азии.

Окава Сюмэй 大川周明 (1886–1957) был философом и стал известен благодаря своим националистическим и ультраправым теориям. Окава основывал свои идеи на «доктрине кокутай» (яп. *кокутай-но хонги* 國體の本義) и видел необходимость вернуть японскую философию к традиционной до-мэйдзийской форме и устранить западные концепции и теории, которые теперь вошли в японскую философию в последней трети XIX столетия [Samuels, 2007].

Что касается колониализма, он считал, что военный режим как в Японии, так и в Маньчжурии поможет освободить Азию от белого империализма, в том числе и потому, что военные ценности всегда были частью японской идентичности [Britannica, 2021]. Не случайно он называет себя паназиятским идеологом, который предрекал так называемое «Фукко Адзиа» (復興亜細亞), то есть возрождение Азии. Для достижения этой цели необходимо было столкновение цивилизаций, для этого, конечно, важно, чтобы правительством управляли военные.

Нисида Китаро 西田幾多郎 (1870–1945) также был философом. Хотя его можно считать националистом, он включил идеи европейской философии в японскую, и попытался сблизить немецкую философию И. Канта с буддийской философией Махаяна, получившей широкое распространение в Китае и Японии. Однако по этой причине его

¹ Научный руководитель — к. и. н., доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ М. Н. Малашевская.

критиковали представители разных философско-политических школ: либералы критиковали его за то, что он подчёркивал превосходство японцев над другими народами, а националисты утверждали, что он «запятнал» японскую философию заимствованиями из западной философии [Suzuki, 1997]. Что касается колониализма, то он считал, что пришло время избавить Азию от европейцев. Единственной страной, способной противостоять западным державам, была, по его мнению, Япония, поэтому ей должна быть отведена ведущая роль в помощи другим странам Азии на пути к освобождению. Такое содействие он видел не в роли Японии в качестве регионального гегемона, но лидера родственных азиатских народов.

Ямагата Аритомо 山縣有朋 (1838–1922) был представителем военных кругов и поэтому поддерживал военную, силовую политику правительства, которая должна была сравниться с мощью Запада. Только таким путём, как он полагал, возможно добиться возрождения Азии и возвышения статуса Японии до мировой державы [Hackett, 1971].

Что касается колониализма, Ямагата считал, что для того, чтобы другие народы освободились от европейского колониализма и восстановили достоинство Азии, этим народам необходимо усвоить японскую культуру. Очевидно, что он рассматривал японскую культуру как эталон, поэтому принятие её духа азиатскими народами оказало бы важное влияние на их подъем и стойкую борьбу с «белым империализмом». В основе его концепции культурного превосходства Японии лежала идея о политическом лидерстве и превосходстве японского государства.

Профессиональная принадлежность Ямагата определила любопытную геополитическую идею «линии преимущества» (яп. *риэки-сэн* 利益線) и «линии суверенитета» (яп. *сюкэн-сэн* 主権線). Первая включала Маньчжурию, поскольку это позволило бы Японии чувствовать большую безопасность как в отношении внешних нападений, так и в отношении возможности внешней экспансии. Вторая включает в себя те территории, над которыми Япония имеет право властвовать, и сюда входит Корея [Beasley, 1987]. Эта концепция близка идее «границы» и «жизненного пространства» немецкого мыслителя К. Хаусхофера.

Академические круги также выдвинули свои концепции японского колониализма. Основателем первой кафедры колониальных исследований в Японии был Нитобэ Инадзо 新渡戸稻造 (1862–1933). Он придерживался скорее либеральных взглядов, но в его идеях много консервативных акцентов. Нитобэ выполнял роль дипломата, представлявшего Японию в международных организациях. Он представлял Японию в Лиге Наций и, когда Япония начала проводить ярко выраженную националистическую политику, что привело к выходу Японии из Лиги Наций, он выступил против резкого выхода Японии. В 1910 году он основал «Сёкумин гаккай» 植民学会 — Научное общество по изучению колониализма [Um, 2018].

После Первой мировой войны он понял, что международный баланс сил утрачен, поэтому предпочёл политику, ориентированную на общество, а не на государство. После вторжения в Маньчжурию он защищал позицию Японии, и с тех пор его теории

рассматривались как сочетание интернационализма и империализма. С одной стороны, он считал, что мир состоит не из отдельных стран, а из большого мирового сообщества, с которым необходимо иметь дело и работать сообща. Однако, с другой стороны, существовали государства, регионы и народы, которые не были достаточно сильны, чтобы стать частью этого международного сообщества, и по этой причине было вполне естественно, что другие страны могли завоевать и возглавить их. В его теориях значительное место занимают идеи социал-дарвинизма, согласно которым более слабые страны естественным образом обречены поддаваться институционализированному национализму более сильных стран. Это означает, что на основе стандарта цивилизации страны могут считаться равными, в противном случае возникают отношения подчинения [Peattie, 1984].

Новаторство Нитобэ повлияло на идеологию создания Восточноазиатской сферы совместного процветания, которая позволила бы другим народам под руководством Японии-лидера процветать и разделять его успехи и экономическое развитие [Um, 2017]. К таким идеям мыслитель пришёл в основном в результате событий в Корее. Корейцы не сразу смирились с японским присутствием, и это привело к нескольким протестам. Нитобэ понимал, что не только Япония имеет право извлекать выгоду из господства над Кореей, но и корейцы на своей собственной территории должны получать определённую выгоду от японского господства. Поэтому необходимо уважать местные институты и культуры.

Янайхара Тадао 矢内原忠雄 (1893–1961) представляет собой наиболее либеральное развитие идей Нитобэ. Янайхара — классический представитель академических кругов, выступал с критикой колониализма, поскольку в то время это была система эксплуатации и угнетения других народов. Янайхара использует экономические теории Смита и развивает их на основе колониализма: с одной стороны, должна существовать свободная торговля между колониями и метрополией, а с другой стороны, колониализм должен приносить экономическую выгоду как колонизирующей стране, так и колонизаторам, и жителям колоний. Фактически, он поддерживает протесты корейцев: по его мнению, Кореей, особенно в экономическом плане, должна руководить Япония, а в военных делах и внешней политике они должны иметь возможность решать сами.

По мнению Янайхара, существует два типа колониализма: «формальная колонизация» (яп. *кэйсикитэки сёкумин* 形式的植民), когда между сторонами существуют отношения господства-подчинения и только колонизирующая страна получает преимущества, и «реальная колонизация» (яп. *дзиссидзутэки сёкумин* 実質的植民), где социальные группы двух государств разделены, но уравниваются в правах [Um, 2017]. Существует разделение труда, и экономические выгоды получают обе страны, а не только колонизатор. С точки зрения Янайхара, вторая форма колониализма являлась более перспективной [Um, 2017].

Последним из колониальных академиков и, возможно, самым либеральным является Тобата Сэйити 東畑精一 (1899–1983). Он утверждал, что колонизированные страны абсолютно неправильно подвергать господству. Если целью колониализма является создание экономических преимуществ, то они должны быть не только для колонизированной страны и особенно не в политическом плане.

Он разработал теорию «региональной экономической сферы» (яп. *ко:ики кэйдзайкэн* 広域経済圏), в которой все страны работают сообща в деле строительства общей экономики, существует равенство и возможность политического самоопределения. По мысли Тобата, колониализм, по сути, является экономическим вопросом, политические вопросы должны быть отложены в сторону, а другие страны должны иметь возможность самоопределиться.

Колониализм делится на две фазы: сёкумин (植民) и сёкукин (植金). Сёкумин — это движение людей, труд и открытость друг другу. С другой стороны, сёкукин ставит перед собой конечную цель: экономическая помощь колониям без эксплуатации. Речь идёт не о господстве, а о «перемещении капитала», на самом деле иероглиф «сёкукин» буквально это означает.

В качестве обобщения можно сказать, что выделяются два главных направления с определёнными нюансами: консерваторы и либералы. Иногда сливаются, а иногда являются противоположностями. В истории японского колониализма сначала предпочтение было отдано консервативному подходу, основанному на превосходстве Японии и необходимости доминировать не только для получения экономической прибыли, но и для политической защиты от внешней агрессии. Более либеральный поворот наступил позже, и это фактически воплотилось в создании «Великой восточноазиатской Сферы совместного процветания» (яп. *дайтo:a кё:эйкэн* 大東亜共栄圏), которая предусматривала экономический союз, хотя, в нём также присутствовали элементы политического и культурного доминирования Японии над странами Азии [Beasley, 1987].

Можно легко сказать, что существует чёткое разделение на «хороших и плохих», то есть на либералов и консерваторов. Но это было бы не совсем правильно, потому что японский колониализм, несмотря на жестокость и агрессивность, с которой он осуществлялся, никогда не был нацелен на разрушение других народов. Даже если очень многие консерваторы не могли представить себе идею о том, что колониализм может быть именно способом совместного процветания, а не политикой, ориентированной только на Японию.

Вывод заключается в том, что, хотя их мнения можно разделить на два направления, они были едины в том, что колониализм был важным этапом в истории современного развития Японии. Конечно, могли быть и противоположные голоса, но в конечном итоге все те, кто реально влиял на течение мысли в Японии того времени, согласились с развитием колониальной экономики.

Список литературы

- Beasley W. G. Japanese Imperialism, 1894-1945. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia. “Ōkawa Shūmei”. Encyclopedia Britannica, 20.12.2021, <https://www.britannica.com/biography/Okawa-Shumei>. (дата обращения: 04.01.2022)
- Hackett R. F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838-1922. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
- Matsusaka Y. T. The Making of Japanese Manchuria, 1904-1932. Cambridge: Harvard University Press, 2001.
- Myers R. H. Peattie M. R. The Japanese Colonial Empire, 1895-1945. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Samuels R. J. Securing Japan: Tokyo’s Grand Strategy and the Future of East Asia. Cornell University Press, 2007.
- Shimizu K. Do Time and Language Matter in IR?: Nishida Kitaro’s non-Western discourse of philosophy and politics. *The Korean Journal of International Studies*, V.16, № 1, 99-119. 2018.
- Suzuki S. Nishida Kitarō as vitalist, part 1 – The ideology of the imperial way in Nishida’s *The problem of Japanese culture* and the symposia on “The world-historical standpoint and Japan”. *International Research Centre for Japanese Studies, National Institute for the Humanities: Japan Review*, № 9, pp. 87-108. 1997.
- Tanaka S. Nitobe Inazo and Korea. *Hokudai Economic Papers*, 10, 50-67. 1980.
- Um S. J. Japanese Colonial Policy Studies, 1909-1945: Nitobe Inazō, Yanaihara Tadao and Tōbata Seiichi. East Lansing: Michigan State University, 2017.

Болотова Анна Андреевна
студентка 2 курса бакалавриата
«Зарубежное регионоведение» СПбГЭУ¹

Роль игорного бизнеса в современной экономике Макао

Специальный административный район (САР) Макао — это уникальный пример того, как игровой бизнес стал неотъемлемой частью экономики региона. САР Макао занимает особое место в экономике КНР — уже более 300 лет этот город известен как “Восточный Монте-Карло” или “Восточный Лас-Вегас”. В настоящее время игровая индустрия является основой экономики Макао. Так, в 2009 году налог на игорный бизнес дал рекордные 70% от общего объёма налоговых поступлений Специального административного района Макао. За последние десять лет валовой доход от игровой индустрии Макао даже превысил доходы Лас-Вегас-Стрип, тем самым позволив Макао занять позицию крупнейшего мирового игорного центра. Несомненно, игорная индустрия Макао столь успешна не только благодаря оказываемой государственной поддержке, но и долгой исторической традиции развития азартных игр в самом Макао.

Начало развития игровой индустрии Макао восходит к XVI в., к временам, когда Макао впервые открыл свою гавань для европейцев. В то время азартные игры были особенно популярны среди строительных рабочих, эмигрировавших из материкового Китая, портовых работников и домашней прислуги. Подобное подпольное положение сохранялось вплоть до середины XIX в. — как и китайцы, так и португальцы, представлявшие все слои общества, охотно проводили свои вечера за азартными играми, на территориях как под китайской, так и португальской юрисдикцией. Первые попытки легализации игорного бизнеса в Макао состоялись после перехода Гонконга под британскую юрисдикцию и потери позиций Макао как основного регионального порта. В результате подобных реформ, уже к концу XIX в. игровая индустрия стала сверхприбыльной, тем самым сделав налог на азартные игры основной сферой дохода Макао при португальском, а в последствии и при китайском руководстве. Несомненно, проведённая легализация не была лишена недостатков — с самого начала официальной работы, игорными домами управляли в основном сообщества криминальных триад, часть из которых впоследствии частично легализировала свой бизнес став «Королями Азарта» — владельцами наследственных игорных монополий, которые не только имели связи с ключевыми личностями китайской истории, такими как Сун Ятсен и Лоу Лим-лок, но и активно влияли на политику и экономику Макао².

Японское вторжение в Китай в 1937 г. нарушило привычную жизнь Макао и стало одной из причин формирования новой схемы взаимодействия государства и игорных

¹ Научный руководитель — канд. геогр. наук, доцент И. Г. Лимонина.

² Wai Lim Li. The History of Gambling in Hong Kong and Macao. Australia, Deakin University, 2016. P. 5–25.

домов. Была создана система так называемых концессий – формы государственно-частного партнёрства, при котором владелец концессии наделялся монопольным правом на проведение азартных игр на территории своих заведений. Владелец концессии имел право управлять всеми типами одобренных игр в казино, обязываясь ежегодно выплачивать колониальному правительству 800 000 патак Макао в качестве налогов.

Легальный статус игорного бизнеса, роскошь и разнообразие игр привлекли новый поток туристов из Гонконга и материкового Китая. В дополнение к самим играм игроки могли наслаждаться бесплатными сигаретами, фруктами, едой и китайскими оперными представлениями, предоставляемыми игровыми операторами. Азартные игры из нелегального, преследуемого занятия, преобразовались в допустимый культурно-развлекательный институт, вместе с которым развивались как международный туризм, так и внутренняя инфраструктура Макао. Выдача документов-концессий и де-факто легализация деятельности уже сформировавшихся монополистов игорного рынка стала причиной активного развития как игорного бизнеса, так и смежных сфер культурного туризма. Подобные тенденции были характерны и для послевоенного периода. Так, в 1961 г., губернатор Хайме Сильвери Маркес объявил Макао регионом с низким налогообложением и предложил стратегическое развитие Макао в качестве игрового туристского центра. Правительство сделало ставку на эти две отрасли, прежде всего, из-за нехватки природных ресурсов для развития других отраслей. В том же году, до истечения действия предыдущей концессии монополиста «Тай Хэнг», губернатор Маркес издал Законодательный акт № 1496, который открыл торги на проведение «игр удачи». Согласно новым правилам, любые компании, которые намеревались участвовать в торгах, должны были соблюдать следующие условия:

1) Компания, выигравшая торги, должна заплатить налог на азартные игры в размере не менее 3 миллионов МОР ежегодно португальскому правительству Макао, с дополнительным налогом в размере 5 % для Резервного фонда департамента туризма и дополнительный 1 % налога для Фонда взаимной поддержки государственных служащих;

2) Победитель должен был построить новое казино и роскошный отель в течение трех лет после победы в тендере;

3) Заключённое концессионное соглашение должно продлиться не более 8 лет. По истечению срока его действия, все объекты должны быть безоговорочно переданы правительству, а затем новому победителю торгов.

В борьбе за тендер участвовали две компании — бывший владелец концессии «Тай Хэнг» и новая компания, совместно созданная рядом крупных владельцев игорных домов Общества туризма и развлечений Макао (Sociedade de Turismo e Diversões de Macao или Macau Tourism and Entertainment Co., Ltd., далее STDM). Неожиданно, победа досталась новичку на рынке 1962 г., однако с тех пор STDM доминирует на игровом рынке Макао уже более 40 лет. Показательно и то, что в последние несколько

десятилетий XX в. доля общих налогов внесённых STDM в бюджет Макао в последние годы португальского господства, превышала половину всех налоговых доходов САР³.

Таким образом, в результате реформ и развития экономики, САР Макао успешно нашёл свою «нишу» в мировой экономике. Туризм, игорный бизнес, индустрия развлечений, торговля и смежные сферы деятельности традиционно выступают как в роли основных «работодателей» в САР, так и в качестве основных источников налоговых поступлений. Однако, подобная узкая специализация обрекает Макао на риск падения уровня развития экономики. Низкая диверсификация доходов САР беспокоит как власти самого Макао, так и правительство в Пекине, которое рассматривает Макао в качестве самого успешного субъекта применения политики «Одной страны, двух систем». С момента передачи под юрисдикцию Китая в декабре 1999 г., экономика САР Макао уже успела пережить не одно потрясение. Экономические кризисы мирового и регионального масштаба достаточно сильно повлияли на экономику САР вследствие её постиндустриального характера. Передовые отрасли экономики САР – туризм, игорный бизнес и торговля стали первыми терять свои доходы при формировании любой кризисной ситуации в регионе или в мире. Так во время пандемии COVID-19 закрытие границ, проблемы с международными и внутренними поставками и ввод ограничений привели к крупному кризису в САР в 2020 г., снизив рост ВВП САР до исторического минимума. Однако, даже при отсутствии роста ВВП, для Пекина Макао, прежде всего, остаётся стабильным налогоплательщиком, растущим финансовым центром и удобной площадкой для транзитной торговли и инвестиций. Даже в кризисные годы объем инвестиций в Макао превышает как государственные, так и частные расходы, а в периоды роста и стабильности, показатели ВВП Макао в текущих ценах демонстрируют высочайший уровень чистого внешнего спроса⁴.

В качестве площадки для инвестиций Макао занимает лидирующие позиции среди регионов Китая. Наибольший объем иностранных инвестиций приходится на акции игорной индустрии, акции торговых компаний и акции банковского сектора, в то время как меньше всего иностранные инвесторы покупают акции гостиничной индустрии. На 2019 год среди самых крупных инвесторов в экономику Макао лидирующие позиции занимают Британские Виргинские острова, САР Гонконг и Каймановы острова. Инвестиции «материкового» Китая находятся только на четвёртом месте среди всего объёма вложений. Британские Виргинские острова (БВО) – это одна из крупнейших оффшорных зон в мире, в которой отсутствует налогообложение, нет требований к сдаче финансовой отчётности и максимальна конфиденциальность, где

³ 澳門特別行政區政府博彩監察協調局 历史 / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dicj.gov.mo/web/cn/history/index.html>.

⁴ Yearbook of Statistics 2021 Government Information Bureau of the MSAR 澳門特別行政區政府 統計暨普查局 [Электронный ресурс]. URL: <https://yearbook.gcs.gov.mo/zh-hant/>.

информация об акционерах, директорах и бенефициарных владельцах компании является закрытой. Таким образом, САР Макао и БВО выступают в роли транзитных территорий для скрытых и опосредованных инвестиций в «материковый» Китай. Подобная система инвестиций сохраняет тайну личности акционеров, решивших скрыть свои инвестиции в Китай по политическим, экономическим или иным причинам. Несомненно, значительный объем инвестиций со стороны небогатых Каймановых и Бермудских островов прежде всего обуславливается популярностью данных территорий в роли оффшорных центров.

В качестве торгового порта САР Макао представляет собой одну из основных точек импорта во всем Китае. Основными импортируемыми товарами Макао являются продукты питания и напитки, золотые украшения, мобильные телефоны, часы, транспортные средства, обувь и портативные компьютеры. Крупнейшим партнёром Макао является материковый Китай (около 43% импорта). В роли основных партнёров по экспорту Макао выступают Гонконг, Франция, Италия, Швейцария, Япония, Соединённые Штаты, Тайвань, Сингапур и Германия. Несомненно, значительные показатели импорта и огромные суммы иностранных и внутренних инвестиций доказывают эффективность экономической системы Макао, однако они не отображают её уникальность. Прежде всего современный экономический успех САР связан с развитием и реформы системы концессий в игорном бизнесе.

После возвращения Макао в 1999 году под китайскую юрисдикцию, первый исполнительный директор САР Эдмунд Хо Хау Ва решил внести изменения в предыдущую монополистическую систему игровой индустрии. Первоочередной целью нового правительства было привлечение как китайских, так и иностранных инвестиций в экономику новоприбывшего САР. Для этого правительством была создана Международная консалтинговая ассамблея для планирования будущего игровой индустрии. В результате действий ассамблеи количество заключаемых концессий на проведение азартных игр увеличилось с одной до трех. Представители комитета полагали, что увеличение количества концессий положительно повлияет на экономику региона. С данной целью они изменили требования к желающим получить концессию:

- 1) Базовый капитал кандидата должен быть не менее 200 млн МОР.
- 2) Исполнительный директор кандидата должен быть постоянным резидентом САР Макао и владеть не менее чем 10% всего капитала.
- 3) Проекты развития или иные виды улучшений в игорном бизнесе должны производиться с участием компаний-партнёров из САР Макао.
- 4) Владелец концессии обязан ежегодно выплачивать 35% от своего дохода в качестве налога на азартные игры, дополнительно выплачивать 2% от своего дохода на благотворительность, 3% от дохода должно идти на городское развитие и 5% - на продвижение туризма в Макао.

Помимо того, что новые условия получения концессий обязывали игорные предприятия выплачивать 45 % своих доходов в виде налогов, они также предоставляли

приоритет их обладателям на торгах земельными участками для всех видов строительства, связанных с азартными играми. Данные изменения вошли в силу в 2001 году, став причиной активных иностранных инвестиций - они способствовали появлению крупных иностранных игроков на рынке Макао, преимущественно связанных с американским игорным бизнесом. Несмотря на ограничение количества концессий, холдинги SJM (Макао), Galaxy (Гонконг) и Wynn Resorts (Лас-Вегас) предприняли меры для расширения количества владельцев, сформировав субконцессии с рядом иностранных компаний – Galaxy с базирующейся в Лас-Вегасе Venetian Group, SJM с американской MGM Grand Paradise, S.A и Wynn Macao с австралийской компанией Melco PBL Jogos. Таким образом, сформировался современный рынок игорного бизнеса Макао с крайне высокой долей иностранного капитала. Условным лидером на рынке, третьим победителем тендера и первым получателем концессии остаётся компания SJM, бывшая STDM переименованная в феврале 2002 года. По состоянию на декабрь 2021 года SJM владеет 22 казино и 4 отелями в Макао, оставаясь единственным владельцем концессии родом из самого Макао. По состоянию на декабрь 2021 г., рыночная капитализация SJM Holdings составляла 31,70 млрд HKD, себестоимость холдинга — 11,3 млрд долл., в компании работало 20 600 человек, а её доход оценивается в 2,61 млрд USD. Несмотря на то, что с 2002 г. и произошли серьёзные изменения в законодательстве, регулирующем игровой бизнес, SJM остаётся доминирующим игроком среди трех (фактически, шести) владельцев концессий. Следовательно, частичная либерализация игровой индустрии способствовала дальнейшему экономическому развитию Макао и помогла упрочить роль SAR в качестве одного из важнейших игроков мировой индустрии игр и туризма.

Анализ структуры ВВП SAR Макао также указывает на ключевую роль игровой индустрии в структуре ВРП региона, особенностью которого является отсутствие первичного сектора экономики, незначительная роль вторичного (около 4,5%) и основная роль третичного сектора (более 90%)⁵. Дальнейший анализ структуры ВРП показал, что игровой бизнес и связанные с ним индустрии рекреации и туризма отвечают за половину ВРП Макао. Далее по значимости следуют недвижимость (9,15% от ВРП), торговля (5,6%), финансы (5,5%) и гостиничная индустрия (4,6%). Подобная структура ВРП характерна для Макао на протяжении всего периода своего существования в качестве части КНР. Игровой бизнес и связанная с ним индустрия рекреации и туризма, составляет около половины ВРП Макао, а по данным WTTC, с учётом мультипликативного эффекта, более 85%. На декабрь 2021 г. в Макао насчитывалось 42 казино, а 91% всех занятых резидентов Макао работали в игорном бизнесе и туризме. В доковидный период (2018–2019 гг.) туристы в Макао потратили 69 687 млн и 64 077 млн. МОР соответственно. В экономике SAR отчётливо заметны не только тенденции роста роли игровой индустрии в экономике региона, но и предельно

⁵ Macao Yearbook 2021 Government Information Bureau of the MSAR [Электронный ресурс]. URL: <https://yearbook.gcs.gov.mo/zh-hant/>.

низкий уровень диверсификации доходов. Налог на игорный бизнес в Макао составляет 39%, при достаточно низком общем корпоративном налоге в 12%. Расчёт индекса налоговой нагрузки показал тренд снижения налоговой нагрузки при росте выручки с 2015 г. Однако, пандемия COVID-19 существенно повлияла на экономику Макао. Так индекс Рязцева 1,04 показал изменение структуры экономики региона на полностью противоположную и это прежде всего было обусловлено закрытием границ и общим локдауном, который резко снизил роль игорного бизнеса в экономике Макао.

Однако не только пандемия COVID-19 внесла изменения в развитие игорного бизнеса Макао — так осенью 2021 г. представители владельцев концессий встретились с правительством КНР для обсуждения возможности изменений в условиях работы игровых операторов. Со стороны министерства экономики и финансов прозвучало много предложений по дальнейшему развитию игорного бизнеса, однако главной проблемой была обозначена слишком высокая доля иностранного присутствия в игровой индустрии Макао и потенциальной опасностью инвестирования в предприятия игровых гигантов, напрямую связанных с США. Также, государственные представители выразили обеспокоенность отсутствием должного государственного регулирования индустрии. Однако большинство новых предложенных мер по регулированию игорного бизнеса со стороны правительства КНР не было приведено в действие, так как негативная реакция фондовых бирж и ответ рынка показал министерству экономики, что игорный бизнес Макао не готов к масштабным изменениям.

Для выявления тенденций развития игорного бизнеса в Макао был проведён SWOT-анализ. По результатам SWOT-анализа в числе сильных сторон индустрии игорного бизнеса Макао можно выделить: наличие традиций эффективного управления игорным бизнесом, репутация Макао как уникальной дестинации, лояльность рынка, низкая конкуренция. Слабыми сторонами являются: постоянная критика индустрии в связи с криминальным прошлым, зависимость от экономической и эпидемиологической обстановки в регионе и мире, высокие налоги, монополизация рынка. В числе возможностей для игровой индустрии Макао: быстрое восстановление после пандемии COVID-19, открытие новых казино на острове Тайпа, развитие смежных направлений туризма. Угрозами для отрасли могут быть: нарастание напряжения во взаимоотношениях США и КНР, снижение инвестиционной привлекательности, усиление государственного регулирования, частичная национализация. Следовательно, нарастание конфликта владельцев концессий и государства кажется неизбежным. Подобная конфронтация сулит экономике САР Макао большие перемены, результат которых будет известен только со временем.

Бурсакова Дина Дмитриевна
студентка 4 курса Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета¹

Синтез японских и западных мотивов в научно-фантастической антиутопии Унно Дзюдза «Музыкальная ванна в 18:00»

Среди писателей, появившихся в начале периода Сёва, 30-е годы прошлого столетия, особое место занимает Унно Дзюдза (Дзудзо) 海野十三 (1897–1949), который считается одним из отцов-основателей японской научной фантастики. В данной статье мы рассмотрим основные мотивы и специфику антиутопической научно-фантастической повести Унно Дзюдза «Музыкальная ванна в 18:00», а именно интеграцию японских и западных мотивов на фоне актуального для японской литературы периода Сёва научно-фантастического бэкграунда. Так как ранее повесть не переводилась на русский язык, мы выполнили перевод избранных глав «Музыкальной ванны», все цитаты из оригинального текста будут приведены в нашем переводе.

В качестве теоретической базы для написания статьи мы использовали работы отечественных, англоязычных и японских исследователей, например М. С. Эверстова, Nakamura Miri, Matthew Robert и Симидзу Ёсинори. Биографический метод мы используем для рассмотрения специфики повести через биографию ее автора, а сравнительно-исторический метод – для сравнения черт западной и японской научной фантастики в исследуемой нами повести.

Молодой писатель Сано Сёити 佐野昌一, который позднее возьмет себе псевдоним Унно Дзюдза, дебютировал в 1928 году в набирающем популярность научно-фантастическом журнале *Синсэйэнэн* 新青年 (букв. «Новая молодежь») с рассказом «Таинственная смерть в электрической ванне» в 1928 г. Электротехническое образование позволило ему интегрировать в свои истории передовые для того времени технологии, а также грамотно разрабатывать вероятные технологии будущего. Согласно японскому исследователю Симидзу Ёсинори, Унно Дзюдза начинал с детективных рассказов с элементами научной фантастики (например, «Демон вибраций» 1931 г., сюжет которого строился вокруг изошренного убийства с помощью необычных свойств звукового резонатора), а позже, переняв дух времени и впитав в себя все актуальные тенденции зарождающегося жанра, перешел к амбициозным антиутопическим научно-фантастическим повестям и романам [Симидзу Ёсинори 2013: 276].

Одним из самых знаменитых произведений Унно Дзюдза является социальная антиутопия «Музыкальная ванна в 18:00» (яп. *Дзю:хати дзи-но онгаку ёку* 十八時の音楽浴) 1937 года. В этом произведении, написанном за 12 лет до знаменитого романа-антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла, Унно Дзюдза изобразил деспотичное

¹Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент кафедры востоковедения Н. В. Кутафьева.

государство, управляющее сознанием своих граждан посредством особых акустических вибраций.

1930-е годы, время написания повести, были в Японии эпохой усиленной модернизации, а также военной экспансии в Китай и образования марионеточного государства Маньчжоу-Го (Маньчжурия), поэтому неудивительно, что «Музыкальная ванна» стала язвительным сатирическим ответом на милитаристическую пропаганду в преддверии второй мировой войны. Однако под видом злободневной антиутопии, включающей элементы модного жанра научной фантастики, и написанной в ответ на разрастающуюся тенденцию привлечения писателей на службу государственной пропаганде скрываются глубокие размышления автора о технологическом будущем, о взаимоотношении государства и индивидуума, работа и человека, востока и запада.

Западные мотивы

1. Черты антиутопии

Так как жанр научно-фантастических антиутопий непосредственно связан с изучением социального устройства, на фоне продвинутых технологий будущего перед персонажами встают старые проблемы выбора пути, дихотомии добра и зла. Бесспорно, это произведение, написанное за десятилетия до пика популярности антиутопий на западе, является научно-фантастической антиутопией, что подтверждает наличие характерных для этого жанра элементов.

Российский литературовед М. С. Эверстов, описывая жанр антиутопии на примере творчества братьев Стругацких, среди черт, отличающих данный жанр, называет: **изолированность места действия** для защиты построенного государственного порядка от влияний извне и упрощения манипуляций человеческим сознанием; мотив **строгой регламентации жизни граждан**, без которого невозможна реализация следующих мотивов: мотива **навязанного счастья**, насаждаемого небольшой группой людей, и мотива **единовластия** [Эверстов 2015b: 55–56]. М.С. Эверстов утверждает, что образ единовластия в антиутопии отличается такими характеристиками, как подавление индивидуального, насаждение двоемыслия, ложь как основа института власти и политика страха [Эверстов 2015a: 82].

И хотя в некоторых антиутопиях диктаторы поддерживают свою власть за счет государственной пропаганды, агитационных плакатов, аппарата внушения и тайных служб (например, Большой брат из «1984» Джорджа Оруэлла), в других антиутопиях единовластие применяет **передовые научные достижения** для контроля над человеческим сознанием. Нередко в качестве научного открытия, служащего в руках властей во зло выступают различные средства одурманивания человеческого сознания — от пилюль-транквилизаторов из «Дивного нового мира» Олдоса Хаксли до наркотика «слега» и звуковых стимуляторов «дрожек» из «Хищных вещей века» и вышек из «Обитаемого острова» братьев Стругацких.

Все эти черты прослеживаются и в «Музыкальной ванне». Унно Дзюдза помещает действие повести в отдаленное будущее, когда после масштабной войны земная поверхность стала непригодной для жизни, и выжившим людям пришлось скрываться под землей, где президент Мируки организовал милитаристическое государство Мируки, которое практически **не контактирует с внешним миром**. Деспотичный президент Мируки, опираясь на научные изыскания профессора Кохаку, манипулирует сознанием граждан за счет последних **научных достижений** (музыкальных ванн), и создает **идеальных, здоровых и счастливых граждан**, которые усердно трудятся, не тратя свое время на вредные привычки, вроде курения и употребления алкоголя. Сексуальные отношения обесценены, детей заводят лишь с особого предписания от государства, взрослые люди хранят мягкие игрушки, чтобы компенсировать отсутствие детей, и единственной целью в жизни для них становится работа.

2. Параллели с антиутопиями братьев Стругацких

Мотив подавления государством своих граждан, навязанного счастья проходит через повесть «Обитаемый остров» 1969 года, где тоталитарным государством управляет маленькая группа Неизвестных Отцов с помощью «вышек» – приборов, замаскированных под орудие противовоздушной обороны, и оказывающих влияние на оценку населением окружающего мира.

Согласно М. С. Эверстову, вышки из «Обитаемого острова» также создают вспышки патриотизма, и служат для обнаружения теоретических оппозиционеров, у которых иммунитет к прибору» [Эверстов 2015b: 57]. «Неизвестные отцы используют дьявольские волны, способные воздействовать на психику человека...» [Шестопапов 1990: 476]. Любопытны образы «дрожек» и «слега», во многом напоминающие «Музыкальную ванну» появившийся в повести «Хищные вещи века» 1964 г. Герой ложится в теплую ванну, и, поставив «слег» в радиоприемник, переживает острейшие ощущения на грани бессознательного. После такой ванны окружающий мир кажется пресным и неинтересным, так что звуковые колебания здесь во многом выполняют ту же самую функцию, что и Унно Дзюдза за десятилетия до написания «Хищных вещей». И, хотя «Музыкальная ванна» не переводилась на русский язык, Аркадий Стругацкий был японистом и переводчиком с японского языка, так что нельзя исключать, что он прочел антиутопию своего японского коллеги в оригинале.

3. Параллели с произведениями Герберта Уэллса

Мотив инопланетной угрозы, для борьбы с которой человечество должно сплотиться, пришел в научную фантастику из творчества английского фантаста Герберта Уэллса, переводами работ которого на японский занимался в начале своей писательской карьеры сам Унно Дзюдза. Однако японский фантаст развивает тему противостояния землян и марсиан, например, в романе «Марсианские войска» 1939–1940 гг., он меняет роли колонизаторов и местных жителей, так как сюжет романа строится вокруг падения на Землю кометы, которая вынуждает землян завоевать Марс

чтобы добыть себе пространство для жизни. Под жадной колонизации соседних планет приводится аллегория кризиса ресурсов на Земле.

В изучаемой нами повести такой резкой смены ролей нет, однако если у Герберта Уэллса земляне могли дать отпор инопланетным захватчикам, то жители страны Мируки, одурманенные музыкальными ваннами, бессильны перед лицом врага, и на защиту планеты героически встает профессор Кохаку с войском прекрасных антропоморфных роботов, во многом превосходящих апатичных граждан Мируки. Унно Дзюдза сомневается в том, что в мире, где победу одержали бескорыстные, умные, прекрасные, как Мона Лиза, андройды, останется место для обычных людям.

Японская специфика «Музыкальной ванны»

Помимо характерных для зарождающегося жанра антиутопии черт и интерпретированных мотивов западной литературы Унно Дзюдза включает в свою повесть вещи, которые отличают «Музыкальную ванну» от любого западного произведения жанра и приносят японский колорит. В то же время повесть иллюстрирует ситуацию, происходящую в социальном, литературном, политических кругах в стране в 1930-е гг. Так, например, Унно Дзюдза включает в свою повесть популярные в научно-фантастических кругах Японии эпохи Сёва футуристические технологии и «искусственных людей».

1. «Искусственные люди»

В повести присутствуют футуристические технологии, например, видеофон, космические корабли, операции по смене пола, что является новаторством, учитывая время написания — 1937 год [Matthew 1989: 23]. Унно Дзюдза, по мнению Сьюзан Напьер, сравнивал природу науки с двуликим Янусом: «Сейчас такое время, когда люди одновременно осыпаны благословениями науки и живут в страхе перед угрозой ее кошмаров» [Susan Napier 2005: 220].

И если музыкальные ванны можно отнести к категории «кошмаров», то роль «благословения» в этой повести, бесспорно, играют «искусственные люди» (яп. *дзиндзо*: *нингэн* 人造人間), антропоморфные роботы. Слово «робот» впервые вошло в японский лексикон в 1923 г., с переводом пьесы чешского драматурга Карела Чапека R.U.R «Россумские Универсальные Роботы», данный термин автор произвел от чешского слова «*robot*» — «повинность», основным значением которого является крепостной и рабский труд. Пьесу с восторгом восприняли японские читатели и вскоре авторы научной фантастики популяризировали тему роботов в своих произведениях.

Японский исследователь Накамура Мири подчеркивает, что ранние японские «роботы» не были неуклюжими оловянными человечками, а скорее, они напоминали современных андроидов, с телами, не отличимыми от человеческих [Nakamura 2002: 24].

Именно этих героев, антропоморфных роботов, созданных по образу человека, но лишенных его недостатков, Унно Дзюдза противопоставляет загнанному под землю, «зомбированному» музыкальными ваннами пассивному человечеству. Во многом

«искусственные люди» напоминают репликантов из романа «Мечтают ли андроиды об электроовцах» Филипа Дика, экранизация которого получила название «Бегущий по лезвию». Они также во многом превосходят своих создателей, и поэтому те стремятся их подчинить своей воле, а непокорных уничтожить. Однако Филип Дик написал свою версию взаимоотношений людей и очеловеченных машин только в 1968 г., спустя десятилетия после Унно Дзюдза.

2. Футуристические технологии

Иные футуристические технологии, фигурирующие в повести, — это, бесспорно, сами «музыкальные ванны», кресла, на которые посредством особых звуковых вибраций передается зомбирующий 39-й гимн Мируки. Люди, подвергающиеся такой процедуре в течении часа музыкальных ванн, становятся патологически работоспособными, здоровыми, и, конечно, идеологически верными государству Мируки.

Унно Дзюдза писал: «Я предполагаю, что в будущем изобретут научные средства, с помощью которых можно будет контролировать и подчинить себе человеческую волю». Он полагает эти средства более коварными и опасными, чем нередко появляющиеся в фантастике секретные смертельные лучи [Унно Дзюдза 1990: 10].

Ретрофутуристические технологии, вроде видеофонов, телевизорных экранов слежения, пронизывают всю повесть. Любопытно также указать что автор, предвосхищая свое время, выводит в повести персонажа, который провёл себе операцию по смене пола,

3. Восточный символизм

Унно Дзюдза проводит параллель между социальным устройством государства Мируки и устройством пчелиной колонии. Пэн и Пол в третьей главе лакомятся мёдом, первая леди государства за провокационным ужином с профессором Кохаку поедает пчелиные личинки. Любопытно, что тема меда и пчел возникает, когда один персонаж пытается раскрыть глаза другому на ужасы тоталитарной системы и склонить его к неподчинению. Это неслучайно, так как в буддистской философии мед — символ возрождения, очищения.

4. Нумерология

В этой антиутопии, как и в восточной культуре в целом, числа несут в себе большую смысловую нагрузку. Начиная от числа «18:00», вынесенного в название повести, и заканчивая демоническим гимном №39, который транслируется во время «промывки мозгов».

Р. Мэттью предполагает, что государственный гимн №39 и сама концепция музыкальных ванн может рассматриваться как сатира на спонсируемые правительством патриотические песни, бум популяризации которых охватил Японию в 1930-х годах [Matthew 1989: 24].

18:00 укладывается в «час петуха» по восточному отсчету времени, «стражам», заимствованному японцами из Китая, а именно в промежуток с 17:00 до 19:00. Если

обратить внимание, многие события в повести происходят именно в этом временном промежутке (сами «музыкальные ванны», встреча профессора Кохаку с первой леди, диалоги между аспирантами Пэном и Розой и т. д.). Поздние фантасты, как и Унно Дзюдза, будут использовать в произведениях китайский отсчет времени в «стражах», например, И. А. Ефремов в романе «Час быка» в 1960-х. Согласно представлениям древних китайцев, час петуха в системе «Земных ветвей» соответствует девятому лунному месяцу и часу, когда солнце скрывается за горизонтом, а также символизирует запад.

«В прошлом 19:00 означало всего лишь семь вечера, но в этой стране, погребенной под землей, люди не знали ни рассвета, ни заката, и вся их жизнь проходила при искусственном освещении» [Унно Дзюдза 1990].

Полемика востока и запада

Есть предположение, что государство Мируки — это вероятное будущее деградировавшей в условиях постапокалипсиса Японии, когда японцы утратили то, что делало их отличными от милитаристического Запада. Граждане страны восходящего солнца проводят всю жизнь под землей, не видя солнца, вместо традиционных обычаев исполняют безликие западные, памятники прошлого утрачены, попорчены концепции восточной философии, институт семьи обесценен, пристрастие к предметам старины сохранил лишь диктатор Мируки, а свойственный нации трудоголизм возведен в абсолют.

Прозападный активный образ жизни, который насильно насаждают «музыкальными ваннами», противопоставляется исконным концептам японского созерцательного взгляда на жизнь (*фу:рю:*). В стране Мируки эстетика мелочей, сострадание к вещам и предметам (*моно-но аварэ*) уступили место практичности безликих штампованных вещей.

Вероятный путь решения по Унно Дзюдза — это роботизация, совершенствование технологий, которые позволят людям вырваться из оков тоталитарного мира и совершенствоваться. Превосходство интеллектуально развитых искусственных людей над недалёковидными политиками становится очевидным.

Таким образом, мы можем утверждать, что Унно Дзюдза написал многоплановое научно-фантастическое произведение, в котором он не только предвосхитил появление западных антиутопий Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли и Рэя Бредбери, живописал окружающую действительность и тяжелое положение страны в 30-е годы, но и внес ряд гипотез о построении будущего Японии с развитыми технологиями. Автор исследовал проблему человечности в мире, где существуют антропоморфные роботы, которую через десятилетия после него поднимут американцы Филип Дик и Айзек Азимов. Унно Дзюдза не только уловил тренды научной фантастики своего времени, но и рассмотрел социальные темы, фантастику внутреннего космоса, как это сделают писатели «Новой волны» в 50-е годы.

На могильной плите Унно Дзюдза высечены слова, которые стали его своеобразным литературным кредо. Они раскрывают суть научной фантастики XX в. и во многом перекликаются с идеями, высказанными и в «Музыкальной ванне»: «Все человечество купается в благах, предоставляемых наукой, но в то же время ему угрожает ночной кошмар об ужасах науки. Мы одержимы наукой, сочетающей в себе противоположности: пользу и преследование, Бога и дьявола. И почему бы веку науки не стать веком научной фантастики?» [Унно Дзюдза 1988: 330].

Список источников и литературы

Шестопалов О. Тридцать лет спустя. Послесловие к фантастическим Повестям «Хрошая судьба», «Хищные вещи века». М.: Книга, 1990. 480 с

Эверстов М.С. Трансформация мотива единовластия в романе «Обитаемый остров» Аркадия и Бориса Стругацких/Вестник СамГУ, 2015. 4 с.

Эверстов М.С. Мотив социального подавления в романах-антиутопиях Стругацких. 2015. С. 55-60. URL: <https://rucont.ru/efd/375620> (дата обращения 17.03.2022)

Симидзу Ёсинори. Гакко-дэ ва осиетэ курэнай нихон бунгакуси [学校では教えてくれない日本文学史]. История японской литературы, которую не преподают в школе. Киото: Кабусикигайсякэнкю:дзё. 2013. 281 с.

Унно Дзюдза. Дзю:хатидзи-но онгаку ёку [十八時の音楽浴]. Музыкальная ванна в 18:00. Токио: Хайгавасёбо: 1990. 36 с.

Унно Дзюдза. Дзю:хатидзи-но онгаку ёку-но сакка-нокотоба [十八時の音楽浴の作者の言葉]. Слова автора «Музыкальной ванны в 18:00». Токио: Саниъити Сёбо, 1991. С.5.

Унно Дзюдза. Унно Дзюдза дзэнсю: дай кю: кэн [海野十三全集。第9巻]. Собрание сочинений Унно Дзюдза, том 9. Токио: Саниъити Сёбо, 1988. 337 с.

Matthew Robert. Japanese Science Fiction: A View of a Changing Society. Routledge, 1989. 268 p.

Nakamura Miri Horror and Machines in Prewar Japan: The Mechanical Uncanny in Yumeno Kyûsaku's "Doguramagura"/ Science Fiction Studies Vol. 29, No. 3, Japanese Science Fiction, 2002. P. 364–381.

Napier Susan J. The Fantastic in Modern Japanese Literature. The Subversion of Modernity. New York, Routledge, 2005. 272 p.

Виноградов Иван Сергеевич
студент 4 курса бакалавриата Департамента
востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ¹

Концепт «красота» в китайском и японском языках

Иероглифическое изображение концепта красоты 美 (кит. *мэй*, яп. *би*) пришло в Японию из Китая. В связи с этим, вместе с иероглифическим изображением была перенята и семантика. Следовательно, очевидно, что в рамках семантики оба концепта имеют много общего.

С лингвистической точки зрения данные концепты рассматривались и в китайском, и в японском языках, но, тем не менее, существует необходимость их сопоставить, так как при подобном изучении можно наблюдать семантические параллели между двумя концептами. В данной работе будут сопоставлены по три наиболее частотных (по данным лингвистических корпусов) прилагательных «красивый» в японском и китайском языках. На основании словарных материалов будет проведён лингвокультурологический анализ, который позволит выделить дополнительные смыслы прилагательных. Это же, в свою очередь, позволит говорить о культурных различиях в понятии красоты в двух языках.

Относительно этимологии китайского слова всё ещё ведутся споры, однако преобладают две версии о происхождении иероглифа «мэй»: первая о том, что иероглиф, включая в себя два элемента: «овца» 羊 и «большой» 大, в первую очередь говорил о вкусовых качествах, и изначально концепт красоты был связан с концептом вкуса². Вторая теория предполагает, что на наиболее ранних написаниях иероглифа был изображён человек с головой, украшенной перьями, что могло служить выражением красоты. Касательно слова, а не иероглифа, считается, что в китайском оно родственно ряду слов из других сино-тибетских языков, которые обозначали такие понятия как: «красивый», «прекрасный, совершенный» и «хороший».

Иероглифическое написание в японском языке было заимствовано из китайского, то же относится и к китайскому чтению («би»), однако японское чтение, *уцукуси*, происходит от *уцукуси* из классического японского языка. Отличительной чертой является то, что ещё в период Хэйан слово приоритетно употреблялось в значении «милый», а не «красивый», в первую очередь в отношении небольших, милостивых предметов или, если о людях, в отношении женщин и детей³.

Таким образом, на основании сравнительного анализа этимологии двух слов можно говорить о различной семантике понятий «красота» в двух языках.

¹ Научный руководитель — тьютор Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ К. А. Чижова.

² 许慎: 《说文解字》, 北京: 九州出版社, 2001, 页 211. [Сюй Шэнь. Шовэнь цзэцзы]

³ 本明緑: 『「うつくし」の歴史的意味返還について』、山口国文、2020、172.

Для китайского языка автором были выбраны три наиболее частотных прилагательных: *мэйли* 美丽, *пяолян* 漂亮, *хаокань* 好看. Для японского — *уцукусии* 美しい, *кирэи* 綺麗, *мигото* 見事. Каждое из данных слов зачастую переводится как «красивый», но обладает и другими значениями. Далее будут рассмотрены словарные статьи и использование в текстах для вышеуказанных слов, сначала в китайском, а затем в японском языках.

Китайский язык

Первое слово, *мэйли*, состоит из двух иероглифов, один из которых обозначает красоту как концепт в китайском языке; второй же ему синонимичен, но также обладает такими смыслами как «чистый», «изящный», «хорошо подобранный». Зачастую употребляется в отношении людей или природы, пейзажа. Языковая реализация:

天真的表情给他展示了青春的美丽。⁴

Наивное выражение подчеркивало красоту ее цветущей молодости.

他使她看见那个美丽的梦景。⁵

И этими глазами она видела прекрасную мечту.

Интерес представляет второй пример: «мечта» (или же «сон») здесь не только «красивый», но и, вероятно «необыкновенный», «чудесный». Во многих примерах прилагательной *мэйли* часто имеет оттенок удивления красоте или её совершенству, т. е. её необычности. Это, как будет показано далее, японскому языку несвойственно.

Слово *пяолян* состоит из иероглифов «чистый», «возвышенный» и «яркий», «блестящий». Может обозначать «блестящий», в значении «прекрасно», «безупречно». Часто используется для описания наряда, или как оценочное слово в значении «хорошо». Языковая реализация:

明天，咱干个漂亮的，让那些赶社会的人看看，蓝脸是天下最棒的农民，蓝脸的牛也是天下最棒的牛！⁶

Завтра надо поработать **как следует**, показать этим, что торопятся в коммуну: Лань Лянь лучший хозяин в поднебесной, а волю его нет равных!

金龙其实算个能人，只要他想干的事情，就会比别人干得漂亮。⁷

⁴ Ба Цзинь. «Осень», 1933 г. Русско-китайский переводческий корпус: [сайт]. URL: <http://www.rucorpus.cn/> (дата обращения 17.02.22).

⁵ Там же.

⁶ Мо Янь. «Устал рождаться и умирать» (И. А. Егоров, 2014 г.). Русско-китайский параллельный корпус НКРЯ: [сайт]. URL: <https://rucorpora.ru/new/search-para.html?lang=zho> (дата обращения 17.02.22).

⁷ Оттуда же.

Цзиньлун, надо признать, человек способный: за что ни возьмётся, делает **лучше** всех.

“多么漂亮啊！”多莉说，用一种不期然而然的惊异眼光观看着在花园里的古树的深浅不一的绿荫掩映中耸立着的、有着一排排圆柱的富丽堂皇的宅邸。⁸

— Как **хорош!** — сказала Долли, с невольным удивлением глядя на прекрасный с колоннами дом, выступающий из разноцветной зелени старых деревьев сада.

Прилагательное часто показывает завершённость, полноту действия и превосходность качества его выполнения. В значении «красивый» может говорить об изяществе или роскоши объекта.

Хаокань, буквально обозначающее «красиво смотрящийся», «красивый на вид», также обладает оттенком торжественности, достоинства. Данные примеры встречаются значительно реже, но этот оттенок просматривается через такое устоявшееся словосочетание как «做好看», «соблюсти лицо (честь)». Языковая реализация:

疯子有什么好看！⁹

Чего хорошего смотреть на сумасшедшего!

Так, иногда *хаокань* может обозначать «приглядность», не только в буквальном, но и в переносном значении, откуда и идёт вышеуказанное значение.

Таким образом, при рассмотрении трёх прилагательных китайского языка удалось найти следующие дополнительные смыслы: 1) необычность; 2) роскошь, яркость; 3) пристойность; 4) чистота, естественность. Наверняка есть и другие, но они будут выражены ещё более редко, чем предыдущие четыре, которые уже играют лишь вторичную роль в формировании семантического поля слов.

Японский язык

Уцукусии включает в себя иероглиф «би», является наиболее нейтральным словом для обозначения красоты в японском языке. Чаще употребляется в отношении девушек или детей, природы. Языковая реализация:

⁸ Л. Н. Толстой. «Анна Каренина» (Чжоу Ян, 1994 г.). Русско-китайский параллельный корпус НКРЯ: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=zho> (дата обращения 17.02.22).

⁹ Лу Синь. «Записки сумасшедшего» (С. Тихвинский, 1971 г.). Русско-китайский параллельный корпус НКРЯ: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=zho> (дата обращения 17.02.22).

私が小さな美しい流れに沿うて歩き出すと、その径にずっと笹縁をつけている野苺にも、ちょっと人目につかないような花が一ぱい咲いていて、それが或る素晴らしいもののほんの小さな前奏曲だと言ったように、私を迎えた。¹⁰

Когда я ходил вдоль небольшого, красивого ручейка, там дальше по тропинке была окружённая бамбуком земляничная роща, где, будто бы скрытно от глаз прохожих расцветали цветы, и эта деталь казалась мне изумительной, небольшой прелюдией, встречавшей меня в этом месте.

これが不思議と心掛けの良い女で、美しくも優しくもあったのですが…¹¹

В этой невероятной девушке с чистыми помыслами была и красота, и доброта, но…

В первом и втором примерах слово *уцукуси* ставится в одном ряду с такими словами как «маленький», «добрый, приятный»; что может говорить об их семантической близости. Помимо этого, работы других исследователей подтверждают, что в период Хэйан слово *уцукуси* в первую очередь обозначало «милый», чем и объясняется повышенная частотность употребления *уцукуси* в отношении милых (зачастую небольших, безобидных, хрупких и миловидных объектов) вещам.

Прилагательной *кирэи* обладает близкой синонимией к *уцукуси*, однако чаще употребляется в отношении одежды или пейзажа, реже к одушевлённым предметам. Языковая реализация:

青空もこのごろは、ばかに綺麗だ。舟を浮べたいくらい綺麗だ。¹²

Небо в эту пору чертовски красивое. Настолько ясное, что даже захотелось сплавиться на лодочке.

そこには天子様のお城があって、町はいつもお祭りのように賑にぎやかで、町の人達は綺麗な服をきたり、うまいものを食べて、みんな結構な暮くらしをしているのだ。¹³

¹⁰ Тацуо Хори. «Красивая деревня». Аодзора-бунко 青空文庫, японская электронная библиотека: [сайт]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001030/files/4812_14384.html (дата обращения 19.02.22).

¹¹ Кодо Номура. «Журнал детектива Дзэнигата Хэйдзи». Аодзора-бунко 青空文庫, японская электронная библиотека: [сайт]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001670/files/56347_63881.html (дата обращения 19.02.22).

¹² Осаму Дадзай. «Жених». Аодзора-бунко 青空文庫, японская электронная библиотека: [сайт]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000035/files/1586_20654.html (дата обращения 19.02.22).

¹³ Такэхиса Юмэдзи. «Глаза столицы». Аодзора-бунко 青空文庫, японская электронная библиотека: [сайт]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000212/files/45633_19495.html (дата обращения 19.02.22).

Там находится замок императора, а город постоянно оживлён, будто бы праздник: люди носят **красивую** одежду, вкусно едят: все живут лучшей жизнью.

Оба примера дают представление о вторичном значении *кирэи*: «чистый». Частотность употребления данного прилагательного в одном и другом смыслах сопоставима, что говорит о том, что в японском языке понятие чистоты и естественности тесно связано с красотой.

Третье слово, *мигото*, буквально обозначает «событие, на которое следует посмотреть», т. е. «зрелище», что раньше и являлось основным значением этого прилагательного-существительного. Помимо этого может являться наречием, обозначающим «полностью», «совершенно». Языковая реализация:

何故^なって、桜の花があんなにも見事^せに咲くなんて信じられないことじゃないか。¹⁴

Отчего же так невероятно **красиво** расцвела вишня?

В данной фразе *мигото* говорит не только о том, что вишня расцвела красиво, но и, с одной стороны, говорит о зрелищности этого; а с другой описывает полноту цветения. Здесь это может значить, что вишня в самом цвету. Дополнительные смыслы японских прилагательных: 1) миловидность; 2) чистота, естественность; 3) зрелищность. Далее будут сопоставлены полученные результаты для двух языков.

В выбранных китайских прилагательных можно выделить два противоположных полюса семантического поля: яркость, необычность с одной стороны и чистота, пристойность с другой. В японских словах не обнаруживается такой антонимии: миловидность, естественность и зрелищность. Тем не менее, последнее слово, *мигото* выделяется среди двух прочих, обозначая не столько внутреннюю, присущую объекту красоту, сколько наблюдаемую со стороны, «зрелищность». В данном отношении *мигото* походит на китайское прилагательное *хаокань*, которое, также направлено вовне, зависит от сторонней оценки. Разница заключается в том, что первое может обозначать и нечто интересное, но не красивое; а второе описывать нечто «правильное», «порядочное».

Японский и китайский языки, как уже было сказано выше, несмотря на свою глубинную разницу, многие века взаимодействовали друг с другом, тем не менее в первую очередь это японские культура и язык заимствовали у китайских. Несмотря на общность иероглифического письма, этимологический анализ слов «красота» в двух языках уже дал результаты, так или иначе близкие к выводам сделанным в практической

¹⁴ Мотодзиро Кадзии. «Под деревьями вишни». Аодзора-бунко 青空文庫, японская электронная библиотека: [сайт]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000074/files/427_19793.html (дата обращения 19.02.22).

части исследования. Были взяты по три наиболее частотных прилагательных из японского и китайского языков, каждое из которых в первую очередь обозначает «красивый». На основании анализа словарных статей и художественной литературы были выделены вторичные значения слов. При сопоставлении результатов для двух языков обнаружилось сходство (важность гармоничности для красоты) и различия (яркость и необычность в китайском против чистоты и естественности в японском). Выборка из трёх слов, разумеется, не позволяет делать глобальные выводы о концепции красоты в целом, однако, в силу частотности употребления, позволяет создать общее представление о различии японской и китайской культур.

Наиболее ярким противоречием является широкая представленность броскости, необычности и чудесности чего-либо красивого в китайских прилагательных. Для японского языка красивым считается скорее не «яркое», а «чистое»; что демонстрируется даже этой небольшой выборкой слов.

Наиболее общим для обоих концептов является важность гармоничности для красоты, что подчёркивается также внутренней формой слов: несмотря на «яркость» и «необыкновенность», для китайского концепта красоты также важно, чтобы красота смотрелась соответствующе, что подтверждается значением иероглифов в словах *мэйли* и *пяолян*; *хаокань* же само по себе часто обозначает «приглядность». Для японского языка гармоничность выражается чистотой, естественностью или милотой, которые являются одними из важнейших характеристик красоты объекта для японской культуры, что справедливо для слов *уцукуси* и *кирэи*. Слово *мигото*, тем не менее, является в этом смысле особенным и является скорее оценочной характеристикой, а не внутренним качеством.

Список источников и литературы

Источники:

Аодзора-бунко 青空文庫, японская электронная библиотека: [сайт]. URL: <https://www.aozora.gr.jp/> (дата обращения 19.02.22).

Русско-китайский параллельный корпус НКРЯ: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=zho> (дата обращения 17.02.22).

Русско-китайский переводческий корпус: [сайт]. URL: <http://www.rucorpus.cn/> (дата обращения 17.02.22).

Литература:

Мидори Мотоаки 本明緑. Уцукуси-но рэкиситэкиимихэнка ницуитэ. 「うつくし」の歴史的意味返還について。(Об историческом контексте смыслового перехода слова «уцукуси»). Факультет японского языка и литературы университета Ямагути, 2020.

Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы. 许慎: 《说文解字》, 北京: 九州出版社, 2001.

Власов Максим Кириллович
студент 5 курса ОП «Востоковедение»
НИУ Высшая школа экономики¹

Китайско-вьетнамская граница: история формирования и особенности функционирования

В последнее десятилетие двусторонние отношения Вьетнама и Китая носят несколько парадоксальный характер. С одной стороны, между этими странами участились трения по вопросу принадлежности островов в Южно-Китайском море, доходящие иногда до случаев прямой конфронтации. С другой стороны, не прекращаются попытки проведения мирных переговоров, в том числе и под эгидой АСЕАН, проводятся совместные дружеские мероприятия на самом высоком уровне. Некоторые исследователи связывают этот парадокс с доминированием принципов даосской философии во внешней политике Вьетнама и Китая, строящейся на сочетании противоположностей. Тем не менее, несмотря на очевидную «тиранию географии», при которой Вьетнам постоянно вынужден уживаться со своим северным соседом, страны заинтересованы в прозрачных и дружеских отношениях.

Исторические и географические факторы предопределили тесные связи Вьетнама с Китаем – сильнейшим государством региона. Несмотря на то, что Вьетнам четыре раза оказывался под прямым управлением Китая, а суммарно китайское владычество продолжалось тысячу лет, до XIX в. официальной демаркации китайско-вьетнамской границы практически не существовало. По всей видимости, до указанного периода эти страны негласно опирались, в основном, на естественные границы — горную гряду Хоангльеншон и русла рек Да и Хонгха на западе Вьетнама, и реку Калонг на востоке. Высокогорная местность на севере Вьетнама определила и специфику взаимоотношений между двумя государствами: прямые контакты могли осуществляться только через горные перевалы и долины рек. В настоящее время пограничные ворота между Вьетнамом и Китаем расположены именно в таких местах, например, в Лаокае и Каобанге. Действительно, горные и речные ландшафты зачастую определяют контуры потенциальной границы и непременно используются при дальнейшей демаркации. Так, в конце XIX в. первая официальная граница была проведена французской и китайской сторонами именно географическим способом.

Потребность в официальной демаркации была связана с усилением во второй половине XIX в. французской колониальной экспансии во Вьетнаме², что потребовало от новой администрации легитимизации захваченных территорий. Особенно остро эта проблема воспринималась в Тонкине — северной части Вьетнама, граничившей с

¹ Научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Н. В. Григорьева.

² После французского вторжения во Вьетнам последний был разделён на три территории: Кохинхина, Аннам и Тонкин.

Цинской Империей и традиционно попадавшей под её влияние. По итогам Франко-Китайской войны 1884–1885 гг., окончательный захват Тонкина был подтверждён заключённым в 1885 г. Тяньцзиньским договором и дополнительными конвенциями 1887 и 1895 гг.

Французский опыт стал первым опытом делимитации китайско-вьетнамской границы. Несмотря на большую историческую значимость Тяньцзиньского договора (в особенности, его третьей статьи) и дополнявших его конвенций, в западной и российской историографии до сих пор нет подробного анализа франко-китайских конвенций и, как следствие, комплексных работ, широко освещающих историю формирования китайско-вьетнамской границы. Потребность в таких исследованиях и их актуальность обусловлена тем, что окончательный процесс демаркации сухопутной границы между Китаем и Вьетнамом был завершён относительно недавно, в 1990-х гг., а за последние несколько лет в Южно-Китайском море вновь обострились споры вокруг принадлежности Парасельских островов и островов Спратли. Взаимные территориальные претензии Китая и Вьетнама отнюдь не случайны, так как они берут своё начало ещё с конца XIX в. и связаны с неточностью формулировок и статей конвенций, подписанных Францией и Китаем, которые будут рассмотрены далее.

В ходе исследования, автором было проведено сравнение двух оригинальных текстов соответствующих конвенций, изданных в отдельных сборниках. В качестве основного источника был использован сборник «*Treaties, Conventions, etc., Between China and Foreign States*» с параллельным текстом на китайском и французском языках. Во втором сборнике «*Treaties Between the Empire of China and Foreign Powers*» был опубликован английский перевод текстов двух конвенций, что позволило дополнительно проверить полученные данные. При этом, стоит отметить, что авторы англоязычного издания очевидно ориентировались на французский, а не на китайский текст, что привело к некоторым неточностям трактовки основных положений конвенций в дальнейших исследованиях, посвящённых данной проблеме. Была проведена работа по уточнению границы на карте, поиска ключевых географических точек построения линии границы исходя из китайского и французского текстов (см. приложение).

Распад Французского Индокитая и последующее обретение Вьетнамом независимости в XX в. предполагали заключение новых соглашений о границе с сопредельными странами или же подтверждение старых. В сложившихся условиях это было необходимо как для укрепления своего суверенитета, так и для полноправного участия в международных и трансграничных процессах. В двусторонних отношениях Китая и Вьетнама лидерами этих стран был выбран второй путь по принципу «*Uti possidetis*».

В 1958 г. была подтверждена легитимность франко-китайских конвенций 1887 и 1895 гг. в качестве правовой основы, на которой должна основываться дальнейшая делимитация китайско-вьетнамской границы, так как с середины XIX в. комплексной

работы по демаркации границы между Китаем и Вьетнамом не проводилось. Новый раунд переговоров по урегулированию границ был связан с усилением влияния двух стран на регион, что привело к напряжению китайско-вьетнамских отношений и к дальнейшей эскалации, закончившейся войной 1979 г. на суше и морским сражением 1988 г. Тем не менее, несмотря на очевидные территориальные притязания, Китай никогда не отказывался от переговоров с вьетнамской стороной, поскольку ситуация носит комплексный характер и распутать этот «клубок» противоречий можно только в правовом поле, что признаётся и Китаем, и Вьетнамом. Так, 1990-е гг. ознаменовались активной работой по решению приграничных споров, что позволило заключить в 1999 г. новый договор.

Как было отмечено ранее, до подписания нового китайско-вьетнамского договора, единственными правовыми документами, регулировавшими границу между двумя странами, были две китайско-французские конвенции, 1887 и 1895 гг., расширявшие положения третьей статьи Тяньцзиньского договора 1885 г. Предполагается, что после заключения Конвенций, демаркационной комиссией вдоль границы было установлено не менее 285 пограничных столбов³. По мнению ряда исследователей, дальнейшие споры по демаркации сухопутной границы были вызваны перемещением или уничтожением части установленных между Французским Индокитаем и Цинским Китаем пограничных столбов из-за активных боевых действий в регионе. Стоит отметить, что положение уцелевших столбов не обновлялось вплоть до конца 1990-х гг., пока между Вьетнамом и Китаем не было подписано соглашение, окончательно установившее линию сухопутной границы между двумя странами. В 2008 г. работа по установке новых пограничных столбов с учётом актуальных соглашений была окончательно завершена.

Несмотря на то, что к началу XXI века все споры относительно сухопутной границы были улажены, нерешённой остаётся проблема делимитации Южно-Китайского моря, а именно вопрос территориальной принадлежности Парасельских островов и островов Спратли. Скорее всего, территориальные споры по демаркации морской границы возникли именно из-за разных подходов к трактовке положений конвенции 1887 г. Условия демаркации морской границы не были подробно прописаны из-за того, что конвенция имела отношение, главным образом, к материковым территориям. Соответственно, потребности в точном установлении территориальной принадлежности островов в Тонкинском заливе не было.

Первые попытки решения «морского» вопроса были предприняты ещё в начале 1990-х гг., когда после ряда официальных визитов было издано совместное коммюнике, обязывающее Китай и Вьетнам решить проблемы не только сухопутных, но и морских границ. Было сформировано три экспертные группы, однако в документе отдельно указывалось, что спор о принадлежности Парасельских островов и островов Спратли

³ По некоторым данным, столбов было 341 [Nguyen Hong Thao, 2000].

носит долгосрочный характер и решить его вряд ли удастся в ближайшее время. Итогом нескольких раундов переговоров об определении границ Тонкинского залива стало подписанное 25 декабря 2000 г. «Соглашение о разграничении вод, исключительных экономических зон и континентальных шельфов». В документе были установлены координаты морской китайско-вьетнамской границы в районе Тонкинского залива. Основываясь на исторических (французских и цинских) картах, была установлена спорная территория в Заливе с площадью 227 км². По результатам переговоров 113 км² отошли Вьетнаму, а 114 км² Китаю.

Последней проблемой, требующей решения и неурегулированной до сих пор, осталась проблема принадлежности Парасельских островов и островов Спратли. По мнению О. В. Новаковой, соглашение 2000 г. не было большим успехом в развитии двусторонних отношений Вьетнама и Китая, так как было, по сути, своеобразной «игрой на публику». Соглашение позволило Китаю «показать, без риска для своего имиджа, другим странам, расположенным на берегах Южно-Китайского моря, свою добрую волю в области разрешения морских конфликтов». В целом, решение о принадлежности островов осложняется тем, что Китай считает себя обладателем исторических суверенных прав на Парасельские острова и острова Спратли. Вьетнам же вынужден опираться на неясные формулировки франко-китайской конвенции 1887 г.

Очевидно, что для решения оставшихся споров необходимы постоянные усилия. Важное значение имеет расширение сотрудничества и координации Вьетнама и КНР на уровне АСЕАН. Это необходимо не только для попытки решения китайско-вьетнамского территориального спора, но и в качестве механизма, который позволит избежать будущих конфронтаций. К тому же, ценный опыт подписания соглашения 2000 года может стать отправной точкой и «ключом» к решению данного вопроса. Несмотря на то, что формальное урегулирование споров по островам маловероятно в нынешней ситуации, тем не менее, в настоящее время существуют объективные возможности для дальнейшего решения данной проблемы как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

В целом, история формирования вьетнамско-китайской границы, продолжающаяся уже более 150 лет достаточно сложна. Связано это, главным образом с тем, что изначально официальное оформление границы проводилось при участии французской колониальной администрации без учёта местных особенностей. Остаётся надеяться, что Вьетнам и Китай в своих двусторонних отношениях будут руководствоваться нормами международного права и впредь будут регулировать неразрешённые вопросы исходя из принципов добрососедства. С глобальной же точки зрения, опыт установления сухопутных границ между Вьетнамом и Китаем на современном этапе заслуживает высокой оценки, так как достигнутые странами в XXI в. новые соглашения стали одной из основ безопасности и развития в Азии.

Список использованных источников и литературы

Ву Зыонг Хуан. Аргументация Китая относительно суверенных прав на Парасельские острова и острова Спратли // Россия и АТР. 2011. №4. С. 48–62.

Локшин Г. М. Вьетнамско-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2013. №21. С. 77–100.

Новакова О. В. Вьетнам и Китай: притяжения и отталкивание. Морская дипломатия в Тонкинском Заливе. 1991-2019. // Азия и Африка сегодня. 2020. №10. С. 41–45.

Amer Ramses. Sino-Vietnamese Relations: Past, Present and Future // Third European Vietnam Studies Conference. July 2-4, 1997. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997. P. 1-41.

Treaties Between the Empire of China and Foreign Powers / ed.: W.F. Mayers. Shanghai: North-China Herald, 1902.

Treaties, Conventions, etc., Between China and Foreign States. Shanghai: Statistical Department of the Inspectorate General of Customs, 1917.

Đỗ Thanh Bình, Nghiêm Thị Hải Yến. Về quá trình xâm lược, cai trị của thực dân Pháp ở nước Lào (1885-1945) [До Тхань Бинь, Нгием Тхи Хай Иен. О процессах вторжения и установления колониального господства Франции в Лаосе] // Nghiên cứu Đông Nam Á. 2005. Số 2. Tr. 11-17.

Hiệp ước Biên giới trên đất liền, HĐ phân định Vịnh Bắc Bộ VN-TQ (2002) [Соглашение о сухопутной границе, Соглашение о делимитации Тонкинского залива между Вьетнамом и Китаем] // Đại sứ quán Cộng hòa Xã hội chủ nghĩa Việt Nam tại hợp chúng Hợp chúng quốc Hoa Kỳ [Посольство Социалистической Республики Вьетнам в Соединенных Штатах Америки] [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160309222845/http://viet.vietnamembassy.us/tintuc/story.php?d=20020410145951> (Дата обращения: 05.02.2021).

Цинци синань бяньцзе тяююэ юй ту тэчжань (2017) 清季西南边界条约舆图特展 (2017) [Специальная выставка карт юго-западных границ в последние годы Цинской империи] // Голи гугун боуюань 国立故宫博物院 [Государственный Музей Императорского Дворца] [Электронный ресурс]. URL: <https://theme.npm.edu.tw/exh105/GreenBorderlands/ch/index.html> (Дата обращения: 05.02.2021).

Неверидикативный подход к неопределенным экзистенциальным местоимениям в современном китайском языке

Известно, что вопросительные и неопределенные местоимения в современном китайском языке (СКЯ) являются омонимами. Примерами таких местоимений могут служить 谁 *shuí* (кто; чей: все; кто-нибудь; чей-нибудь), 什么 *shénme* (что; какой; все; что-нибудь; какой-нибудь), 何时 *héshí* (когда; всегда; когда-нибудь), 哪儿/哪里 *nǎr/nǎlǐ* (где; где угодно, повсюду; где-нибудь), 多少 *duōshǎo* (сколько; сколько-нибудь), 怎么 *zěnmē* (как; как-нибудь), 为什么 *wèishénme* (зачем, почему; отчего-то). При этом неопределенные местоимения при употреблении с частицами 都 *dōu* или 也 *yě* в постпозиции приобретают значение универсальности, то есть выступают как универсальный квантор. В остальных случаях они являются экзистенциальным квантором.

Пример вопросительного прочтения:

(1) 王明每天早上都吃什么?

Wáng Míng měitiān zǎoshang dōu chī shénme

Ван Мин каждое утро MOD есть что

‘Что Ван Мин каждое утро ест на завтрак?’

Неопределенное местоимение в роли универсального квантора (в сочетании с частицами 都 *dōu* и 也 *yě*):

(2) 王明什么都吃。

Wáng Míng shénme dōu chī

Ван Мин что всё есть

‘Ван Мин ест всё’.

(3) 王明谁也不信。

Wáng Míng shéi yě bù xìn

Ван Мин кто все NEG верить

‘Ван Мин никому не верит’/‘Ван Мину никто не верит’.

Неопределенное местоимение в роли экзистенциального квантора:

(4) 你想吃什么吗

nǐ xiǎng chī shénme ma

Ты хотеть есть что Q

‘Ты хочешь чего-нибудь поесть?’

¹ Научный руководитель — к.фил.н., доц. Емельченкова Е.Н.

В то же время появление неопределенных экзистенциальных местоимений возможно лишь в ограниченном кругу контекстов, а именно: в контексте отрицания, общего вопроса, условного наклонения и т.д. Это дает основания предположить, что неопределенные экзистенциальные местоимения (далее — НЭМ) в современном китайском языке являются элементами отрицательной полярности (ЭОП).

ЭОП — слова и словосочетания, которые, не будучи отрицательными по своей природе, могут употребляться исключительно в контексте отрицания и некоторых других контекстах. Хотя именно отрицание является ключевым фактором в распределении ЭОП, оно является не единственным возможным разрешающим условием: сослагательное наклонение, императив, вопрос, сравнение, модальные и вводные слова со значением предположительности, неуверенности, удивления и т.д. также могут выступать контекстом, легитимирующим появление ЭОП в высказывании. Одной из теорий, претендующих на полное и непротиворечивое объяснение явления полярности, является теория неверидикативности, согласно которой все вышеперечисленные контексты объединяет общая черта, а именно, к ним неприменимы понятия истинности или ложности (Падучева 2014). Согласно определению, неверидикативным называется такой контекст пропозиции *p*, который не является для нее следствием или пресуппозицией. С точки зрения времени/аспекта, к веридикативным контекстам относятся главным образом утвердительные прошлое и прогрессивное настоящее. Это оправдывается тем, что говорящий оценивает прошлое и прогрессивное настоящее как достоверное, и, следовательно, может оценить его истинность или ложность (Giannakidou 2014).

Если предположение, что НЭМ в китайском языке являются элементами отрицательной полярности, верно, то их функционирование должно быть точно так же объяснимо с точки зрения теории неверидикативности. Иными словами, появление НЭМ будет возможным исключительно в рамках неверидикативных контекстов.

Анализ показывает, что основные контексты, в которых возможно прочтение местоимения данной группы как НЭМ, действительно совпадает с большинством неверидикативных контекстов. В то же время, так же, как и для любого элемента полярности, существуют некоторые типичные контексты, в которых НЭМ появляться не могут; к ним относятся: простое утвердительное высказывание изъявительного наклонения (включая риторическое значение), специальный вопрос, экспериментив 过 *guo* (Xie Zhiguo 2007).

Примеры (5a), (5b), (5c) демонстрируют также необходимость наличия разрешающих условий для возможности появления в высказывании НЭМ. В этом плане они ведут себя как обычные ЭОП.

(5a) 王明看一本武侠小说。

<i>Wáng Míng kàn</i>	<i>wǔxiá</i>	<i>xiǎoshuō</i>
Ван Мин	читать	боевые искусства роман

‘Ван Мин читает роман о боевых искусствах’.

(5b) 王明看什么书

Wáng Míng kàn shénme shū
Ван Мин читать какой книга

‘**Какую** книгу Ван Мин читает?’; *‘Ван Мин читает **какую-то** книгу’.

(5c) 王明明想看(本)什么书

Wáng Míng xiǎng kàn (běn) shénme shū
Ван Мин хотеть читать CL какой книга

a. ‘Ван Мин хочет почитать **какую-нибудь** книгу’. b. ‘**Какую** книгу хочет почитать Ван Мин?’

Однако на практике теория неверидикативности сталкивается с рядом трудностей:

I. НЭМ в позиции субъекта высказывания

Во-первых, местоимение данной группы никогда не может выступать как ЭОП, если оно является субъектом высказывания (даже при наличии разрешающих условий):

(6) *谁想吃苹果吗?

Shéi xiǎng chī píngguǒ ma
Кто хотеть есть яблоко Q

*‘**Кто-нибудь** хочет яблок?’; *‘**Кто** хочет яблок?’

Дело в том, что неопределенные местоимения в СКЯ, как и другие ЭОП, референциально неполноценны. Это именные группы, которые не обозначают конкретных объектов и не вводят их в контекст речевого акта. Референциальная неполноценность НЭМ и является причиной, по которой они не могут выступать в качестве субъекта, даже при условии наличия лицензиата отрицательной полярности (Падучева 2014); (Cheng 1994).

Следовательно, при условии грамматичности высказывания в позиции субъекта местоимение данной группы будет всегда интерпретироваться как вопросительное:

(7) 谁想吃苹果?

Shéi xiǎng chī píngguǒ?
Кто хотеть есть яблоко

‘**Кто** хочет яблок?’; *‘**Кто-нибудь** хочет яблок’.

II. Появление НЭМ в веридикативных контекстах

Во-вторых, хотя дистрибуция НЭМ в СКЯ действительно по большей части совпадает с типичными неверидикативными контекстами, Се Чжиго (2007) утверждает, что они могут также появляться в контекстах, нетипичных для других ЭОП (в т.н. веридикативных контекстах), а именно в предложениях с показателями дуратива 着 *zhe*, прогрессива (正)在 (*zhèng*) *zài* и перфектива 了 *le* (Xie Xhiguo 2007).

Если это действительно так, данные СКЯ противоречат данным других языков и самому определению «неверидикативности».

Тем не менее предложенные ученым примеры не кажутся достаточно убедительными.

(8a) 我进去的时候他正在喝什么。

wǒ jìnqù de shíhòutā zhèngzài hē shénme

1.Sg войти DET время 3.Sg. PROG пить что

‘Когда я вошел, он **что-то** пил’.

Так, очевидно, что основания для появления неопределенного экзистенциального местоимения 什么 *shénme* в примере (8a) дает наличие первой части высказывания. Это подтверждается невозможностью такого же прочтения в примере (8b):

(8b) 他 正在喝什么

tā zhèngzài hē shénme

3.Sg. PROG пить что

‘**Что** он [сейчас] пьет?’; *‘Он **что-нибудь** пьет’.

При этом лицензиатов ЭОП в первой части высказывания не обнаруживается. Наша гипотеза состоит в том, что первая часть наделяет неопределенное местоимение 什么 *shénme* референциальностью, которой оно первоначально было лишено. Как уже говорилось выше, ЭОП обладают референциальной неполноценностью, и именно этим объясняется ограничение их дистрибуции неверидикативными контекстами. В то же время референтные неопределенные местоимения элементами полярности не являются и допустимы в веридикативных контекстах.

То же самое касается примеров типа (9) и (10). В данном случае референтной силой местоимение наделяет наличие посессива 的 *de*:

(9) 王明拿走了谁的书

Wáng Míng nǎzǒu le shéi de shū

Ван Мин унести PVF кто POS книга

a. ‘Ван Мин унес **чью-то** книгу’. b. ‘**Чью** книгу унес Ван Мин?’

(10) 那里放着谁的行李。

nàlǐ fàng zhe shéi de xínglǐ

там лежать DUR чей POS багаж

‘Там лежит **чей-то** багаж’.

В подтверждение можно указать, что в данных случаях недопустима замена на 什么 *shénme* ‘какой-то’.

Таким образом, есть основания полагать, что неопределенные местоимения в данных примерах не являются ЭОП, вследствие чего обладают расширенной дистрибуцией, однако данное утверждение требует дальнейшего изучения с привлечением большого количества языкового материала.

III. Контексты с двояким прочтением

Наконец, как уже было видно из примеров выше, существуют контексты, в которых местоимение может быть проинтерпретировано одновременно и как вопросительное, и как неопределенное.

(11) 王明想吃点儿 什么 中国菜

Wáng Míng xiǎng chī diǎnr shénme zhōngguó cài

Ван Мин хочет есть немного какой китайский еда

а. ‘Ван Мин хочет поесть **какой-нибудь** китайской еды’. б. ‘**Какой** китайской еды хочет поесть Ван Мин?’

Дело в том, что принадлежность НЭМ к классу элементов отрицательной полярности не ограничивает тем самым дистрибуцию вопросительных местоимений исключительно веридикативными контекстами. Отсюда появление смежных контекстов. Наличие контекстов, в которых местоимения данной группы однозначно интерпретируются как НЭМ и не могут быть проинтерпретированы как вопросительные, объясняются другими семантическими и прагматическими требованиями к высказыванию, выходящими за рамки теории неверидикативности.

Таким образом, несмотря на то что в СКЯ неопределенные экзистенциальные местоимения обнаруживают заметные сходства с ЭОП, теория веридикативности сталкивается с рядом трудностей при попытке доказать их принадлежность к данному классу. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы окончательно доказать либо опровергнуть данное предположение.

Список использованной литературы

Падучева, Е. В. Снятая утвердительность и неверидикативность (о местоимениях с отрицательной поляризацией). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (4 — 8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). — М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 489-505.

Cheng, Lisa. Wh-words as Polarity Items. In Chinese Languages and Linguistics II. Symposium Series of Institute of History and Philology. Taiwan: Academia Sinica, 1994. Pp. 615-640.

Giannakidou, A. The prospective as nonveridical: polarity items, speaker commitment, and projected truth. In D. Gilberts and J. Hoeksema (eds.). The Black Book. Feestschrift for Frans Zwarts, 2014. Pp. 101-124.

Xie Zhiguo. Nonveridicality and Existential Polarity Wh-Phrases in Mandarin. Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society № 2 (43), 2007. Pp. 121-135.

Yi Su, Peng Zhou, Stephen Crain. Downward entailment in child Mandarin. Journal of Child Language 39 (5), 2012. Pp. 957-990.

Гольцман Семён Ефимович
студент 4 курса ОП «Востоковедение»
НИУ Высшая школа экономики¹

Первая Индокитайская война во французском кинематографе

*Война превращает в диких
зверей людей, рождённых,
чтобы жить братьями.*
– *Вольтер*

Первая Индокитайская война (1945–1954 гг.) стала для Франции одним из тяжелейших событий XX в. Она повлияла не только на политику, но и на культуру всех втянутых в эту войну стран. Спустя более полувека с момента её окончания продолжают выходить французские киноленты, посвящённые данному конфликту. Это говорит о том, что французское общество продолжает осмысливать события 1945–1954 гг. и отражать их в жанре военного кино. Анализ кинофильмов, повествующих о событиях Первой Индокитайской войны, поможет понять, как французские интеллектуалы и, шире, французское общество воспринимают события тех времён, историю своей страны и историю стран, входивших во Французский Индокитай, в частности Вьетнама. Более того, подобный анализ может пролить свет на современную политику памяти Французской Республики.

Фильмы, повествующие о Первой Индокитайской войне, можно условно подразделить на ранние — вышедшие в прокат в XX в., и поздние — вышедшие в XXI в. Наиболее ярким режиссёром, запечатлевшим Первую Индокитайскую войну в кино, по праву считается Пьер Шёндёрффер [Delphine, 2003, p. 107–121]. Он посвятил ей немало кинокартин, среди которых «317-й взвод»², «Краб-барабанщик»³, «Рамунчо»⁴, «Дьен Бьен Фу»⁵ (все эти фильмы можно отнести к категории ранних). Более того, он был участником данного конфликта, благодаря чему смог избежать множества клише, присущих французским кинолентам о Первой Индокитайской войне, и показать войну так, как её видел он сам непосредственно на полях сражений и в плену у вьетнамских коммунистов.

¹ Научный руководитель — к. и. н., доцент Н. В. Григорьева.

² 317-й взвод, 1965 («La 317ème section») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/105275/>

³ Краб-барабанщик, 1977 («Le Crabe-Tambour») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/197285/>

⁴ Рамунчо, 1958 («Ramuntcho») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/163557/>

⁵ Дьен Бьен Фу, 1992 («Diên Biên Phủ») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/14495/>

В центре повествования фильма «317-й взвод» отряд солдат, начавший своё отступление от надвигающихся сил Вьетминя 4 мая 1954 г. Отряд был уничтожен в столкновении с вьетнамскими силами 10 мая 1954 г. Фильм показывает разбитых, но ещё не сдавшихся окончательно французов. В киноленте «Краб-барабанщик» повествуется о судьбе брата аджудана Вильсдорфа из «317-го взвода». Интересно, что Вильсдорф (по прозвищу Краб-барабанщик) имеет реальный исторический прототип — Пьера Гийома. Последний даже появляется в фильме. Краб-барабанщик, как и другой герой фильма, капитан, прошёл через Первую Индокитайскую войну и войну в Алжире. Вильсдорф на протяжении всей кинокартины предстаёт в образе вечно молодого человека, которого зритель воспринимает исключительно через воспоминания других героев фильма, а исчезает этот образ вместе с новостью о падении Сайгона. Особого внимания заслуживает фильм «Дьен Бьен Фу», в съёмке которого Пьеру Шёндёрфферу помогала первая вьетнамская женщина-режиссёр Бать Зиеп. В одном из интервью Пьер Шёндёрффер называл создание фильма «Дьен Бьен Фу» данью уважения тому месту, с которым до сих пор связаны французские и вьетнамские жизни («it is a place where the dead are still attached to the land: our dead and theirs») [Cotard 2011: 213–226].

В 2011 г. во французский прокат вышел двухсерийный фильм «Сайгон, когда нам было 20 лет»⁶. В центре повествования находится история трёх друзей, которые оказались в Южном Вьетнаме в 1949 г. Один из трёх друзей стал лейтенантом французского штаба в Сайгоне, другой занялся бизнесом, третий стал солдатом. Другим фильмом, повествующим о событиях Первой Индокитайской войны, является «Белый солдат»⁷, вышедший в прокат 8 сентября 2014 г. В центре сюжета история двух солдат французского экспедиционного корпуса — Андре Кариу, перешедшего на сторону Вьетминя, и Робера Тюаля, представлявшего собой солдата-зверя, который готов уничтожить что угодно за Францию. Интересно, что оба персонажа отсылают нас к реальным историческим личностям, хоть это в фильме и не афишируется. Прототипом Роберта Тюаля, скорее всего, является выдающаяся фигура Тонкина и «французский Рэмбо» — Роже Ванданберг, командир легендарного отряда чёрных тигров (этот отряд известен тем, что всячески подрывал авторитет ДРВ: «чёрные тигры» нападали на вьетнамские деревни, переодевшись в военную форму солдат ДРВ, также «чёрные тигры», переодевшись в форму чёрного цвета, осуществляли ночные рейды на вьетнамские деревни [Moinet 1987: 9]). Прототип же Андре Кариу — Жорж Бударель, заместитель начальника северо-вьетнамского лагеря для военнопленных №113.

Наиболее свежим французским фильмом, повествующим о Первой Индокитайской войне, является вышедший в прокат в 2018 г. «На краю света»⁸. В центре

⁶ Сайгон, когда нам было 20 лет, 2011 («Saigon, l'été de nos 20 ans») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/654945/>

⁷ Белый солдат, 2014 («Soldat blanc») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/841733/>

⁸ На краю света, 2018 («Les confins du monde») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1056474/>

сюжета молодой солдат Робер Тассен, который оказывается единственным выжившим в боине, которую устроили солдаты Вьетмина. Он мечтает отомстить командиру того отряда вьетнамских партизан, что виновен в смерти его брата, но на пути мести Роберт влюбляется во вьетнамскую проститутку и запутывается в своих чувствах.

В фильмах Шёндёрффера представлен широкий спектр тяжёлых эмоций, вызванных Первой Индокитайской войной, главная же тема — это падение, уничтожение главных героев, форта Дьенбьенфу⁹, французской колониальной империи, Южного Вьетнама. В «317-м взводе» выживание солдат зависело от того, доберутся ли они до форпоста, но форпост пал под натиском ДРВ. В фильме запечатлён тяжелейший момент: что испытывали французы, когда уже проиграли войну, но Женевские соглашения ещё не были подписаны. В конце фильма «Краб-барабанщик» исчезает из воспоминаний Вильсдорф, вот-вот умрёт от рака капитан корабля, и зритель узнаёт, что коммунисты взяли Сайгон. «Дьен Бьен Фу» тоже ведёт зрителя к падению — падению одноимённого форта, но, в отличие от двух описанных ранее фильмов Шёндёрффера, в «Дьен Бьен Фу» показано куда больше граней войны: демонстрируются как героизм одних французских солдат, которые удерживают свои позиции несмотря на приказ отступить, так и трусость других солдат французской армии, которые массово дезертируют, становясь так называемыми «намьюмскими крысами»¹⁰; присутствует резкий контраст между солдатами, пьющими игристое вино в баре Ханоя, и солдатами, погибающими в окопах Дьенбьенфу; многие военные боятся войны, в это же время один из командиров сравнивает войну с симфонией, будто бы он находит в войне смысл, красоту и умиротворение. Интересно при этом, что «Дьен Бьен Фу» является самым поздним из трёх представленных выше фильмов: он вышел на 15 лет позже «Краба-барабанщика» и на 27 лет позже «317-го взвода».

В современных же фильмах тема падения колониальной империи замещается темой очищения («Сайгон, когда нам было 20 лет», «На краю света») и выполненного долга («Белый солдат», «На краю света»). Последнее тоже можно считать видом очищения. В конце фильма «Сайгон, когда нам было 20 лет» один из главных героев, Филипп, уходит в джунгли, сделавшись странником, перестаёт страдать от аритмии и находит свой жизненный путь. В конце фильма «На краю света» зритель видит, как любовница главного героя нянчит ребёнка, а в следующей сцене сам главный герой сидит в раздумьях. В «Белом солдате» Роберт Тюаль жертвует всем, чтобы убить перебежчика на сторону Вьетмина — Андре Кариу.

Ещё одной особенностью современных фильмов о Первой Индокитайской войне является яркий антивоенный подтекст, чаще всего он проявляется через включение в ткань фильма сцен неоправданной жестокости. Будь то сцена с убийством беременной

⁹ Когда речь идёт о фильме, то пишется «Дьен Бьен Фу» в соответствии с Кинопоиском, когда подразумевается топоним – «Дьенбьенфу»

¹⁰ «Намьюмские крысы» – внутренние дезертиры из рядов французских сил в Дьенбьенфу, эти дезертиры находили для себя убежище у берегов реки Намьюм, откуда и пошло их название

женщины в «Белом солдате» или сцена из того же фильма, в которой вьетнамец отрезает свой палец и кидает его во французов, сжигающих на костре деревянных идолов вьетнамской деревни; сцена мастурбации в казарме, кадры с разрубленным телом француза, яма, наполненная трупами французских солдат, в фильме «На краю света»; сцена с убитым и обмазанным кровью вьетнамцем в кровати одного из главных героев фильма «Сайгон, когда нам было 20 лет». Таким образом, война демонстрируется как грязное и пошлое предприятие.

Чаще всего в центре сюжета французских фильмов жизненный путь главного героя, военным же действиям отводится небольшая часть хронометража: история трёх друзей в фильме «Сайгон, когда нам было 20 лет», рассказ о двух совершенно разных военных в «Белом солдате», повествование о мести в киноленте «На краю света», рассказ о судьбе Вильсдорфа в «Крабе-барабанщике». Тем не менее, в фильмах «317-й взвод» и «Дьен Бьен Фу» главный герой — это сама война: данные картины вводят множество персонажей, среди которых зрителю сложно сконцентрироваться на ком-либо конкретном, а война, редко исчезая из кадра, находится в постоянном крещендо, что в финале выводит её на передний план. Кроме того, для большинства французских фильмов характерен такой приём как обезличивание врага: в «Сайгоне, когда нам было 20 лет», к примеру, в боевых сценах демонстрируются только французские солдаты, а вьетнамцы находятся где-то за кадром, аналогичная ситуация и в фильмах «317-й взвод», где враг показывается мельком, и «Дьен Бьен Фу», где армия ДРВ появляется в кадре только в самом финале киноленты.

Кристофер Гоша отмечает, что зачастую, когда речь идёт о Французском Индокитае, французские кинематографисты забывают о том, что помимо французов и вьетнамцев колониальный Индокитай включал в себя лаосцев, камбоджийцев и многочисленные национальные меньшинства [Goscha 2011: 3]. Какие-либо жители Французского Индокитая помимо вьетнамцев упоминаются лишь в фильмах Пьера Шёндёрффера, в других фильмах о них не говорится. В принципе, война представлена в виде своеобразной дуэли Франции и Вьетнама, нежели как глобальный конфликт, в который было втянуто множество стран. Лишь изредка упоминаются США: будь то американской репортёр Говард Симпсон, сыгранный Дональдом Плезенсом, в «Дьен Бьен Фу», или закупки оружия из Америки в фильме «Сайгон, когда нам было 20 лет». Иногда демонстрируется американская военная техника (например, американские танки M24 Chaffee в «Дьен Бьен Фу»), но о том, что эта техника сделана в Америке, не говорится.

Как заметил Кристофер Гоша, 70% французских солдат, сражавшихся за Францию в Дьенбьенфу не были французами из метрополии [Goscha 2011: 2]. Это были солдаты иностранного легиона из разных европейских стран, солдаты из Африки, солдаты Государства Вьетнам. Тем не менее, во французском кинематографе они практически не показаны: при просмотре фильмов создается ощущение, что в битве при

Дьенбьенфу подавляющее большинство — это чистокровные французы, по крайней мере, их точно намного больше, чем 30% армии.

Одной из главных особенностей французского кино о Первой Индокитайской войне являются пророческие фразы главных героев. Многие персонажи – резонёры, которые произносят слова, что адресованы именно зрителю. Например, письмо одного из персонажей кинофильма «Сайгон, когда нам было 20 лет», Педро, своему отцу, в котором он сообщает, что сражается храбро с вьетнамцами, но французы проиграют эту войну.

Особенно ярким в плане диалога со зрителем является фильм «Индокитай»¹¹. В самом начале фильма звучит фраза «в юности мы думали, что мир состоит из неразделимых понятий: мужчин и женщин, гор и равнин, людей и собак, Индокитая и Франции», а финальные титры киноленты сообщают нам о том, что были заключены Женевские соглашения, и Франция потеряла Индокитай. Весь фильм построен на контрастах: красивый бал перетекает в сцену с курением опиума, интерьеры богатого французского поместья сменяются кадрами традиционной вьетнамской свадебной процессии, а они, в свою очередь, замещаются кадрами, в которых подневольные вьетнамцы подрываются на стройке железной дороги, другие вьетнамцы умирают, ослабнув от голода, не добрав до места, где раздают еду. В начале киноленты демонстрируются плантации каучука, что символизируют богатство владелицы плантаций и Франции, в конце же фильма эти каучуковые деревья оказываются практически заброшенными.

Фильм показывает и то, что значит «интеллигенция» для французов и для вьетнамцев: главная героиня и рассказчица, Элиана, считает элитой образованных людей, вьетнамка же ей отвечает: «Элита — это мы, потому что мы богаты». Происходит столкновение полярных ценностей: вьетнамская мать просит сына, который учился в Париже, встать на колени перед алтарём предков и отказаться от революционных идей, тот же отвечает: «Послушание сделало из нас рабов. Во Франции я узнал другие слова: свобода, равенство..., и я буду сражаться...». Таким образом, фильм демонстрирует лицемерие французского колониализма: пока в Париже свобода, равенство и братство, во Вьетнаме — рабство. В «Индокитае» появляется и герой-резонёр — французский офицер, который, смотря на вьетнамских рабов, сказал: «Видите, какие они покорные, сидят на корточках. Однажды они поднимутся, и нам придётся убраться».

В «Индокитае» отсутствуют военные баталии, но кинолента максимально точно описывает французский взгляд на Первую Индокитайскую войну. В финале Франция и Вьетнам разъединяются в ходе Женевской конференции 1954 года, но Этьен — сын французского офицера и вьетнамской девушки из королевской династии Нгуен, воспитанный француженкой, которая всю жизнь прожила в Индокитае, переезжает

¹¹ Индокитай, 1992 («Indochine») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/21300/>

вместе с последней во Францию. Получается, что всё же Франция и Индокитай неразделимы?

Можно сказать, что французские фильмы о Первой Индокитайской войне проделали огромный путь. Со временем война перестала затмевать собой главных персонажей киноленты. В современных фильмах она раскрывается больше через личные драмы героев. Тема краха Империи ушла со сцены, а мотив очищения, поиска нравственного пути стал актуальным. Тем не менее, есть ряд особенностей, которые характерны для всех проанализированных французских фильмов об этом конфликте: персонажи-резонёры, обезличивание врага и восприятие войны как грязного и пошлого события.

Список литературы

Cotard J.L. Being “a little candle marvelling at life” Entretien avec Pierre Schoendoerffer // *Inflexions*. 2011. Vol. 3(18). Pp. 213–226. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cairn.info/revue-inflexions-2011-3-page-213.htm>

Delphine R.D. DIÊN BIÊN PHŪ: Portraits de combattants sans images // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2003. № 211. Pp. 107–121. [Электронный ресурс] URL: <https://www.jstor.org/stable/25732900>

Goscha C.E. Historical dictionary of the Indochina War (1945-1954): an international and interdisciplinary approach. Copenhagen: NIAS Press, 2011.

Moinet V. VANDEN Le commando des tigres noirs. Paris: EDITIONS FRANCE-EMPIRE, 1987.

Источники

317-й взвод, 1965 («La 317ème section») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/105275/>

Белый солдат, 2014 («Soldat blanc») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/841733/>

Дьен Бьен Фу, 1992 («Diên Biên Phủ») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/14495/>

Индокитай, 1992 («Indochine») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/21300/>

Краб-барабанщик, 1977 («Le Crabe-Tambour») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/197285/>

На краю света, 2018 («Les confins du monde») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1056474/>

Рамунчо, 1958 («Ramuntcho») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/163557/>

Сайгон, когда нам было 20 лет, 2011 («Saïgon, l'été de nos 20 ans») // Кинопоиск. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/654945/>

Горбунова Валерия Алексеевна
студентка 4 курса
Восточный факультет СПбГУ¹

Основные подходы к трактовке аппликатива в современном китайском языке

Настоящий доклад посвящен исследованию основных средств выражения значений из области повышающей актантной деривации в современном китайском языке (СКЯ), влияющей на число глагольных актантов и интерпретацию называемой ситуации, анализируются базовые аппликативные конструкции, существующие в СКЯ, анализируются существующие подходы к классификации аппликативных конструкций в СКЯ. Актуальность данной работы обусловлена, прежде всего, недостаточной разработанностью описаний данного явления в СКЯ в русскоязычных исследованиях на фоне типологического интереса к вопросам актантной деривации.

Аппликатив — тип повышающей актантной деривации, при котором в ситуации, описываемой исходным двухактантным глаголом, позицию второго актанта занимает участник ситуации, выполняющий роль Адресата, Бенефактива, Малефактива, Инструмента, Места, Цели и т. д., который в исходной ситуации занимал позицию третьего актанта или сирконстанта и был необязательным.

С точки зрения семантики, основной функцией аппликатива является изменение исходной ситуации. Семантика производных аппликативных глаголов может быть очень широкой, так как этот вид повышающей актантной деривации охватывает большое число «дативных» семантических ролей (Бенефактив, Малефактив, Реципиент, Источник и т. д.). Кроме того, аппликативная конструкция может вводить участника, который реализуется как Комитатив, Инструмент или Место. На участника, вводимого аппликативом, могут накладываться семантические ограничения — например, Бенефактивом может быть представлен исключительно одушевленный участник ситуации, а Местом, в подавляющем большинстве случаев, будет представлен неодушевленный партиципant.

С точки зрения синтаксиса, основной функцией аппликатива является повышение валентности глагола. Аппликативная конструкция в разных языках может быть обязательной или факультативной (если можно образовать конструкцию, в которой вводимый аппликативом актант будет сирконстантом, тогда этот аппликатив факультативен). Аппликативные конструкции по-разному реализуются в языках разного грамматического строя. Для изолирующих языков характерно образование аппликатива на базе грамматикализации сериальной глагольной конструкции, где один из глаголов обладает значением «давать» (Бенефактив), «взять» (Инструмент),

¹ Научный руководитель — к. фил. н., доц. Е. Н. Емельченкова.

«направиться / отправиться» (Место). Аппликативизацию можно рассматривать в качестве инкорпорации предлога во внутреннюю структуру глагола и удаление его из группы сказуемого.

С точки зрения типологии, существует три основные классификации аппликативных конструкций:

- 1) Типология Л. Пюлккянен [7];
- 2) Типология М. Петерсона [5];
- 3) Типология М. Полински [6].

Л. Пюлккянен предложила оригинальную авторскую типологию аппликативов в рамках Минималистской программы Н. Хомского [7, с. 14]. Если в предыдущих работах внимание в основном уделялось синтаксическим особенностям аппликатива, то Л. Пюлккянен подходит к аппликативу с точки зрения семантики. В [7] выделяется два вида аппликатива: «высокий» и «низкий» [7, с. 15-18]. Типы аппликатива отличаются друг от друга в первую очередь по семантическому критерию. «Высокий» аппликатив выражает отношения, связывающие ситуацию, описываемую глаголом, и еще одного участника, выраженного Бенефактивом. Такой тип аппликатива был назван «высоким», так как находится выше глагола (VP). Второй тип аппликатива автор называет «низким», так как актант, присоединяемый в ходе аппликативного преобразования, располагается на том же уровне, что и участник, занимающий позицию прямого дополнения. При таком типе аппликатива происходит перенос посессивности между актантом в позиции прямого дополнения и аппликативным актантом. «Низкий» аппликатив далее делится на два подтипа — присоединяющий актант со значением Реципиента и актант со значением Источника.

Д. Петерсон в [5] определяет аппликатив, как преобразование, которое маркируется на глаголе и повышает статус прежде периферийного участника до статуса прямого дополнения, и предлагает свою типологию аппликативов. Д. Петерсон отмечает, что аппликативный показатель часто восходит к сериальным конструкциям с глаголами с семантикой ‘давать’ (бенефактивный аппликатив) и ‘брать’ (инструментальный). Д. Петерсон выделяет некоторые особенности, которыми обладают аппликативные объекты в зависимости от семантической роли, вводимого актанта, а именно — функцию бенефактивного объекта может выполнять только одушевленный участник ситуации, а функцию локативного объекта, напротив, неодушевленный, для инструментального и комитативного аппликатива ограничение либо отсутствует, либо не является значимым.

Одним из последних и наиболее авторитетных исследований в области аппликатива на данный момент является работа М. Полински [6], которая, проанализировав 183 языка, составила две карты распространения аппликатива в зависимости от переходности базового глагола и семантических ролей участника, вводимого аппликативом. Кроме того, в некоторых языках М. Полински не было

зафиксировано никаких типов аппликатива, в частности, к таким языкам она относит китайский язык.

Так как аппликатив первоначально исследовался на материале агглютинативных языков, где это значение, как правило, выражается морфологически, некоторые ученые сомневаются, что в СКЯ существуют аппликативные конструкции [6]. Однако в ходе анализа было выявлено три основных подхода к аппликативным конструкциям в СКЯ.

Первый подход представлен в работах Чэн Цзе (程杰) и Вэнь Бинли (温宾利) [8]. Они отрицают существование дитранзитивных глаголов в СКЯ и рассматривают любую конструкцию с двумя дополнениями как «высокий» аппликатив, где косвенное дополнение вводится при помощи «нулевой морфемы»). Все конструкции с двумя дополнениями в их понимании относятся к «высокому» аппликативу в классификации Л. Пюлккянен. На это есть две причины: во-первых, это семантика конструкций («низкий» аппликатив подразумевает переход посессивности, а в СКЯ это необязательно — например, конструкции с глаголами, выражающими абстрактные понятия, не могут выражать такое значение, следовательно, аппликатив не «низкий»). Во-вторых, особенности дистрибуции слова 各 *gè* 'каждый' (1) (они утверждают, что местоимение указывает на наличие дополнительной предикации, так как оно может употребляться только в левом окружении глагола, таким образом, аппликативное дополнение оказывается выше, чем *vP* или *VP*, следовательно, аппликатив «высокий»). Чэн Цзе была изложена идея о существовании в китайском языке особой «нулевой морфемы» (零形素 *líng xíng sù*), которая вводит аппликативное дополнение. Однако при этом ставится под сомнение необходимость и рациональность выделения данного термина в китайском языке, так как в теории не хватает объективных оснований для выделения в типологической перспективе подобной категории в отдельную.

(1) 我送孩子们各三本书。

Wǒ sòng hái-zi-men gè sān-běn shū
1.Sg дарить ребенок-Pl каждый 3-Cl книга
'Я подарил детям каждую из трех книг'

В. Поль и Дж. Витман [3][4] не согласны с подходом Л. Пюлккянен, они утверждают, что вершина аппликативной конструкции всегда находится выше, чем (лексически выраженная) группа сказуемого (*VP*) вне зависимости от семантики конструкции. Следовательно, глагол, отвечающий за лексическое значение, занимает валентность вспомогательного глагола (*vP*). [3, с. 261] Таким образом, исследователи отрицают существование «низкого», в типологии Л. Пюлккянен, аппликатива и не признают существование «нулевой морфемы», маркирующей аппликатив [3, с. 262].

Аппликатив в данной теории делят на два типа: «тематический» (*thematic*) и «повышающий» (*raising*) (2). Тематический аппликатив соответствует «высокому» аппликативу Л. Пюлккянен, валентность вершины аппликативной конструкции занимает не только *VP*, но и вводимый актанта. Аппликативное дополнение представлено Бенефактивом. «Повышающий» аппликатив соответствует «низкому»

апликативу Л. Пюлккянен, но только с точки зрения семантики конструкции, так как вершина апликативной конструкции находится выше группы сказуемого. Апликатив в китайском языке, по мнению В. Поля и Дж. Витмана, относится к «повышающему» типу.

(2) 我卖给了玛丽一个手表。

Wǒ mài-gěi -le Mǎlì yī-ge shǒubiǎo
 1.SG продать-APPL-PFV Мэри 1-CL часы
 ‘Я продал Мэри часы’

В. Поль и Дж. Витман выделяют 给 *gěi* в качестве вершины апликативной конструкции (applicative head), построенной по схеме V - 给 - IO - DO.

Третий подход – это подход В. Т. Д. Цая (обнаружил вид апликативных конструкций, которые до этого не рассматривались исследователями, – «высокий» (в его типологии) или «аффективный» апликатив, который вводит партиципанта с ролью Адресата) [2].

В. Т. Д. Цай в [2], критически анализируя концепцию Л. Пюлккянен, выделяет три типа апликатива: «высокий» (3), «средний» (4) и «низкий» (5).

(3) 他居然给我哭了。

Tā jūrán gěi wǒ kū-le
 3.Sg неожиданно APPL 1.Sg плакать-INC
 ‘Неожиданно для меня он заплакал’

(4) 阿Q给他烤了一块蛋糕。

Ākū gěi tā kǎo-le yī-kuài dàngāo
 А-Кью APPL 3.Sg печь-PFV 1-CL пирог
 ‘А-Кью испек для него пирог’

(5) 阿Q修了赵家三扇门。

Ākū xiū-le Zhào-jia sān-shàn mén
 А-кью чинить-PFV Чжао-семья 3-CL дверь
 ‘А-кью починил три двери семье Чжао’

Дополнение, вводимое «высоким» апликативом, связано со всей клаузой (CP), «средним» апликативом – со служебным глаголом (vP), а «низкий» вводит дополнение в группу сказуемого (VP). Лингвист утверждает, что апликатив, который Л. Пюлккянен в своей типологии называет высоким, «недостаточно высок для китайского языка» [2, с. 5]. Действительно «высоким» апликативом он называет конструкции, ориентированные на говорящего или Адресата. Кроме того, в «высоком» апликативе В. Т. Д. Цая ни прямое, ни косвенное дополнения не могут занимать позицию подлежащего при пассивизации, в отличие от «высокого» апликатива в понимании Л. Пюлккянен. По мнению В. Т. Д. Цая, его «средний» апликатив в СКЯ структурно соотносится с «высоким» апликативом Л. Пюлккянен и «тематическим» апликативом В. Поля и Дж. Витмана (хотя они его в СКЯ не выделяли). Однако «средний» апликатив

В. Т. Д. Цая не образуется с неэргативными глаголами, а пассивизация возможна только для косвенного дополнения. Таким образом, этот вид аппликатива не проходит ни тест на переходность глаголов, ни тест на пассивизацию. С семантической точки зрения, «средний» аппликатив В. Т. Д. Цая подчеркивает связь между вводимым дополнением и событием, описываемым глаголом. «Высокий» аппликатив В. Т. Д. Цая никак не соотносится с традиционно выделяемыми конструкциями с двумя дополнениями.

Используя три теста, предложенные Л. Пюлккянен, В. Т. Д. Цай пришел к выводу, что конструкции с двумя дополнениями в СКЯ относятся к ее «низкому» аппликативу, так как в них не могут использоваться неэргативные и статичные глаголы, только одно из дополнений может стать подлежащим в пассивной конструкции, что не характерно для «высокого» аппликатива.

В. Т. Д. Цай определяет грамматические особенности аппликативных конструкций следующим образом:

«Низкий» аппликатив — немаркированные конструкции с двумя дополнениями (5). В таких аппликативных конструкциях дополнение вводится непосредственно внутрь VP. Синтаксически этот тип конструкций соответствует «низкому» аппликативу Л. Пюлккянен, но семантически есть отличие (аппликатив Л. Пюлккянен подразумевает переход посессивности, а аппликатив В. Т. Д. Цая нет). Кроме того, в «низком» аппликатив В. Т. Д. Цая пассивизация не возможна ни для одного дополнения, в то время как «низкий» аппликатив Л. Пюлккянен постулирует такую возможность для косвенного дополнения. Вопрос с трактовкой позиции кванторных местоимений в предложении при таком подходе остается открытым.

«Средний» аппликатив — маркированные конструкции с двумя дополнениями, допускающие пассивизацию (4). В таких аппликативных конструкциях дополнение вводится при помощи аппликативного показателя (В. Т. Д. Цай называет его вспомогательным глаголом vP). Таким образом, по мнению В. Т. Д. Цая, связь между дополнениями не подчеркивается, а вводимый партиципant относится ко всей ситуации в целом.

«Высокий» аппликатив — конструкции, традиционно не считающиеся конструкциями с двумя дополнениями (3). Такие конструкции характеризуются:

1) Ориентированностью на говорящего (позицию аппликативного дополнения занимает автор всего высказывания, т.е. дополнение, как правило, выражено личным местоимением первого лица);

2) Могут образовываться при помощи неэргативных глаголов (3);

3) Предложение часто бывает восклицательным, т. к. выражает отношение говорящего к ситуации.

Несмотря на кажущуюся рациональность точки зрения В. Т. Д. Цая, необходимы дальнейшие исследования, доказывающие существование и необходимость выделения такой категории, как «средний» аппликатив в типологической перспективе, как в

частнолингвистическом ключе на материале китайского языка, так и на материале других языков.

Как показал проведенный нами анализ, несмотря на разнообразие подходов к аппликативным конструкциям, пока нельзя однозначно ответить на ряд вопросов (например, вопрос о статусе аппликативных показателей), существенных для составления единой классификации. Однако материал СКЯ существенно дополняет уже существующие в общем языкознании классификации [5], [6], [7].

Список использованной литературы

1. Колпачкова Е. Н. Аппликативные конструкции в современном китайском языке // Китайская лингвистика и синология. Тезисы докладов международной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 96–99.

2. Tsai Wei-tien Dylan. High applicatives are not high enough: a cartographic solution. *Lingua Sinica*. 2018. 2. 21 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://paperity.org/p/107471508/high-applicatives-are-not-highenough-acartographic-solution> (дата обращения: 17.12.21)

3. Paul W., Whitman J. Applicative Structure and Mandarin ditransitives // *Argument Structure and Syntactic Relations. A cross-linguistic perspective* / Edited by Duguine M., Huidobro S., Madariaga N. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 261-282.

4. Paul W. Double Object Construction // *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics* / Edited by Sybesma R. Leiden: Brill, 2016. Pp. 125-130.

5. Peterson, D. A. *Applicative Constructions*. Oxford: Oxford University Press. 2007. 293 p.

6. Polinsky M. Applicative Constructions // Dryer, Matthew S., Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig, 2013: [Электронный ресурс]. URL: <https://wals.info/chapter/109> (дата обращения: 15.10.21).

7. Pykkänen L. *Introducing arguments*. Boston: Massachusetts Institute of Technology, 2002. 137 p.

8. 程杰, 温宾利. 对汉语两类非核心论元的 APPL 分析——兼论英汉 APPL 结构之差异. Cheng Jie and Wen Binli. An applicative-construction analysis of two types of Chinese non-core arguments. 《四川外语学院学报》第 2 期 2008. 82—87 页。Journal of Sichuan International Studies University 2: 2008. P. 82–87.

Даньшин Сергей Александрович
студент 5 курса ОП «Востоковедение»
НИУ Высшая школа экономики¹

**Гротеск как ведущий прием изображения гендерной проблематики
в японской прозе начала XXI в. (на примере произведений Мотоя Юкико и
Мурата Саяка)**

Среди огромного множества литературных методов безусловно выделяется «гротескный реализм» — относительно новый и неординарный прием, до этого встречавшийся в художественной литературе довольно редко. Популярность метода обусловлена, прежде всего, присущей ему свободой изложения, что напрямую коррелирует с постмодернистской литературной символичностью: возможность изображения множества проблематик через призму характерных для гротескного реализма анатомических метафор позволяет достичь тех многогранных психологических подтекстов, что в других условиях были бы недостижимы. Именно этими метафорами в совершенстве овладели две стремительно набирающие популярность писательницы современного женского литературного потока Японии — Мотоя Юкико 本谷有希子 (р. 1979) и Мурата Саяка 村田沙耶香 (р. 1979). Во многих работах обеих писательниц гротеск является центральным приемом в изображении тонкостей отношений между мужчинами и женщинами, формируя тем самым новаторскую литературную тенденцию.

Начать, однако, стоит с понимания гротеска в японской и мировой литературе, так как в этом вопросе присутствует довольно интересная динамика. В мировом литературоведении и философии одним из главных теоретиков «гротескного реализма» является М. М. Бахтин (1895–1975). В своем труде «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965) Бахтин деконструировал явление смеха как такового, привязывая его к чему-то примитивному и низменному, присущему исключительно человеку. Смех, по Бахтину, не стеснен социальными, политическими, или экономическими проблемами. Это что-то максимально животное и природное, что есть у любого человека, и что позволяет этому человеку освободиться от проблем хотя бы на мгновение. Из этой трактовки смеха вытекает и понимание Бахтиным «гротескного тела» и гротеска — доведенные до абсурда образы «открытого» (открытый во время смеха рот, анус, вагина) и «проникающего» (нос, пенис), которые через взаимодействие с друг другом являют своеобразный канал взаимодействия человека с окружающим миром и другими людьми [Аверинцев 1992: 7–19]. Другими словами, гротеск — это своеобразная связующая нить между человеком и его *истинными* потребностями. Для данной статьи также будет немаловажно рассмотреть

¹ Научный руководитель — ст. преп. НИУ ВШЭ СПб А. Ю. Борькина.

несколько других концептов, предложенных Бахтиным, в частности явление «карнавала» и так называемые «низменные материи». Первое относится к массовому человеческому взаимодействию, в котором гротеск достигает своего апофеоза, а второе — к разного рода продуктам человеческой деятельности как физической (сперма, фекалии, моча), так и психологической (оскорбления, крики, песни), которые опять же, связывают человека с его *настоящей* сущностью и потребностями [Bakhtin 1984: 220-345].

В японской же культуре и литературе концепт «гротеска» — явление относительно недавнее и не столь распространенное. Пионером метода «гротескного реализма» в Японии является писатель-гуманист Оэ Кэндзабуро 大江健三郎 (р. 1935), и именно с его творчества начинается повсеместное внедрение метода в современную японскую литературу.

Очевидно, что Оэ не был знаком с теоретическими концепциями Бахтина, однако, сам того не зная, собственным путем, писатель приходит к очень похожим выводам касательно гротеска как инструмента проявления истинной сущности человека, но на этот раз намного более в психологическом ключе. Для Оэ гротеск является и являлся каналом связи со своими собственными комплексами и страхами: рождение неизлечимо больного сына; посттравматический синдром, связанный с войной и ядерными бомбардировками Хиросима и Нагасаки. Облачая свою боль и депрессию в монструозные образы, автор тем самым входит в контакт со своими глубинными травмами и переживаниями, проецируя их в свои произведения. Сам автор не раз высказывался, что литература помогает ему справиться со сложными чувствами, выступая не только своеобразным психологом, но и рупором, через который писатель транслировал недовольство окружающим миром и собой [Wilson 2016: 123-232].

Для Мурата и Мотоя гротеск в литературе работает в аналогичном ключе, однако в их конкретном случае проблематика произведений в той или иной степени связана с мужчинами и трудностями взаимоотношений с ними. Сборник *せ:сэцу* 小説 «Брак с другими видами» (яп. 異類婚姻譚, «Ируй конъин тан», 2016) Мотоя посвящен именно выражению страхов и недовольства относительно взаимоотношений мужчин и женщин. Однако, по сравнению с произведениями Мурата, гротеск как метод тут задействован в крайне мягком ключе. Так, например, первый по счету, одноименный с названием сборника рассказ, повествует о женатой паре, которая, несмотря на относительно спокойную и счастливую семейную жизнь, со временем сталкивается с трудностями относительно вопроса индивидуальности каждого из партнеров. Героиня рассказа, от лица которой идет повествование, не может совладать с ощущением, что медленно теряет уникальность своей личности, с каждым днем все больше и больше сливаясь со своим мужем. Слияние, однако, происходит не только на психологическом, но и на физическом уровне: героиня раз за разом замечает, что муж, стоя перед зеркалом в ванной, постепенно теряет черты лица, превращаясь в своеобразный бесформенный пузырь. То же самое, со временем, за собой замечает и героиня. Многочисленные

разговоры героини со своими женатыми друзьями, которые случаются на протяжении всего рассказа, так же, как и явные намеки на то, что эти друзья, предположительно, не только испытывают такую же метаморфозу, но и уже через нее прошли, позволяют предположить, что Мотоя указывает на конкретную проблему японского брака, в котором под давлением социальных факторов два отдельных человека сливаются в некий безликий социальный институт. Нельзя не заметить, однако, что данный сюжет может рассматриваться и как критика явления брака в целом, и не только в Японии. Заканчивается рассказ тем, что героиня «кричит» на своего уже совершенно потерявшего очертания мужа, что приводит к его «взрыву» и превращению в прекрасный цветок, что, опять же, намекает на мнение Мотоя касательно несостоятельности института брака, в котором ущемляется индивидуальность не только женщин, но и мужчин.

В некотором роде похожую проблему поднимает рассказ «Соломенный муж» (яп. 藁の夫, «Вара-но отто», 2014), в котором отношения семейной пары осложнены неконтролируемой вспыльчивостью мужа, под которую героиня вынуждена подстраиваться. Сам муж описан как «человек, сплетенный из соломы», который во время своих истеричных эпизодов начинает буквально расходиться по швам, разбрасывая по всюду свои «внутренности», изображенные в виде миниатюрных музыкальных инструментов [Мотоя 2016]. И в первом, и во втором случае гротеск используется чтобы подчеркнуть довольно очевидные визуальные метафоры и усилить предположительно заложенную автором проблематику отношений между мужчинами и женщинами. По другой версии, гротеск может выступать допустимым форматом, в котором подобный дискурс в принципе может существовать в художественной литературе.

Сборник *せ:сэцу* «Пикник в грозу» (яп. 嵐のピクニック, «Араси-но пикуникку», 2013) продолжает вышеупомянутые тенденции, однако в рассматриваемом в рамках данной работы рассказе «Женщины» (яп. 女たち, «Оннатати») наблюдается ряд черт, которые выбиваются из парадигмы творчества Мотоя. Рассказ повествует о паре, направляющийся на так называемое «сражение». Читателю до самого конца произведения не раскрывается сущность этого сражения и его предназначение, однако из диалога главного героя (мужчины, что необычно для творчества Мотоя) и его возлюбленной можно почерпнуть, что, во-первых, инициатором этого сражения является сама девушка, а, во-вторых, спровоцировано оно ревностью и возможной изменой главного героя. Ревность и разного рода агрессия девушки передается, опять же, через гротескную анатомическую метаморфозу: ее ногти превращаются в длинные темные пики; тело деформируется и достигает огромных размеров; глаза выпирают из глазниц, а огромные губы начинают сочиться губной помадой. Первоначальная моральная полярность обоих персонажей, однако, является лишь напускной. При особом внимании к деталям и внутренним диалогам главного персонажа, а точнее – к несоответствию этих диалогов тому, что он на самом деле говорит своей партнерше

протагонист, становится понятно, что имеет место некая манипуляция, которая и довела девушку до крайности в виде «сражения». Не считая гротескности монструозного образа девушки, само «сражение», будучи кровавой драмой на выживание, является метафорическим искривлением обычного разговора, которым, возможно, будет определена дальнейшая судьба отношений героев [Мотоя 2013]. Вновь мы можем наблюдать, как с помощью гротеска Мотоя подчеркивает несостоятельность тех или иных отношений, или даже социальных институтов. Однако, несмотря на крайнюю графичность представленных образов, сложно назвать их действительно отталкивающими или радикальными.

Роман «Земляне» (яп. 地球星人, «Тикю:сэйдзин», 2018) Мурата Саяка продолжает тенденцию использования гротеска как инструмента для освещения гендерной проблематики, однако в случае с творчеством Мурата, во-первых, гротеск доведен до действительно выдающегося уровня, а, во-вторых, отчетливо прослеживаются бахтинские понятия о гротеске, несмотря на то, что Мурата, так же, как и Оэ, не была знакома с творчеством философа. События романа выстраиваются вокруг главной героини, за жизнью которой читатель наблюдает, начиная с самого раннего ее возраста. Девушка крайне несчастна, и на регулярной основе подвергается сексуальным домогательствам со стороны своего преподавателя-мужчины. Родители девушки, будучи очень традиционной семьей, и слушать не хотели о ее жалобах и мольбах о помощи, что сильно травмировало героиню и сделало ее крайне социопатичной и закрытой. Именно на этой ранней стадии жизни, омраченной всеми вышеупомянутыми событиями, у героини начинают развиваться интересного характера защитные механизмы, с помощью которых она предпринимает попытку отгородиться от окружающего жестокого мира. В частности, девушка начинает видеть в своей мягкой игрушке существо с другой планеты, которое активно выходит с ней на контакт, убеждая ее в том, что она, на самом деле, такой же пришелец, как и эта игрушка, и должна сбросить с себя оковы окружающего социума. Параллельно с инопланетным дискурсом в жизни героини происходит еще одно значимое для дальнейшего сюжета событие – девушка влюбляется в своего двоюродного брата, в котором видит единственного близкого ей по духу, а позже и по телу живого существа. Более того, брат, похоже, разделяет инопланетную культурную парадигму героини, веря в то, что они существа не с этой планеты, и должны обязательно найти «своих» людей. Запретный роман доходит до своей высшей точки, когда на похоронах общего родственника сестра и брат вступают в половой акт, да еще и прямо на могиле умершего родственника. Символический акт отречения от традиции и устоявшихся норм прерван семьями любовников, с их последующим насильственным разделением.

Далее сюжет романа переносится уже к взрослой протагонистке, которая, несмотря на прошедшее время, все также презирает и ненавидит окружающий мир, обязывающий ее рожать детей и быть «ячейкой общества». Одержимость героини доходит до апофеоза, когда она возобновляет контакт как со своей мягкой игрушкой,

так и со своим бывшим возлюбленным. Движимые идеей своей инопланетной сущности, влюбленные удаляются в маленькую и отдаленную от больших городов деревню, где начинают свою «праведную битву» против окружающего их общества. Найдя сподвижников, разделяющих их точку зрения, пара основывает своеобразную общину, построенную на инцесте и каннибализме жителей этой деревни [Мурата 2020].

В творчестве Мурата мы можем наблюдать трансформацию приема гротеска от более упрощенного изображения невозможной в реальности анатомической трансформации, встречаемой в творчестве Мотоя, до гротескной абсурдности именно ситуации. В «Землянах» гротеск обусловлен рамками скорее ментальными, чем анатомическими, что делает его не только более устрашающим, но и вдвойне подчеркивает главную мысль произведения – как построенные на традиционной японской культуре гендерные отношения, во-первых, отменяют и игнорируют индивидуумов, под эти нормы не подходящих, и во-вторых, путем этой небрежной селекции создают настоящих монстров, коим и оказалась под конец «Землян» протагонистка. Вся та трансформация, что испытала эта «община инопланетян», если судить по бахтинским представлениям о гротеске, была обусловлена лишь желанием группы отверженных выстроить связь со своими истинными потребностями, до этого подавляемыми окружающим миром, чем и обусловлена их своеобразная радикальность. Доведенные до абсурда оргии общины можно рассматривать исключительно как желание любить и быть любимым, в то время как поедание других людей может быть интерпретировано как способ единения с людьми, воспринимаемый нездоровым разумом как единственно возможный. Тут же стоит вернуться и к «низменным материям» Бахтина, ведь именно ими члены общины обмазывались на регулярной основе, что следует воспринимать как, опять же, единственный воспринимаемый героями способ единения с природой и другими людьми. Главная героиня романа, ее брат, остальные члены их «семьи» — все они устроили себе своеобразный гротескный бахтинский «карнавал», где под масками пришельцев с другой планеты они могли наконец-то испытать то счастье и удовлетворение от освобождения от традиционных норм, которые лишали их этого счастья на протяжении всей их жизни.

Несмотря на столь разные методики инкорпорирования гротеска в свои произведения, Мотоя Юкико и Мурата Саяка пытались таким образом привлечь внимание читателей на одну и ту же проблематику — насколько традиционное восприятие гендера и гендерных отношений современного японского общества устарело, создавая, тем самым, дисфункциональные ячейки общества (брак по Мотоя) с одной стороны, и отмечая неудобных этому традиционному восприятию людей (Мурата и ее община отверженных) с другой [Жеребкина 2001: 712].

Список использованных источников и литературы:

Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.

Жеребкина И. Феминистская литературная критика // Введение в гендерные исследования. Часть 1. 2001. С. 712.

Мотоя Юкико 本谷有希子. Ируй конин тан 異類婚姻譚 [Брак с другими видами]. Токио: Бунгэйсюндзю, 2016. 159 с.

Мотоя Юкико 本谷有希子. Араси-но пикуникку 嵐のピクニック [Пикник в грозу]. Токио: Бунгэйсюндзю, 2013. 158 с.

Мурата Саяка 村田沙耶香. Тикю:сэйдзин 地球星人 [Земляне] Токио: Бунгэйсюндзю, 2020. 240 с.

Bakhtin M. M. et al. Rabelais and his world. Indiana University Press, 1984. Т. 341. Pp. 220–345.

Wilson M. N. The Marginal World of Ōe Kenzaburo: A Study in Themes and Techniques. Routledge, 2016. Pp. 123–232.

Феномен популярности образа Сунь Укуна в китайском сценическом искусстве

Знаменитый классический роман «Путешествие на Запад» (西游记 *Си ю цзи*) литератора У Чэньэня (1500–1582) по праву является одним из наиболее ярких и известных произведений китайской литературы. По мотивам произведения и его фольклорных версий было поставлено множество спектаклей, которые и по сей день не теряют своей актуальности. Сам сюжет, как и все герои произведения «Путешествие на Запад», остаются чрезвычайно значимыми: в частности, они активно интерпретируются на сценах классического китайского театра.

Сюжетной основой этого произведения послужило реальное историческое событие — путешествие буддийского монаха Сюаньцзана в Индию за священными сутрами с 629 по 645 гг. в правление династии Тан (618–907). Однако впервые образ волшебной обезьяны встречается в произведении народной литературы «Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги» (XII в.), где образ Царя обезьян складывается под буддийским влиянием. Позже, в эпоху Юань (XIII–XIV вв.) сюжетом «Путешествия на Запад» начинают активно интересоваться китайские драматурги, однако ни одна из драм не сохранилась в полном объеме. Единственная из сохранившихся драматургических версий путешествия Сюаньцзана принадлежит авторству Ян Цзинсяня; считается, что пьеса стала художественной основой для классического романа [Сорокин, 1979. С. 78]. Пьеса Ян Цзинсяня — первое произведение, где данный персонаж впервые получает имя Сунь Укун, его биография дополняется, но он по-прежнему остается героем второго плана.

В сюжете классического романа Сунь Укун олицетворяет плутовского героя, который выполняет функцию шута. Его образ наряду с образом Чжу Бацзе² привносят в роман комическую составляющую и позволяют приблизиться к простому читателю. Что касается китайского традиционного театра, то и в нем самым популярным героем является Сунь Укун, который не только помогает Сюаньцзану преодолевать трудности, возникающие на их пути, но и придает веселости и озорства повествованию, оттеняя серьезность главной цели паломничества.

Увлекательный и динамичный сюжет, а также яркие и продуманные персонажи способствовали тому, что роман У Чэньэня стал необычайно популярен среди драматургов. Поскольку в основе сюжетов спектаклей пекинской оперы, как правило, лежат исторические события, легенды, предания, сюжеты классических романов, то

¹ Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек.

² Один из главных персонажей романа «Путешествие на Запад», комический волшебник, получеловек-полусвинья.

исключения не составил и сюжет романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад», где центральное место среди героев занимает ловкий и остроумный Царь обезьян Сунь Укун. Прежде всего, спектакли по сюжету «Путешествие на Запад» относятся к типу военных *уси*³ (武戏, букв. «военные спектакли»), так как большинство сцен являются батальными и акробатическими, а музыкальное начало выражается в громком и раскатистом инструментальном сопровождении различных боевых эпизодов, и, в отличие от других пьес пекинской оперы, вокальная составляющая предельно мала [Будаева, 2018. С. 22].

Роман «Путешествие на Запад» стал сюжетной основой для особого вида пьес китайского традиционного театра, «спектаклей обезьян» (猴戏 *хоуси*), среди них самыми популярными являются такие пьесы как «Сунь Укун», «Веер из пальмовых листьев», «Переполох в небесном дворце», «Небесный конюший», «Огненная гора» и др. «Спектакли обезьян» классифицируются по регионам и делятся, как правило, на южную и северную школы. Южная школа представлена жанром шаосинской оперы Чжэцзяна; а северная школа представлена Пекинской оперой, которая является самым распространенным оперным жанром в Китае⁴. Искусство актерской игры Ян Юэлоу (杨月楼, 1844–1890) и его сына Ян Сяолу (杨小楼, 1878–1938) является примером исполнения роли Царя обезьян в традициях северной школы пекинской оперы [Xu Chengbei, 2012. С. 10–13]. Впоследствии Ли Шаочунь (1919–1972), мастер амплуа *ушэн*, объединил все сильные стороны северной и южной школ и построил свою собственную интерпретацию исполнения роли Царя обезьян, взяв за основу манеру исполнения династии Ян. Что касается южной оперной школы, то представители актерской династии Чжан по праву считаются лучшими исполнителями роли Царя обезьян. За последнее столетие из этой семьи вышло немало талантливых артистов, которые передавали свое мастерство исполнения роли Сунь Укуна из поколения в поколение. Чжан Цзиньлай (章金莱, род. в 1959), более известный под псевдонимом Лю Сяолинтун (六小龄童, букв. «Шестилетний малый ребенок»), стал самым популярным артистом из четвертого поколения своей семьи. Свою актерскую карьеру в театре он начал в августе 1978 г., когда был принят в художественную школу труппы оперы *кунъюй* провинции Чжэцзян [Лю Сяолинтун, 2016. С. 35]. Он сыграл в таких спектаклях как «На перекрестке трёх дорог», «Сунь Укун в третий раз раздобыл волшебный веер» и «Прекрасный Царь обезьян устроил переполох во Дворце Дракона».

Одной из причин столь широкой популярности «спектаклей обезьян» считается их зрелищность и эффектность художественных особенностей исполнения роли Царя обезьян. Особую зрелищность «спектаклям обезьян» придают техники манипулирования разнообразным оружием и различными театральными предметами,

³ Жанр пекинской оперы, характеризующийся обилием сценических боев.

⁴ Monkey King Play Series: Youth Troupe of the Peking Opera Theatre of Beijing and Li Baochun [Эл. ресурс]. URL: https://www.cof.gov.hk/2016/en/programme_beijing.php (дата обращения: 30.03.2022).

демонстрация сложнейших комбинаций боевых движений с акробатическими кульбитами. Акробатика и упражнения боевого искусства позволяют актерам создавать персонажи и ситуации с помощью движений тела. Поскольку в пекинской опере не используется достаточно конкретная и реалистичная бутафория, от актера требуется прежде всего телодвижениями максимально точно показывать психологическую канву сюжета и характер персонажа. Акробатика и упражнения боевых единоборств (например, *ушу*⁵) придают значимость красоте игры и движений в танце. Актер демонстрирует свое мастерство от самых простых трюков до самых сложных в техническом плане. Например, такие техники, как «голодный тигр набрасывается на добычу», «питон поворачивает свое тело», выпад «лев открывает свою пасть», прыжок с двойным ударом ногой и др., являются характерными для батальных сцен с участием Сунь Укуна. В зависимости от особенностей сюжета пьесы такие театральные приемы могли сочетаться и с другими приемами — такими, как танец, пантомима, жестикуляция. Использование акробатических трюков и вообще участие в боевых сценах с использованием шестов, мечей и прочего реквизита требовали от актеров Пекинской оперы огромного физического напряжения. Персонаж Сунь Укуна, в частности, всегда имеет при себе волшебный посох, которым он активно пользуется во многих сражениях с врагами.

Таким образом, в контексте театральные интерпретаций образ Сунь Укуна значительно упростился и потерял свою философскую и поучительную коннотацию, содержащуюся в его литературных воплощениях, что вполне объяснимо задачами подобных зрелищных театральные постановок, которые призваны, в первую очередь, развлекать зрителя. Однако именно такие увеселительные спектакли обезьян, наполненные зрелищными трюками, помогли пьесе развить свою популярность до необычайных масштабов.

Список источников и литературы

Будаева Т. Б. Пекинская опера цзинцзюй: музыка, актер и сцена китайского традиционного театра. М.; СПб.; Нестор-История, 2018. 244 с.

Лю Сяолинтун. Синчжэ: и нянь и шэн [行者: 一念一生]. Автобиография Лю Сяолинтун // 长江文艺出版社 Чанцзян вэньи чубаньшэ. 2016. 273 с.

Мазницин А. В. Ушу как музыкально-пластический элемент Пекинской оперы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. №150 [Эл. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ushu-kak-muzykalno-plasticheskiy-element-pekinskoj-opery> (дата обращения 05.04.22).

Сорокин В. Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. Генезис, структура, образы, сюжеты. М.: Наука, 1979. 335 стр.

⁵ Традиционные китайские боевые искусства. В Китае данное понятие охватывает также танцевально-акробатические номера, являющиеся частью традиционного театрального или циркового представления.

У Чэн-энь. Путешествие на Запад: в 4 т. / пер. А. Рогачева. М.: ГИХЛ, 1959. (2-е изд. Рига: Полярис, 1994; 3-е изд. М.: Эннеагон Пресс, 2008).

Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги / пер. с кит., иссл. и прим. Л. К. Павловской. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 143 с.

Monkey King Play Series: Youth Troupe of the Peking Opera Theatre of Beijing and Li Baochun [Эл. ресурс]. URL: https://www.cof.gov.hk/2016/en/programme_beijing.php (дата обращения: 30.03.2022).

Xu Chengbei. Peking Opera. Introduction to Chinese Opera // Cambridge University Press, 2012. P. 10–13.

Дудников Павел Сергеевич
студент 4 курса кафедры философии и культурологии Востока Института
философии СПбГУ¹

Даосский трактат «Ду жэнь цзин» как результат диалога буддизма и культа предков

«Ду жэнь цзин» (度人經, «Канон спасения»²) — даосский священный текст начала V века, входивший в изначальный корпус текстов школы Линбао (靈寶, школа «Духовной Драгоценности»). Среди них «Ду жэнь цзин» довольно быстро выдвинулся на наиболее почитаемое место, став в эпоху Тан и Сун одним из главных писаний даосской религии в целом³.

Назначение «Ду жэнь цзина» в первую очередь заключалось в спасении мириад поколений предков адепта от превратностей посмертного существования. Именно возможность повлиять на судьбу умерших родственников стала основной причиной популярности этого религиозного текста.

Современная даология, за исключением отдельных исследователей, уделяет довольно скромное внимание «Ду жэнь цзину» и школе Линбао. Можно сказать, что тема «Ду жэнь цзина» введена в научный оборот на уровне содержания текста, и часто используется в качестве источника по даосской космологии (в частности, в работах С. В. Филонова).

Между тем, проблема контекста распространения учения Линбао и «Ду жэнь цзина» в частности, в т. ч. характер их взаимодействия с буддизмом и традиционными верованиями, остаётся дискуссионной и слабо изученной – несмотря на то, что доктрина Линбао являет собой одно из первых синкретических религиозных учений в Китае, в известной степени примирившей аспекты китайского мировоззрения с буддийскими идеями. Поскольку сквозной темой «Ду жэнь цзина» является именно спасение предков, в настоящей статье предпринята попытка проанализировать характер взаимодействия учения «Ду жэнь цзина» с культом предков в Китае.

На уровне доктрины, основной эффект от практики рецитации «Ду жэнь цзина» заключался в воссоединении телесной души родственника *по* 魄, томящейся после его смерти во Дворце Великой тьмы (*тай инь гун* 太陰宮), с небесной душой *хунь* 魂, пребывающей в Южном дворце (*нань гун* 南宮).

¹ Научный руководитель: к. филос. н. А.Д. Зельницкий.

² Полное название текста – «Тай шан дун сюань линбао улян ду жэнь шан пинь мяо цзин» (太上洞玄靈寶無量度人上品妙經).

³ В эпоху Тан «Ду жэнь цзин» стал одним из трех текстов (наряду с «Дао-дэ цзином» 道德經 и «Хуан тин цзином» 黃庭經) для изучения по упрощённой системе экзаменов в даосские священнослужители (эдикт 822 г. императора Му-цзуна 穆宗, см. Barrett, 1996). В период правления сунского Хуэй-цзуна (徽宗, 1082–1135), «Ду жэнь цзин» был помещен в самое начало первого «вместилища» Дао цзана 道藏.

Воссоединение *хунь* и *по* представляло собой алхимическую трансмутацию, в ходе которой даос обретал новое тело, человека либо небожителя, и – перерождался на земле либо на небесах.

Правильно обставленная рецитация «Ду жэнь цзина» становилась не чем иным, как обращением адепта к небесным чиновникам Трех Канцелярий Южного Дворца, ведающими жизнями и смертями земных существ. Подготовка к рецитации включала в себя омовение, уединение в «комнате» (*жу ши* 入室)⁴ и визуализацию зверей четырех сторон света и еще двух зверей, вверху и внизу, защищающих витальные силы адепта [3, с. 385]. Далее адепт «клацал зубами» (*коу чи* 叩齒), вызывая божеств, обитающих в его теле, и направлял их к божествам Небесной Канцелярии. Основной гарантией, что божества Небесной Канцелярии внимают обращению адепта, являлось перечисление в тексте их 32 тайных имен — т. н. «тайный язык Великого Брахмы» (*дафань иньюй* 大梵隱語)⁵. Особо рекомендовалось отправлять ритуал рецитации в дни «Трех Изначальных» (*сань юань* 三元), ассоциируемых с Тремя Канцеляриями: именно в эти дни божества принимаются за обработку реестров жизней и смертей [3, с. 390].

За ритуалом рецитации «Ду жэнь цзина» ясно прослеживается т. н. «ритуал перехода» — общерелигиозный феномен, представленный в китайской традиции брачным и погребально-траурным ритуалом. Собственно, термин *ду* 度, который выше переводился как «спасение», буквально обозначает «перевод [кого-то] через».

Ритуал спасения в качестве «ритуала перехода» имеет ряд смысловых соответствий с традиционным китайским погребальным обрядом.

По ходу погребального обряда тело усопшего обмывают, специальным образом облачают, обставляют убранство гроба, снабжают усопшего всем, что могло бы ему понадобиться в загробном мире: иными словами, обеспечивают неприкосновенность тела родственника для его дальнейшей жизни [7, с. 40]. В то же время, ритуалы рецитации «Ду жэнь цзина» побуждали к алхимической выплавке нового тела усопшего через воссоединение душ и перерождение (*хуа шэн* 化生) [6, с. 334]: речь также идет об оформлении дальнейшей жизни родственника – в новом теле⁶.

⁴ В тексте «Ду жэнь цзина» не упоминается, имеются ли в виду «комнаты» в неких даосских святилищах. В сочинениях Лу Сюэцина (陸修靜, 406–477) реформатора даосского ритуала, имеются указания по обустройству молельных помещений на территории частных усадеб [5, с. 67]. Бокенкамп допускает, что рецитация «Ду жэнь цзина» преподносилась как индивидуальная практика, что было связано со слабо развитым на то время институтом даосского духовенства [3, с. 389].

⁵ Слова языка, на котором говорили в предшествующих кальпах (*цзе* 劫), совершенно непостижимы для человеческого уха. В «Ду жэнь цзине» эти тайные имена транслитерированы и записаны с помощью редко встречающихся иероглифов (по аналогии с транскрипцией санскритских терминов, см. Zürcher, 1980). Они также использовались в линбаоских текстах и ритуалах в виде талисмана.

⁶ Не исключено, что традиционный погребальный «ритуал перехода» также преследовал цель воссоединения *хунь* и *по*, которое мыслилось как нисхождение *хунь* к *по* в захоронение и дальнейшая жизнь родственника там (для чего он и обеспечивался всем необходимым) [2, с. 10].

Вдобавок, и тот и другой ритуал преимущественно направлены на телесную душу-*но*. Если действия в традиционном обряде призваны успокоить телесную душу, дабы она не явилась родственникам в виде злого духа-*гуй* 鬼, то рецитация «Ду жэнь цзина», как уже говорилось, полагала целью вызволить душу-*но* из Дворца Великой тьмы. И в том, и в другом случае начальной точкой для отправления ритуала является убежденность в том, что телесная душа-*но* находится в толще материальной обусловленности и сама не может себе помочь.

Эти способы заботы о родственнике специфичны тем, что не могут быть отпращены самим старшим родственником, и всецело зависят от исполнения младшими своего нравственного долга. В свете этого, можно предположить, что усилия даоса по спасению умершего родственника можно подвести под проявления «сыновней почтительности» (*сяо* 孝).

О Конфуции в «Лунь юй» 論語 сообщается, что он «приносил жертвы предкам так, словно они были живые; приносил жертвы духам так, словно они были перед ним»⁷. Действительно, почитание старшего родственника достигало апофеоза после его смерти [7, с. 43], выражаясь в церемониале похорон, ношении траура и жертвоприношениям на алтаре предков. Забота о родственнике со стороны адепта Духовной Драгоценности выражалась не только в количествах рецитаций, но и в благоговейном отношении к самому писанию, ответственном оформлении акта коммуникации с небесной бюрократией:

[Люди, что относятся к писанию] легкомысленно, разносят то, что в нем почерпнули, [позволяют себе] небрежность – на [их] род в девяти поколениях обрушатся несчастья, будут [они все] тяжело трудиться в приказе демонов.

輕泄漏慢，殃及九祖，長役鬼官⁸。

Важнейшей компонентой сыновней почтительности являлась глубокая эмоциональная связь со старшим родственником. В традиционном ритуале, регуляторами отправления погребальной церемонии и ношения траура полагались: *энь* 恩 (сострадание), *ли* 理 (справедливость), *це* 節 (умеренность) и *цюань* 權 (податливость) [8, с. 286]. В случае же ритуала рецитации «Ду жэнь цзина», мы предполагаем присутствие паттерна сыновней почтительности благодаря ярко выраженной теме сострадания к предкам. В текстах школы Линбао, как и в линбаоских сводах этических предписаний, активно использовались мотивы буддизма Махаяны сострадания к мириадам живых существ, а также устремлённости к их спасению⁹. В «Ду жэнь цзине» – применительно к родственникам адепта – эта фигура принимала, например, такую формулировку:

⁷ Пер. В. А. Кривцова.

⁸ «度人經四註» (DZ 38-39), цз. 1: 25a

⁹ Так, среди «12 клятв» адепта Линбао присутствовал обет «прилагать усилия для всеобщего спасения».

Всякому, кто прочтёт это писание десять раз, непременно внемлют на всех небесах. Мириады давно [ушедших] поколений предков, души, заточенные во мраке, [равно как и] мучительно отторгнутые – всех тут же перенесут [на тот берег], вознесутся в Красный Дворец¹⁰.

凡誦是經十過，諸天齊到，億曾萬祖，幽魂苦爽，皆即受度，上升朱宮¹¹。

И всё же, утверждать об интеграции практики рецитации «Ду жэнь цзина» в традиционный культ предков преждевременно, пока мы не осветили концепцию перерождения в учении Линбао. Этот вопрос крайне важен, поскольку тут же погружает нас в контекст процесса усвоения идеи кармы и воздаяния китайской культурой, и характера критики буддизма в эпоху Шести династий. Известно, что, на начальном этапе распространения буддийских монастырей монахов порицали за отсутствие «сыновней почтительности», поскольку те уходили от своих семей (*чу цзя* 出家) и принимали целибат [5, с. 70]. В то же время, традиционный ритуал предписывал приносить жертвы только предкам своего клана (*цзу* 祖), а перерождение души родственника в чужой семье, как считалось, размывает родовую взаимосвязь [3, с. 374].

Согласно учению Линбао, каждый человек обладает определенным титулом в небесной бюрократии (в разные периоды выделяли 7 или 9 уровней), в зависимости от степени его продвижения по пути Дао. В земной жизни связующим звеном с небесной иерархией являются божества тела [4, с. 126]. После смерти тела душа *хунь* возносится в Южный Дворец, и лишь спустя некое количество лет (в зависимости от серьезности прегрешений в земной жизни) *хунь* могла бы переродиться заново. Последующие перерождения именно потому были столь желательны, что позволяли дальше накапливать даосские заслуги, чтобы в конце концов достичь состояния Совершенного человека (*чжэнь жэнь* 真人):

Тем, кто поздно [принялся за] учение и [видит лишь] поверхность Дао-пути, быть может, будет еще далеко до ранга небожителя – достаточного для того, чтобы разорвать цикл перерождений. [В этом случае] телу не миновать Великой Тьмы. (...) Душа-*хунь* возносится напрямиком в Южный дворец, где ей, [в соответствии с ее] заслугами в учении, назначают день, [когда] надлежит вновь родиться. Колесо [рождений и смертей] движется, не уничтожая [душу] – вот почему [та] достигнет [статуса] святого-небожителя¹².

夫未學道淺，或仙品未克，運應滅度，身經太陰。 (...) 魂神經上南宮，隨其學功，計日而得更生，轉輪不滅，便得神仙¹³。

Сама по себе идея перерождения не была нова для даосизма: были известны представления о реинкарнациях Лао-цзы 老子; в практиках школы Шанцин 上清

¹⁰ Другое название Южного Дворца.

¹¹ «度人經四註» (DZ 38-39), цз. 1: 23a

¹² В зарубежной синологии всё чаще вместо слова «бессмертие» (immortality) используется термин «transcendence» (трансцендентность, превосходство) [4]. Это связано с тем, что термин «бессмертие» не отражает градацию степеней совершенствования в Дао: бессмертие либо есть, либо его нет. Кроме того, даосская традиция отмечала способы, по которым *сянем* можно было стать, лишь пройдя через врата смерти.

¹³ «度人經四註» (DZ 38-39), цз. 3: 47a

перерождение мыслилось лишь для низших небесных иерархов [3, с. 375]. Однако в сотериологии Линбао цепочка перерождений приобрела безусловную значимость: более того, считалось, что перерождение нужно заслужить, поскольку, в случае прегрешений, адепта ожидало бы возмездие и отбывание наказания во Дворце Великой тьмы.

С фактическим лишением идеи перерождения серьезной негативной коннотации (по сравнению с буддийской сансарой) связано и положение школы Линбао о том, что обретение весомого статуса в небесной иерархии влекло за собой перерождение в знатной и благополучной семье [4, с. 129]. В связи с этим, среди адептов Духовной Драгоценности, выражением наивысшей верности считалась молитва о том, чтобы умерший родственник переродился в «семье вана или хоу» (*ван хоу чжи цзя* 王侯之家) [1, с. 178].

При этом сама вера в возможность повлиять на время и благоприятность перерождения базировалась на представлении о посмертной родовой взаимосвязи, стоящем в фундаменте и культа предков как такового. Добродетели или прегрешения предков, как считалось, сказывались на удачах или неудачах в жизни потомков: в даосизме Линбао это вылилось в идею «унаследованного бремени» (*чэнфу* 承負) и ее противоположности – «сокрытой благодати» (*иньдэ* 隱德), которые проявляются в жизни потомков вплоть до седьмого колена [3, с. 374]. В то же время, согласно традиционным представлениям, неисполнение потомками своего сыновнего долга приносить жертвы на алтарь могло привести к большим несчастьям и для живых, и для мертвых [9, с. 225].

Потомок, обращавшийся к «Ду жэнь цзину», способствовал продвижению предков по небесной иерархии, что приумножало «духовный капитал» самого потомка и давало благие всходы в виде повышения небесного ранга и благоприятных следующих жизней. К тому же, в случае если родственник благодаря действиям своих потомков возносился на небеса и окончательно занимал место в небесной бюрократии – далее не перерождаясь на земле – тот, в свою очередь, мог бы способствовать спасению своих потомков на земле [3, с. 375].

Таким образом, практика рецитации «Ду жэнь цзина» представляет собой форму заботы об умершем родственнике. В этом качестве она имеет ряд соответствий с религиозным комплексом культа предков. Нужно отметить, что ритуал рецитации «Ду жэнь цзина» скорее дополнял его, поскольку преследовал цель именно спасения души родственника, а не ее умиротворения и огораживания от мира живых. Тем не менее, благодаря своей нравственной компоненте практика рецитации «Ду жэнь цзина» могла быть приемлемой с точки зрения этики сыновней почтительности.

В целом, «Ду жэнь цзин» представляет собой значительное явление в истории религий Китая хотя бы потому, что приспособливает идею перерождения к автохтонным верованиям – с их убеждением в родовой взаимосвязи живущих и ушедших поколений.

Список литературы

1. Bokenkamp S. *Ancestors and Anxiety. Daoism and the Birth of Rebirth in China.* Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2009. 220 с.
2. Bokenkamp S. *Death and Ascent in Ling-pao Taoism* // *Taoist Resources*, I, 2. Peralta, NM: The Plumtree, 1989. С. 1-21
3. Bokenkamp S. *Early Daoist Scriptures.* Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999. 502 с.
4. Bokenkamp S. *Stages of Transcendence* // *Chinese Buddhist Apocrypha* / edited by Robert E. Buswell, Jr. Honolulu: University of Hawaii Press, 1990. 342 с.
5. Lagerwey J. *Paradigm Shifts in Early and Modern Chinese Religion. A History.* Leiden, Boston: Brill, 2019. 293 с.
6. Sigwalt P. *Le rite funéraire Lingbao à travers le Wulian shengshi jing (Ve siècle)* // *T'oung Pao Second Series*, Vol. 92, Fasc. 4/5. Leiden: Brill, 2006. С. 325-372
7. Закурдаев А. А. *Культ предков и буддизм в современном Китае: проблема тела и телесности* // *Сибирские исторические исследования.* Вып. 11. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 38-61
8. Кейдун И. Б. *Древнекитайские ритуалы жизненного цикла: структура и функции ритуала перехода (по материалам классического конфуцианского трактата «Ли цзи»).* Благовещенск: на правах рукописи, 2019. 344 с.
9. Кучера С. *История, культура и право Древнего Китая: собрание трудов / С. Кучера.* М: Наталис, 2012. 416 с.

Заикина Елена Викторовна
студентка 2 курса магистратуры кафедры регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений
Института гуманитарных наук АлтГУ

Геополитическое влияние китайской миграции на торгово-экономические связи с восточными регионами Российской Федерации

Увеличение темпов китайской миграции несет значительные последствия для социально-экономического развития России и геополитической обстановки в евразийском регионе. Особенную актуальность данная проблематика приобрела на фоне сложившейся демографической обстановки в районах Сибири и Дальнего Востока, из-за географических условий и сокращения населения привлекающих в производственных целях иностранных специалистов.

После распада Советского Союза ситуация в приграничных территориях начала меняться: возобновились экономические и возродились культурные связи, стремительно развивалась двусторонняя «челночная» торговля, была упрощена процедура пересечения границ гражданами РФ и КНР.

Миграционный поток населения из Китая в восточных регионах России вызывает опасения. Основными причинами для них являются увеличивающаяся разница в демографических показателях двух государств, перенаселенность китайских провинций, недостаточно развитые транспортные связи Дальнего Востока, усиление зависимости местной экономики от КНР и «синофобия».

Возникшая ситуация в приграничных районах приобрела геополитический характер и выходит за региональные рамки. Особенно сложности могут возникнуть в социальном и этническом плане, в выработке стратегий по адаптации иностранных граждан, соглашений по ключевым аспектам взаимодействия с китайскими партнерами. Миграционная политика – это основа российско-китайского сотрудничества, определяющая его будущее развитие.

При оценке масштабов китайской иммиграций, её социально-экономических, демографических и геополитических последствий нужно принимать во внимание противоречивость официальной информации о состоянии миграционного взаимодействия РФ и КНР, в частности, переписей населения, ведомственной статистики, средств массовой информации. Отечественная система контроля за пересечением границ РФ и регистрацией китайских граждан не позволяет в полной мере проследить миграционные процессы в приграничных территориях. Данные о численности отдельных категорий китайских мигрантов и их социально-демографического положения отсутствуют. Официальная статистика не затрагивает всевозможные вариации передвижений граждан КНР, не раскрывает полностью их

масштабы и направления, не позволяет представить полную картину китайской миграции в России.

Данные официальной статистики ведомственных учреждений показывают, что китайские граждане представляют собой относительно небольшую часть мигрантов, прибывающих в РФ, особенно в сравнении с прибывающим населением из стран СНГ. По статистике отечественных ученых, общая одномоментная численность китайцев на территории России не превышает полумиллиона человек и находится в диапазоне 200–400 тыс. человек. [Александрова, 2005, с.228]

При этом следует учитывать, что на сегодняшний день китайская миграция преимущественно носит временный характер. Они пребывают на российскую территорию в рамках служебных командировок, по временным трудовым контрактам, на учебу или в качестве туристов, индивидуальных предпринимателей и торговцев-"челноков".

Можно утверждать на основе данных статистики, что в период до мирового финансового кризиса 2008 г. в объеме китайской миграции в Россию прослеживалась тенденция к увеличению. В течение 2000–2008 гг. общее число прибывших из КНР в РФ на постоянное место жительства, в служебную командировку, в качестве предпринимателей, туристов, по приглашениям или транзитом увеличилось с 493,8 тыс. человек до 815,5 тыс. человек, или в 1,7 раза. Особенно был заметен рост въезжающих в Российскую Федерацию из КНР в рамках частных визитов. Так, по данным Федеральной пограничной службы России, в период с 2000 по 2008 г. число частных поездок в РФ из Китая возросло в 13 раз. Заметно, что количество китайского населения, въезжающего в Россию, устойчиво превышает количество ее покидающего. В результате прослеживается ярко выраженная тенденция роста китайского присутствия в стране. За десятилетний период (1999–2008 гг.) в Россию въехало 6,8 млн китайцев, или примерно по 680 тыс. в среднем за год. За этот же период выехало 6,6 млн человек (по 660 тыс. в год). В результате такого несбалансированного обмена в России к моменту начала кризиса задержались и остались на неопределенное время в общей сложности 206 тыс. китайцев, в том числе 31 тыс. человек из числа транзитных мигрантов. [Занданова, 2013, с.183]

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. скорректировал сложившиеся тенденции в миграционном взаимодействии России и Китая. Сокращение объемов производства в восточных регионах, уменьшение числа рабочих мест, отказ переселяться в труднодоступные территории в условиях кризиса, значительно повлияли на число китайских граждан, прибывающих в Россию. По данным Росстата, в 2009 г. в сравнении с 2008 г. общее число прибывших из Китая в Российскую Федерацию уменьшилось с 815,5 тыс. человек до 718,6 тыс. человек, т. е. на 96,9 тыс. человек, или на 11,9% (в целом по РФ - на 9,9%). [Ларин, 2009, с.111]

Можно заметить, что направления миграционных потоков из Китая в Россию связаны с географией китайских провинций. Большая часть китайских мигрантов

приезжает в Россию из приграничных северо-восточных провинций — Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, а также Автономного района Внутренняя Монголия, для которых характерно замедленное экономическое развитие.

Как показывает анализ, в период 2000-х годов в миграционных потоках из Китая выделялись также провинции центральной части КНР, а также быстроразвивающиеся города приморских территорий, в первую очередь Шанхай. Среди китайских мигрантов, прибывающих в Россию, заметную роль играют лица, проживавшие в малых городах и сельской местности, поскольку там сосредоточена значительная часть демографического потенциала КНР, а масштабы безработицы и бедности получили наибольшее распространение. [Ларин, 2008, с.115]

Ключевые факторы миграции из Китая — это демографическое давление, низкий уровень жизни значительной части населения северо-восточных провинций и увеличивающаяся безработица. Число тех, кто нуждается в работе, значительно превосходит количество вакансий, существующих в экономике страны. По имеющимся оценкам, китайское трудоизбыточное сельское население составляет в настоящее время не менее 130 млн человек. Они практически не имеют постоянной работы и по мере ослабления ограничений на передвижения ищут заработок в любых районах страны и за рубежом, в т. ч. и в соседней России. [Понкратова, 2010, с.186]

Определенное влияние на рост миграции из Китая оказывают факторы притяжения, связанные с особенностями современного демографического и социально-экономического положения России. Отечественные предприятия адаптируются к требованиям рынка, их развитие находится в прямой зависимости от снижения издержек производства.

В результате нелегальной миграции все большее число граждан КНР оказывается в теневой сфере занятости. Растут потери для бюджета из-за сокращения платы за использование иностранной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Китайская нелегальная иммиграция способствует расширению незаконного оборота денежных средств, сокрытию доходов, криминализации структуры капитала.

Оценивая тенденции китайской миграции и ее последствия, следует учитывать, что миграционное движение из Китая в Россию — это не только региональная, но и социально-экономическая и геополитическая проблема перспективного развития страны. Увеличение китайской трудовой миграции и усиление ее влияния на национальный рынок труда в контексте перспектив демографического развития российского государства неизбежны. Противоречивость роли, которую играет в современной России китайская миграция, требует от государства дифференцированного регулирования в этой сфере.

Список литературы

Александрова, М. В. Российско-китайские приграничные экономические отношения. М., 2005. С. 228–229.

Занданова, О. Ф. К вопросу об экономической эффективности привлечения и использования иностранной рабочей силы / О. Ф. Занданова // Приоритетные направления социально-экономического развития Байкальского региона и Востока России в условиях глобальных и региональных вызовов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 20-22 июня 2013 г. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 180–185.

Ларин, А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

Ларин, А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 111–123.

Понкротова, Л.А. Китайская трудовая миграция на Дальний Восток России: современные реалии и перспективы // Российское предпринимательство. 2010. Том 11. № 7. С. 185–190.

Закирова Амина Шамилевна
студентка 4 курса Высшей школы
международных отношений СПбПУ¹

Характеристика императорского костюма в трудах китайских учёных

Введение. Китайский традиционный костюм играет важную роль в наследии китайской цивилизации. Одежда как неотъемлемый элемент культуры страны, отражает политические и экономические преобразования, которые касались государства. Социальные различия внутри группы или этноса чётко фиксируются в одежде. Костюм представляет собой целый комплекс различных деталей и аксессуаров, воспринимавшихся как единое целое, поэтому его материал, крой, цвет и орнамент приобретают сакральное значение.

Одним из самых ярких примеров неотъемлемых элементов традиционной культуры Китая является китайский императорский костюм. Он тщательно продуман от цвета одеяния, фасона до самых мелких деталей, которые носят не только декоративный характер, но и символизируют черты присущие только главе государства. Одевание императора отображает режим и систему правления династии.

Объектом исследования является китайский императорский костюм эпохи правления династии Цин. *Предмет* исследования – символы, образы, смысл, заложенные в костюм. *Цель* данной работы – выделить специфику китайского императорского костюма в работах китайских исследователей.

Актуальность данной темы обусловлена недостаточной изученностью российской наукой трудов китайских ученых, анализирующих разнообразие форм, декора и символики императорского костюма. В данной работе применены следующие *методы исследования*: проведён анализ цветовой символики китайского императорского костюма, обобщены признаки императорской власти, которые визуальным образом выделяются путём изображения их символов на одежде правителя. С помощью описательного метода были изложены характеристики императорского костюма.

Основным *материалом* для исследования послужили современные работы китайских ученых, изучающих традиционный китайский императорский костюм.

Степень изученности проблемы. Неоспоримый вклад в историографию изучения китайского костюма внесли Л. П. Сычёв и В. Л. Сычёв². В их работе описывается структура и символика китайского костюма, особенности ритуального наряда и его декор. В отечественной синологии вклад в изучение внешнего вида

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент ВШМО СПбПУ У. Н. Решетнёва.

² Сычёв В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве / В. Л. Сычёв, Л. П. Сычёв. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 172 с.

императоров и символики внёс В. Я. Сидихменов, который изучал образ маньчжурских правителей и их уклад жизни³. В труде В. В. Малявина содержится описание императорской одежды и её виды⁴. В публикациях М. Е. Кравцовой большое внимание уделяется китайскому текстилю и костюму, описывается технология производства и основные элементы китайского традиционного костюма⁵. В своей научной работе В. Б. Николаева описывает особенности одежды маньчжурской эпохи, в том числе одеяния императора⁶. Изучая китайский традиционный костюм, Т. Ю. Благова структурировано излагает информацию о его формообразовании и символике⁷. В процессе исследования рассмотрены публикации китайских учёных: Ван Ехун 王业宏 (2009), Жэнь Мэнмэн 任萌萌 и Чжан Хуэйцин 张慧琴 (2013), Лэй Вэньгуан 雷文广 (2015), Чжан Чжэньи 张正义 (2015), Ли Ли 李理 и Чэ Бинбин 车冰冰 (2016), Лэй Вэньгуан 雷文广 и Ван Цинчжи 汪庆芝 (2017), Лю Цзяо 刘娇 (2019), Ли Юйлай 李雨来 (2020). В нашей статье подробно остановимся на трудах некоторых из вышеперечисленных исследователей, поскольку в их работах выделены основные аспекты изучения китайского императорского костюма.

Результаты исследования. Анализируя труды китайских учёных, можно выделить ряд основных критериев, на которые исследователи обращают внимание при рассмотрении императорского костюма: материал, символика, цвет. В своей работе Чжан Чжэньи 张正义 указывает на использование шёлка, парчи и атласа в создании костюмов императорского двора, а также выделяет, что в эпоху Цин были учреждены три центра текстильного производства в области Цзяннань на юге Китая: Цзяннин, Сучжоу и Ханчжоу⁸. Правители династии Цин предъявляли строгие требования к качеству материала, поэтому существовал строгий регламент по изготовлению текстиля. Благодаря тщательному контролю и накопленному опыту, технология производства достигла высочайшего уровня, а Цзяннань уже многие годы является мануфактурным центром Китая.

³ Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 302 с.

⁴ Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Издательство «Дизайн. Информация. Картография», «Астрель», АСТ, 2001. С. 531–538.

⁵ Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Издательства «Лань», «ТРИАДА», 2004. С. 725–752.

⁶ Николаева В. Б. Маньчжурский костюм эпохи династии Цин: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 21 с.

⁷ Благова Т. Ю. Китайский традиционный и театральные костюмы. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. С. 5–26.

⁸ Чжан Чжэньи 张正义. *Циндай гунтин хоуфэй бяньфу шанцзянь—и Шэньян гугун боююань цзанпинь вэйли* 清代宫廷后妃便服赏鉴-以沈阳故宫博物院藏品为例. [Повседневная одежда придворных наложниц в эпоху династии Цин на примере коллекции Шэньянского дворцового музея] // *Фуши даокан* 服饰导刊 [Путеводитель по одежде и украшениям]. 2015. № 2. С. 49.

Китайские учёные Ли Ли 李理 и Чэ Бинбин 车冰冰 при изучении императорского костюма в своих работах выделяют группу символов *шиэр чжан* 十二章⁹. Эти символы представляют собой совокупность древних двенадцати китайских знаков, каждый из которых имеет свой смысл. В древнем Китае они вышивались на костюме императора и символизировали его власть, тем самым показывая, что только правитель мог носить облачения с этими символами. В число этих символов входят: 1) солнце *жи* 日; 2) луна *юэ* 月; 3) созвездие *синчэнь* 星辰 – эти небесные тела олицетворяют величие правителя, которое царит на земле; 4) горы *шань* 山 – защита подданных; 5) дракон *лун* 龙 – гибкость, способность адаптировать законы и давать указания подданным в зависимости от ситуации; 6) фазан *хуачун* 华虫 – достойное поведение, которое подобает императору, проницательность и дальновидность; 7) языки пламени *хо* 火 – символ добродетели правителя и его желание трудиться на благо народа; 8) водоросли *цзао* 藻 – способность императора реагировать на перемены; 9) топор *фу* 黼 – решительность в управлении делами государства; 10) рис *ми* 米 – способность обеспечить своим подданным достаток; 11) пара кубков с изображениями тигра и обезьяны *цзунъи* 宗彝 – воплощение силы и контроля; 12) символ *фу* 黻 – способность правителя поддерживать гармонию. При изучении трактовки символов *шиэр чжан* мы полагались на работу Л. П. Сычёва и В. Л. Сычёва, в которой даётся подробная характеристика этих знаков.¹⁰

В российской синологии М. Е. Кравцова, изучая двенадцать символов императорской власти *шиэр чжан*, отмечает, что эти символы передают космическую природу верховной власти и личности императора, являющегося надёжной опорой мироздания¹¹.

В работе Лэй Вэньгуана 雷文广 и Ван Цинчжи 汪庆芝 особый акцент направлен на изучение цветовой символики костюмов древних китайских императоров. Цвет является одной из важных составляющих одежды императора, и его символическая функция преобладает над эстетической. Основная цель цвета в костюме в том, чтобы отразить идеологию и мировоззрение правителя. Цвет в китайском традиционном костюме отражал философское мышление о Небе и Земле. В китайской культуре считается, что началом мироздания является *ян*, то есть Небо, которое начинается на севере, где царит холод. Север ассоциируется с зимой, самым тёмным временем года, поэтому цвет *ян* – чёрный. Противоположностью является *инь*, то есть Земля. Почва в

⁹ Ли Ли 李理, Чэ Бинбин 车冰冰. *Мин Цин хуанцзя фуши «Шиэр чжан» као (ся)* 明清皇家服饰«十二章»考(下) [«Двенадцать символов императорской власти» императорской одежды в период Мин и Цин (часть вторая)] // *Шанхай тушугуань гуаньцзан* 上海图书馆馆藏 [Собрание Шанхайской библиотеки]. 2016. № 6. С. 85–89.

¹⁰ Сычёв В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве / В. Л. Сычёв, Л. П. Сычёв. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. – С. 44–50.

¹¹ Кравцова М. Е. Духовная культура Китая: энциклопедия. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. Т.6. С. 292.

Китае имеет характерный желтоватый цвет из-за распространения такой горной породы как лёсс, соответственно цвет Земли – жёлтый. Этот цвет символизирует центр мира и характеризует плодородие и стабильность. Эти два цвета в китайской литературе именовются *сюаньхуан се* 玄黄色 и являются важной цветовой парой в традиционной китайской культуре, поэтому они обязательно используются в одежде императора и символизируют его власть и силу¹².

При изучении китайского императорского костюма китайские ученые подчеркивают важность традиционной системы пяти элементов у *син* 五行 (огонь, земля, металл, вода, дерево). Эти элементы символизируют основы мироздания и каждый элемент имеет свой цвет. Огонь ассоциируется с жарким югом, его цвет красный; цвет земли – жёлтый; металл добывается в западных горных районах Китая, где большое количество снега на вершинах, поэтому его цвет белый; вода – чёрный; дерево – зелёный. Считается, что каждый цвет соответствует пяти добродетелям: вере, доброжелательности, мужеству, строгости, мудрости. Эти цвета оказали влияние на образ императорского костюма и отражают качества присущие только императору. Цветовая символика является важным аспектом в изучении костюма, так как она отражает суть могущественного правления императора.

При исследовании императорского костюма ученый Лю Цзяо 刘娇 своей работе освещает основной используемый материал и вышивку¹³. Благодаря тому, что использовались ткани самого высокого качества и изысканная вышивка, костюм правителя демонстрировал его величие и выглядел безупречно. Основными материалами для изготовления императорского костюма служили шёлк, парча и атлас. Особенно выделяется так называемая «облачная парча» *юньцзинь* 云锦 – самый высококачественный материал с использованием золотых и серебряных нитей для вышивки красочных облаков¹⁴. В зависимости от угла обзора облака могут отливаться разными оттенками. Облачный узор активно использовался в текстиле в эпоху династии Хань (206 г. до н. э. - 220 г. н. э.) и считался одним из самых значимых, так как китайцы почитали облака и считали, что они являются предзнаменованием. Произношение иероглифов 云 «облако» и 运 «удача» одинаково – *юнь*, поэтому считается, что облако символизирует счастье и удачу. Такого рода облачная парча обязательно присутствовала в одеяниях императорской фамилии.

¹² Лэй Вэньгуан 雷文广, Ван Цинчжи 汪庆芝. *Чжунго гудай диван фуши сэцай-дэ дочжун юйи яньцзю* 中国古代帝王服饰色彩的多重语义研究 [Исследование многозначности семантики цветообозначения в костюмах древних китайских императоров] // *Шаосин вэньли сюэюань* 绍兴文理学院 [Шаосинская академия искусств и наук]. 2017. № 6. С. 5.

¹³ Лю Цзяо 刘娇. *Гуань цзан Цин дай лунпао шан си* 馆藏清代龙袍赏析 [Художественный анализ парадного платья лунпао периода династии Цин в коллекции музея Цзиньчжоу] // *Вэнь бо лунь* 文物博论 [Идентификация и оценка культурных реликвий]. 2019. № 151. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 9.

Используемый узор в костюме императора имеет свою символику, в зависимости от эпохи отражает политическую ситуацию, религиозную концепцию или просто благожелательный мотив. В императорских одеждах присутствуют геометрические и растительные узоры, а также узоры, которые изображают небесные явления и животные образы. Узоры на императорском наряде демонстрируют его высокий статус и права.

Выводы: в ходе работы были выявлены аспекты, которые выделяют китайские учёные при изучении китайского императорского костюма. Благодаря исследованию цветовой символики, символики китайских знаков, материала и вышивки, костюм императора можно интерпретировать и как эстетически красивый наряд, и как наряд, который отражает в себе качества присущие только правителю китайской империи и демонстрирует всё его могущество. Натурфилософские воззрения древних китайцев определили дальнейшее формирование их концепции цветовой символики. Важную роль в восприятии традиционной китайской культуры играет философское мышление об *инь* и *ян*, которое отражается и в одежде. Именно качественные материалы, присутствие декоративно-символического характера в узорах, богатая вышивка и изысканные цвета являются основополагающими составляющими императорского костюма и в совокупности делают облачение правителя самым выделяющимся на фоне других нарядов жителей государства.

Перспективы дальнейшего изучения заключаются в исследовании императорского и придворного женского костюмов.

Список использованной литературы:

1. Благова Т. Ю. Китайский традиционный и театральный костюм. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. 52 с.
2. Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Издательства «Лань», «ТРИАДА», 2004. 960 с.
3. Кравцова М. Е. Духовная культура Китая: энциклопедия. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. Т.6. С. 289–297.
4. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Издательство «Дизайн. Информация. Картография», «Астрель», АСТ, 2001. 632 с.
5. Николаева В. Б. Маньчжурский костюм эпохи династии Цин: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 21 с.
6. Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 302 с.
7. Сычёв В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве / В. Л. Сычёв, Л. П. Сычёв. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 172 с.
8. Ван Ехун 王业宏. Циндай лунпао вэньян таньси 清代龙袍纹样探析 [Анализ орнамента парадного платья лунпао периода династии Цин] // Дунхуа дасюэ 东华大学 [Северо-восточный китайский университет]. 2009. №7. С. 48–51.

9. Жэнь Мэнмэн 任萌萌, Чжан Хуэйцинь 张慧琴. *Цинчао хуанди яодай вэньхуа нэйхань таньцзю ми* 清朝皇帝腰带文化内涵探究米 [Исследование культурного значения императорского пояса в эпоху династии Цин] // *Бэйцзин фуцжун сюэюань* 北京服装学院 [Пекинский текстильный институт]. 2013. №9. С. 43–46.

10. Ли Ли 李理, Чэ Бинбин 车冰冰. *Мин Цин хуанцзя фуши «Шиэр чжан» као (ся)* 明清皇家服饰«十二章»考(下) [«Двенадцать символов императорской власти» в императорской одежде династий Мин и Цин (часть вторая)] // *Шанхай тушугуань гуаньцзан* 上海图书馆馆藏 [Собрание Шанхайской библиотеки]. 2016. №6. С. 85–89.

11. Ли Юйлай 李雨来. *Циндай гунтин нюйчжун юй ханьши нюйчжун-дэ чабе* 清代宫廷女装与汉式女装的差别 [Отличительные особенности женской одежды в период династии Цин и женской одеждой в период Хань]. 4 июля 2020 // *Тэнсюнь синьвэнь* 腾讯新闻 [Новости Тенсент]: [сайт]. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20200407a0nd9800> (дата обращения 15.02.2022).

12. Лэй Вэньгуан 雷文广. *Мин Цин диван сычюу фуши-дэ шэньмэй тэчжэн* 明清帝王丝绸服饰的审美特征 [Эстетические характеристики шелковых костюмов императоров эпохи Мин и Цин] // *Шаосин вэньли сюэюань* 绍兴文理学院 [Шаосинская академия искусств и наук]. 2015. №4. С. 54–59.

13. Лэй Вэньгуан 雷文广, Ван Цинчжи 汪庆芝. *Чжунго гудай диван фуши сэцай-дэ дочжун юйи яньцзю* 中国古代帝王服饰色彩的多重语义研究 [Исследование многозначности семантики цветообозначения в костюмах древних китайских императоров] // *Шаосин вэньли сюэюань* 绍兴文理学院 [Шаосинская академия искусств и наук]. 2017. №6. С. 4–8.

14. Лю Цзяо 刘娇. *Гуаньцзан Цин дай лунпао шанси* 馆藏清代龙袍赏析 [Художественный анализ парадного платья лунпао периода династии Цин в коллекции музея] // *Вэньбу бо лунь* 文物博论 [Теория культурных реликвий]. 2019. №151. С. 8–11.

15. Чжан Чжэньи 张正义. *Циндай гунтин хоуфэй бяньфу шанцзянь—и Шэньян гугун боюань цзантинь вэйли* 清代宫廷后妃便服赏鉴 – 以沈阳故宫博物院藏品为例. [Повседневная одежда придворных наложниц в эпоху династии Цин на примере коллекции Шэньянского дворцового музея] // *Фуши даокан* 服饰导刊 [Путеводитель по одежде и украшениям]. 2015. №2. С. 49–56.

Зинченко Алина Витальевна
магистрантка 2 курса кафедры востоковедения
Гуманитарного института НГУ¹

Концепт «Семи внешних и внутренних дел» в церемониях японского чайного комплекса «Семь ритуалов»

«Семь ритуалов» (яп. *ситидзи-сики* 七事式) — это относительно новый комплекс в системе японского чайного действия, разработанный седьмым патриархом школы Омотэ-сэнкэ Дзёсинсай совместно с восьмым патриархом школы Ура-сэнкэ Ю:гэнсай в первой половине XVIII в. Несмотря на то, что комплекс был разработан в 1-й пол. XVIII в., потребовалось более десяти лет на его совершенствование, поэтому церемонии комплекса стали проводиться только в середине XVIII в. одновременно в трех чайных школах: Омотэ-сэнкэ, Ура-сэнкэ, базирующихся в Киото, и Эдо-сэнкэ, находящейся в Эдо [Каваками 2004: 75]. Если проведение комплекса в рамках школ Омотэ-сэнкэ и Ура-сэнкэ легко объясняется тем фактом, что комплекс был разработан в их пределах, то реализация комплекса в рамках школы Эдо-сэнкэ объясняется тем, что помощь в создании ритуалов оказывал ученик патриарха Ю:гэнсай, Фухаку Каваками, впоследствии основавший собственную школу — Эдо-сэнкэ.

В настоящее время комплекс реализуется только в рамках этих трех школ и лишь в пределах Японии, несмотря на существование множества филиалов школ Омотэ-сэнкэ и Ура-сэнкэ за ее пределами. Несмотря на растущий интерес в Японии к комплексу «семи ритуалов» (так, за последние 40 лет было издано более 30 монографий, посвященных этой теме), исследования на английском и других западноевропейских языках по данной теме отсутствуют, а в рамках отечественного востоковедения ограничиваются двумя работами: монографией проф. Е. Э. Войтишек, посвященной игровым традициям в духовной культуре стран Восточной Азии, в котором она изучает порядок проведения церемоний из цикла «семи ритуалов» [Войтишек 2009], и статьей А. Н. Кудряшовой, посвященной синкретизму японского чайного действия на примере «семи ритуалов» [Кудряшова 2016].

Комплекс «семь ритуалов» включает в себя следующие церемонии: *кагэцу* 花月 («цветы–луна»), *сядза/садза* 且座 («немного посидеть»), *мавари-бана* 廻り花 («цветы по кругу»), *мавари-дзуми* 廻り炭 («уголь по кругу»), *ити-ни-сан* 一二三 («один-два-три»), *тя-кабуки* 茶カブキ («чайное представление кабуки»), *кадзу-тя* 数茶 («чай для большого количества человек»).

В настоящий момент комплекс «семи ритуалов» представляет собой специфическую ритуализованную форму совместного чаепития и подразумевающий четко регламентированное общение между хозяином и гостями. Упрощенно эта особая

¹ Научный руководитель – д-р ист. наук. проф. Е.Э. Войтишек.

форма общения называется *иккаи* 一会 (букв. «собрание», «встреча»). Ключевым фактором для понимания подобных «встреч» является то, что каждая из них может быть проведена только единожды. Мелочи, которые изменяются от церемонии к церемонии, отражают понятие мига, мгновения.

Внешне церемонии комплекса выглядят как игровые формы чайного действия, но при детальном рассмотрении становится понятно, что они представляют собой уникальную форму практики, включающую в себя не только отработку приемов и навыков в проведении чайной церемонии, но и получение удовольствия от самого процесса. Поэтому логичным представляется вывод, что комплекс «семи ритуалов» несет в себе две основные функции — развлекательную и обучающую. Однако, изучая источники по теме, мы пришли к выводу, что в ритуалах заложена еще одна, не столь очевидная функция, а именно сакральная, основанная на связи комплекса с дзэн-буддизмом. При этом мы можем говорить о реализации этой связи на трех уровнях: первый уровень — это связь, характерная для чайной церемонии в целом; второй — связь, характерная для комплекса в целом и, наконец, третий — связь, характерная для каждой церемонии в отдельности.

Когда мы говорим о связи, характерной для комплекса в целом, мы имеем в виду тот факт, что создатели комплекса, Дзё:синсай и Ю:гэнсай, долгое время изучали дзэн-буддизм, поэтому они объединили комплекс «семи ритуалов» с буддийским концептом «семи внутренних и внешних дел», характерных для благородного человека. По утверждению Сэна Со:сицу, существует два типа дзэнских «семи дел» — внутренние (*ути-но ситидзи* 内ノ七事) и внешние (*сото-но ситидзи* 外ノ七事) [Сэн 1977: 10–11]. Отсюда и количество ритуалов – семь. К т. н. «внутренним делам» чайные наставники относят следующие:

1. 大機大用 *дайки-дайю*: (букв. «большие возможности, великая польза»). Данное понятие означает, что как только появляется шанс, надо использовать все возможности для его реализации, и тогда этот шанс повлечет за собой другие. Этот концепт относится ко всем церемониям комплекса, поскольку совершенствование в рамках церемоний «Семи ритуалов» позволяет не только приобрести навыки, необходимые для участия в чайной церемонии, но и приобрести «большие возможности» для совершенствования в рамках других благородных искусств Японии (а именно искусства ароматов *ко:до*: 香道 и искусства составления композиций из срезанных цветов *кадо*: 花道). Эти возможности открываются в связи с тем фактом, что церемонии цикла «Семи ритуалов» не ограничиваются манипуляциями с чаем и чайной утварью, но включают в себя и взаимодействие с углем, ароматическими шариками и цветочными композициями.

2. 機弁迅速 *кибэн-дзинсоку* (букв. «в решающий момент действовать быстро и стремительно»). Наставник и ученик во время беседы должны быстро реагировать на реплики друг друга, оставаясь внутренне невозмутимыми. В западной философии есть

наиболее близкое по смыслу понятие – «Метод Сократа»². В рамках комплекса «Семь ритуалов» данное понятие может соотноситься с ритуалом *сядза*. Связь с ритуалом *сядза* прослеживается в том смысле, что это один из самых строгих ритуалов, в рамках которого и гости, и хозяин выполняют свои задачи одновременно друг с другом. Если кто-либо из гостей замешкается и не успеет выполнить предписанные ему обязанности (составление цветочного букета, воскуривание благовоний или формирование композиции из угля), привычный ход церемонии будет прерван. Таким образом, и гости, и хозяин должны «в решающий момент действовать быстро и стремительно».

Однако, если рассматривать этот концепт с той стороны, что между учеником и учителем ведется дискуссия, то более логичным представляется соотнесение данного понятия с ритуалом *ити-ни-сан*. В данной церемонии, как будет описано и далее, гости и хозяин вступают в некое противостояние, хотя оно и не является вербальным. Гости оценивают мастерство хозяина при помощи различных карточек, означающих результат. Карта «луна-один» обозначает самый хороший результат, ею отмечают «мастера»; карта «луна-два» соответствует более слабому результату, она достается «помощнику мастера», карта «луна-три» называется сто очков. Соответственно, карта «цветок-один» выставляется при одной ошибке, карта «цветок-два» при нескольких ошибках, картой «цветок-три» отмечается самый посредственный результат. Таким образом, хозяин должен отреагировать на подобную «реплику» гостей, оставаясь невозмутимым внутренне, но при этом принимая проблему и стремясь улучшить результат.

3. 語句妙靈 *гоку-мёрэй* (букв. «слова и фразы за пределами понимания»). Любые сказанные слова и фразы – это не просто речевой акт, а вещи, имеющие сакральное значение. В рамках церемоний из цикла «Семи ритуалов» разговоры практически не предусмотрены. Сами церемонии не подразумевают под собой полного молчания, однако светские беседы в процессе их проведения, как правило, не ведутся.

4. 殺活機鋒 *саккацу-кихо*: (букв. «в смерти и в жизни применяй разящий аргумент»). Учитель и ученик не должны бояться вступать в противостояние при обсуждении какого-либо вопроса. При этом можно меняться ролями – то атаковать, то отступать. Главное – сохранять непринужденность и при необходимости выставлять «разящий аргумент». Наиболее вероятным представляется тот факт, что данное понятие соотносится с церемонией *ити-ни-сан*. Именно здесь «гости» и «хозяин», которых можно метафорически представить в виде «учеников» и «учителя», вступают в некоторое противостояние, поскольку в данной церемонии мастерство хозяина оценивают гости.

5. 博学広覧 *хакугаку-ко:ран* (букв. «обширные знания, широкий кругозор»). Согласно дзэнскому учению, до наступления состояния *сатори* надо готовить сердце, а

² Метод, основывающийся на проведении диалога между двумя индивидуумами, для которых истина и знания не даны в готовом виде, а представляют собой проблему и предполагают поиск. Этот метод часто подразумевает дискуссию, в которой собеседник, отвечая на заданные вопросы, высказывает суждения, обнаруживая свои знания или, напротив, своё неведение.

после наступления состояния *сатори* нужно сосредоточиться на накапливании знаний. Наиболее вероятным представляется, что этот концепт связан с последней церемонией комплекса *кадзу-тя* 数茶. Являясь самой умиротворенной церемонией цикла, она, вероятно, соотносится с достижением состояния *сатори*. Если предыдущие шесть церемоний представляли собой подготовку к этому состоянию, то седьмая церемония, несущая в себе значение «спокойной старости»³, вероятно, является олицетворением результата долгой работы. Иным значением может быть то, что заключительная церемония из цикла, напротив, является финальной подготовкой сердца к состоянию *сатори*, отсюда и стремление к поиску «спокойного сна» (подготовке сердца).

6. 鑒覺不昧 *канкаку-фумай*. (букв. «осознание и пробуждение не должны быть затемнены»). Если способность различать истину превосходна, то ни один нюанс не сможет остаться в тени. Этот концепт, как и седьмой в списке, соотносится с церемонией *тя-кабуки* 茶カブキ (см. ниже). Значение этих «внутренних дел» относится к распознаванию «скрытой истины».

7. 隱顯自在 *онкэн-дзидзай* (букв. «скрытое и явное проявляется свободно»). То, что явно видно, и то, что скрыто от понимания, проявляется свободно. Просветленный человек, познавший истину, может увидеть даже то, что скрыто. Этот концепт соотносится с церемонией *тя-кабуки* 茶カブキ. Основным игровым действием церемонии является отгадывание сорта чая. Изначально гостям подносят два сорта чая, как правило, это чай сортов *такэда* 竹田 и *камбаяси* 上林. Спустя некоторое время гостям вновь подносят чай, однако уже три сорта. Два из них – это уже представленные *такэда* и *камбаяси*, однако третий сорт чая гостям неизвестен. Целью церемонии является определение того, какой из вновь поданных чаев является сортом *такэда*, какой является сортом *камбаяси*, а какой новым сортом, помечаемым знаком у ウ «гость». Просветленный человек способен распознать истину даже, если она скрыта.

Интересным фактом является и то, что угадывание сортов также соотносится с дзэнским понятием, лежащим в основе самой церемонии: *унисиэ-ни има-ни сэтто-о ситэ хадзимэтэ синмми-о сирубэкиси* 千古干今截断舌頭始可知真味⁴. Дословный перевод затруднителен из-за метафоричности высказывания, но смысл данного понятия заключается в том, что во время трапезы или чаепития человек всегда судит о вкусе, основываясь на ощущении, которое передается вкусовыми рецепторами, но нельзя судить о ценности вкуса, основываясь лишь на этих поверхностных ощущениях. Подлинный вкус проявляется не в тот момент, когда кончик языка касается чая — это лишь временное ощущение, а в тот момент, когда ощущение вкуса уже покинуло язык. Только после этого можно судить о вкусе.

³ В основе ритуала *кадзу-тя* лежит дзэнское понятие *ро:то соё: будзи-но хи, анмин ко:га сэйзан-ни тайсу* 老倒疎慵無事日、安眠高臥對青山 (букв. «В дни, когда я совсем стану старым, я отправлюсь за спокойным сном к зеленым горам»).

⁴ Концепт сформулирован монахом Со:эн из школы Риндзай Мугакии в конце периода Эдо.

К «внешним делам» чайные мастера относят следующие предметы:

1. 挂杖 *сюдзэ*: — буддийский посох, используемый при ходьбе. По буддийскому выражению, можно дать посох, а можно забрать. Метафорически это означает следующее: если человек усердно трудится и всемерно старается в любых делах, ему дают посох в помощь, а если человек сам не прилагает усилий ни в чем, у него такой посох отбирают.

2. 拂子 *хоссу* — кисточка из шерсти животных. В Индии такой метелкой отгоняли мух и комаров, а в Японии этот предмет служил у дзэнских монахов символом преодоления мирских страстей и заблуждений. Кисточка используется наставником при проведении буддийских ритуалов.

3. 禅板 *дзэмнай / дзэмпан* — «дзэнская доска» (длиной 50 см). В старину дзэнские монахи не могли спать лежа, а дремали или медитировали, упершись подбородком в эту доску.

4. 几案 *киан* — низкий столик, который вместе с дзэнской доской использовался монахами в качестве подпорки при медитативных практиках. Наряду с этим зачастую также используют иероглиф «стол» (机 *цукүэ*), обозначая различную утварь — подставку для сутр (經机 *кё:дзүкүэ*), чайный (茶几 *тяки*) или низкий обеденный столик (卓袱台 *тябүдай*).

5. 如意 *нэй* — жезл исполнения желаний (кит. жезл *жуи*), атрибут просветленного монаха во время проповедей и религиозных обрядов.

6. 竹篾 *сиппэй* — бамбуковая палка длиной 60–100 см, изготавливается также из расщепленного бамбука, бывает изогнутой формы наподобие лука без тетивы. Используется наставником при беседах с учениками для телесного наказания. При внезапном ударе такой палкой последователь Будды должен, отбросив все несущественные материи, ответить четко и ясно на вопрос учителя, обнаружив в этот момент всю меру своего духовного состояния.

7. 木蛇 *мокуда* — «деревянная змея». Это женское божество земли с лицом человека, но телом змеи, покрытым чешуей, с крыльями, изображается в виде деревянной змеи. Использовался предмет так же, как и жезл исполнения желаний *нэй*. Как конкретно он выглядит, неизвестно.

По утверждению Со:кана Хориноути, «внутренние дела» имеют философское содержание, тогда как «внешние дела» относятся к физическим атрибутам дзэна в мире [Хориноути 1989: 3].

Однако, если связь комплекса с «внутренними делами» зачастую либо была описана создателями, либо представляется очевидной, то не всегда представляется осуществимым отобразить связь комплекса с «внешними делами». Некоторые из предметов, относящихся к «внешним делам», используются в чайной церемонии цикла (например, *дзэмнай / дзэмпан* 禅板 — «дзэнская доска» или *киан* 几案 — низкий столик), однако связь с комплексом «семи ритуалов» для многих из них остается неопределенной.

Таким образом, подразумевается, что совершенствование мастерства в рамках церемоний «семи ритуалов» позволяет участнику совершенствовать свой дух, чтобы достичь состояния благородного человека. Очевидным становится и тот факт, что число «семь» при составлении ритуалов было выбрано не случайно. Создатели цикла объединили комплекс «семи ритуалов» с буддийским концептом «семи внутренних и внешних дел», характерных для благородного человека. Каждый из концептов дзэн-буддизма, заложенный в ритуале, служит для совершенствования человеческого духа в том или ином аспекте, отчасти совпадающими с «семью внутренними делами». Подобная польза вновь отражает обучающую функцию комплекса, которую мы определили как заключающуюся не только в оттачивании технических навыков, но и в совершенствовании духовных навыков участников.

Список литературы:

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 309 с.

Кудршова А. В. «Ситидзисики» — игровые формы чайного действия // История и культура традиционной Японии 9. М.-СПб.: РГГУ; Издательский дом «Гиперион», 2016. С. 291–300.

Со:сэцу Каваками. Ситидзи-сики-о манабу [七事式を学ぶ]. Обучение искусству «семи ритуалов». Токио: Эдо-сэнкэ тя-но юкэнкю:дзё, 2004. 113 С.

Со:сицу Сэн. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Танко:ся, 1977. 230 с. (на яп. яз.)

Со:кан Хориноути. Ситидзи-сики [七事七]. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1989. 215 с. (на яп. яз.)

Со:кан Хориноути. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1989. 215 с.

Со:кан Хориноути. Ситидзи-сики сита [七事式下]. Семь ритуалов. Ч. 2. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1991. 215 с.

Со:син Хориноути. Ситидзи-сики сядза [七事式 且坐]. Семь ритуалов. Сядза. Сэкай бункася, 2009а. 111 с.

Со:син Хориноути. Ситидзи-сики кагэцу [七事式 花月]. Семь ритуалов. Кагэцу. Сэкай бункася, 2008а. 111 с.

Со:син Хориноути. Ситидзи-сики. Мавари-дзуми. Мавари-бана [七事式 廻り炭 廻り花 花寄せ]. Семь ритуалов. Мавари-дзуми, мавари-бана, хана-ёсэ. Сэкай бункася, 2008б. 111 с.

Со:син Хориноути. Ситидзи-сики. Тя-кабуки. Кадзу-тя. Ити-ни-сан [七事式 茶カ ブキ 数茶 一三]. Семь ритуалов. Тя-кабуки. Кадзу-тя. Ити-ни-сан. Сэкай бункася, 2009б. 235 с.

Иванов Александр Александрович
студент 1 курса магистратуры кафедры ТОРСАА
Восточный факультет СПбГУ¹

**Цинский фактор в англо-вьетнамских отношениях
в конце XVIII – начале XIX вв.**

Во второй половине XVIII в. по мере того, как в Европе рос спрос на китайские товары, в первую очередь на чай, продолжала увеличиваться торговля английской Ост-Индской компании с империей Цин. В то же время единственным портом, в котором англичане могли вести торговлю с китайскими купцами, оставался Кантон, но и там у европейцев существовали серьезные проблемы из-за препятствий со стороны местного купечества и ограничительной политики маньчжурских чиновников. Помимо этого, закупка все большего количества китайских товаров неизбежно влекла за собой увеличение расходов компании, которые приходилось покрывать деньгами, потому что, как и в прежние времена, английские товары не находили большого спроса на местном рынке. Решением существующих проблем в то время виделось налаживание дипломатических отношений с Пекином. С этой целью в 1792 г. в Китай было направлено посольство во главе с Джорджем Макартни (1737–1806). Основной задачей Макартни было заключение торгового договора с китайским правительством, который, как надеялись англичане, мог бы улучшить условия их торговли в портах империи Цин. Помимо этого, в задачи посольства входила разведка торговых возможностей в соседних с Китаем странах, включая Вьетнам. В тот период Вьетнам производил в больших количествах чай и сахар, продававшийся по более низким ценам, чем в других частях Азии. Это стало одной из причин, по которой Макартни был уполномочен посетить Вьетнам в ходе своего посольства в империю Цин².

В конце мая 1793 г. корабль Макартни достиг Дананга. На момент прибытия посольства Вьетнам был фактически разделен на три отдельные владения. От границ с Китаем до провинции Куангнам, к которой относился Дананг, куда прибыл Макартни, простирались владения Нгуен Куанг Тоана (1792–1802) — сына Нгуен Хюэ. Фактическим правителем там был дядя десятилетнего императора Буй Дак Туен. Земли к югу от Куангнама контролировались Нгуен Няком, с которым в 1778 г. встречался последний побывавший во Вьетнаме официальный представитель Великобритании Чарльз Чапмен. В Сайгоне и на территориях крайнего юга располагались силы Нгуен Аня. В момент, когда Макартни прибыл в Дананг, войска Нгуен Аня начали штурм

¹ Научный руководитель – к.фил.н., доц. Е. Ю. Кнорозова.

² Lamb A. The Mandarin Road to Old Hué: Narratives of Anglo-Vietnamese Diplomacy from the 17th Century to the Eve of the French Conquest. London: Archon Books, 1970. P. 146–150.

Куиньона — столицы владений Нгуен Няка. Однако прибывшие с севера войска Буй Дак Туена помогли отразить это нападение³.

В Дананге Макартни провел несколько встреч с чиновниками тайшонов, однако сложная политическая ситуация во Вьетнаме не позволила англичанам предпринять какие-либо конкретные действия в отношении этой страны, и в середине июня 1793 г. посольство покинуло вьетнамские воды. Основной вывод, который был сделан по результатам визита, заключался в том, что в условиях политической стабильности Вьетнам мог бы представлять большой торговый и стратегический интерес для Великобритании. Однако в тот период, несмотря на то что северное тайшонское государство было достаточно сильно, напряженные отношения лидеров повстанцев с империей Цин, куда направлялось посольство Макартни, вынуждали англичан перед принятием каких-либо решений относительно владений Нгуен Куанг Тоана согласовывать свои действия с Пекином. В то же время южное тайшонское государство было очень слабо, а на крайнем юге поддержку Нгуен Аню оказывали французские военные советники, которые, тем не менее, не представляли серьезной угрозы интересам Великобритании в Индокитае до тех пор, пока их не поддерживало революционное правительство Франции. К тому же в 1785 г. основной базой Великобритании в регионе стал остров Пинанг в Малаккском проливе, во многом отвечавший условиям, ради которых англичане направляли свои миссии во Вьетнам⁴.

На обратном пути из Китая в планы посольства Макартни входил повторный визит во Вьетнам, но после получения известия о вступлении Великобритании в феврале 1793 г. в войну против революционной Франции, было принято решение внести изменения в маршрут и сразу направиться в Европу. В годы революционных войн (1792–1802) правительство Франции было занято войнами на европейском континенте и не могло проводить эффективную политику на Востоке. Так, уже в начале Войны Первой коалиции (1792–1797) англичане захватили Пондишери — главный город французских владений в Индии. Несмотря на то, что некоторые шаги по противодействию англичанам в Азии французы предприняли: в 1796 г. в Индийский океан была направлена военная эскадра адмирала Пьера де Серси (1753–1836), в Индии была оказана поддержка султану Типу — правителю государства Майсур, в 1798 г. в Египте высадился экспедиционный корпус во главе с генералом Наполеоном Бонапартом (1769–1821), предпринимались попытки организовать совместный франко-русский поход на Индию, — однако все эти действия не принесли желаемого результата. В этих условиях Вьетнам на долгое время остался вне поле зрения ведущих европейских держав.

Пока Англия и Франция были втянуты в европейские войны, во Вьетнаме среди руководителей тайшонов продолжали нарастать разногласия, в их рядах уже давно не

³ Полная академическая история Вьетнама: в 6 т. Т. 3 : Позднее средневековье и новое время (1600 – 1897 гг.) / Л. А. Аносова [и др.]. М., 2014. С. 127.

⁴ Lamb A. Op. cit. P. 146–153.

наблюдалось былого единства. В то же время при поддержке французских советников с юга тайшонов продолжали теснить войска Нгуен Аня. В 1792 г. флот повстанцев был уничтожен в бухте Киуньона, сама крепость продержалась до конца 1799 г. В этом же году умер Пиньо де Беэн. В 1801 г. войска южан взяли Фусуан. В 1802 г. был установлен контроль над Северным Вьетнамом. Нгуен Ань торжественно вошёл на вьетнамский престол под девизом правления Зя Лонг (1802–1819). К моменту установления своей власти над всем Вьетнамом при дворе вьетнамского правителя осталось четыре француза — Жан-Батист Шеньо (1769–1832), Филипп Ваннье (1762–1842), Годфруа де Форсан (ум. в 1811) и доктор Деспио (ум. в 1824)⁵.

В то же время в Европе в 1802 г. десятилетие революционных войн завершилось подписанием Амьенского мира. С этого момента Франция вновь приступила к проведению активной политики на Востоке. Так, в августе 1802 г. первый консул Наполеон Бонапарт дал поручение архиепископу Парижскому подготовить данные о положении французских миссионеров на Востоке, а также обратился с просьбой к Папе, чтобы тот оказал воздействие на миссионеров, сотрудничавших с «еретической» Англией⁶. В 1803 г. командующим французских войск на Востоке был назначен генерал Декаэн. Летом 1803 г. миссия Декаэна в сопровождении военной эскадры прибыла в Пондишери, по мирному договору вновь перешедший во владение Франции. Однако англичанам удалось избежать передачи города, а с возобновлением в сентябре 1803 г. военных действий в Европе французской эскадре пришлось отступить на остров Маврикий⁷. Декаэн смог установить связь с соратниками Пиньо де Беэна, однако практических результатов это не принесло⁸.

Завершение гражданской войны во Вьетнаме, где к власти пришел имевший связи с французами Нгуен Ань, и одновременная активизация восточной политики Франции после подписания Амьенского мира вызвали серьезные опасения у руководства английской Ост-Индской компании, которое полагало, что установление прямых отношений между Францией и вьетнамским императорским двором может угрожать британской торговле с Китаем. По этой причине в 1803 г., пока французам не был возвращен Пондишери, английские власти в Индии решили направить ко двору Зя Лонга своего посланника. Распоряжение посетить Вьетнам получил направлявшийся из Индии в Кантон служащий Ост-Индской компании Дэвид Лэнс. Его задачей было доставить Зя Лонгу письмо от руководства компании, а также разузнать о степени французского влияния на императорский двор⁹.

Дэвид Лэнс прибыл в Сайгон на корабле «Кутс» в сентябре 1803 г. Там он встретил бриг «Элеонора» капитана Аллана, который из Индии вел торговлю с портами

⁵ Новая история Вьетнама / АН СССР, Ин-т востоковедения ; под ред. С. А. Мхитаряна. М.: Наука, 1980. С. 256.

⁶ Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966. С. 201.

⁷ Lamb A. Op. cit. P. 185.

⁸ Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. С. 202.

⁹ Lamb A. Op. cit. P. 186–187.

Юго-Восточной Азии. От Аллана Лэнс узнал, что императорский двор не находился в Сайгоне, и что вьетнамский император был либо в Хюэ, либо в Северном Вьетнаме. Но Лэнс спешил в Кантон, поэтому он решил передать письмо императору через капитана Аллана, который как раз направлялся в Хюэ. В письме Лэнс уведомил императора о своем предстоящем визите в его страну в конце этого года и попросил направить ему ответ в Кантон. Лэнс достиг места своего назначения в ноябре 1803 г., но заболев в пути, не смог повторно посетить Вьетнам. Вместо него во Вьетнам было решено направить Джона Робертса – одного из управляющих торговлей Ост-Индской компании в Кантоне¹⁰.

Робертсу было поручено убедить Зя Лонга разрешить компании открыть факторию на расположенном недалеко от Дананга острове Чам. Ввиду того что переговоры о приобретении острова или других территорий могли затянуться, а также для решения торговых споров в будущем, Робертс получил задание договориться о создании должности постоянного британского представителя в Хюэ. Представитель компании прибыл в Дананг в декабре 1803 г. Из-за отсутствия императора в столице для переговоров с Робертсом в Дананг прибыли два высокопоставленных чиновника на службе у Зя Лонга. Одним из них был француз Филипп Ваннье – сподвижник Пиньо де Беэна. От Ваннье представитель компании узнал, что император вернется в Хюэ не раньше весны следующего года, а также, что вьетнамский император не согласится на какие-либо территориальные уступки англичанам. Представитель компании покинул Дананг, оставив Зя Лонгу письмо, в котором сообщалось о его намерении вернуться обратно в середине следующего года¹¹.

1 февраля 1804 г. Робертс прибыл в Калькутту. В апреле 1804 г. ему была вручена инструкция от генерал-губернатора Ричарда Уэсли (1760–1842). Главной целью Уэсли считал обеспечение безопасности торговых интересов Великобритании в Китае, поэтому нужно было не дать французам поставить под контроль морские пути в восточные моря. В связи с этим в задачу миссии входило добиться от Зя Лонга разрешения на свободный заход британских кораблей во вьетнамские порты, получить во владение Ост-Индской компании какой-либо остров, а также убедить императора не разрешать французам открывать поселения во Вьетнаме. В свою очередь Англия обязывалась поставлять в страну оружие, военные запасы и индийскую селитру, но при условии, что они не будут использоваться против Китая или союзников компании. Помимо этого, требовалось добиться от Зя Лонга учреждения в Хюэ постоянного представительства Великобритании¹².

В июле 1804 г. миссия прибыла в Дананг. Через несколько дней Робертс получил приглашение в Хюэ, где удостоился аудиенции у Зя Лонга. Добиться выполнения своих требований, однако, посланнику не удалось: корабли англичан принимались в портах

¹⁰ Ibid. P. 188.

¹¹ Ibid. P. 191–194.

¹² Lamb A. Op. cit. 194–197.

Вьетнама на тех же условиях, что и корабли других стран, никаких специальных соглашений заключено не было, привилегии Ост-Индская компания не получила¹³. Робертс покинул Вьетнам в конце августа 1804 г. В официальном летописном своде династии Нгуен «Правдивое повествование о Дайнаме» содержится запись, датируемая летом 1804 г., которая, вероятно, относится к визиту Робертса. В ней говорится, что англичане, которые названы в источнике «лживыми» и «нечестными», направили в страну посольство с дарами и просили открыть для них торговлю, но император им отказал¹⁴.

Потерпев неудачу во Вьетнаме, совет Ост-Индской компании в Кантоне пришел к выводу, что без военного вмешательства миссии в эту страну будут и дальше обречены на провал. Однако на такой шаг англичане не были готовы, потому что военное давление на Хюэ могло вызвать недовольство Китая, с которым Вьетнам находился в подданнических отношениях, и могло поставить под угрозу английскую торговлю в Кантоне¹⁵. В скором времени проблема французского присутствия в южных и восточных морях была решена без вовлечения Вьетнама. После почти полного уничтожения франко-испанского флота эскадрой адмирала Нельсона 21 ноября 1805 г. у мыса Трафальгар, проведение активной политики Франции на Востоке стало неосуществимым. Прямым следствием этого поражения стало постепенное падение интереса Наполеона к миссионерам, что в итоге привело к роспуску проработавшего менее четырех лет Общества Парижских иностранных миссий в сентябре 1809 г., генеральная семинария которого еще в 1807 г. переехала на территорию английского острова Пинанг¹⁶. В 1806 г. британцы оккупировали мыс Доброй Надежды, вновь перекрыв сообщение французов на острове Маврикий с Европой. В 1810 г. остров удалось захватить. Еще через год была оккупирована Ява, откуда англичане вытеснили находившихся в союзе с Францией голландцев, обеспечив себе таким образом полное господство в Индийском океане и восточных морях.

В ходе наполеоновских войн англичане, потерпев неудачу в 1804 г. в Хюэ, больше не предпринимали никаких действий в отношении Вьетнама до 1822 г., отдав приоритет в своей политике Сиаму и Китаю¹⁷.

Таким образом, в XVIII в. основным контекстом отношений Вьетнама с иностранными державами стала борьба Великобритании и Франции за установление влияния в этой азиатской стране и соседних регионах с целью поставить под свой контроль стратегически важные территории вдоль торговых путей из Индии в Китай. Ключевой особенностью англо-французского соперничества за Вьетнам в конце XVIII — начале XIX вв. стало участие в нем Китая, как сдерживающего фактора

¹³ Новая история Вьетнама. С. 256.

¹⁴ Đại Nam thực lục. Tập 1 (Правдивое повествование о Дайнаме. Том 1) / пер. Нгуен Нгок Тинь ; под ред. Дао Зуи Аня. Ханой : Образование, 2002. С. 603.

¹⁵ Lamb A. Op. cit. P. 204.

¹⁶ Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. С. 200–202.

¹⁷ Новая история Вьетнама. С. 263.

экспансии Великобритании на вьетнамские территории. Это было обусловлено зависимостью английской торговли на Дальнем Востоке от политики империи Цин в отношении торговли с иностранцами, из-за чего руководство английской Ост-индской компании старалось избегать конфликтов с Пекином. Так, в конце XVIII в., когда вьетнамскому клану Нгуен в борьбе на юге страны с крестьянскими повстанческими отрядами тайшонов поддержку оказали французские наемники, англичане не пошли в ответ на союз с предводителями тайшонов из-за их вражды с империей Цин, решив занять выжидательную позицию. По той же причине в начале XIX в., в условиях активизации восточной политики Франции после подписания Амьенского мира в марте 1802 г., на время прекратившего войны на европейском континенте, английская Ост-Индская компания не пошла на военное вмешательство во Вьетнам, к тому моменту уже восстановившему по окончании гражданской войны подданнические отношения с Китаем.

Список использованной литературы

Берзин, Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии / Э. О. Берзин. М.: Наука, 1966. 320 с.

Новая история Вьетнама / АН СССР, Ин-т востоковедения; под ред. С. А. Мхитаряна. М.: Наука, 1980. 717 с.

Полная академическая история Вьетнама: в 6 т. Т. 3: Позднее средневековье и новое время (1600 – 1897 гг.) / Л. А. Аносова, Н. Луи-Энар, В. И. Мещеряков [и др.]. М.: Авторская книга РАН, 2014. 712 с.

Đại Nam thực lục. Tập 1 (Правдивое повествование о Дайнаме. Том 1) / пер. Нгуен Нгок Тинь ; под ред. Дао Зуи Аня. Ханой: Образование, 2002. 1076 с.

Lamb, A. The Mandarin Road to Old Huế: Narratives of Anglo-Vietnamese Diplomacy from the 17th Century to the Eve of the French Conquest. London: Archon Books, 1970. 349 p.

Клементьева Татьяна Владимировна
студентка 2 курса магистратуры кафедры теории и методики преподавания
языков и культур Азии и Африки
Восточного факультета СПбГУ¹

Переоценка понятия «гегемон» ба 霸 / 伯 в трактате Ин Шао «Фэн су тун и»

Ин Шао 應劭 (165 – ум. ок. 204 г. н. э.) — государственный деятель, живший в конце династии Восточная Хань 東漢 (25–220 гг. н. э.), в период кризиса центральной власти и роста соперничества между удельными князьями и военными авторитетами. Одну из своих работ, «Проникновение в смысл поветрий и обычаев» («Фэн су тун и» 風俗通義), он адресовал правителю и чиновникам с целью искоренить распространенные заблуждения и суеверия, бытующие среди народа. В данном трактате Ин Шао систематизировал знания в области географии, музыки и ритуала, а также охватил широкий спектр проблем: от заблуждений, касающихся древней и современной ему истории, до религиозных суеверий и стихийных культов.

В главе трактата под названием «Хуан ба» 皇霸 («Августейшие и гегемоны») Ин Шао была рассмотрена история Китая, начиная от правления мифических императоров-первопредков и заканчивая правителями Западной Хань 西漢 (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.) Гао-цзу 高祖 (202–195 гг. до н. э.) и У-ди 武帝 (141–87 гг. до н. э.). Актуальность такой главы автор сформулировал во введении к ней. В нем Ин Шао поднимает проблему наличия неодинаковых (как истинных, так и ложных) толкований и оценок деяний правителей и гегемонов прошлого. В связи с этим в данной главе он ставит перед собой задачу предложить правильное, на его взгляд, понимание их.

Перейдем к анализу содержания. Глава построена по хронологическому принципу и разбита на следующие разделы:

- 1) «Сань хуан» 三皇 («Трое августейших»): Фу-си 虞戲, Суй-жэнь 燧人, Шэнь-нун 神農;
- 2) «У ди» 五帝 («Пять владык»): Хуан-ди 黃帝, Чжуан-сюй 顓頊, Ди-ку 帝嚳, Яо 堯, Шунь 舜;
- 3) «Сань ван» 三王 («цари-[основатели] Трёх [династий]»): Сяский Юй 夏禹, Чэн Тан 殷湯, Чжоуский У-ван 周武王;
- 4) «У ба» 五伯 («Пять гегемонов»): Циский Хуань-гун 齊桓公, Цзиньский Вэнь-гун 晉文公, Циньский Му-гун 秦繆公, Сунский Сян-гун 宋襄公, Чуский Чжуан-ван 楚莊王;

¹Научный руководитель — доцент кафедры китайской филологии, к. филол. н. Д. И. Маяцкий.

5) «Лю го» 六國 («Шесть царств»): Чжао 趙, Вэй 魏, Хань 韓, Янь 燕, Чу 楚, Ци 齊.

С первого взгляда можно предположить, что глава носит сугубо осведомительный характер: назвав когорты правителей, Ин Шао кратко перечислил их основные достижения и оценил их историческую роль, а также дал глоссы к значениям иероглифов, входящих в состав имен *сань хуан* и *у ди*. Вдобавок к этому, наиболее обширный раздел главы, «Лю го», практически дословно цитирует соответствующие главы раздела «Ши цзя» 世家 («Наследственные дома») княжеств Чу 楚, Янь 燕, Хань 韓, Вэй 魏, а также главы «Тянь Цзинчжун ши цзя» 田敬仲 («Наследственный дом Тянь Цзинчжуна») и «Цинь Шихуан бэнь цзи» 秦始皇本紀 («Основные записи Цинь Шихуана») «Записей историографа» Сыма Цяня 司馬遷 (145?–86?). Тем не менее, в содержании главы привлекает внимание раздел «Пять гегемонов» благодаря тому, какую характеристику автор дал фигуре гегемона.

Стоит отметить, что сложившееся в конфуцианской мысли отношение к гегемонам эпох Чуньцю и Чжаньго носило противоречивый характер: в них отмечали как достоинства (защищали от внешних врагов, принуждали остальных удельных князей исполнять свои обязанности, усмиряли распри между ними), так и недостатки (неспособность без мудрого советника принять правильное решение, жестокость, опора исключительно на силу)². Для передачи термина «гегемон» в древнекитайском языке использовались либо иероглиф *бо* 伯³, либо *ба* 霸. Они употреблялись как взаимозаменяемые на основании сходного фонетического звучания: 伯 [prâk] и 霸 [phrâk]⁴. Так, например, наравне друг с другом в древнекитайских текстах встречались словосочетания «пять гегемонов» (五霸 и 五伯), «гегемон и царь» (霸王 и 伯王). Ин Шао же в своем трактате противопоставляет два данных иероглифа при помощи глосс, данных к каждому из них. Рассмотрим, как было проведено данное различие.

В разделе «Пять гегемонов» Ин Шао вначале описал как бы предысторию эпохи пяти гегемонов, в которую включил Кунь-у 昆吾, Да-пэна 大彭 и Ши-вэя 豕韋, названных им «главами союза [чжухоу]» (мэн-чжу 盟主). Эти три персонажа были удостоены краткой, но сугубо положительной оценки. Кунь-у жил якобы во времена династии Ся 夏, при правителе-тиране Тай-кане 太康. Согласно Ин Шао, когда другие чжухоу, пользуясь ослабленным контролем, вышли за рамки положенной иерархии, Кунь-у собрал войска и силой принудил их к соблюдению обязанностей, причем поступил так из уважения к царствующему дому, как подчеркивал автор. Да-пэн и Ши-

² Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. Период Чуньцю (VII–V вв. до н. э.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 283–291.

³ Согласно Большому словарю китайского языка 漢語大辭典, 伯 в значении «гегемон» также читался как *ба*.

⁴ Schuessler, A. Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: a Companion to Grammata Serica Recensa. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. P. 73.

вэй, жившие во времена Шан-Инь 商殷 (XVII–XI вв. до н. э.), по его словам, поступали аналогичным образом.

Переходя к оценке пяти гегемонов, Ин Шао как бы поделил их на две группы: Хуань-гун и Вэнь-гун также получили положительную оценку; выступая в качестве *ба*, они неоднократно собирали *чжухоу*, были преданными правящему дому и соблюдали рамки положенного им ритуала; что касается оставшихся трех гегемонов, то они, наоборот, за самовольные поступки и разжигание усобиц между *чжухоу* получили негативную критику автора. После этого Ин Шао подводит нас к вышеупомянутым глоссам:

皆無興微繼絕、尊事王室之功。世之紀事者不詳察其本末，至書於竹帛，同之伯功，或誤後生，豈不暗乎！伯者、長也，白也。言其咸建五長，功實明白。或曰：霸者、把也，駁也，言把持天子政令，糾率同盟也。

«Все [они] (последние три гегемона – *Т.К.*) не возрождали [пришедшее в] упадок, [не обеспечивали] продолжение угасающих [родов], не почитали заслуг правящего дома. Те, кто фиксировали дела [той] эпохи, не подробно исследовали их начала и концы; [когда] дошли до [составления] писем на бамбуке и шелке, то объединили их с заслугами *бо*, ввели в заблуждение потомков, разве это не печально! Что касается гегемона *бо*, то это [значит] “возглавлять”, [быть] “чистым”. Говорят, что он повсюду устанавливает пять главных [чиновников], [охраняющих город], [его] заслуги и свершения светлые и чистые. Кто-то скажет: что касается гегемона *ба*, то это [значит] “удерживать в руках”, [быть] “пестрым”. Говорят, что [он] удерживает в руках политику и указы Сына Неба, заключает союзы».

Из приведенного отрывка можно видеть, что гегемон *бо* в нем имеет положительный облик, поскольку обладает заслугами и наводит порядок на местах, а *ба* – негативный, так как стремится захватить власть большую, чем имеет.

Обратимся к анализу первой глоссы. Ее часть «長也，白也» использовалась и в более ранних древнекитайских текстах для пояснения значения *бо*, но в другом контексте. Приведем примеры из трактата «Бай ху тун» 白虎通 («Всепроникающие [дискуссии в зале] Белого тигра»):

州伯何謂也？伯者，長也，選擇賢良，使長一州，故謂之伯也。

«Кого называют *чжоубо* (главой области)? Что касается *бо*, то это [значит] “возглавлять”, отбирают достойных и выдающихся, заставляют возглавлять одну область, поэтому называют их *бо*».

稱號所以有四何？法四時用事先後、長幼、兄弟之像也，故以時長幼號曰伯、仲、叔、季也。伯者，長也，伯者子最長，迫近父也。

«Почему имеется четыре наименования? Они подражают тому, как четыре периода времени используют образы первого и последующего, старшего и молодого, старшего брата и младшего, поэтому в соответствии со старшим и молодым периодом

времени наименования называются *бо*, *чжун*, *шу*, *цзи*. Что касается *бо*, то это [значит] “старший”, *бо* – самый старший из сыновей, приближен к отцу».

Можно видеть, что в обеих цитатах *бо* употреблен в значении, не связанном с гегемоном: в первом случае речь идет про удельного князя, а во втором – про старшего из сыновей.

Теперь обратимся к тому, как Ин Шао раскрыл смысл части 《長也》 внутри глоссы. В ней речь идет о том, что *бо* «повсюду устанавливает пять главных [чиновников]». Любопытно то, что целиком данное выражение встречается лишь в «Шан шу» 尚書 («Чтимые документы»), а затем дословно воспроизводится в разделе «Основные записи о [деяниях дома] Ся» 《夏本紀》 «Ши цзи» 史記 («Записи историографа»). Однако и тут, и там в контексте речь идет о деяниях, совершенных Юем после покорения потопа:

輔成五服，至于五千里，州十二師，外薄四海，咸建五長，各道有功。

«[Я] помог установить [районы] пяти повинностей, распространяющиеся на пять тысяч ли; поставил в областях двенадцать управителей, охватив все в пределах четырех морей; поставил пять старших начальников, и во всех направлениях достигнуты успехи»⁵.

Хотя в примечании к переводу этого отрывка сказано о том, что функционал этих пяти чиновников до конца не ясен⁶, тем не менее, интересно то, что Ин Шао позаимствовал это сочетание из контекста поступков легендарного правителя древности, а не гегемона.

Теперь обратим внимание на вторую часть глоссы про *бо*: 《白也》 и ее пояснение 《功實明白》. Она тоже не была придумана Ин Шао, а, по всей видимости, позаимствована у Цай Юна 蔡邕 (132 – 192 гг.) из трактата «Ду дуань» 獨斷 («Единоличные решения»):

五等爵之別名：三公者，天子之相；相，助也，助理天下，其地方百里。侯者，侯也，逆順也，其地方百里。伯者，白也，明白于德，其地方七十里。

«Другое название пяти рангов: что касается трех *гунов*, то [это] министры Сына Неба; министр [означает] “помогать”, они помогают в управлении Поднебесной, их земли [величиной] в сто ли в [одну] сторону. Что касается *хоу*, то [это означает] “наблюдать” [за теми, кто] идет против и покоряется, их земли [величиной] в сто ли в [одну] сторону. Что касается *бо*, то [это означает] “чистый”, [они] чисты в [своей] добродетели, их земли [величиной] в семьдесят ли в [одну] сторону».

Здесь также можно видеть, что глосса для *бо* была использована в значении, связанном не с гегемонией, а с пятью рангами знатности в Древнем Китае. И хотя ее

⁵ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вступит. ст. М. В. Крюкова. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 161.

⁶ Там же. С. 275.

пояснение как у Ин Шао, так и у Цай Юна касается морального облика *бо*, то есть не отличается существенно в этих двух текстах, у Ин Шао привлекает внимание то, как определение «чистый» противопоставлено со второй глоссой про гегемона *ба*, который охарактеризован как «пестрый».

Дело в том, что противопоставление «чистого» и «пестрого» также не является новшеством текста Ин Шао: оно встречалось уже, как минимум, в трактате «Сюнь-цзы»荀子, и речь в нем, как и в других случаях сопоставления этих понятий, шла не о противопоставлении гегемонов, а о противопоставлении правителя и гегемона. Приведем пример:

故曰：《粹而王，駁而霸，無一焉而亡》。此之謂也。

«Если кто чистого [цвета], то является истинным царем; если кто пестрого [цвета], то является гегемоном; если кто не имеет ни одного из этих [видов окраски], то погибнет»⁷.

С чистым цветом в «Сюнь-цзы» образно сравнивался путь правителя, который руководствовался справедливостью, выдвигал достойных чиновников и т. п.; пестрый же (то есть имеющий примеси) цвет условно обозначал путь гегемона, который опирался на силу, а не на моральные достоинства. Из этого вытекает то, что тот, кто следует «чистому пути» формирует положительный образ, даже некий образец для подражания. И наоборот, следующий «пестрому пути» обладает рядом негативных черт, соответствующих и глоссе про *ба* у Ин Шао.

Таким образом, из анализа глосс, данных к иероглифам *бо* и *ба* в тексте первой главы, можно заметить, что Ин Шао воспользовался уже имеющимися к ним определениями, но поместил их в новый контекст так, чтобы противопоставить друг другу два типа гегемонов, один из которых стал обладать положительным моральным обликом, а второй – пониматься исключительно негативно (узурпатор власти правителя).

Возвращаясь к обстоятельствам жизни Ин Шао, можно обратить внимание на то, что он жил при обстановке, отчасти похожей на гегемонию Восточной Чжоу, когда правящий дом ослаб и правитель оказался в зависимости от сильных военачальников и местных князей. Разделяя гегемонов на «хороших» и «плохих» в своем трактате, Ин Шао, возможно, стремился к тому, чтобы император смог выбрать сторону того, кто окажется преданным правящему дому, подобно Кунь-у, Да-пэну и Ши-вэю, и отдалить от себя опирающихся лишь на силу представителей местной знати. В том числе, с помощью таких рассуждений Ин Шао мог попытаться выдвинуть фигуру своего покровителя Юань Шао как наиболее подходящего под определение «правильного гегемона», успевшего зарекомендовать себя как лояльное двору лицо.

⁷ Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. 1. / Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. Ю. Л. Кроля. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 357.

Список источников и литературы

Источники:

Фэнсу тунъи цзяоши 風俗通義校釋 [Замечания и комментарии к тексту «Проникая в смысл нравов и обычаев»] / Дун Хань Ин Шао чжуань; У Шупин цзяоши [東漢] 應紹撰, 吳樹平校釋 [Восточная Хань. Соч. Ин Шао; замеч. и коммент. У Шупина]. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ 天津人民出版社, 1980. С. 365–395.

Фэнсу тунъи цзяочжу 風俗通義校注 [«Проникая в смысл нравов и обычаев» с комментариями] / (Хань) Ин Шао чжуань, Ван Лици цзяочжу (漢) 應紹撰; 王利器校注 (Хань) сост. Ин Шао, ред. Ван Лици. Пекин: Чжунхуа шуцзю 中華書局, 2010. 下冊 Ся цэ [Второй том]. С. 445–485.

Литература:

Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. Период Чуньцю (VII–V вв. до н. э.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 272–281.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вступит. ст. М. В. Крюкова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 150–165, 252–280.

Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. 1. / Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. Ю. Л. Кроля. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 177–180, 354–364.

The Cambridge History of China / ed. by D. Twitchett and J. K. Fairbank. New York: Cambridge University Press, 2008. Vol. 1. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220. Pp. 291–806.

Nylan M. *Feng su t'ung yi: an Exploration of Problems in Han Dynasty Political, Philosophical and Social Unity*. A Dissertation presented to the Faculty of Princeton University in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. Princeton: Princeton University, 1982. 642 p.

Проблема буллинга в произведениях современных южнокорейских авторов

Проблема издевательств в школах является одной из актуальных социальных проблем в современном южнокорейском обществе. Согласно официальному отчету, представленному Министерством образования Республики Корея в 2019 г. по вопросам буллинга, был отмечен рост случаев школьного насилия (особенно среди учеников младших классов)². В официальном опросе приняло участие свыше 3,7 млн корейских учеников младших, средних и старших классов, из которых 60 тысяч сообщили, что подвергались буллингу.

Известно, что дети и подростки, которые подвергаются буллингу, чаще испытывают трудности в межличностном общении, подвержены депрессии, тревожности, суицидальным мыслям³. Подобный негативный опыт влияет не только на школьный период, но и на дальнейшую жизнь человека. Естественной реакцией на появление проблем в обществе является создание литературных произведений. Так, с конца XX в. в Республике Корея актуализируется проблема школьного насилия и, как следствие, появляются произведения, в которых освещается данная тема.

Для сравнительного анализа были выбраны произведения, по времени отстоящие друг от друга на 20–30 лет: Чон Сангук «Слезы идола» (1980), Ли Намсок «Обязательно ли махать кулаками?» (2011) и Ян Хомун «Витамин дьявола» (2012) – на корейском языке и Ли Мунёль «Наш испорченный герой» (1987) – на русском языке. Сравнительный анализ данных произведений позволил выделить некоторые отличительные особенности восприятия проблемы буллинга современными южнокорейскими авторами.

В более ранних произведениях («Наш испорченный герой» и «Слёзы идола») в основном рассматривается физический аспект буллинга. В произведениях присутствует подробное описание пыток и издевательств над одноклассниками, однако психологические последствия буллинга, с которыми сталкиваются ученики, остаются без должного внимания. Важно также отметить, что как Ли Мунёль, так и Чон Сангук в своих произведениях создают образ деспотичных лидеров (ученики-хулиганы Ом Сокдэ и Чхве Кипхё), подавляющих и запугивающих всех ребят. Необходимость других учеников подчиняться в первую очередь обусловлена страхом физической расправы и боязнью стать изгоем в коллективе. В один миг по прихоти «лидера» жизнь человека

¹ Научные руководители — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек, ст. преп. М. А. Шутова.

² Результаты опроса по вопросам буллинга в РК за 2019 год // Сайт Министерства образования РК. URL: <https://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=294&boardSeq=78346&lev=0&searchType=null&statusYN=W&page=1&s=moe&m=020402&opType=N> (дата обращения: 04.02.2022).

³ School Violence and Bullying Global Status Report, Paris: The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2017. P. 9–10.

может быть сломана. В конце двух произведений ученики добиваются «независимости» в классе, однако этот результат достигается не с помощью нового лидера, нашедшего поддержку среди сверстников, а благодаря фигуре учителя. Именно учителя направляют учеников, способствуя изменениям в классе. Ли Мунёль и Чон Сангук также выделяют значимость и силу коллектива; в их произведениях прослеживается идея о том, что люди должны самостоятельно выбирать лидера, за которым в дальнейшем будут следовать.

Помимо проблемы школьного насилия авторы в своих произведениях затрагивают немаловажные проблемы, с которыми столкнулось корейское общество: проблема отчужденного человека в обществе, жесткость управленческой системы (злоупотребление властью, репрессии) и др. Наличие автобиографических элементов, а также отсылки к политическим событиям смещают основной акцент с буллинга как социальной проблемы. В произведениях «Наш испорченный герой» и «Слёзы идола» образ школьного насилия в большей мере выступает как средство описания тенденций, характерных для корейского общества 1960–1970-х гг., а не как комплексная проблема, нуждающаяся в своевременном решении.

В более современных произведениях («Обязательно ли махать кулаками?» и «Витамин дьявола») можно проследить следующие изменения. Наряду с серьезностью физического аспекта буллинга на первый план выходит и психологическое влияние, оказываемое на всех участников данного процесса: агрессора, жертву, наблюдателей.

В ходе анализа более современных романов также становится возможным выявить изменение и расширение количества приемов повествования для изображения проблемы школьного насилия. Так, Ли Намсок в романе «Обязательно ли махать кулаками?» раскрывает проблему буллинга через главного героя – ученика-хулигана Чонхуна, а не через героя-жертву, что характерно для более ранних произведений. Ян Хомун, автор романа «Витамин дьявола», в свою очередь выражает идею деструктивности насилия через фигуру отца жертвы – Сонхёка. Сын главного героя совершает самоубийство в результате систематических издевательств хулигана Тхэгюна. Сонхёк, охваченный мстью и горьким чувством несправедливости из-за всеобщего безразличия, решает похитить хулигана и заставить его раскаяться в содеянном. В романе Ян Хомуна безразличие к страданиям других людей, игнорирование несправедливых, дурных поступков и человеческая жестокость – становится причиной разрушения человеческих жизней. Произведение заканчивается тем, что Сонхёку не удастся осуществить свою мсть, а Тхэгюн теряет возможность осознать всю тяжесть своих преступлений и раскаяться в содеянном.

В более современных произведениях школьное насилие описывается как проблема, нуждающаяся в своевременном решении. Так, в романе «Витамин дьявола» затрагивается тема самоубийств подростков, совершающихся из-за буллинга; Ян Хомун пишет о беспомощности и одиночестве детей, сталкивающихся с насилием.

Несмотря на то, что манера повествования в романах разительно отличается («Витамин дьявола» – более тяжелое и депрессивное произведение; события романа «Обязательно ли махать кулаками?» развиваются в более позитивном ключе), оба автора указывают на ключевую роли семьи в жизни детей и подростков. Ян Хомун и Ли Намсок уделяют большое внимание описанию эмоций героев, а также обращают внимание читателей на критичность последствий буллинга для современной корейской молодежи. Авторы предлагают возможные пути решения проблемы школьного насилия. Каждый ребёнок нуждается в поддержке и человеке извне (помимо родителей), который смог бы его направить и помочь разобраться с переживаниями и проблемами. В романе Ли Намсока, в качестве подобного «помощника» выступает равнодушный учитель по внеклассной деятельности. В произведении Ян Хомуна, к сожалению, подобного человека не оказалось. Безразличие и эгоизм окружающих людей привели к необратимым печальным последствиям – смерти сына Сонхёка.

Подводя итог, следует отметить, что тема школьного насилия довольно широко представлена в современных южнокорейских произведениях, с течением времени она претерпела значительный ряд изменений. Это обусловлено как историческими факторами, так и социокультурными процессами. Современные южнокорейские авторы активно используют свой опыт и знания в области психологии и социологии, чтобы привлечь внимание общественности к проблеме буллинга. Тема школьного насилия может выступать не только в качестве серьезной общественной проблемы – сквозь ее призму выявляются и другие не менее важные социальные и политические вызовы современности.

Список использованной литературы и источников

Ли Мун Ёль. Наш испорченный герой. Встреча с братом / Пер. с корейского Чжон Мак Лэ, СПб.: Гиперион, 2014. 176 с.

Ли Намсок. Ккок чумок-ыль ссояхалькка? [꼭 주먹을 썰야 할까?]. Обязательно ли махать кулаками? Пхаджу: Сагеджоль, 2011. 256 с.

Результаты опроса по вопросам буллинга в РК за 2019 год // Сайт Министерства образования РК. URL: <https://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=294&boardSeq=78346&lev=0&searchType=null&statusYN=W&page=1&s=moe&m=020402&opType=N> (дата обращения: 04.02.2022).

Чон Сангук. Усан-ый нунмуль, Чон Сангук сосоль сонджип [우상의 눈물, 전상국 소설 선집]. Слезы идола, сборник рассказов Чон Сангука. Сеул: Сэум, 2017. С. 44–84.

Ян Хомун. Акма-ый битхамин [악마의 비타민]. Витамин дьявола. Пхаджу: Чаым-ква моым, 2012. 234 с.

School Violence and Bullying Global Status Report, Paris: The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2017. P. 9–10.

Роль Государственного комитета по делам вьетнамцев за рубежом МИД СРВ в формировании «мягкой силы»

Согласно Глобальному индексу мягкой силы Brand Finance, в 2022 г. Социалистическая Республика заняла 59 место в рейтинге из 120 государств, опустившись на 12 позиций за один год². К слову, Россия в 2022 г. занимает 9 место, а в 2021 г. располагалась лишь на 13 месте. США, Великобритания, Германия, Китай и Япония занимают лидирующие позиции в данном рейтинге в 2022 г. Несмотря на то, что термин «мягкая сила» является сравнительно молодым и еще не прочно вошедшим в политический лексикон Вьетнама, страна ведет активную деятельность в укреплении своего имиджа на международной арене.

Понятие «мягкая сила» было впервые введено в политическую лексику американским политологом Дж. С. Наем в 1990 г. «Мягкая сила» подразумевает под собой способность государства воздействовать на мнения и деятельность акторов на мировой арене (общество, организации и т. д.), привлекая их с помощью демонстрации лучших качеств страны без использования «жесткой силы», то есть без насилия, без непосредственной демонстрации военного потенциала страны. Мягкая сила учитывает воздействие следующих семи факторов: бизнес, дипломатия, правительство, культура и наследие, СМИ, наука и образование, народ и ценности. А с 2021 г. рейтинг «мягкой силы» государств учитывает эффективность деятельности того или иного государства в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Согласно вьетнамским и международным экспертам ключевыми инструментами «мягкой силы» Вьетнама являются его многовековая история, богатая культура и захватывающая природа. Однако в последнее время Вьетнам у подавляющего большинства людей вызывает ассоциации лишь с вьетнамской войной. В то же время зачастую сами потомки вьетнамских мигрантов также теряют связь с культурой своих предков, забывая о своих корнях.

Государственный комитет по делам вьетнамцев за рубежом при Министерстве иностранных дел Социалистической Республики Вьетнам был создан 23 ноября 1959 г. с целью налаживания контактов с вьетнамцами, обучающимися или постоянно проживающими за границей, с целью поддержки деятельности членов вьетнамских диаспор, сохранения и распространения вьетнамской культуры по всему миру. Деятельность комитета осуществляется в соответствии с постановлением Правительства Вьетнама от 2019 г. о **Функциях, обязанностях, рамках полномочий и**

¹ Научный руководитель — д.и.н., проф. В. Н. Колотов.

² Brand Finance Soft Power Index 2022. URL: https://brandirectory-live-public.s3.eu-west-2.amazonaws.com/reports_free/brand-finance-soft-power-index-2022.pdf (Дата обращения: 30.03.2022)

структуре организации Государственного комитета по делам вьетнамцев за рубежом МИД СРВ³.

По данным Комитета по делам вьетнамцев за рубежом проживает примерно 5,3 миллиона этнических вьетнамцев. Следует отметить, что объектом деятельности данного Комитета являются не только молодежь, но и зрелые вьетнамцы. В число основных мероприятий Комитета входит:

- Весна Родины (вьет. Xuân Quê Hương)⁴:

Программа Весенняя родина является одним из крупнейших политических и культурных событий в стране для вьетнамцев, проживающих за рубежом. Весенняя родина проходит ежегодно с 2007 г. в канун Праздника Весны, то есть Нового года по Лунному календарю. Это культурное мероприятие включает в себя встречи с главами Партии, Государства, ЦК Отечественного фронта Вьетнама, а также культурную программу, наполненную выступлениями вьетнамских артистов обучающихся или проживающих за рубежом.

Программа мероприятия в 2022 г. «Весна Родины» представляла собой гармоничное сочетание многих элементов традиционной и современной музыки с участием как и зарубежных артистов вьетнамского происхождения, так и отечественных. Программа разнообразна по видам и жанрам, что ярко показывает динамику развития вьетнамской музыки и искусства, которые выражаются в сохранении и популяризации культурных ценностей и традиций нации.

- Зарубежные вьетнамцы и острова Спратли (вьет. Kiều bào thăm Trường Sa)⁵:

Начиная с 2012 г. Комитет в сотрудничестве с Министерством Военного командования ежегодно организует поездки на архипелаг Спратли и платформы DK1. За все время существования в данном проекте приняло участие примерно 600 вьетнамцев, проживающих за рубежом. В результате поездок потомки мигрантов в своих странах организовали Клубов архипелага Спратли в Германии, Польше, Чехии, Фондов суверенитета морей и островов в Корее и Сингапуре, было организовано множество семинаров и форумов по Восточному (Южно-Китайскому морю), были изданы множество книг и альбомов об архипелаге. По данным Комитета, с 2012 г. по настоящее время вьетнамцы за границей пожертвовали в охрану и развитие архипелага Спратли более 10 миллиардов донгов (45 млн рублей) через Фонды и напрямую.⁶

³ Quyết định số 11/2019/QĐ-TTГ của Thủ Tướng Chính Phủ về chức năng, nhiệm vụ, quyền hạn và cơ cấu tổ chức của ủy ban nhà nước về NVNONN. URL: <https://scov.gov.vn/gioi-thieu/chuc-nang-nhiem-vu/quyet-dinh-so-11-2019-qd-ttg-cua-thu-tuong-chinh-phu-ve-chuc-nang-nhiem-vu-quyen-han-va-co-cau-to-chuc-cua-uy-ban-nha-nu.html> (Дата обращения: 17.02.2022)

⁴ Sự kiện NVNONN: Xuân Quê hương. URL: <https://scov.gov.vn/su-kien/xuan-que-huong> (Дата обращения: 17.02.2022)

⁵ Sự kiện NVNONN: Kiều bào thăm Trường Sa. URL: <https://scov.gov.vn/su-kien/kiều-bào-thăm-trường-sa> (Дата обращения: 17.02.2022)

⁶ Kiều bào Mỹ: Chuyên đi Trường Sa đánh dấu khúc chuyển trong cuộc đời hoạt động của tôi. Báo Người Lao Động Online. URL: <https://nld.com.vn/thoi-su/kiều-bào-mỹ-chuyên-đi-trường-sa-dánh-dấu-khúc-chuyển-trong-cuộc-đời-động-của-tôi-20211121104731744.htm> (Дата обращения: 17.02.2022)

Данное мероприятие важно с точки зрения формирования связи вьетнамцев с отдаленными частями страны, а вернее со спорными территориями.

- Международный вьетнамский летний лагерь (вьет. Trại hè Việt Nam)⁷:

Международный летний лагерь Правительства Вьетнама для потомков иммигрантов, проживающих за рубежом и имеющих выдающиеся достижения в учебе, искусстве или спорте ежегодно проходил во всех частях страны с 2004 г., объединив более чем 2000 представителей вьетнамской молодежи из более чем 30 стран Европы, Америки, и стран Ближнего и Дальнего Востока. В том числе порядка 100 этнических вьетнамцев, постоянно проживающих или обучающихся в России. За две недели лагеря молодые люди имеют возможность не только ближе знакомиться с историей и культурой родины своих родителей, но также имеют возможность пообщаться с героями Вьетнама, известными деятелями культуры и политики, и познакомить жителей различных провинций Вьетнама с культурой страны.

Программа Лагеря традиционно включает в себя помимо посещения знаковых мест истории и культуры страны, мастер-классы от мастеров ремесленников, визиты на фабрики по пошиву традиционной одежды, знакомство с искусством, обычаями и играми различных регионов Вьетнама.

Жизнь лагеря освещается командой журналистов ведущих каналов (VTV, НТВ) и газет (Tuổi trẻ, Nhân dân, VOV, VTV, VietnamPlus) Социалистической Республики Вьетнам. Помимо этого руководство лагеря активно ведет страницы в социальной сети Facebook (компания-владелец Meta — запрещённая в РФ экстремистская организация)⁸.

Однако в последние два года из-за эпидемии коронавирусной инфекции Комитет был вынужден приостановить данную программу. 29 августа 2021 г. Государственный комитет по делам вьетнамцев за рубежом Министерства иностранных дел Вьетнама организовал онлайн ток-шоу «Вьетнамская молодежь, студенты и Международный вьетнамский летний лагерь» с той целью, чтобы не смотря на эпидемию COVID-19, объединить вьетнамскую молодежь со всего мира и услышать их воспоминания о международном лагере и об общей Родине.

В семинаре приняли участие 16 представителей различных стран, которые участвовали в данной программе в разные годы⁹, в том числе участники из России, Украины, Финляндии, США, Чехии, Словакии, Лаоса, Египта, Румынии, Венгрии и Польши. Прямая трансляция встречи транслировалась на официальных страницах Комитета и на платформе YouTube¹⁰.

⁷ Sự kiện NVNONN: Trại hè Việt Nam. URL: <https://scov.gov.vn/su-kien/trai-he-viet-nam> (Дата обращения: 17.02.2022)

⁸ Ủy ban Nhà nước về NVNONN. URL: <https://www.facebook.com/uybannguoiviet/> (Дата обращения: 17.02.2022)

⁹ Tọa đàm “Thanh niên, sinh viên Việt Nam ở nước ngoài với Trại Hè Việt Nam”. URL: <https://scov.gov.vn/cong-tac-ve-nvnonn/tin-tuc/toa-dam-thanh-nien-sinh-vien-viet-nam-o-nuoc-ngoai-voi-trai-he-viet-nam-.html> (Дата обращения: 17.02.2022)

¹⁰ Tọa đàm: “Thanh niên, sinh viên Việt Nam ở nước ngoài với Trại hè Việt Nam”. URL: <https://youtu.be/ZcyfewNmVRE> (Дата обращения: 17.02.2022)

- Преподавание и изучение вьетнамского языка¹¹:

Помимо этого Комитет стимулирует преподавание вьетнамского языка за рубежом не только в диаспорах, но и преподавание в вузах. Так, ежегодно Комитет как самостоятельно, так и в партнерстве с посольствами и университетами в различных странах мира организовывает семинары, на которых преподаватели обмениваются техниками преподавания языка, а студенты представляют свои рассказы на вьетнамском языке на различные темы.

Одним из мероприятий в рамках программы по продвижению вьетнамского языка можно назвать событие, прошедшее 1 октября 2021 г. в Посольстве Социалистической Республики Вьетнам в Москве¹². В мероприятии приняли участие преподаватели студенты-вьетнамисты СПбГУ, МГИМО, МГЛУ, КФУ и ДВФУ. В ходе семинара вьетнамисты обменялись своим опытом изучения языка и пребывания в стране в ходе стажировок, помимо этого с творческими номерами выступили и вьетнамские студенты. К слову, подобное мероприятие происходило в России впервые. Следует обратить внимание, что одним из заместителей председателя Государственного Комитета по делам вьетнамцев за рубежом до недавнего времени являлся действующий Чрезвычайный и полномочный посол СРВ в РФ господин Данг Минь Кхой.

Освещенные в статье события показывают, что СРВ успешно ведет деятельность по формированию своего имиджа в рамках концепта «мягкой силы», способствуя укреплению связи вьетнамского сообщества за рубежом со своей Родиной посредством проведения различных мероприятий и тем самым повышая заинтересованность в культуре, истории и современной жизни в стране.

Список использованных источников

Brand Finance Soft Power Index 2022. URL: https://brandirectory-live-public.s3.eu-west-2.amazonaws.com/reports_free/brand-finance-soft-power-index-2022.pdf (Дата обращения: 30.03.2022)

Kiểu bào Mỹ: Chuyến đi Trường Sa đánh dấu khúc chuyển trong cuộc đời hoạt động của tôi. Báo Người Lao Động Online. / Информационное агентство Нгьюй лао донг онлайн URL: <https://nld.com.vn/thoi-su/kieu-bao-my-chuyen-di-truong-sa-danh-dau-khuc-chuyen-trong-cuoc-doi-hoat-dong-cua-toi-20211121104731744.htm> (Дата обращения: 17.02.2022)

Tọa đàm: “Thanh niên, sinh viên Việt Nam ở nước ngoài với Trại hè Việt Nam”. URL: <https://youtu.be/ZcyfewNmVRE>

¹¹ Sự kiện NVNONN: Dạy và học tiếng Việt. URL: <https://scov.gov.vn/su-kien/day-va-hoc-tieng-viet> (Дата обращения: 17.02.2022)

¹² Video: Các nam nữ sinh viên Nga thể hiện khả năng nói tiếng Việt đáng nể. Voice of Vietnam. URL: <https://vov.vn/the-gioi/cuoc-song-do-day/video-cac-nam-nu-sinh-vien-nga-the-hien-kha-nang-noi-tieng-viet-dang-ne-895154.vov> (Дата обращения: 17.02.2022)

Ủy Ban Nhà nước về người Việt Nam ở nước ngoài. / Официальный сайт Государственного комитета по делам вьетнамцев за рубежом МИД СРВ URL: <https://scov.gov.vn/> (Дата обращения: 17.02.2022)

Video: Các nam nữ sinh viên Nga thể hiện khả năng nói tiếng Việt đáng nể. Voice of Vietnam. / Информационное агентство Голос Вьетнама URL: <https://vov.vn/the-gioi/cuoc-song-do-day/video-cac-nam-nu-sinh-vien-nga-the-hien-kha-nang-noi-tieng-viet-dang-ne-895154.vov>

Кузовков Максим Андреевич
магистрант 2 курса кафедры востоковедения
Гуманитарный институт НГУ¹

Волны COVID-19 в Японии: вызовы и стратегии

Распространение вируса SARS-CoV-2, более известного как COVID-19, вынудило человечество изменить привычный для себя образ жизни. Япония не стала исключением. Для борьбы с пандемией применялись разные методы и стратегии, начиная от призывов к снижению социальных контактов и перехода на дистанционный формат обучения и работы до закрытия границ страны, вакцинации населения и введения на всей её территории режима чрезвычайного положения.

В период с января 2020 г. по начало 2022 г. по числу заболеваний в Японии можно выделить пять полноценных волн коронавируса, каждая из которых наносила ущерб экономике страны, влияла на рынок труда и отражалась на жизни её граждан.

Началом первой волны в Японии можно считать 16 января 2020 г. — в этот день был выявлен первый случай заражения. Для противодействия пандемии 7 апреля правительство впервые ввело режим ЧС на территории нескольких префектур, а 16 апреля было принято решение, расширить его действие на всю страну. Ограничения на передвижение и работу различных предприятий были введены примерно в то же время. Влияние этих мер привело к уменьшению числа занятых с 67 до 66,28 миллионов человек². Ввиду снижения числа заболеваний коронавирусом нового типа, режим чрезвычайного положения был полностью отменен к 25 мая.

Вторая волна пришлась на июль и продлилась до сентября 2020 г. Ограничения на тот период пришлись на Токио и префектуры Осака, Айти, Миядзаки и Окинава, в основном они заключались в запрете работы караоке-залов и ресторанов, продающих алкогольные напитки, после 10 ч. вечера, а также в просьбах правительства не выезжать за пределы префектур с опасной эпидемиологической обстановкой [Демина, Мазитова 2021: 61]. Этот промежуток незначительно повлиял на уровень занятости: вплоть до конца ноября отмечается восстановление прежних показателей. Позже ограничения были отменены.

Появление и распространение Альфа-штамма COVID-19 наблюдалось приблизительно с середины ноября 2020 г. до конца марта 2021 г. Он отличается более высокой скоростью распространения, относительно исходного штамма. В связи с этим работа развлекательных заведений вновь была ограничена в Токио и ещё нескольких префектурах. Этих мер было недостаточно — уже в январе 2021 г. количество инфицированных достигло рекордной на тот момент отметки в 72 тыс. человек.

¹ Научный руководитель — д-р ист. наук, профессор Е. Э. Войтишек.

² Monthly Labour Survey, табл. 1–2.

Премьер-министру Ё. Суга ничего не осталось, кроме как объявить о повторном введении режима ЧП: с 7 января 2021 г. на территории Большого Токио (Токио, Канагава, Тиба и Сайтама), 14 января к этому списку добавились ещё несколько префектур. С 17 февраля началась вакцинация населения (первыми были вакцинированы медицинские работники)³. Важно отметить, что Кабинет Министров стремился продвигать переход на удаленный режим работы и на 70% сократить количество выходящих на работу граждан⁴.

Все эти меры заметно повлияли на число занятых: в период с ноября по январь показатель упал с 67,07 до 66,37 миллиона человек. Тем не менее, благодаря им количество заболевших начало постепенно снижаться, что позволило снять режим ЧП 26 февраля (изначальной датой отмены значилось 7 февраля) на территории префектур, не входящих в район Большого Токио. Полностью режим чрезвычайной ситуации был отменен 21 марта.

Ослабление ограничений практически сразу привело возникновению четвертого периода, отмечавшегося до конца июня 2021 г. Несмотря на рост числа инфицированных было принято решение о проведении Олимпийских игр⁵. Как ни странно, четвертая волна практически не повлияла на занятость: в мае число безработных достигло отметки 2,11 миллиона человек, однако затем начало снижаться.

Проведение Олимпиады-2021 вместе с возникновением Дельта-штамма всколыхнуло новую волну заражений. Новый штамм оказался ещё более опасным, относительно своих предшественников, под его воздействием численность заболевших практически достигла отметки в 250 тыс. человек, тем самым обновив антирекорд. Подобное положение дел подтолкнуло правительство и ввести режим чрезвычайного положения в округе Токио и префектурах Канагава, Тиба и Сайтама на период с начала июля по 22 августа, а также вынудило заявить о запрете допуска зрителей на Игры⁶. Кроме того, въезд на территорию страны был вновь ограничен. Позже власти приняли решение о продлении режима до 31 августа.

По мнению общественности, меры по борьбе с вирусом были недостаточными, ввиду его дальнейшего распространения на территории государства. К примеру, в довольно резкой форме по этому поводу выступил японский писатель Харуки Мураками во время радиотрансляции на «ТокуоFM». В основном он критиковал

³ В Японии началась вакцинация от нового коронавируса // Информационный портал Nippon.com, URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yji2021021700144/> (дата обращения 16.10.2021).

⁴ 7 января объявят чрезвычайное положение в четырёх префектурах на период с 8 января до 7 февраля // Портал Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/fnn20210107127957/> (дата обращения 08.04.2021).

⁵ Коронавирус и Олимпиада: США предупреждают, что ездить в Японию опасно, Токио отменять Игры не намерен // Портал bbc.com. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57239810> (дата обращения 27.06.2021).

⁶ Токио вводит ЧП перед Олимпиадой, зрителям запретят посещение Игр // Портал Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/reu20210708KCN2EE10M-ORUTP/> (дата обращения 27.09.2021).

правительство за бездействие во время Игр и сразу после них, а также выразил обеспокоенность японской общественности [Крупянюк, Арешидзе 2021: 2818–2819].

Постепенно пик волны прошел, ввиду чего 1 октября Кабинет Министров снял все чрезвычайные и пред-чрезвычайные меры⁷. В ноябре 2021 г. начали появляться сообщения о том, что дельта-штамм «самоуничтожился», ввиду накопления слишком большого количества мутаций в одном из своих неструктурных белков и потере возможности «исправляться» и клонировать себя⁸.

В четвертый раз коронавирус и меры по его противодействию заметно повлияли на численность трудящихся лиц — отрицательная динамика фиксировалась на протяжении почти 5 месяцев, за это время число работников в различных сферах сократилось почти на 600 тыс. человек⁹. Меры по поддержке занятости и отмена ограничений позволили переломить ситуацию в положительную сторону.

Новая разновидность вируса, отличающаяся ещё более взрывной скоростью распространения, получила название Омикрон-штамм и с начала 2022 г. обозначила шестую волну.

Ущерб, который уже успел причинить COVID-19, ощутимо отразился на экономике страны. Впервые с 2009 г. увеличился уровень безработицы, работа многих отраслей была нарушена, правительством были приняты несколько колоссальных дополнительных бюджетов, а также отработаны различные варианты стратегий по поддержанию рынка труда и уровня жизни населения в целом.

Каждая новая волна бросает вызов обществу, ответив на который оно получает ценный опыт, приближаясь тем самым на шаг ближе к победе над пандемией.

Список использованной литературы

Крупянюк М. И., Арешидзе Л. Г. Япония в борьбе с пандемией «COVID-19»: шаг вперед, два шага назад // Вопросы политологии. 2021. № 10. С. 2813–2821.

Демина Я. В., Мазитова М. Г. Пандемия COVID-19 и ее влияние на экономику Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 57–75.

⁷ В Японии отменяют связанное с коронавирусом чрезвычайное положение // Портал Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021093001109/> (дата обращения 20.10.2021).

⁸ Японские ученые заявили о самоликвидации дельта-штамма коронавируса // Портал РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211121/delta-shtamm-1760064674.html> (дата обращения 12.12.2021).

⁹ Monthly Labour Survey, табл. 1–2.

Лекарева Ева Павловна
студентка 1 курса магистратуры
Восточный факультет СПбГУ¹

Национализм на Западе, в Индии и Японии в понимании Рабиндраната Тагора: роман “Четыре части” как твердое “нет” идее Нации

Период конца XIX — начала XX вв. стал яркой страницей в истории Индии. Возрождение национального самосознания, появление первых политических партий, развитие и усиление национально-освободительного движения, две мировые войны и обретение независимости — эти и многие другие события не могли не вызвать глубокой озабоченности тех, кого беспокоила судьба всего человечества, закружившегося в танце разрушения. Одним из неравнодушных был индийский классик Рабиндранат Тагор. В 1917 г. выходит в свет цикл его статей о национализме на Западе, в Индии и Японии, объединенных под общим заглавием “Национализм”. Р. Тагор читал их в университетах Японии и США в самый разгар Первой мировой войны, пытаясь убедить молодое поколение не поддаваться обману и не вступать на путь насилия и войны, ибо это дорога в никуда. Начиная свое сочинение с размышлений о природе понятия “нация”, которое, по его мнению, является искусственно созданным абстрактным понятием (*abstract being*), писатель постепенно показывает, каким злом может обернуться для любой цивилизации слепое поклонение ее идее. Нация и порождаемый ею национализм, считает Р. Тагор, несут с собой только обезчеловечивание и обезличивание людей, превращение их в лишенных разума и светлых идеалов марионеток, которыми легко управлять [Tagore 1918: 44]. В литературе к этой идее он вернется вновь в романе “Четыре части”, когда будет описывать деятельность одной подпольной террористической группировки.

Основное различие между цивилизациями Востока и Запада, рассуждает Р. Тагор, заключается в том, что первые социальны по своей природе и основаны на духовных идеалах человека, вторые же — политические и зиждятся на идее борьбы, жадности и хищничества [Tagore 1918: 67]. При этом Запад хотя неустанно и напоминал Азии о том, что она никогда не сможет двигаться по пути прогресса со своим лицом, обращенным назад, тем не менее с сильным опасением относился к возможности возвышения какой-либо из восточных стран [Tagore 1918: 49, 83]. Р. Тагор приводит в пример Японию: “Она обладала богатством человечности, созвучием героизма и красоты, глубиной самообладания и безграничной силой самовыражения, однако западные цивилизации не проявляли к ней никакого уважения, пока Япония не показала им, что кровожадные ищейки Сатаны вскармливаются не только в псарнях Европы, но могут разводиться и в Японии и питаться человеческим горем и страданиями” [Tagore 1918: 83].

¹ Научный руководитель — к. ф. н., доц. А. В. Челнокова.

Восхищаясь успехами Японии, будто в один миг сбросившей путы оцепенения и бездействия и подарившей всей Азии надежду на пробуждение, писатель в то же время обращается к ней с призывом “не забывать о высоких идеалах человечности, не насмехаться над беспомощностью соседей, не быть беспринципным в своем поведении по отношению к слабым и самое главное никогда не следовать примеру Запада в том, как он принимает за религию организованное самолюбие национализма” [Tagore 1918: 39]. Ибо “те народы, которые старательно культивируют духовную слепоту, называя ее патриотизмом, ждет внезапная и насильственная гибель”, — напоминает Японии Тагор [Tagore 1918: 78]. Возможно его беспокоили смутные предчувствия о будущем этой страны, которую в скором времени захлестнет волна шовинизма. В то же время писатель воздает должное Европе, отмечая, что она принесла на Восток не только разруху и несчастья, но и идеал свободы совести и мысли, за который ее поистине стоит поблагодарить [Tagore 1918: 90].

Говоря об Индии, он отмечает, что все ее беды исходят не из политических, а из социальных ошибок [Tagore 1918: 97]. Губительные социальные традиции и нормы, широко распространенные здесь, привели к потере самоуважения и полной незащитности народа перед лицом любых завоевателей [Tagore 1918: 113–114]. Это стало возможным в первую очередь благодаря господству кастовой системы, с помощью которой, пишет Тагор, Индия решила свою проблему многонациональности, в определенных пределах предоставив каждому племени и народу свободу [Tagore 1918: 117]. Как только будут решены социальные проблемы, считает он, станет правомерным ставить вопрос о борьбе за независимость [Бросалина 1973: 25].

Навязываемая Западом идея нации и национализма оказывается глубоко чуждой Индии, обладающей иным культурным и историческим опытом. Именно поэтому, как полагает Р. Тагор, настоящего чувства национализма Индия не знает, но об этом часто забывают индийские националисты, которые полагают, что все проблемы Индии решит политическая свобода [Tagore 1918: 106, 123]. Их патриотизм слеп и губителен. В действительности, замечает он, многие народы, обладающие ныне политической свободой, не являются подлинно свободными. Они сильны, но истинной независимости не знают [Tagore 1918: 121]. Политическая свобода не может даровать полную свободу народу, если не свободен его разум [Tagore 1918: 120]. В таком случае, “неужели одно только название политической свободы настолько ценно, что ради него стоит жертвовать духовной свободой (moral freedom)?”, — вопрошает писатель в завершение [Tagore 1918: 124]. Для Тагора ответ очевиден.

Спустя семнадцать лет, когда Индию захлестнет безумие терроризма, Р. Тагор вновь повторит свое предупреждение о том, что идея нации несет Индии погибель. В 1934 г. выходят в свет “Четыре части” — самый неоднозначный из всех романов писателя, подвергшийся резкой критике со стороны современников. Повествование в нем завязано на душевных переживаниях Элы, которая с детства росла в атмосфере нездорового властолюбия матери и полной покорности отца. Повзрослев и получив

образование, девушка осознаёт, что ей претит даже сама мысль о замужестве и хочет самостоятельно добывать себе средства к существованию. В это время Эла попадает под чары Индранатха — харизматичного лидера подпольной террористической организации. Примкнув к его группе тайных активистов, она принимает обет безбрачия и клянётся посвятить свою жизнь борьбе. Но случай сводит ее с Отиндро. Именно он открывает возлюбленной глаза на истинные намерения Индранатха, который с помощью этой группировки хочет свести личные счёты со своими обидчиками, закрывшими в свое время перед ним все двери из-за подозрений на связь с политическим преступником. Видя, что ситуация выходит из-под контроля, Индранатх поручает Отиндро устранить Элу. Тот приходит к возлюбленной, чтобы убить ее. Она сама осознает это и просит поскорее прекратить ее страдания. Звучит протяжный свисток полицейской группы захвата. Повествование обрывается.

“Четыре части” представляют собой окончательный и недвусмысленный ответ Р. Тагора идеям нации и национализма. Описывая в романе опасные реалии национально-освободительного движения, писатель наглядно показывает, чего Индии будет стоить подобный путь ради обретения политической независимости.

Во-первых, опирающийся на идею хищничества национализм порождает и оправдывает всякое насилие, которое губит не только тех, по отношению к кому совершается, но и тех, кто его совершает. Он превращает людей в лишенных светлых идеалов человечности марионеток, которыми легко управлять. Трагичность судеб Элы и Отиндро, охваченных чувством ложного политического самопожертвования, яркое тому доказательство. При этом тот факт, что они оказались вовлеченными в эту группировку обманом и были введены в заблуждение, несколько не умаляет их вины и ответственности за свои поступки. Отиндро однажды говорит Эле: “Наш Верховный Советник постановил, что долг всех нас заключается в том, чтобы крепко ухватиться за толстую веревку и тянуть с закрытыми глазами. Тысячи мальчишек вцепились в эти свои веревки... Независимому мышлению положили конец с самого начала, и мальчишки гордо выхаживали, готовые к тому, чтобы их превратили в марионеток. Когда они начали танцевать в унисон благодаря тому, что маэстро плавно натягивал то одну, то другую ниточку, собственное выступление глубоко поразило их. “Это поистине танец Шакти!”, — думали они. Но едва кукловод ослаблял натяжение нити, тысячи мальчиков-марионеток навсегда выпадали из игры” [Tagore 1934: 39]. Как удивительно созвучна эта фраза той, что прозвучала семнадцать лет назад в “Национализме”: “Люди, прекраснейшие творения Божьи, выходили из мастерских национализма огромными партиями марионеток, готовых воевать и зарабатывать деньги, нелепо тщеславных своим жалким совершенством механизма. Человеческое общество все больше и больше превращалось в кукольный спектакль политиков, военных, фабрикантов и бюрократов, которых удивительно искусно дергают за веревочку” [Tagore 1918: 44].

Во-вторых, патриотизм, взращенный на почве национализма, чуждого индийской культуре, принесет стране только гибель. Отиндро признается Эле: “Я не отношусь к

тем, кого вы называете патриотами. Патриотизм тех, кто не верит в то, что выше него, все равно что крокодилия спина, используемая как паром для переправы через реку. Ложь, подлость, взаимное недоверие, корыстные интриги, шпионаж — однажды они утащат их на самое дно, к илу” [Tagore 1934: 63]. Ранее в “Национализме” уже сам писатель высказывал похожее предупреждение: “Не доносится ли до нас, сквозь грохот войны и пронзительные крики ненависти и вопли отчаяния, сквозь поднимающуюся грязь, что веками копилась на дне этого национализма, голос, кричащий нам, что башня национального эгоизма, именуемая патриотизмом, поднявшая к небу знамя предательства, пошатнется и с грохотом рухнет, не выдержав собственной тяжести, и флаг ее коснется пыли, и свет ее погаснет?” [Tagore 1918: 92].

В-третьих, Р. Тагор еще раз напоминает, что политическая свобода ценой отказа от духовной свободы страны и идеалов человечности не принесет Индии долгожданного спасения. “Погубив душу страны, мы спасем ее жизнь!”, — такую страшную ложь с ревом провозгласили ныне националисты по всему миру. Протест против этого невыносимо жжет мою грудь”, — негодует Отиндро, разговаривая с Элой [Tagore 1934: 63]. Подтверждение этой мысли находим и в “Национализме”: “Неужели одно только название политической свободы настолько ценно, что ради него стоит жертвовать духовной свободой?” [Tagore 1918: 124].

Таким образом, западная идея нации и национализма оказывается глубоко чуждой гуманистическому мировоззрению Р. Тагора, который до последнего оставался верным высоким идеалам человечности и отказывался терять веру в человека и его духовность. Начав свои размышления о сущности нации и ее губительном влиянии на душу любого народа в цикле статей “Национализм” в 1917 г., когда мир был охвачен безумием Первой мировой войны, Р. Тагор, чьи предостережения оказались неслышанными, повторяет их уже в романе “Четыре части” в 1934 г., когда его родную Индию сотрясает революционный террор. “Четыре части” становятся логическим завершением рассуждений Р. Тагора о национализме как возможном пути обретения независимости и твердым, недвусмысленным “нет” писателя западным идеям нации, патриотизма и в конечном счете политической независимости, которые без духовной свободы и идеалов гуманизма теряют для него всякий смысл.

Рабиндранат Тагор был поистине человеком своего времени, тонко чувствующим происходящее и способным с удивительной точностью предугадать его последствия, и тот факт, что некоторые из его идей и предостережений остаются актуальными и по сей день, является ярким тому свидетельством.

Список использованной литературы

Бросалина, Е. К. Драматургия Рабиндраната Тагора (80-е — 90-е годы XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.06. Ленинград, 1973. 34 с.

Tagore R. Four chapters. Calcutta: Visva-Bharati, 1937. 106 p.

Tagore R. Nationalism. London: Macmillan and CO., 1918. 135 p.

Лобачева Виктория Анатольевна
студентка 2 курса
Восточный факультет СПбГУ¹

**Сравнительное изучение китайских переводов
христианских молитв иеромонаха Даниила (Сивиллова)
и православных миссионеров XIX — начала XX вв.**

История православия в Китае неразрывно связана с историей отечественного китаеведения и деятельности Российской духовной миссии (РДМ) в Пекине. В российской науке это направление в последнее время изучается довольно широко. Уже выходили труды Л. В. Ломанова, В. Г. Дацышена, А. М. Куликова² и многих других исследователей, ряд чьих имен может быть продолжен. Несмотря на появление каждый год новых публикаций, по-прежнему остается немало темных пятен, которые учеными продолжают выявляться и раскрываться. Одним из таких пятен является работа по переводу православных текстов на китайский язык, осуществлявшаяся членами Десятой миссией (1821–1830), и особенно — иеромонахом Даниилом (в миру Д. П. Сивиллов, 1798–1871).

Иеромонаху Даниилу принадлежат китайские переводы вечерних и утренних молитв, молитв Божественной Литургии, «Зеркала православного исповедания» митрополита Димитрия Ростовского (1651–1709) и «Стоглава святого Геннадия». Переводы этих сочинений хранятся в восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. Ни один из них не изучен. Единственная выходившая об этих переводах статья Е. А. Завидовской и Д. И. Маяцкого³ предлагает обзор «Зеркала православного исповедания» и разбор трех его предисловий. Переводы иером. Даниила были выполнены им в Пекине в 1830 г. и хранятся в СПбГУ в виде двух одинаковых по содержанию рукописей (Хул. 6, Хул. 129) и отдельного рукописного предисловия (Хул. 303). Эти тексты никогда не издавались в печатном виде. Хотя впоследствии молитвы богослужений переводились вновь и издавались. Например, в «Кратком молитвослове» архимандрита Гурия (в миру Г. П. Карпов, 1814–1882), вышедшем в печатне при пекинской миссии в 1879 и 1904 гг., приводится текст утренней молитвы 早課經 *цаокэ цзин*, который, возможно, был заимствован у иером. Даниила. В отличие от раннего текста, стиль которого приближен к вэньяню, поздний молитвослов написан в более разговорной манере, хотя основной корпус молитвы не увидел изменений. Известно, что перевод арх. Гурия был высоко оценен иером. Даниилом.

¹ Научный руководитель – к. филол. н., доц., Д. И. Маяцкий.

² Выходные данные трудов названных ученых см. в списке литературы.

³ Маяцкий Д. И., Завидовская Е. А. Синологические исследования архимандрита Даниила (Сивиллова) и его переводы на китайский язык православных сочинений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 141–152. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-141-152.

В настоящей статье мы предприняли попытку рассмотреть специфику китайских переводов иеромонаха Даниила и других русских миссионеров, а также разобрать представленную в них лексику, передающую терминологию, имена, специфические явления и действия, связанные с христианским вероучением. Нас интересовал вопрос, как эти слова меняются от текста к тексту.

Рассматривая переводы, мы в первую очередь попытались учесть грамматический, лексический и фонетический аспекты в русском и китайском языках, а также стилистику – был ли текст переведён на классический язык или на разговорный.

В результате ознакомления с текстами Д. Сивиллова нам удалось установить, что они написаны на современном китайском с элементами грамматики классического языка вэньянь. Иером. Даниил во многом опирался на опыт архимандрита Иакинфа (в миру Н. Я. Бичурин, 1777–1853), автора первого православного катехизиса на китайском языке (天神會課). Московская исследовательница И. П. Карезина писала, что отец Иакинф брал за основу и адаптировал «Катехизис» (天神會課) иезуита Франческо Бранкати (Francesco Brancati, 1607–1671)⁴. Оба текста доступны в восточном отделе библиотеки СПбГУ (Хул. 133, Хул. 134). Принятые изменения коснулись передачи имён собственных. Так, у иером. Даниила вслед за арх. Иакинфом слово *Бог* переводится как 天主 *Тяньчжу* (Небесный Владыка). Вопрос о том, какой перевод является подходящим для православной традиции, сложен. Иером. Исайя (Поликин) при составлении своего словаря отмечает, что члены миссии вслед за католиками придерживаются варианта *Тяньчжу*. В переводе Нового Завета арх. Гурий использует именно этот вариант, хотя ему был знаком термин 上帝 *шаньди* (Верховный Владыка), который иером. Исайя приписывает протестантам. *Шаньди* появляется уже в «Кратком молитвослове», выпущенном в издательстве миссии в 1904 г., при начальнике миссии Иннокентии Фигуровском. В аналогичном издании от 1879 г., однако же, сохраняется *тяньчжу*. Причина перехода от одной нормы к другой не известна достоверно, можно предположить, что это связано с утверждением термина *тяньчжу* в католической версии, который твёрдо с ней ассоциируется. Оба названия связаны с ранними языческими верованиями в Китае, из-за чего возникали многочисленные споры об их уместности. В настоящий момент, учитывая сложившуюся традицию богослужения, наиболее подходящим православным переводом принято считать *шанди*, он же указан как единственный в китайско-русском словаре под ред. М. В. Румянцевой (2008)⁵.

Второй интересовавший нас важный вопрос — перевод имени Иисуса Христа. В переводе имён каждая конфессия, как правило, придерживалась своей транскрипции, в зависимости от того, с какого языка осуществлялся перевод. У Ф. Бранкати находим: 耶

⁴ Карезина И. П. Православный катехизис на китайском языке архимандрита Иакинфа (Бичурина). МГУ, Научная Конференция «Проблемы исторического и теоретического религиоведения». М., 2009. С. 146–152.

⁵ Ивченко Т.В., Холкина Л.С. Перевод слова «Бог» на китайский язык в православной традиции: лингвистический подход // Проблемы Дальнего Востока. 2020. №1. С. 140.

稣基利斯督 *Е-су Цзи-ли-сы-ту*. Арх. Бичурин и следом иером. Даниил передают его как 耶稣贺利斯督 *Е-су Хэ-ли-сы-ту*. Арх. Гурий и далее авторы «Краткого молитвослова» используют приближенный к фонетической транскрипции 伊伊稣斯合喇斯托斯 *И-и-су-сы Хэ-ли-сы-то-сы*. Существующий термин 耶稣基督 *Е-су Цзи-ду*, хотя и приводится у Румянцевой, по мнению иером. Исаяи, есть прямое заимствование у католиков, которого не следует придерживаться. Однако по своей краткости он может быть наиболее понятен и удобен для произнесения китайцам, и во многих случаях действительно отказывались от собственной транскрипции в пользу католического или протестантского термина, утвердившегося среди китайских христиан.

Термин Святой Дух во всех рассматриваемых переводах передавался одинаково — 圣神 *шэньшэнь*. *Шэнь*, как пишет иером. Исаяя, есть общее имя для всякого духа, лишь иногда означающее все духовное, невещественное начало. Действительно, это слово закрепилось за целой плеядой мифических существ и богов и ассоциация его с христианским понятием слова Бог несущественна. Однако эта лексема активно употребляется в составе сложных слов, и вариант *шэньшэнь* стал привычен для христиан в Китае. Иером. Исаяя предлагает такие варианты перевода, как 风 *фэн* (ветер) или 气 *ци* (воздух, дыхание) как наиболее приближенные к значению жизненной силы.

Следующее сочетание, *страдавший и погребенный* приводится как 受难 *шоу нань* во всех представленных переводах, за исключением «Краткого молитвослова», где оно заменено на 受害 *шоу хай*. Иером. Исаяя настаивает на том, чтобы переводить именно *шоу хай най и*, — чтобы избежать в Символе веры перевода *умерший*, поскольку в слове *шоу хай* уже заложен смысл страдания, кончающегося смертью, чего нельзя сказать про *шоу нань*.

Перевод выражения «Его же царствию не будет конца» в трудах иером. Даниила и арх. Гурия дан как 彼国无终 *би го у чжун* (его же царствию несть конца). На это иером. Исаяя указывает, что правильнее передать это сочетание в будущем времени: 其国将无终 *ци го цзян у чжун*. Такой вариант используется в «Кратком молитвослове». Приближенный к разговорному языку перевод 祂的国度没有终结 *та дэ году мэи ю чжунцзе* даётся в словаре М. П. Румянцевой.

Часть лексики оказалась устойчива и утвердилась в православных текстах. Например, Святая Троица 三位一体 *саньвэй ити*, Слово Божье 圣言 *шэньянь* — используют последовательно от бичуринских текстов до словаря М. П. Румянцевой. Некоторые переводы по-прежнему считаются спорными. Термин Вседержитель 全能父 *цюаньнэнчжи фу*, по мнению иером. Исаяи, есть прямая калька с латинского «Всемогущий» *omnipotens*, которой можно избежать и заменить более подходящим *цюаньцзай*.

Подводя итоги, можно судить о том, что православный перевод богослужебных текстов на китайский язык не был косным, но менялся в зависимости от установок

перевода и практики богослужения. Однако на сегодняшний день нет версии, которая бы полностью отвечала нуждам христианской проповеди. Не только в православной традиции, но шире – между представителями трёх конфессий, – существуют многочисленные разночтения. Нет единства мнений о том, верно ли использовать понятия, заимствованные у католиков и протестантов. Не всегда можно проследить, когда и по какой причине утвердился тот или иной вариант перевода.

	Арх. Бичурин, «Краткий Катехизис», 1810 г.	Иером. Даниил (Сивиллов), «Вечерние и утренние молитвы», 1830 г.	Арх. Гурий (Карпов), Новый Завет, 1864 г.	«Краткий молитвослов», 1904 г.	М.В. Румянцева, «Русско-китайский словарь православной лексики», 2008 г.
Бог	天主 <i>тяньчжэу</i>	天主 <i>тяньчжэу</i>	天主 <i>тяньчжэу</i>	上帝 <i>шанди</i>	上帝 <i>шанди</i>
Иисус Христос	耶穌賀利斯督 <i>Е-су Хэ-ли-сы-ту</i>	耶穌賀利斯督 <i>Е-су Хэ-ли-сы-ту</i>	伊伊穌斯合喇斯托斯 <i>И-и-су-сы Хэ-ли-сы-то-сы</i>	伊伊穌斯合喇斯托斯 <i>И-и-су-сы Хэ-ли-сы-то-сы</i>	耶穌基督 <i>Е-су Цзи-ду</i>
Святая Троица	三位一体 <i>саньвэй ити</i>	三位一体 <i>саньвэй ити</i>	三位一体 <i>саньвэй ити</i>	—	三位一体 <i>саньвэй ити</i>
Святой Дух	聖神 <i>шэньшэнь</i>	聖神 <i>шэньшэнь</i>	聖神 <i>шэньшэнь</i>	聖神 <i>шэньшэнь</i>	聖靈 <i>шэньлин</i>
Слово Божье	聖言 <i>шэньянь</i>	聖言 <i>шэньянь</i>	聖言 <i>шэньянь</i>	聖言 <i>шэньянь</i>	聖言 <i>шэньянь</i>
Вседержитель	全能之父 <i>цюаньнэнчжэу фу</i>	全能之父 <i>цюаньнэнчжэу фу</i>	全能天主 <i>цюаньнэн тяньчжэу</i>	全能上帝 <i>цюаньнэн шанди</i>	全能之父 <i>цюаньнэнчжэу фу</i>
Его же царствию не будет конца	—	彼国无终 <i>би го у чжун</i>	彼国无终 <i>би го у чжун</i>	其国将无终 <i>ци го цзян у чжун</i>	祂的国度没有终结 <i>та дэ году мэй ю чжунцзе</i>
Страдавший	受难 <i>шоу нань</i>	受难 <i>шоу нань</i>	受难 <i>шоу нань</i>	受害 <i>шоу хай</i>	受难 <i>шоу нань</i>

Список источников и литературы

Источники:

比丘林撰，天神會課不分卷，ксилограф 1810 г. Научная библиотека СПбГУ, восточный отдел, Хул. 134.

潘國光著，天神會課不分卷，ксилограф 1661 г. Научная библиотека СПбГУ, восточный отдел, Хул. 133.

正教鑿不分卷，рукопись 1830 г. Научная библиотека СПбГУ, восточный отдел, Хул. 6.

正教鑿不分卷，рукопись без даты. Научная библиотека СПбГУ, восточный отдел, Хул. 129.

正教全鑑小引，рукопись 1830 г. Научная библиотека СПбГУ, восточный отдел, Хул. 303.

Литература:

Дацышен В. Г. Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2011. 432 с.

Ивченко Т.В., Холкина Л.С. Перевод слова «Бог» на китайский язык в православной традиции: лингвистический подход // Проблемы Дальнего Востока. 2020. №1. С. 139–147.

Карезина И. П. Православный катехизис на китайском языке архимандрита Иакинфа (Бичурина). МГУ, Научная Конференция «Проблемы исторического и теоретического религиоведения». М., 2009. С. 146–152.

Карезина И. П. Тянь-шэнь хуй кэ // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Анисеева. 2007. 869 с.

Куликов А. М. Палладиум российского китаеведения: Жизнь и труды архимандрита П. И. Кафарова. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 290 с.

Ломанов Л. В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. 446 с.

Маяцкий Д. И., Завидовская Е. А. Синологические исследования архимандрита Даниила (Сивиллова) и его переводы на китайский язык православных сочинений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 141–152. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-141-152.

Румянцева М. В. Русско-китайский словарь православной лексики. М.: Восточная книга, 2008. 768 с.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

Foley, Toshikazu S. Biblical translation in Chinese and Greek : verbal aspect in theory and practice. Leiden; Boston : Brill, 2009. Pp. 449.

Жизнь и творчество Ли Юя

Ли Юй (李漁, годы жизни 1610/1611–1679/1680 гг.) жил в трудное для Китая время, а именно в последние, кризисные годы существования династии Мин, ознаменованное большим количеством крестьянских восстаний, в том числе восстанием Ли Цзычэна, окончательно уничтожившее старую династию, и в первые годы правления маньчжурской династии Цин. После падения Мин китайское население подвергалось всяческим репрессиям, как например обривание передней части головы с плетением косы, и, самое главное, установление жесткой цензуры. Проводились так называемые «литературные инквизиции», в рамках которых произведения, считавшиеся императорским двором непристойными, уничтожались, т. е. изымались печатные издания вместе с ксилографами и сжигались, а людей, хранивших запретные произведения, подвергали казни.

Таким образом авторы, чтобы избежать цензуры, прибегали к разным хитростям, таким как перенесение хронотопа во времена более ранних династий, использование иносказаний; средства имели цель намекнуть читателю о том, что действие в произведении на самом деле описывает положение страны при нынешней маньчжурской династии.

Помимо этого, на русском языке можно прочитать лишь малую часть произведений литератора, в основном представленную переводами известного специалиста позднеимперской прозы Д. Н. Воскресенским (1926–2017), который перевел сборник рассказов «Двенадцать башен», «Подстилку из плоти» и некоторые рассказы из «Безмолвных пьес» (о них ниже). Таким образом перед российским читателем возникает образ писателя-эротиста, публиковавший свои рассказы в низкосортных журналах. Такое представление в лучшем случае неполноценно и ложно в худшем. Поэтому цель данной статьи — хотя бы немного расширить образ и показать, что главный лейтмотив всех значимых произведений — насмешка, как над погрязшими в догмах учеными-конфуцианцами, так и над излишне пошлыми «ветротекучими».

Немного о биографии. Ли Юй родился в городе Чжигао (雉皋, совр. г. Жугао 如皋) провинции Цзянсу в относительно бедной семье торговца лечебными травами. В возрасте 25 лет, в 1635 году, он с легкостью сдает государственный экзамен кэцзюй (科舉) на степень сюэя (秀才), что произвело на экзаменатора сильное впечатление, и поэтому он рекомендовал Ли Юя в узднюю школу в Цзиньхуа (金華), в которую он поступил в 1637 году, но последующие попытки сдать экзамен на более высокую

¹ Научный руководитель – к. ист. н., доц., Н. А. Сомкина.

степень не увенчались успехом, что отчасти связано с нежеланием продвигаться по карьерной лестнице, но попытки он все равно предпринимал, скорее из чувства долга по отношению к своей матери [Воскресенский 1985, стр. 5; Nanan, с. 9].

В уезде Ланьси (蘭溪) провинции Чжэцзян, куда переехала семья по смерти отца еще в 1630–1631 гг., в 1640-е гг. Ли Юй желает построить «соломенную хищину» (цаотан 草堂, обычно метафорическое обозначение жилища поэта или отшельника) рядом с родовой могилой, чтобы жить уединенной жизнью поэта. Он покупает себе поместье и даже прокапывает ко входу своего дома местную речку, чтобы «можно было рыбачить, не надевая дождевик». Это, однако привело к конфликту, который кончился тем, что Ли Юю пришлось продать свое имение. В это время он приобщается к литературе и, самое главное, к театру. Ланьси и рядом находившийся город Учэн (婺城) славились своими театрами. Ли Юя признают знатоком искусства, признают и его остроумие [Воскресенский 1985, с. 5–6; Nanan 1988, с. 11–12].

В 1648 г. Ли Юй переезжает в Ханчжоу, продав свой дом в Ланьси и потеряв родные места в Цзяннане, в которых сопротивление маньчжурам было особо жестоким. Драматург провел в Ханчжоу десять лет, во время которых он пишет большинство своих пьес и повестей, таких как «Безмолвные пьесы» (*ушэн си* 無聲戲), «Десять напевов Ли Вэна» (*ливэн ши чжун цюй* 笠翁十種曲) и некоторые повести, вошедшие в сборник «Двенадцать башен» (*шиэр лоу* 十二樓), в это же время Ли Юй принимает свое известное прозвище «Старик в бамбуковой шляпе» (собственно *ливэн* 笠翁). Уехать его заставило, как говорит сам Ли Юй, нелегальное переиздание его книг, как в Ханчжоу, так и в Сучжоу [Воскресенский 1985, с. 6; Nanan 1988, с. 13].

В 1658 г. Ли Юй переезжает в Нанкин, где он обретает широкую известность среди высших кругов общества, которые ему активно помогали в написании некоторых пьес; он также продолжает создавать труды по истории, повести, пьесы и стихотворения. Переезд писателю обошелся крайне дорого, настолько, что ему пришлось брать в долг у военного офицера, что ставило под угрозу продажи всего имущества и даже семьи литератора. С 1662 г. у Ли Юя в собственности свой книжный магазин, в котором он продает свои произведения и зарабатывает таким образом на жизнь как себе, так и своей семье.

В Нанкине драматург создает труппу, с которой он выступает в Нанкине, в его окрестностях, а также по всей стране. Целями этих гастролей и выступлений были заработок денег для погашения долгов, для приобретения нового имения, которое позже станет известным под названием «Сад с горчичное зерно» (*цзецзыюань* 芥子園, позже Ли Юй издаст одноименный альбом с зарисовками местных пейзажей (*цзецзыюань хуану* 芥子園畫譜)), а также продвижение его произведений. Ли Юй искал в своих поездках покровителей, которых он и находил среди высокопоставленных чиновников в Пекине. Литератор отличался остроумием и не боялся писать о вещах эпатажных, за что его часто называли «шутком» (*пайю* 俳優), «буйным и развязным» (*хаофан* 豪放), на

худой конец называли «ветротекучим» (*фэнлю* 風流) Ли Юй вернулся в Ханчжоу в 1679 г., где он и умер от болезни [Воскресенский 1985, с. 6–9; Nanan 1988, с. 7].

Если говорить о творчестве Ли Юя, то оно включает в себя как пьесы и прозу («Двенадцать башен», «Безмолвные пьесы», «Десять напевов Ли Вэна»), так и поэзию (в сборнике произведений «Слова одного»), работы, посвященные эстетике («Случайное пристанище для праздных дум»), а также комментарии к историческим хроникам Чэнь Шоу (陳壽) «Записям о Трех царствах» (*саньго чжи* 三國志). Конечно, также имеет довольно широкую известность роман Ли Юя «Подстилка из плоти» (*жоу путуань* 肉蒲團) благодаря переводу Д. Н. Воскресенского, и хоть роман обладает характерными чертами, свойственными произведениям Ли Юя, в его творчестве отнюдь не ставится упор на эротическую составляющую, которой в творчестве писателя в чистом виде редко встречается.

Ли Юй прежде всего драматург, и запомнился он своими пьесами из «Десяти напевов Ли Вэна» (*ливэн ши чжун цюй* 笠翁十種曲), такими, как «Ошибка воздушного змея» (*фэнчжэн* 風箏誤), «Камбала» (*бимуюй* 比目魚), «Любительницы аромата» (*лян сянь бань* 憐香伴), «Феникс ищет свою половинку» (*хуан цю фэн* 凰求鳳) и другими. В вышеперечисленных пьесах повествуется о любви, однако изюминка кроется в том, что Ли Юй, используя эротическую подоплеку своих произведений, высмеивает устаревшую неоконфуцианскую мораль и обращение к нереалистичным идеалам, описывает злоключения главных героев-ученых мужей.

Например, в «Ошибка воздушного змея» один из главных героев Хань хладно воспринимает певичек приятной внешности, к которым с удовольствием обращается его друг Ци, когда же тот спрашивает Хань, почему он проявляет такую неприступность, Хань заявляет о том, что эти певички некрасивы. Это суждение исходит из идеализированного представления Хань о женщинах, в которой должны сочетаться как внешняя красота, так и мудрость, ум и преданность мужу, однако Хань неуступчив в своих требованиях до крайности, за что ему потом воздается, когда он попытается обратиться к Шуцзюань, одной из главных героинь. Прочитав ее любовные стихи на воздушном змее, Хань попытается отправить свои стихи таким же способом, однако змей прилетает к уродливой и невоспитанной сводной сестре Айцзюань, которая пытается ей привычными методами завлечь Ханя. Когда он прокричал о помощи и пожаловался стражникам о том, что Айцзюань пыталась его изнасиловать, они не верят ему и арестовывают его [Nanan 1988, с. 144].

Такая насмешка тянется красной нитью через все художественные произведения Ли Юя, излюбленный прием писателя – насмешка над излишне непреклонными, твердолобыми отцами-конфуцианцами; при этом выпады делаются не в сторону учения как такового, а скорее над людьми, которые пытаются навязать своим детям пуританские убеждения. В пример можно привести рассказ «Башня соединенного отражения» из сборника «Двенадцать башен». В этом сборнике особенность

заключается в том, что в каждом рассказе присутствует башня, которая играет большую роль как вещь, предвещающая судьбу главных героев. В «Башне соединенного отражения» повествуется о двух семьях с противоположными взглядами на жизнь, которые делят особняк своих родителей. Отец главной героини Гуань как раз является «приверженцем старого уклада», а отец главного героя Ту причислял себя к «ветротекучим». Их вражда заставила возвести стену в саду особняка, разделяющая его на две половины. Однако стена как раз находилась над прудом, на котором главные герои Ту Чжэншэн и Гуань Юйцзюань увидели друг друга и влюбились. Дальше отец Гуань пытается всячески помешать молодым людям встречаться, будь то запрещая своей дочери подходить к пруду или чиня препятствия в самом пруду, однако все эти действия тщетны, герои добиваются признания своей любви и семьи воссоединяются.

В «Подстилке из плоти», помимо привычных выпадов в сторону начетников, можно также увидеть и насмешку над похотью и любителями женской красоты. Сам автор об этом говорит в предисловии к своему роману, также он признается, что интимные сцены он описывал для того, чтобы читателю было приятнее воспринимать основной посыл произведения, что, учитывая факт владения Ли Юем книжного магазина, похоже скорее на способ привлечь аудиторию. Также автор в первых двух главах излагает весь последующий сюжет в разговоре главного героя талантливого студента Вэйяна и буддистского монаха.

По ходу сюжета Вэйян встречает новых женщин, забывая в своей сладострастной погоне о прошлых знакомствах. Первая жертва Вэйяна – Юйсян, как раз является дочерью затворника, которой отец воспрещал уходить куда-либо и считал дурным всякое упоминание о половом контакте. Однако Вэйяну все-таки удалось совратить ее и, насытившись, он уехал в другие края в поисках новых половых связей. Юйсян, после долгого ожидания своего мужа и соблазнения Простоголовым Цянем, слугой в доме Тефэя и бывшего продавца шелка, чью жену в свою очередь увел Вэйян, убегает с Цянем, а затем он отомщает Вэйяну и продает Юйсян в бордель. Когда Юйсян убежала, ее отец, дабы сохранить свое «лицо», решил «похоронить» ее, то есть похоронить гроб, наполненный гвоздями.

Когда друг Вэйяна, благородный вор Сай Куньлунь, смеется над своим приятелем за малый размер его детородного органа, Вэйян решает найти даосского монаха, который с помощью волшебной операции «помогает» главному герою. Здесь опять-таки не издевка над даосизмом и даже не над «искусством брачных покоев», так как монах предлагал способ усовершенствовать свои навыки естественным образом за счет правильного питания и специальных упражнений, однако Вэйян отказался, потому что это искусство требовало долгое время и строгой дисциплины. Эта операция лишила Вэйяна возможности заводить детей, что в глазах общества старого Китая является неприемлемым.

Хождения Вэйяна продолжались до тех пор, пока он не наткнулся на свою первую жену в борделе, которая со стыда наложила на себя руки. Поняв, что Вэйян своим

поведением испортил жизнь многим людям, он решил избавиться от источника своих бед и оскопил себя. В конце роман Вэйян встретился с монахом и Простоголовым Цянем в одном буддистском монастыре, Вэйян и Цянь каются и принимают монашеский обет.

В романе встречаются многие признаки, свойственные художественным произведениям Ли Юя: любовные линии, противопоставления персонажей, насмешка над крайностями и фантастические элементы, и роман справедливо обладает широкой известностью. Тем не менее, не стоит заикливаться на одном этом романе и его интимном содержании, так как творчество Ли Юя не исчерпывается только лишь «Подстилкой из плоти», тем более что многие знаменитые драматурги того времени, например, Фэн Мэнлун и Лин Мэнчу, также часто использовали эротическую составляющую для своих целей [Воскресенский 2000, с. 10].

Если же говорить о трудах не художественных, то в «Пристанище для праздных дум» (*сяньцин оуци* 閑情偶寄) Ли Юй выражает свое мировоззрение, свои взгляды на жизнь; он считает, что самое замечательное – воспринимать жизнь со всеми ее радостями и печалью и следовать естественному ходу жизни, т. е. в какое время что есть, во что одеваться, как соблюдать гигиену, работать для своего личного счастья. Ли Юй также выражает свое восторженное отношение к жизни на лоне природы, приходит к выводу, что восприятие радости намного выше, чем следование традиционной морали и условным предписаниям. Однако провозглашаемые автором принципы бережливости, стоицизма им самим соблюдались не строго, если вообще, часто можно встретить в письмах, обращенных его друзьям пассажи о том, что ему надоели изысканные блюда, частые его поездки по крупным городам вместо работы и умеренного заработка говорят об его импульсивности, а неугасающие долги у него появлялись от содержания наложниц в труппе. При этом Ли Юй имел богатый досуг, он разводит пчел, ухаживает за садом, рыбачит, наслаждается природой. Драматург старается хотя бы на уровне своего литературного образа, «имиджа» следовать постоянству во всем, некой золотой середине, не следовать конфуцианской догме, но и не эпатировать общество [Воскресенский 1985, с. 7–10; Nanan 1988, с. 39].

В заключении можно сказать, что в творчестве Ли Юя представлен довольно широкий спектр жанров, имеются как пьесы и рассказы, так и комментарии к историческим документам и трактаты об эстетике и правильной постановке театрального представления, не стоит вгонять такую разностороннюю личность как Ли Юя в прокрустово ложе писателя-эротиста, если же и надобно дать краткое определение, то принадлежность к городской литературе лежит ближе всего к правде. Однако многие произведения Ли Юя остаются непереуведенными, поэтому есть огромный простор для дальнейших исследований.

Список использованной литературы

Ли Юй. Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти: Роман / Пер. с кит. и предисл. Д. Воскресенского. М.: «Гудьял-Пресс», 2000. 320 с.

Ли Юй. Двенадцать башен: Повести / Пер. с кит. Д. Воскресенского под ред. С. Хохловой; Предисл. и комм. Д. Воскресенского. М.: «Художественная литература», 1985. 351 с.

Hanan P. The Invention of Li Yu – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. 272 pp.

Жанр политической карикатуры в Китае

Карикатура как жанр изобразительного искусства в Китае носит название 漫画 *маньхуа* (букв. «вольные картинки»). Современный исследователь Ли Мэн относит период зарождения *маньхуа* к периоду Позднего Средневековья в Китае. Одним из первых карикатуристов был художник династии Юань (元, 1271–1368) Жэнь Жэньфа (任仁發, 1254–1327), который на своей картине «Две лошади» (二马图 *Эр ма ту*) (рис. 1) изобразил двух разных лошадей, толстую и худую, выражая мысль, что среди высокопоставленных чиновников есть неподкупные и коррумпированные. Упитанная лошадь — это метафора коррумпированных чиновников, которые не чувствуют ответственности за свои поступки, они богатеют за счёт простого народа, взяток и злоупотребления своими должностными обязанностями. Худая лошадь — это метафора честных и прилежных чиновников, которые честно занимаются государственными делами, и благодаря им в стране царят гармония и порядок. Таким образом автор этой картины выразил своё мнение: взяточничество и злоупотребление властью в чиновничьем аппарате должны быть искоренены, а образцом для подражания должны быть честные чиновники.

Картинки *маньхуа* появились в большом количестве только во время правления императора Гуансюй (光緒, 1871–1908) династии Цин (清, 1644–1912). В этот период появилась одна из первых современных карикатур под названием «Иллюстрации текущих событий» (时局全图 *Шицзюй цюаньти*) (рис. 2), которая была создана революционером Се Цзаньтаем (谢纘泰, 1871–1938). Карикатура отображала текущую политическую обстановку в стране в конце XIX в. после китайско-японской войны (1894–1895), когда империалистические державы были нацелены на раздел Китая. Автор карикатуры критиковал политику правительства династии Цин, высмеивал властей за поражение и несостоятельность в китайско-японской войне, был активным участником борьбы за свободу Китая. На своей картине автор изобразил медведя, собаку, жабу, орла, солнце и змею на карте Китая, а также сделал подпись в верхней части карикатуры. Медведь олицетворяет Россию, собака — Великобританию, жаба — Францию, орёл — Америку, солнце — Японию, а змея — Германию. Таким образом, становится понятно, что автор при помощи аллегии и выразительных метафор стремился показать опасность полного раздела Китая мировыми державами, которая может привести к полной потере независимости страны.

Большое количество политических карикатур появилось в Китае в период Движения 4 мая 1919 г. Одной из наиболее выдающихся работ, которая относится к

¹ Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек.

1920-м гг., является карикатура художника Ма Синчи (马星弛, 1873–1934) под названием «Плоды развития единого народного духа» (民气一致之效果 *Миньци ичжи чжи сяого*) (рис. 3). Картина отображает события 4 мая, а также призывает людей встать на защиту национальных интересов Китая. Другой выдающейся работой является карикатура Шэнь Бочэна (沈泊尘, 1889–1920) под названием «Рабочие, студенты и торговцы против Цао, Лу и Чжана» (工学商打倒曹、陆、章 *Гунсюэ дадао Цао, Лу, Чжан*) (рис. 4). На карикатуре изображены три человека (их имена Цао, Лу и Чжан), а рядом с ними изображены три огромных кулака. Персонажи Цао, Лу и Чжан — это отсылка к членам правительства того времени (под ними подразумеваются Цао Жулинь, Чжан Чжунсян и Лу Цзунъюй), а огромные кулаки олицетворяют размах народных забастовок и демонстраций. Как известно, волнения 4 мая 1919 г. были направлены против условий Версальского мирного договора, по которому Китай уступал Японии бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Своей работой художник выразил солидарность с теми, кто встал на защиту национальных интересов Китая.

Антаяпонская война с 1937 по 1945 гг. была для Китая одним из самых тяжёлых периодов в истории, когда появилось большое количество карикатур на антивоенную тему. Наиболее выдающимися и плодовитыми мастерами в это время были Чжан Лэпин (张乐平, 1910–1992) и Ляо Бинсюн (廖冰兄, 1915–2006). Они вместе с другими карикатуристами сформировали антаяпонскую пропагандистскую группу. В 1937 г. Чжан Лэпин опубликовал серию карикатур под названием «Антаяпонская война» (抗日战争 *Канчжи чжаньчжэн*), среди которых можно отметить такие работы, как «Сгибание и разгибание» (能出能伸 *Нэнчу нэншэнь*) (рис. 5) и «Что мы увидим в результате» (将来我们所看得见的结果 *Цзянлай вомэнь со каньдэцзянь дэ цзего*) (рис. 6). В 1938 г. Ляо Бинсюн опубликовал карикатуру под названием «Он снова занял эту землю» (他又占领一块地方了 *Та ю чжаньлин икуй дифан лэ*) (рис. 7). Художники в своих карикатурах с одной стороны, стремились передать всю боль китайского народа в борьбе против японских оккупантов, а с другой стороны, они в юмористической форме изображали людей и события того времени, для того чтобы вдохновить читателей на решимость и уверенность в борьбе против Японии и спасении страны.

В 1949 г. после образования КНР было два пика создания политических карикатур, а именно – в 1950-х и 1980-х гг. В 1950 г. был основан ежемесячный журнал «Маньхуа» (漫画), где также публиковались политические карикатуры. Основной темой работ того времени была критика гражданской войны в Китае 1927–1950 г. Наиболее выдающимися художниками 1950-х гг. признаны Дин Цун (丁聪, 1916–2009), Фан Чэн (方成, 1918–2018), Ляо Бинсон и Чжан Лэпин.

С 1980-х гг. начался следующий скачок в развитии политической карикатуры в Китае. В период «культурной революции» в Китае (1966–1976) художники-карикатуристы подверглись гонениям со стороны властей, поэтому процесс создания политических карикатур приостановился, однако уже с 1980-х гг. стали появляться

новые карикатуры. Например, в 1987 г. художник Дин Цун (丁聪, 1916–2009) опубликовал карикатуру, высмеивающую последствия революции (рис. 8). В своей работе художник показал, что люди, опасаясь за свою жизнь, действовали с оглядкой, боялись высказывать свое мнение. Такие отсылки к событиям «культурной революции» в Китае напоминали о том времени, когда деятели искусства, литераторы, художники подверглись репрессиям и гонениям со стороны властей, а вольнодумие и свобода слова карались смертью.

Дальнейшее активное развитие политической карикатуры продолжается уже в XXI в., когда ведущими мастерами жанра становятся китайские художники, работающие за пределами своей страны.

Список литературы и источников

Ван Чжипин. «Эр ма ту» Жэнь Жэньфа цзици та [《二马图》任仁发及其它]. «Две лошади» художника Жэнь Жэньфа и другие произведения // Официальный популярный блог о Китае «Синлан бокэ». 23.07.2016. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4e7b72a30102wjz0.html (дата обращения 22.01.2022).

Гун сюэ шан дадао Цао, Лу, Чжан [工学商打倒曹, 陆, 章]. Рабочие, учащиеся и торговцы против Цао, Лу и Чжана // Китайский словарь «Чжиши бэйцзы». URL: <https://www.zsbeike.com/cd/41040776.html> (дата обращения 22.01.2022).

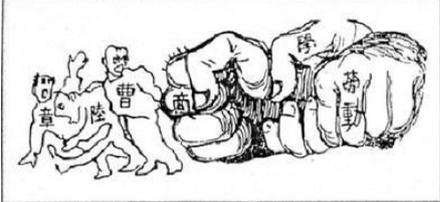
Маньхуа даши – Дин Цун баши няньдай дэ фэнцы маньхуа цзинцай цзуопинь синь [漫画大师—丁聪八十年代的讽刺漫画精彩作品欣]. Мастер маньхуа – оценка замечательных сатирических маньхуа Дин Цуна в 1980-х гг. // Сайт китайской интернет-компании Соху. URL: https://www.sohu.com/a/292029724_120046706 (дата обращения 25.01.2022).

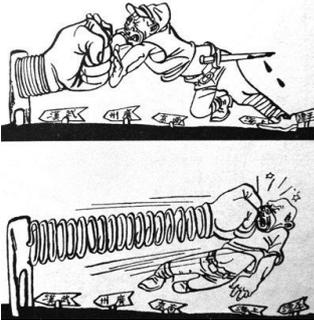
Се Цзантай: хуэй «Шицзюй цюаньту» цзинсин гожэнь [谢纘泰: 绘《时局全图》警醒国人]. Се Цзантай: рисование «Общей картины текущей ситуации», чтобы предупредить народ // Официальный популярный блог о Китае «Синлан бокэ». URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_7a5998ed0100y9h9.html (дата обращения 25.01.2022).

Тушо лиши: «Миньци ичжи чжи сяого» [图说历史: 《民气一致之效果》]. История картины: «Результат единого народного духа» // Официальный китайский образовательный сайт «Син дунфан». URL: <http://zhongkao.xdf.cn/201103/688658.html> (дата обращения 22.01.2022).

Ли Мэн. Комический жанр маньхуа в изобразительном искусстве Китая // Научная электронная библиотека «Elibrary». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43065622> (дата обращения 22.01.2022).

Приложение

Изображение	Автор	Название	Время создания
 <p>Официальный популярный блог о Китае «Синлан бокэ». URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4e7b72a30102wjz0.html (дата обращения 22.01.2022).</p>	<p>Жэнь Жэньфа 任仁發</p>	<p>«Две лошади» 二马图</p>	<p>Рубеж XIII–XIV вв.</p>
 <p>Официальный популярный блог о Китае «Синлан бокэ». URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_7a5998ed0100y9h9.html (дата обращения 25.01.2022).</p>	<p>Се Цзань-тай 谢纘泰</p>	<p>«Иллюстрации и текущих событий» 时局全图</p>	<p>XX в.</p>
 <p>Официальный китайский образовательный сайт «Син дунфан». URL: http://zhongkao.xdf.cn/201103/688658.html (дата обращения 22.01.2022).</p>	<p>Ма Синчи 马星弛</p>	<p>«Плоды развития единого народного духа» 民气一致之效果</p>	<p>XX в.</p>
 <p>Китайский словарь «Чжиши бэйцзы». URL: https://www.zsbeike.com/cd/41040776.html (дата обращения 22. 01. 2022).</p>	<p>Шэнь Бочэн 沈泊尘</p>	<p>«Рабочие, студенты и торговцы против Цао, Лу и Чжана» 工学商打倒曹、陆、章</p>	<p>1920</p>

 <p>Официальный сайт китайской новостной интернет-компании «Ван и синьвэнь». URL: https://www.163.com/news/article/B1230SD000014AEE.html (дата обращения 22.01.2022).</p>	<p>Чжан Лэпин 张乐平</p>	<p>«Сгибание и разгибание» 能出能伸</p>	<p>1937</p>
 <p>Официальный сайт китайской новостной интернет-компании «Ван и синьвэнь». URL: https://www.163.com/news/article/B1230SD000014AEE.html (дата обращения 22.01.2022).</p>	<p>Чжан Лэпин 张乐平</p>	<p>«Что мы увидим в результате» 将来我们所看得见的结果</p>	<p>1937</p>
 <p>Официальный новостной сайт о культуре Китая «Чжунго вэньминь ван». URL: http://www.wenming.cn/wxys/shuhua/201409/t20140918_2183895.shtml (дата обращения 25.01.2022).</p>	<p>Ляо Бинсюн 廖冰兄</p>	<p>«Он снова занял эту землю» 他又占领一块地方了</p>	<p>1938</p>
 <p>Сайт китайской интернет-компании «Соху». URL: https://www.sohu.com/a/292029724_120046706 (дата обращения 25.01.2022).</p>	<p>Дин Цун 丁聪</p>	<p>Без названия</p>	<p>1987</p>

*Меркулова Ксения Евгеньевна
магистрантка 2 курса
Восточный факультет СПбГУ¹*

Лидерская дипломатия Синдзо Абэ (на материале выступлений премьер-министра по внешнеполитическим вопросам за 2012–2020 гг.)

26 декабря 2012 года Синдзо Абэ повторно утвердился в должности премьер-министра Японии и сформировал новое правительство. Его второе премьерство выделяется достаточным влиянием личного видения на внешнеполитические процессы Японии.

Цель нашего исследования — проанализировать вопрос персонального участия С. Абэ в выстраивании внешней политики Японии в 2012–2020 гг. посредством изучения некоторых его выступлений. В статье мы разберем его лидерскую стратегию; проанализируем значимые понятия для формулирования внешнеполитической концепции; выявим конкретные результаты его внешнеполитической стратегии.

Актуальность исследования обусловлена непосредственной связью между ораторскими навыками политика и его образом, как в родной стране, так и за рубежом. Так, к примеру, С. Абэ благодаря своим ораторским способностям четко выражает личное видение внешней политики Японии, чем привлекает к себе внимание общественности, что помогало ему продолжительное время оставаться на посту премьер-министра.

Для начала стоит отметить, что, как утверждает Д. В. Стрельцов, в японском внешнеполитическом процессе отсутствует единая «концепция внешней политики», в соответствии с которой правительство осуществляло бы свою дипломатию на международной арене². Обычно инициатором и актором ведения какой-либо дипломатии выступает премьер-министр Японии, который имеет свое видение на внешнюю политику страны. Однако, в послевоенный период главы правительств Японии не так часто ставили серьезные и конкретные цели перед японской дипломатией и добивались бы их реализации³. Благодаря этим условиям премьер-министр С. Абэ вызывает образ в определенной степени харизматического лидера.

Уже во время первой своей речи в декабре 2012 года в качестве нового премьер-министра страны С. Абэ высказал новую внешнеполитическую концепцию⁴. Данная

¹ Научный руководитель — доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ к. и. н. М. Н. Малашевская.

² Стрельцов Д. В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО. 2010. №1. С. 246.

³ Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988. С. 103.

⁴ Абэ найкаку со:ридайдин сю:нин кися кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ по случаю инаугурации] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2012/1226kaiken.html (дата обращения: 07.04.2022).

концепция заключалось в том, чтобы строить внешнюю политику Японии на основе «панорамного» взгляда на картину мира, «с высоты птичьего полета». Также в своей речи он отдельно выделяет японо-китайские, японо-корейские и японо-американские отношения, которые являются основой японской дипломатии и безопасности. Помимо этого, новый премьер отмечает важность взаимоотношений с Россией, Индией и со странами АСЕАН, что как раз-таки отвечает условиям нового видения дипломатии.

Далее в своем первом выступлении в новом 2013 году первого января, где обычно высказываются надежды на грядущий год, премьер-министр произнес: «Правительство Абэ будет и дальше укреплять альянс США и Японии, восстанавливать отношения с соседними странами и использовать возможности развития в Азии»⁵. Данная цитата также подтверждает новый дипломатический подход С. Абэ. Кроме того, премьер-министр указал на важность соблюдения таких фундаментальных ценностей, как свобода, демократия, права человека и верховенство закона, в процессе реализации японской дипломатии⁶.

В следующей своей речи премьер-министр С. Абэ обозначил пять принципов японской дипломатии в отношении стран АСЕАН. Данная речь должна была быть произнесена 18 января 2013 года в Джакарте, но премьер-министру пришлось вернуться в Японию раньше положенного срока.

Пять принципов японской дипломатии:

1. В странах, где встречаются два океана, свобода мысли, выражения и слова — универсальные ценности, приобретенные человечеством, — должна быть полностью защищена;

2. Море, наше самое ценное достояние, должно управляться законом и правилами, а не силой;

3. Японская дипломатия должна стремиться к свободной, открытой и взаимосвязанной экономике;

4. Стремление к укреплению культурных связей между Японией и странами АСЕАН;

5. Поощрение обмена между будущими поколениями⁷.

Так мы видим намерение премьер-министра сблизиться со странами АСЕАН, что позволит Японии утвердиться в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также создать дружественный японской стороне пояс вокруг Китая, так называемый «пояс сдерживания». Также можно заметить, как уже в начале того, как С. Абэ занял пост

⁵ Абэ найкаку со:ридайзин хэйсэй 25-нэн нэнто: сёкан [Новогоднее послание премьер-министра Абэ 2013 года] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2013/0101nentou.html (дата обращения: 07.04.2022).

⁶ Там же.

⁷ Акарэта, уми но мэгуми – нихонгайко: но аратана 5 гэнсоку – [Щедрость открытого моря – Пять новых принципов дипломатии Японии] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2013/20130118speech.html (дата обращения: 07.04.2022).

премьер-министра, начинают выделяться несколько внешнеполитических направлений, важных для Японии. Это отношения с Китаем, Южной Кореей, Россией странами ЮВА и конечно дальнейшее углубление отношений с США.

В другом своем выступлении 17 апреля 2014 года премьер-министр С. Абэ называет Японию «центром Тихоокеанского кольца»⁸. Там же он опять выделяет важность сотрудничества Японии с соседними странами по региону.

Знаменательным в развитии японо-американских отношений является выступление с речью премьер-министра С. Абэ на совместном заседании обеих палат Конгресса США 29 апреля 2015 года. В конце своего выступления он назвал альянс с Америкой «союзом надежды», который сможет принести в регион стабильность и процветание⁹. Также была затронута тема Транстихоокеанского партнерства (ТТП). После этого 22 ноября 2015 года на пресс-конференции с участием зарубежных и японских представителей премьер-министр С. Абэ значительную часть своей речи уделяет данному партнерству, называя его «инициативой по созданию новых экономических правил в 21 веке»¹⁰. Он оценивает ТТП как хорошую возможность для возрождения экономики и регионального развития.

Помимо этого, в этом же выступлении премьер-министр объявляет о сверившихся встречах с лидерами разных стран. Например, о встрече с президентом РФ В. В. Путиным он говорит: «На нашей 12-й встрече мы договорились с президентом России Владимиром Путиным, что мы найдем любую возможность для продолжения нашего диалога с целью заключения мирного договора»¹¹. Также упоминаются встречи с лидерами Австралии, Великобритании, Германии, США, Индии, Турции и Саудовской Аравии.

Чуть ранее первого ноября того же года в своем заявлении для прессы глав государств и правительств Китая, Японии и Южной Кореи, которое последовало после трехсторонней встречи, премьер-министр С. Абэ достаточно высоко оценивает

⁸ Дзяпан самитто 2014. Абэ найкаку со:ридайдзин китё: ко:эн [Японский саммит 2014. Программная речь премьер-министра Абэ] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2014/0417kouen.html (дата обращения: 07.04.2022).

⁹ Бэйкоку рэнпо: гикай дзё:гэ рё:ин го:до: кайги ни окэру Абэ найкаку со:ридайдзин [Выступление премьер-министра Абэ на совместном заседании Конгресса США Палаты представителей и Сената] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/0429enzetsu.html (дата обращения: 08.04.2022).

¹⁰ Найгай кия кайкэн [Пресс-конференции с участием зарубежных и японских представителей] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/1122naigai.html (дата обращения: 08.04.2022).

¹¹ Найгай кия кайкэн [Пресс-конференции с участием зарубежных и японских представителей] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/1122naigai.html (дата обращения: 08.04.2022).

результаты данных переговоров¹². Так, например, удалось обсудить вопрос о создании зоны свободной торговли между тремя странами. Также обсуждались такие вопросы, как ТТП, охрана окружающей среды, борьба со стихийными бедствиями и гуманитарные обмены молодежью.

Наиболее примечательным для нас является 2016 год, как начало наибольшей активизации японо-российских отношений. Так, в своем выступлении пятого мая того же года премьер-министр С. Абэ выразил большие надежды на свой будущий визит в Россию, утверждая, что отношения между двумя странами имеют «огромный потенциал, в том числе и в экономической сфере»¹³. На следующий день 6 мая 2016 года японский премьер совершил визит в Россию в город Сочи. В ходе японо-российской встречи на высшем уровне в рамках данного визита С. Абэ предоставил президенту РФ В. В. Путину «План о сотрудничестве из восьми пунктов». В своем интервью информационному агентству ТАСС премьер-министр С. Абэ сказал: «Предложенный мной план сотрудничества из восьми пунктов — это конкретный план для того, чтобы как раз сейчас раскрыть потенциал отношений между двумя странами, которые заключают в себе больше всего возможностей»¹⁴. В этом же интервью он говорит о том, что лидеры «сходятся характерами», что позволило им наладить определенные дружеские отношения и благодаря этому сблизить Россию и Японию.

Далее в своем выступлении на пресс-конференции пятого сентября 2016 года премьер-министр С. Абэ в начале речи высказал сильную обеспокоенность по поводу Северной Кореи, действия которой представляют собой серьезную угрозу безопасности страны. Также отмечается встреча с лидером Китая Си Цзиньпином. «Китай — давний и близкий друг Японии. Вместе мы несем большую ответственность за мир и процветание в регионе, а также за мировую экономику» — говорит премьер-министр Японии¹⁵. Он намерен вести диалог на основе широкого принципа «стратегической взаимности». Это высказывание показывает одно из направлений японской дипломатии. Тем не менее развитие по-настоящему дружеских отношений тормозит вопрос территориального размежевания вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао). Также важным

¹² Ниттю:кан сюно: кё:до: кися хаппё: [Совместное заявление для прессы глав государств и правительств Китая, Японии и Южной Кореи] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/1101jck.html (дата обращения: 08.04.2022).

¹³ Найгай кися кайкэн [Пресс-конференции с участием заграничных и японских представителей] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2016/0505naigai.html (дата обращения: 08.04.2022).

¹⁴ Синдзо Абэ: переговоры с Путиным – большой шаг на пути к мирному договору // ТАСС. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000213037.pdf> (дата обращения: 09.04.2022).

¹⁵ Найгай кися кайкэн [Пресс-конференции с участием заграничных и японских представителей] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2016/0905kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

является сдерживание роста влияния Китая в регионе и сдерживание сближения России и Китая.

Далее в своей речи на пресс-конференции третьего августа 2017 года премьер-министр С. Абэ в очередной раз отметил важность осуществления дипломатии с «высоты птичьего полета», особенно в нынешние беспокойные времена во всем мире на международной арене. Также он сказал, что на фоне напряженной ситуации вокруг Северной Кореи необходимо строить хорошие отношения с Южной Кореей, Китаем и Россией, одновременно углубляя силу японо-американского альянса¹⁶. Он уточнил, что на данный момент требуется «гибкая и эластичная дипломатия с твердым пониманием мировых тенденций»¹⁷.

24 октября 2018 года во время программной речи премьер-министра на 197-й сессии парламента С. Абэ коснулся нескольких направлений японской дипломатии. Это отношения с такими странами как США, Россия, Китай, Южная Корея, а также Северная Корея¹⁸. По поводу последнего премьер-министр высоко оценил встречу на высшем уровне между США и Северной Кореей. Касательно остальных стран премьер-министр С. Абэ отметил продолжающееся сотрудничество и развитие для установления мира и процветания в АТР.

Далее в своем выступлении во время пресс-конференции премьер-министра 9 декабря 2019 года С. Абэ упоминает ТТП и Соглашение об экономическом партнерстве с ЕС¹⁹. Также он касается темы отношений с Китаем.

Последним выступлением, которое мы рассмотрим, является речь премьер-министра С. Абэ от 28 августа 2020 года, где он объявляет о своем уходе с поста в связи с обострением язвенного колита. В своей речи С. Абэ коснулся таких тем, как борьба с распространением новой коронавирусной инфекции, угроза стабильности в регионе со стороны КНДР, причины ухода в отставку, недостигнутые цели проводимой дипломатии. Так, он сказал: «К сожалению, остается много проблем, но в то же время есть и то, чего мы достигли и реализовали в ходе решения различных задач»²⁰. Другая

¹⁶ Абэ найкаку со:ридайдзин кися кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2017/0803kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Дай хякукю:дзю:нана ни окэру Абэ найкаку со:ридайдзин сёсин хё:мэй энзэцу [Программная речь премьер-министра Абэ на 197-й сессии парламента] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11547454/www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement2/20181024shoshinhyo_mei.html (дата обращения: 09.04.2022).

¹⁹ Абэ найкаку со:ридайдзин кися кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11547454/www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2019/1209kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

²⁰ Абэ найкаку со:ридайдзин кися кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ] // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра]. URL:

интересная цитата С. Абэ: «Горько, что мы не смогли решить проблему похищений своими руками. К моему глубочайшему сожалению, я вынужден покинуть свой пост в разгар моих стремлений к мирному договору с Россией и проведению конституционной реформы»²¹.

Опираясь на тексты выступлений премьер-министра С. Абэ, мы можем выявить основные направления развития внешней политики и дипломатии Японии. Заявив в начале своего второго срока о проведении дипломатии с «высоты птичьего полета», С. Абэ в дальнейших своих речах лишь подтверждал данный тезис путем выражения важности сближения с Россией, Китаем, Южной Кореей, со странами АСЕАН, Индией, а также углубления отношений с США.

Особенно стоит отметить российское направление в период второго премьерства С. Абэ. По речам, а затем и конкретным действиям премьер-министра мы видим сильное влияние самого С. Абэ на развитие отношений Японии и России.

Список использованной литературы:

Абэ найкаку со:ридайдзин сю:нин кия кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ по случаю инаугурации] 安倍内閣総理大臣就任記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2012/1226kaiken.html (дата обращения: 07.04.2022).

Абэ найкаку со:ридайдзин хэйсэй 25-нэн нэнтó: сёкан [Новогоднее послание премьер-министра Абэ 2013 года] 安倍内閣総理大臣 平成 25 年 年頭所感 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2013/0101nentou.html (дата обращения: 07.04.2022).

Абэ найкаку со:ридайдзин кия кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ] 安倍内閣総理大臣記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2017/0803kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

Абэ найкаку со:ридайдзин кия кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ] 安倍内閣総理大臣記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11547454/www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2019/1209kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

Абэ найкаку со:ридайдзин кия кайкэн [Пресс-конференция премьер-министра Абэ] 安倍内閣総理大臣記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首

https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11547454/www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2020/0828kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

²¹ Там же.

相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11547454/www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2020/0828kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

Акарэта, уми но мэгуми – нихонгайко: но аратана 5 гэнсоку – [Щедрость открытого моря – Пять новых принципов дипломатии Японии] 開かれた、海の恵み—日本外交の新たな5原則— // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2013/20130118speech.html (дата обращения: 07.04.2022).

Бэйкоку рэнпо: гикай дзё:гэ рё:ин го:до: кайги ни окэру Абэ найкаку со:ридайдзин [Выступление премьер-министра Абэ на совместном заседании Конгресса США Палаты представителей и Сената] 米国連邦議会上下両院合同会議における安倍内閣総理大臣演説 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/0429enzetsu.html (дата обращения: 08.04.2022).

Дай хякукю:дзю:нана ни окэру Абэ найкаку со:ридайдзин сёсин хё:мэй энзэцу [Программная речь премьер-министра Абэ на 197-й сессии парламента] 第百九十七回国会における安倍内閣総理大臣所信表明演説 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11547454/www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement2/20181024shoshinhyomei.html (дата обращения: 09.04.2022).

Дзяпан самитто 2014. Абэ найкаку со:ридайдзин китё: ко:эн [Японский саммит 2014. Программная речь премьер-министра Абэ] ジャパン・サミット2014 安倍内閣総理大臣基調講演 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8833367/www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement/2014/0417kouen.html (дата обращения: 07.04.2022).

Найгай кися кайкэн [Пресс-конференции с участием заграничных и японских представителей] 内外記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/1122naigai.html (дата обращения: 08.04.2022).

Найгай кися кайкэн [Пресс-конференции с участием заграничных и японских представителей] 内外記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/1122naigai.html (дата обращения: 08.04.2022).

Найгай кися кайкэн [Пресс-конференции с участием заграничных и японских представителей] 内外記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2016/0505naigai.html (дата обращения: 08.04.2022).

Найгай кися кайкэн [Пресс-конференции с участием заграничных и японских представителей] 内外記者会見 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸

邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2016/0905kaiken.html (дата обращения: 09.04.2022).

Ниттю:кан суюно: кё:до: кися хаппё: [Совместное заявление для прессы глав государств и правительств Китая, Японии и Южной Кореи] 日中韓首脳共同記者発表 // Сюсо: кантэй [Канцелярия премьер-министра] 首相官邸 URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2015/1101jck.html (дата обращения: 08.04.2022).

Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М.: Международные отношения, 1988. 184 с.

Синдзо Абэ: переговоры с Путиным – большой шаг на пути к мирному договору // ТАСС. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000213037.pdf> (дата обращения: 09.04.2022).

Стрельцов Д. В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО Университета. М.: МГИМО, 2010. №1. С. 245-256.

Наркевская Полина Дмитриевна
студентка 3 курса кафедры Алтаистики и Китаеведения
Казанского (Приволжского) федерального университета¹

История развития традиционного китайского обряда *коутоу*

Традиционный китайский обычай *коутоу* зародился в глубокой древности. Согласно некоторым данным, он существовал еще в 3 в. до н. э. Первые упоминания об этом обычае можно встретить в период правления в древнем Китае династии Цинь (221–206 гг. до н. э.) (Киссинджер 2020, с. 50). История этого важнейшего объекта китайского нематериального культурного наследия насчитывает несколько тысячелетий. На протяжении всего этого времени обычай претерпевал изменения и внедрялся в различные сферы жизни китайского общества. Процедура представляла собой выражения почтения через коленопреклонение с совершением касания лбом земли и являлась одним из важнейших элементов древнекитайского церемониала.

Согласно придворному протоколу, изначально такая процедура использовалась для того, чтобы чиновники или иные приближенные императора высказывали свое уважение и благодарность за предоставленную аудиенцию. Обряд представлял собой совершение определенного числа поклонов, при которых посетитель, прежде чем начать беседу, вставал на колени и совершал поклоны, касаясь лбом пола непосредственно у ног персоны, по отношению к которой выражалось почтение. Количество необходимых элементов, а именно коленопреклонений отличалось в зависимости от важности мероприятия, а также лица исполняющего *коутоу* (Киссинджер 2020, с. 52). Самые торжественные церемонии требовали, чтобы посетители совершали сложный вариант преклонения, а именно три раза вставали на колени, каждый раз трижды кланяясь. Такой вариант исполнения *коутоу* назвался *саньгуй цзюкоу* 三跪九叩² и являлся самым распространенным методом исполнения земных поклонов. Строгость соблюдения обычая зависела в первую очередь от самого правителя: некоторые из которых, например, считали, что для правильного поклона необходимо, чтобы был слышен звук удара головы о землю.

Такой способ выражения почтения постепенно проникал и в жизнь обычных китайцев, и со временем стал необходимым не только при аудиенциях у императора, но и при приемах у различных приближенных к нему чиновников. Со временем он превратился в обычай, который использовали практически все, кто должен был засвидетельствовать свое почтение старшим по рангу. Земные поклоны совершались во время встреч чиновников более низкого с чиновниками более высокого ранга, слуг и

¹ Научный руководитель — старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения КФУ С. А. Силакова.

² The Kowtow - Bowing low to acknowledge respect 叩头. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chinasage.info/kowtow.htm>, свободный. Проверено 11.02.2022.

господ и т. д. Использование этого обычая стало встречаться не только во время официальных аудиенций и подачи прошений, но и во время обычных встреч, использоваться чиновниками в качестве элемента поддержания авторитета.

Обряд *коутоу* подчинялся строгим конфуцианским традициям, которые четко регламентировали, когда и какие уместно соблюдать ритуалы.³ Китайцы испокон веков совершали земные поклоны, чтобы в первую очередь продемонстрировать уважение к старшим или могилам предков. Конфуцианская традиция устанавливала четкие каноны сыновней почтительности, которые включали в себя поклоны старшим в особенно знаменательные даты, и также определяли число поклонов. Земные поклоны часто являлись частью свадебных ритуалов. Молодожены оказывали знаки уважения родителям жениха и невесты, почетным гостям, если они присутствовали на свадьбе. *Коутоу* являлся неотъемлемым атрибутом выражения почтения предкам и старшим родственникам для всех жителей Китая вне зависимости от социального статуса или достатка.

Выполнение обряда земных поклонов в древнем Китае касалось всех и каждого, в том числе и императора. Император совершал приветственные поклоны, выражал таким образом почтение своей матери или старшим родственниками. Также одной из важнейших была церемония поклонения Небу и Земле, которую император как «Сын Неба на Земле» регулярно выполнял, чтобы почтить память предков и Небо, даровавшего ему, согласно китайским канонам, статус императора.⁴ Для поклонения император отправлялся в священные места, например на гору Тайшань, или в более поздний период в Храм Неба. Во время церемонии император совершал самый строгий вариант выполнения земных поклонов, а именно, уже упомянутое выше *саньгуй цзюкоу*. Обряд носил в себе важнейшее духовное значение и напрямую следовал конфуцианской традиции сыновней почтительности. Преклоняя колена перед предками, император показывал пример всему народу, что соблюдение конфуцианских канонов и уважение к родителям обязательны для всех без исключения, в том числе и для сакральных личностей. Верховный правитель совершал подобный обряд также, чтобы выразить общность всех китайцев, независимо от их социального положения. Впоследствии император стал поклоняться Конфуцию в родовом храме в Цюйфу. Первый случай официального использования *коутоу* для этой цели был задокументирован в 1008 г.⁵ В дальнейшем, если у императора не было возможности совершить коленопреклонения в качестве знака уважения Конфуцию лично, он отправлял специальные процессии из чиновников или близких родственников, которые выполняли ритуал. В то же время

³ Traditional Chinese Rites and Rituals, Zhengming Du, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cambridgescholars.com/resources/pdfs/978-1-4438-7833-3-sample.pdf>, свободный. Проверено 15.02.2022.

⁴ The Emperor in the Cosmic Order. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afe.easia.columbia.edu/cosmos/irc/emperor.htm>, свободный. Проверено 15.02.2022.

⁵ The Emperor in the Cosmic Order. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afe.easia.columbia.edu/cosmos/irc/emperor.htm>, свободный. Проверено 15.02.2022.

император поклонялся не только предкам и Конфуцию. Молитвы, сопровождающиеся коленопреклонениями и земными поклонами, могли совершаться и по отношению к различным природным объектам, например луне, дождю, солнцу. Нередко император и его семья совершали эти церемонии, когда в стране случалось какое-то бедствие, например засуха или наводнение.

Обычай совершения земных поклонов постепенно проникал и в религиозную сферу жизни китайского общества. Китайцы издревле поклонялись достаточно большому количеству божеств, начиная с богов земледелия и урожая и заканчивая богами обучения, литературы и т. д. (Киссинджер 2020, с. 51). Многие верующие, желавшие, чтобы их прошения непременно были услышаны, совершали множественные поклоны, и в том числе различные формы обряда *коутоу*.

Земные поклоны были распространены не только в традиционных китайских верованиях, но также являлись популярной практикой в буддизме. Коленопреклонения с касанием лбом пола часто совершались паломниками в буддийских храмах как в странах соседях, исповедующих буддизм, так и на территории Китая.

В буддизме такой вид поклонов назывался *динли 頂禮* «земной поклон»⁶; «кланяться в ноги», и так же, как и *коутоу*, имел несколько вариантов числа поклонов в зависимости от вида и важности совершаемых молитв. Особенно широко обряд был распространен в Индии, где, как и в Китае, земные поклоны совершались, чтобы выразить почтение старшим, наставникам, оказать уважение могилам предков или великих благодетелей.

Обряд земных поклонов присутствовал в различных сферах жизни китайского общества. Одной из самых необычных форм было использование данного ритуала в знак благодарности за разлив чая во время чайной церемонии. Разумеется, земные поклоны в их основном понимании в этом случае не использовались, однако, движениями одной из рук, проводился небольшой приветственный ритуал, замещающий *коутоу*. Обряд представляет собой трехразовое постукивание по столу тремя согнутыми пальцами и получил это название потому, что в средние века один из китайских императоров разрешил некоторым знатым вельможам, желавшим присутствовать на чайной церемонии, использовать такой способ для выражения почтения вместо привычного *коутоу*. Такой обряд до сих пор достаточно популярен в южных провинциях среди пожилого населения и является одним из обязательных атрибутов проведения официальных чайных церемоний *инь ча 飲茶*⁷.

Коутоу являлся не только важной особенностью церемониала жителей Средней империи, но и в значительной степени повлиял на геополитику государства

⁶ Traditional Chinese Rites and Rituals, Zhengming Du, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cambridgescholars.com/resources/pdfs/978-1-4438-7833-3-sample.pdf>, свободный. Проверено 15.02.2022.

⁷ Tse Fung: чаепитие с дим-самами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3162504>, свободный. Проверено 10.02.2022.

и на формирование дипломатических отношений Китая с другими странами. Процедура дипломатического церемониала в Китае строилась на китайском представлении о мире, сохранившемся еще с древнейших времен. Согласно ему, все соседние государства являлись по отношению к Поднебесной варварским, с которыми необходимо было вести диалог не как с равными, а как с подданными или вассалами. Обряд *коутоу* был одним из основных и обязательных элементов при встречах императора с иностранными посланниками на протяжении многих столетий. В средние века, когда Китай поддерживал отношения только с небольшим числом соседних государств, которые чаще всего являлись от него вассально зависимыми, такая процедура имела право на существование и беспрекословно выполнялась иностранными посланниками. Было даже официально задокументировано выполнение *коутоу* посланником Омейядского халифа Валида, прибывшего с дарами к китайскому императору Юань Цзуну в 713 г. (Киссинджер 2020, с. 49). Окончательно обряд *коутоу* закрепился в качестве обязательного при приеме иностранных послов период правления в Китае маньчжуров, которые не стремились к расширению контактов с государствами, не являющимися вассалами Китая.

В XVIII—XIX вв. именно необходимость соблюдения обряда *коутоу* стала одним из основных камней преткновения во время попыток европейских государств наладить дипломатические отношения с Китаем. Большинство дипломатов, столкнувшись с необходимостью совершать земные поклоны перед правителем другой страны, наотрез отказывались от аудиенции и возвращались обратно в свои страны. Единственная миссия, которая согласно данным китайской стороны, согласилась на выполнение всех элементов дипломатического церемониала, была миссия лорда Джона Маккартни, проходившая в 1792–1794 гг. (Киссинджер 2020, с. 53). Переговоры касательно церемонии приветствия проводились на протяжении нескольких месяцев. Лорд Маккартни настаивал на том, что он должен совершить коленопреклонение перед императором по английской традиции, преклонив голову и стоя на одном колене. Итогом переговоров стало то, что лорду Маккартни было позволено совершить церемонию в более облегченном варианте, позволительном «неопытным варварам», который позволял послу не совершать непосредственно сам обряд *коутоу* (Macartney, 1962, p.114). Встреча успешно состоялась, однако в официальных документах китайская сторона указала, что посол был настолько восхищен величием Сына Неба, что исполнил *коутоу* по собственному желанию. К сожалению для британцев, миссия Маккартни была единственной европейской дипломатической миссией, которой удалось добиться аудиенции у императора. В дальнейшем ни один из английских дипломатов не смог продвинуться дальше встреч с императорскими посланниками.

Россия также ни раз предпринимала попытки наладить с Китаем торгово-экономические отношения. Одна из самых знаменитых дипломатических миссий была

миссия князя Ю. А. Головкина в 1805 г.⁸ Делегация была настроена очень серьезно, поэтому послы поначалу были согласны совершить перед императором *коутоу* и все необходимые церемонии. Китайские чиновники на границе, однако, настояли на предварительном проведении церемоний. Для проверки серьезности миссии китайцы потребовали провести репетицию, где в качестве замены императора выступал специальный пьедестал, на котором стояли три зажженные благовонные свечи⁹. Русский князь, узнав об условии совершить *коутоу* перед такой конструкцией, отказался от аудиенции, и 29 января 1806 г. российское посольство было отправлено обратно в Россию. Результатом этой миссии стало прекращение попыток с российской стороны отправлять в Китай дипломатические миссии на ближайшие несколько десятилетий.

Китайский дипломатический церемониал приема иностранных послов, включающий в себя обязательное выполнение обряда *коутоу*, прекратил свое существование во второй половине XIX в. после поражения Китая от западных держав. Упразднение необходимости совершения *коутоу* иностранцами во время аудиенции у императора было одним из основных требований, установленных британцами по окончании Опиумных войн, согласно Пекинскому договору 1860 г.

Обряд земных поклонов все же оставался важной частью жизни китайского общества до начала XX в. После Синьхайской революции влияние обряда сошло на нет, так как он, как и многие другие традиционные обычаи, подвергся общественному осуждению. В 1912 г. правительство Китайской республики отменило земные поклоны как знак уважения (Киссинджер 2020, с. 118). Постепенно *коутоу* стали использовать в основном лишь во время свадебных или похоронных обрядов. Эта традиция в наше время распространена преимущественно в отдаленных провинциях или в семьях с традиционным укладом. Во всех остальных случаях земные поклоны были заменены на низкие поклоны без коленопреклонений.

В современном китайском обществе обряд *коутоу* продолжает официально существовать лишь в некоторых специализированных учебных заведениях или школах боевых искусств таких как: национальный Гаосюнский университет гостеприимства и туризма, Университет Миндао, Технологический институт Уфэн и некоторые другие.

⁸ Die russische Gesandtschaft nach China im Jahr 1805. Leipzig, 1809. Режим доступа: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.31158001263200&view=1up&seq=7&skin=2021>, свободный. Проверено 20.02.2022

⁹ Архив внешней политики Российской империи, ф. СПб. Главный архив. 1–7, оп. 6, 1805 г., д. № 1-а, п. 25, л. 111 а – 112. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1800-1820/Russ_kit_otn_19_v_I/primarcheo.htm. Проверено 15.02.2022.

Список литературы:

Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2020. 768 с.

CHANCELLERIES: Kowtow, 1816 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,805374-1,00.html>, свободный. Проверено 07.02.2022.

Die russische Gesandtschaft nach China im Jahr 1805. Leipzig, 1809. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.31158001263200&view=1up&seq=7&skin=2021>. Проверено 20.02.2022

Macartney, G. An embassy to China. London: Longmans, 1962. 421 p.

Роль Англии в «открытии» Китая Западом во второй половине XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/717.html>. Проверено 05.02.2022.

Россия и Китай в Арктике: вызовы и перспективы сотрудничества

Арктика является стратегически и геополитически важным регионом, на который имеют притязания не только государства, обладающие арктическими зонами, но и страны, удаленные от Заполярья. КНР намерен продвигать свою арктическую стратегию посредством регионального, политического и экономического партнерства, реализуя арктические амбиции на базе двусторонних отношений. В настоящий момент важным направлением в арктической стратегии КНР является поиск стран-союзников, прежде всего из числа постоянных членов Арктического Совета².

Россия – арктическое государство с наиболее протяженной береговой линией, которое видит в Заполярье не только важную ресурсную базу, где добывается более 80% природного газа, но также и стратегически значимый регион для ядерного сдерживания. Китай испытывает относительный дефицит энергетических ресурсов, поэтому данное направление стало приоритетным во взаимоотношениях между Россией и Китаем. В настоящий момент они уже участвуют в диалоге по проекту «Ямал СПГ», направленному на добычу и поставку сжиженного природного газа. В 2013 г. компания CNPC³ вошла в состав акционеров «Ямал СПГ», а уже через два года была достигнута договоренность о продаже Фонду Шелкового пути (ФШП)⁴ 9,9 % акций «Ямал СПГ». КНР также предоставил техническую помощь в оснащении необходимой инфраструктурой. К 2023 г. планируется открытие новой ветки поставок сжиженного природного газа в рамках проекта «Арктик СПГ-2» по добыче энергетических ресурсов на полуострове Гыдан в Ямало-Ненецком автономном округе.

Арктическая стратегия России вписывается в концепцию «Большой Евразии», которая предполагает активное экономическое взаимодействие с помощью создания зон свободной торговли, партнерских линий на евразийском материке. На базе этого проекта в 2015 г. были проведены переговоры о сопряжении китайской инициативы «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)⁵ для

¹ Научный руководитель — к.и.н., доц., А. Е. Донская.

² Арктический совет (англ. Arctic Council) — международная организация, основанная в 1996 г., призвана содействовать устойчивому развитию Крайнего Севера. Включает в себя восемь официальных стран-участниц, обладающих арктическими зонами.

³ China National Petroleum Corporation (CNPC) — Китайская национальная нефтегазовая корпорация, одна из крупнейших нефтегазовых компаний Китая, которая ведет добычу нефти и газа преимущественно на территории КНР, однако также разворачивает свою деятельность в других странах.

⁴ Фонд Шелкового пути (кит. 丝路基金) — инвестиционный фонд Китая, занимающийся финансированием инфраструктурных проектов в странах, присоединившихся к инициативе «Один пояс — один путь».

⁵ Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — международная организация, деятельность которой направлена на обеспечение региональной экономической интеграции. Основными целями союза

эффективного экономического партнерства стран-участников в регионе. Из инициативы «Пояса и пути» можно выделить концепцию «Ледового шелкового пути», которая предполагает активную интеграцию Северного морского пути в экономические и торговые процессы для оптимизации грузоперевозок. Это еще одно масштабное направление сотрудничества РФ и КНР в Заполярье.

Китайские компании намерены предложить свои услуги по модернизации береговой инфраструктуры вдоль Северного морского пути, особое внимание уделяется оснащению портов. Китайские компании уже получили контракты на модернизацию Архангельского морского порта и строительство железнодорожной магистрали «Белкомур» (Белое море — Коми — Урал), которая откроет новые возможности для наземных грузоперевозок из районов Дальнего Востока, Урала и Сибири в страны Европы.

Интерес Китая к эксплуатации и развитию Севморпути вызван перспективностью этой морской артерии. В первую очередь, это кратчайший путь из Азии в Европу, который может снизить стоимость перевозки. Это и наиболее стабильный путь для трансазиатских перевозок, который защищен от пиратства. Однако возникает проблема «сезонности» этого маршрута, так как Северный Ледовитый океан зимой скован льдами. В настоящее время Суэцкий канал сильно перегружен, угрозой также представляет то, что он проходит через страны Ближнего Востока — зону нестабильности. Альтернативный маршрут через Панамский канал — более удобен для азиатско-американской торговли. Северо-Западный проход⁶ в настоящий момент является зоной конфликта Канады и США и также уступает Севморпути по своей протяженности.

Несмотря на экономическое сближение двух стран, Россия подходит к вопросу выстраивания отношений с КНР в Арктике настороженно, так как идея интернационализации Арктики, о которой Пекин заявил в своей «Белой книге» по арктической политике, противоречат национальным интересам РФ. Москва намерена отстаивать преференции «арктической восьмерки». Россия надеется удержать контроль над Северным морским путем в рамках своей юрисдикции. Получая выгодные инвестиции со стороны Пекина, Россия надеется избежать рисков от чрезмерной зависимости от своего дальневосточного соседа и ищет других иностранных партнеров для арктического сотрудничества. Однако осложнившаяся после 2014 г. геополитическая обстановка, вылившаяся в санкции ЕС и США против России, и техническая отсталость России создают благоприятные условия для выгодного взаимодействия РФ и КНР на Крайнем Севере.

является создание гибких тарифных планов, свободы торговли в рамках взаимовыгодной общей политики в экономической сфере.

⁶ Северо-Западный проход (англ. Northwest Passage) — морской маршрут, пролегающий через Северный Ледовитый океан вдоль северного побережья Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг.

Список источников и литературы

Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы: Доклад № 26/2016 / Т.А. Махмутов и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 56 с.

Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах. М.: Аспект Пресс, 2013.

Габуев А., Спивак В. Ледниковый период: энергетическое сотрудничество России и Китая в Арктике 2021 г. // Московский центр Карнеги, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/2021/12/27/ru-pub-86088> (Дата обращения: 19.02.2022)

Карлусов В.В. Арктический вектор глобализации Китая // Интернет-портал РСМД, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/> (Дата обращения: 15.10.2021)

Колзина А.Л., Миндубаева А.А. «Полярный шелковый путь» как сфера стратегического партнерства Российской Федерации и КНР. – Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 4. Вып. 2., 2020. С. 186–194.

Медведев Д.А. Международное экономическое сотрудничество в Арктике. Арктический экономический совет. М.: АНО ЦСОиП, 2015. 92 с.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (Дата обращения 19.02.2022)

Тренин Д. Россия и Китай в Арктике: сотрудничество, соперничество и последствия для евразийской безопасности // Московский центр Карнеги, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81384> (Дата обращения: 19.02.2022)

Alexeeva, Olga and Lasserre, Frédéric, “China and the Arctic,” Arctic Yearbook 2012. Iceland: University of Akureyri, 2012. p. 80-90.

Nong Hong. China's role in the Arctic: observing and being observed. New York: Routledge, 2020. 218 p.

Stensdal I. Asian Arctic Research 2005–2012: Harder, Better, Faster, Stronger. Lysaker, FNI, 2013. 39 p.

Чжунгодэ бэйци чжэнцэ» Байпи шу («中国的北极政策» 白皮书. Белая книга «Арктическая политика Китая») // Чжунъян чжэнфу мэнху ванчжань (中央政府门户网站. Сайт информационного бюро Госсовета КНР), 26.01.2018. (Электронный ресурс). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (Дата обращения: 22.10.2021).

Носов Владимир Александрович
студент кафедры конфликтологии
Института Философии СПбГУ¹

Экспорт маоизма: формы, закономерности и особенности

За последний век лишь несколько внятно артикулированных идеологий сумели завоевать себе последователей вне пределов первоначального ареала распространения, перешагнув через политические границы. Одной из таковых стал маоизм, доминирующий компонент идеологической составляющей политики компартии Китая с середины 1930-х и господствующая идеология КНР с момента создания до начала 1980-х.

Маоизм, как это учение именуют за рубежами Китая², обычно определяют как применение универсальных принципов теории Карла Маркса к особенностям китайских условий³. В общем и целом, из корпуса выступлений самого Мао Цзэдуна, декларируемых им принципов и практики применения складывается примерно следующий набор признаков маоизма: революционная сила крестьянство; победы пролетарской революции можно добиться путем повстанческой борьбы в сельской местности и постепенного окружения, а затем и взятия, городов; хорошо идеологически подготовленный солдат ценнее вооружения; в государственном строительстве особое внимание спонтанным усилиям масс и поощрение инициативы «снизу», которую руководящая партия слушает, интерпретирует и реализует; практика впереди теории; политика имеет приоритет перед экономикой; моральные поощрения важнее материальных; классовое происхождение человека диктует его состояние ума; ручной труд почетнее и ценнее умственного; бюрократия враг революции; борьба с империализмом всех сортов важнейшее стратегическое направление и любые с ним примирения и перемирия просто временные меры⁴. Даже и в самом Китае этого набора принципов придерживались отнюдь не всегда, порой линия партии довольно далеко отклонялась от него, и легко заметна гибкость воззрений Мао Цзэдуна в трудных условиях гражданской войны в Китае и порой не менее трудных – строительства нового государства. На разных этапах истории Китая его действия можно было бы характеризовать как капитулянтство перед буржуазией и беспринципный оппортунизм, и эти же действия можно рассматривать как тактические ходы в интересах развития революции⁵. Несмотря на все причудлив со всеми причудливыми поворотами,

¹ Научный руководитель – д. филос. н., проф., А. В. Алейников.

² См. дискуссию на эту тему: An Encyclopedic Dictionary of Marxism, Socialism and Communism. Berlin-New York, 1981. P. 335.

³ Historical Dictionary of Marxism. Lanham, 2007. P. 201-202.

⁴ Historical Dictionary of Marxism. P. 201-206; An Encyclopedic Dictionary of Marxism, Socialism and Communism. P. 335-336.

⁵ A Dictionary of Marxist Thought. P. 334.

экономических и политических, от поощрения инакомыслия до попыток его тотального искоренения, от полной враждебности к США до дружбы с ними и т.д., примерно из такого набора посылок исходили стоявшие на позициях маоизма группы за рубежом, и, в свою очередь, применяли их к своим специфическим условиям. Какие же послылки, идеи и практику перенимали чаще всего?

Наиболее часто за пределами Китая брали на вооружение военный компонент теории: концепции использования в условиях стран Третьего Мира, где рабочий класс немногочислен, крестьянства как передового класса, поскольку наиболее сочувственно относящегося к революционным идеям, в качестве основной силы революционных перемен, а также идею развивать активность в сельской местности, постепенно окружая хабы экономической активности и районы скопления населения. С 1950-х по наши дни можно идентифицировать несколько десятков группировок, применявших подобную тактику в самых разных социальных, экономических, географических условиях. Наиболее, пожалуй, известно маоистское движение Непала, добившееся не только успехов на поле боя, но затем и политической власти в государстве парламентским путем⁶. Несколько меньше известно камбоджийское, победившее в гражданской войне и получившее контроль за государством, но военные успехи его находятся в тени от катастрофических последствий его победы. К числу крупнейших движений, придерживавшихся маоистской стратегии борьбы, следует отнести индийское⁷, малайзийское⁸, бирманское⁹, филиппинское¹⁰, тайландское повстанческие движения¹¹, не добившиеся больших успехов, но оказавших заметное влияние на политику в своих странах. Видны характерные черты такой стратегии в действиях партизанских групп в Африке, предпринимались попытки воплотить в жизнь таковую в Турции¹², в Ираке¹³. Заметно, но вряд ли может считаться решающим, влияние маоистской доктрины на вьетнамское повстанческое движение.

Большое влияние заимствованные у Китая формы и стратегию борьбы приобрели в Латинской Америке. Хотя расстановка сил в социуме и экономике времен расцвета там повстанческих движений лишь отдаленно напоминает ту, в которой родился и

⁶ См. подробнее Marks T. *Insurgency in Nepal*; Basu S., Riaz A. *Paradise Lost? State Failure in Nepal*; Nepal's Maoists: Their Aims, Structure and Strategy; Understanding the Maoist Movement of Nepal; Ледков А.А., унев С.И. *История Непала. XX век*; Whelpton J. *A History of Nepal*.

⁷ Автор опирался в основном на следующие работы: Chadha V. *Low Intensity Conflicts in India*; Basu B. *The Enemy Within*; Chakrabarty B., Kujur R. *Maoism in India*; New Asian Marxisms; Mukherjee A. *Maoist 'Spring Thunder'*; Roy A. *The Spring Thunder and After. A survey of the Maoist and Ultra-Leftist movements in India*.

⁸ Pye L. *Guerilla Communism in Malaya*.

⁹ Lintner B. *The Rise and Fall of the Communist Party of Burma*.

¹⁰ Saulo A. *Communism in the Philippines: An Introduction*; Pomeroy W. *The Philippines: Colonialism, Collaboration, and Resistance*.

¹¹ Marks T. *Maoist Insurgency Since Vietnam. Thailand. A Country Study* (6th ed.).

¹² См. Zürcher E. *Modern History of Turkey* (3rd ed.); Hoffmann B., Sayari S. *Urbanization and Insurgency: the Turkish Case, 1976-1980*.

¹³ Tripp C. *A History of Iraq* (3rd ed.).

развивался маоизм, да и условия совсем не похожи на китайские, однако же идеи Мао Цзэдуна получили здесь широкое распространение. Известны фракции сальвадорских повстанцев, ведшие именно по такому лекалу активную борьбу со сменявшимися друг друга репрессивными военными режимами¹⁴, одна из трех крупнейших групп никарагуанских сандинистов¹⁵, панамские¹⁶, венесуэльские¹⁷, колумбийские¹⁸, эквадорские¹⁹, перуанские²⁰ партизаны, известны и порывы организовать революционные выступления в соответствии с маоистским алгоритмом в Бразилии²¹ и Парагвае²².

На этом поприще наблюдались любопытные коллизии, обретающие дополнительные краски от применения идеологических фильтров: на ранних этапах развития Сандинистской революции из Москвы советовали местной компартии не вступать в союзы с сандинистами, именно по причине склонности последних к маоизму. И при этом именно сторонники маоистского учения оказались после победы революции в числе зачинателей движения «контрас», ставившего задачу свержения сандинистского правительства, которое рассматривалось ими теперь как буржуазное по натуре и изменяющее базовым принципам борьбы за социализм²³. А неудачу первоначально весьма успешно развивавшегося перуанского повстанческого движения Сендеро Луминосо порой трактуют как результат отказа от проведения в полной мере задуманного комплекса мероприятий на селе, а затем идеи переносить борьбу в города, рассматриваемой как нарушение маоистской доктрины и их же собственного императива, а этот отход считают результатом моральной капитуляции в борьбе за умы крестьянства²⁴.

Политическую практику маоизма в мире в государственном масштабе брались воплощать нечасто. По существу, на высшем уровне это делалось в 1970-е годы в Албании и Кампучии конца 70-х, и в обоих случаях недолго, хотя и по совершенно разным причинам. Албанский опыт заимствования маоистских концепций был относительно недолгим, и вскоре подобная практика была свернута, в связи и с “ревизионизмом” КНР и поскольку ожидаемые экономические преференции так и не были предоставлены. Но в промежутке между поворотом к Китаю и поворотом от Китая на вооружение были произведены широкие заимствования: распространение

¹⁴ El Salvador. A Country Study (2nd ed.). P. 30.

¹⁵ Black G. Triumph of the People. P. 92-97; Nicaragua. A Country Study (3rd ed.). P. 33; Staten C. The History of Nicaragua. P. 80.

¹⁶ Historical Dictionary of Panama. P. 59.

¹⁷ Area Handbook for Venezuela. P. 226; Гонионский С.А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. С. 128; Scheina R. Latin America's Wars. V. 2. P. 268-269.

¹⁸ Colombia. A Country Study (4th ed.). P. 307.

¹⁹ Terrorism: From One Millennium to The Next. P. 334.

²⁰ Maoist Insurgency Since Vietnam. P. 255; Peru. A Country Study (4th ed.). P. 125.

²¹ Fausto B. A Concise History of Brasil. P. 270.

²² Paraguay. A Country Study (2nd ed.). P. 233.

²³ Black G. Triumph of the People. P. 335.

²⁴ Revolution and Revolutionaries: Guerrilla Movements in Latin America. P. 182, 184.

цитатников вождей, единообразная одежда, настоящие на моральной ценности труда и ударных усилий, расчет добиваться результата сугубо на энтузиазме, опора на свои силы даже в случаях, когда возможна на что-либо еще²⁵.

«Демократическая республика Кампучия», пожалуй, образец последовательного, неуклонного и бездумного применения идеологических принципов, как их поняли и восприняли вожди повстанцев, к местной реальности. Даже при поверхностном анализе хорошо заметно влияние китайских практик времен Культурной революции и в экономике и в политике и в социальной жизни общества, на жизнь страны, просто доведенное практически до абсурда, в широком спектре от принуждения к работе без всякого вообще намека на поощрение, пусть и моральное, в виде перспективы светлого будущего даже в перспективе до подчинения хозяйственной активности лозунгам даже невзирая на бессмысленность развиваемой активности, выкапывания канав не для улучшения ирригационной системы и роста благосостояния, а поскольку есть на это приказ²⁶. И борьба с буржуазией приобрела там такие формы, как бессудные расправы с любым владельцем очков или часов²⁷.

Помимо этих двух ярких случаев в самых разных обществах, даже настолько несхожих, как КНДР и Сомали, применялись маоистские политические практики – выпуск книг с заявлениями и речами вождей, в узнаваемой обложке какого-либо цвета; обобществление имущества явно по лекалу китайских товарищей; мобилизация населения на общее благо, в т.ч. на решение вопросов и реализацию проектов местного значения; создание военизированных подразделений при партии, комплектуя их лояльными гражданами в надежде так образовать противовес армии; попытки заставить население трудиться усерднее благодаря исключительно моральным стимулам; определение ценности человека для общества по его классовому\социальному происхождению.

Раскол в коммунистическом движении вслед за размежеванием китайской и советской партий в начале 60-х повлек расколы и в партийных организациях, от Болгарии до Судана и Сенегала, причем даже самых небольших по размеру. В ряде стран группировки размежевались не по идеологии, а по трибальному или социальному принципу, иногда и по чисто оппортунистическим соображениям, какая из сторон больше предложит. В очень немногих случаях, впрочем, группам, вставшим на сторону Китая, удалось оказаться на первых ролях. В большинстве случаев их история после размежевания представляет собой печальную картину дальнейшего дробления по самым разным поводам, в первую очередь из-за зигзагов курса КНР во внутренней и внешней политики, изгнания из партий и расколы стали постоянным явлением в таких

²⁵ История Албанской партии труда. 1966-1980; Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке; Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней; Albania. A Country Study.

²⁶ Cambodia. A Country Study (3rd ed.); Chandler D. A History of Cambodia (4th ed.); Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век; Tully J. A Short History of Cambodia.

²⁷ Chandler D. The Tragedy of Cambodian History. P. 280.

группах. В некоторых странах образовывалось в результате по десятку и более организаций, претендовавших на то, что называют в специальной литературе «китайской франшизой»²⁸. Есть и исключения, маоистские группы своих стран участвовали в создании и во многом определяют лицо таких ныне существующих парламентских партий, как ПТ Мексики, «Бандера роха» Венесуэлы, ПКИ(м) Индии, КПН(м) в Непале, ДВП на Шри-Ланке, Б.Е. в Португалии, СП в Голландии, «Красный альянс» в Норвегии. Многие из них пробиваются в парламенты и занимают в них заметное место, но в основном вовсе не потому, что проповедают окружение города укомплектованной крестьянами повстанческой армией, опираются на беднейшее крестьянство в борьбе с другими слоями сельского населения или настаивают на непримиримой борьбе с капитализмом без передышек. Простой анализ их программ, практики парламентской работы и сравнение с таковыми других партий «левой» части политического спектра указывает на то, что они обязаны своей популярностью готовностью защищать права определенных групп населения, не имеющих других заступников и отстаивать позиции, которые иные партии не могут или не хотят защищать²⁹. Хотя и некоторые элементы маоистской идеологии все же заметны, и их применение порой принимает довольно своеобразные формы, из примеров достаточно назвать борьбу «Красного альянса» в Норвегии за внедрение «Линукс» вместо «Виндоус», коль скоро вторая программный продукт транснациональной корпорации, и, значит, капиталистического эксплуататора³⁰.

Подводя итог, следует признать, что некоторые элементы маоистской практики в политической, военной, социальной, экономической жизни продолжают существовать и сохранять определенную актуальность даже и несколько десятилетий после ухода маоизма с исторической сцены и в самой КНР. Для идеологии, развившейся в совершенно специфической среде из практики работы в ней, маоизм довольно уверенно смог пройти всегда сложный процесс перехода в другие условия, в том числе и принципиально другие.

Список использованной литературы

- Albania. A Country Study (2nd ed.). Washington, 1994.
Alexander R. Maoism in the Developed World. Westport, 2001.
An Encyclopedic Dictionary of Marxism, Socialism and Communism. Berlin-New York, 1981
Area Handbook for Venezuela. Washington, 1971.
Basu B. The Enemy Within. Hyderabad, 2002.
Basu S., Riaz A. Paradise Lost? State Failure in Nepal. Washington, 2007.
Black G. Triumph of the People. London, 1981.

²⁸ Alexander R. Maoism in the Developed World.

²⁹ Анализ по: Political Parties of the World (7th ed.); сайты организаций.

³⁰ Historical Dictionary of Norway. P. 167.

- Cambodia. A Country Study (3rd ed.). Washington, 1994.
- Chadha V. Low Intensity Conflicts in India. New York, 2005.
- Chakrabarty B., Kujur R. Maoism in India. London, 2010.
- Chandler D. A History of Cambodia (4th ed.). Philadelphia, 2008.
- Chandler D. The Tragedy of Cambodian History. Yale, 1991.
- Colombia. A Country Study (4th ed.). Washington, 1990.
- Dictionary of Marxist Thought (2nd ed.). Malden, 1991.
- El Salvador. A Country Study (2nd ed.). Washington, 1988.
- Fausto B. A Concise History of Brasil. Cambridge, 2001.
- Historical Dictionary of Marxism. Lanham, 2007.
- Historical Dictionary of Norway. Lanham, 2008.
- Historical Dictionary of Panama. Lanham, 2015.
- Hoffmann B., Sayari S. Urbanization and Insurgency: the Turkish Case, 1976-1980. Santa Monica, 1991.
- Lintner B. The Rise and Fall of the Communist Party of Burma. Ithaca, 1990.
- Marks T. Insurgency in Nepal. Abingdon, 2009.
- Marks T. Maoist Insurgency Since Vietnam. Abingdon, 1996.
- Mukherjee A. Maoist 'Spring Thunder'. Kolkata, 2007.
- Nepal's Maoists: Their Aims, Structure and Strategy. Brussels, 2006.
- New Asian Marxisms. Durham-London, 2002.
- Nicaragua. A Country Study (3rd ed.). Washington, 1994.
- Paraguay. A Country Study (2nd ed.). Washington, 1988.
- Peru. A Country Study (4th ed.). Washington, 1988.
- Political Parties of the World (7th ed.). London, 2009.
- Pomeroy W. The Philippines: Colonialism, Collaboration, and Resistance. NY, 1992.
- Pye L. Guerilla Communism in Malaya. Princeton, 1956.
- Revolution and Revolutionaries: Guerrilla Movements in Latin America. NY, 1999.
- Roy A. The Spring Thunder and After. A survey of the Maoist and Ultra-Leftist movements in India. Columbia, 1975.
- Saulo A. Communism in the Philippines: An Introduction. Manila, 1990.
- Scheina R. Latin America's Wars. V. 2. Washington, 2003.
- Staten C. The History of Nicaragua. Santa-Barbara, 2010.
- Terrorism: From One Millennium to The Next. Lincoln, 2002.
- Thailand. A Country Study (6th ed.). Washington, 1987.
- Tripp C. A History of Iraq (3rd ed.). Cambridge, 2007.
- Tully J. A Short History of Cambodia. Crows Nest, 2005.
- Understanding the Maoist Movement of Nepal. Kathmandu, 2003.
- Whelpton J. A History of Nepal. Cambridge, 2005.
- Zürcher E. Modern History of Turkey (3rd ed.). London, 2010.
- Гонионский С.А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964.

История Албанской партии труда. 1966-1980. Тирана, 1981.
Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней. М., 1992.
Ледков А.А., Лунев С.И. История Непала. XX век. М., 2011.
Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М., 2010.
Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003.

Пастухова Серафима Игоревна
студентка 4 курса кафедры философии и
культурологии Востока СПбГУ¹

Японская традиционная татуировка в эпоху Мэйдзи: культурное взаимодействие Востока и Запада

Татуировка известна на Японских островах с древнейших времен, однако отношение к татуировке и ее функции менялись на протяжении всего времени существования данной практики в изучаемом регионе [DeMello 2007: 167]. Появившись в период Дзёмон (13 тыс. лет до н. э. – III в. до н. э.), татуировка, вероятнее всего, носила ритуальную функцию, которую сохраняло до начала XX в. племя *айнов* — потомки людей периода Дзёмон [Акулов 2007: 150–157].

Значение и функции татуировки изменились с переселением на Японские острова выходцев из Северной Азии — предков современных японцев — и с развитием японского общества. Так, под влиянием Китая, татуировку в Японии стали использовать как меру наказания [DeMello 2007: 167]. Применение такой меры наказания, как татуирование, привело к тому, что татуировка обрела стойкое негативное значение в японском обществе. В то же время японцы наносили татуировки для того, чтобы оставить на теле символ верности, религиозный символ или символ принадлежности к самурайскому клану [Мещеряков 2003: 478–489].

В эпоху Эдо (1603–1867) под влиянием гравюр *укиё-э* возникла татуировка *хоримоно* — искусно выполненная татуировка, воплощавшая традиционные японские художественные образы, используемые в гравюрах. Наибольшее влияние на *хоримоно* оказал художник Утагава Куниёси (1798–1861), и, в частности, его иллюстрации к роману «Речные заводы», где были изображены персонажи с татуировками [Малинина, Головешко 2018: 99–108].

Несмотря на широкую популярность татуировки в городской культуре позднего Эдо (1804–1868 гг.), отношение к татуировке в эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.) резко переменилось. Эпоха Мэйдзи стала переломным моментом в истории Японии, потому что именно тогда за короткий период Япония из феодальной закрытой от иностранцев страны выросла в серьезного игрока на мировой арене, имевшего достаточно сильную армию и бурно развивающуюся экономику. Эпоха Мэйдзи стала также, с одной стороны, временем проникновения культуры Западной цивилизации, а с другой — периодом переосмысления собственной культуры.

Итак, с XVII в. Япония придерживалась внешней политики самоизоляции сакоку. Контакты Японии с европейскими странами были крайне ограничены, в то время как Западные страны в XVII–XVIII вв. стремились развивать торговые отношения со

¹ Научный руководитель — кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Востока Института философии СПбГУ П. А. Комаровская.

странами Востока. В начале XIX в. в борьбу за экономические сферы влияния включились и США. США были заинтересованы в установлении своего влияния на Японских островах (помимо возможного рынка сбыта, Япония могла стать промежуточным транспортным пунктом в торговле с Китаем и базой американского китобойного промысла). В 1853 г. американский военный флот вошел в Токийский залив и ответил отказом на требования переместиться в Нагасаки — место проведения переговоров с иностранцами. Представителям *сёгуна* было передано письмо президента США М. Филмора с требованием ответа. Эти события «встряхнули» правительство *бакуфу*, даже заставив обратиться к *даймё* и императору, хотя к этому времени уже много столетий императоры Японии были отстранены от дел управления и в основном несли ритуальную функцию. В 1854–1859 гг. под давлением США были заключены неравноправные «Ансэйские» договоры. Так было осуществлено «открытие» Японии, и вслед за США с Японией заключали неравноправные соглашения и другие западные страны. Вовлеченная в международную торговлю, Япония столкнулась с кризисом экономики и производства, которые не соответствовали уровню Западных стран.

Хотя мощным толчком к падению режима послужило «открытие» страны, к этому моменту *сёгунат* Токугава уже претерпевал кризис, вызванный социально-экономическими причинами. Во-первых, сословная четырехступенчатая система *си-но-ко-сё* не соответствовала реальной социальной стратификации. Во-вторых, вместо реорганизации сословной системы и перераспределения привилегий с целью развития экономики, правительство нагружало населения налогами, что вылилось в рост социального напряжения. «Открытие» страны обострило недовольство и кризис, и после смерти поддерживавшего *сёгунат* Токугава императора Комэя в 1866 г. на престол взошел император Муцухито. Был принят новый девиз правления — «Мэйдзи» («просвещенное правление»), а также объявлена амнистия оппозиции. Многие требовали возвращения власти императору, в итоге *сёгун* был отставлен, а власть императора реставрирована манифестом 1868 года. Упразднен был и *бакуфу* [Жуков 1998: 24–31].

Открытие страны, падение *сёгуната* Токугава и реставрация Мэйдзи коренным образом изменили японскую культуру. Взаимодействие с более мощными в экономическом, техническом и военном отношениях Западными державами могло привести к утрате культурной идентичности Японии, однако в действительности оно запустило процессы формирования японской нации. Для этого некоторые забытые традиции были переосмыслены и интегрированы в актуальную национальную идею. Значительную роль в сохранении и изучении некоторых элементов японской культуры сыграли иностранцы. Так, например, искусство *нэцкэ* было сохранено не без участия европейцев, которые с одной стороны привезли европейский костюм, исключавший необходимость носить такое украшение как *нэцкэ*, а с другой — стали коллекционировать и изучать *нэцкэ* [Спиридонова 2016: 36–57]. Процессы взаимопроникновения культур коснулись и японской татуировки *хоримоно*.

В эпоху Мэйдзи татуировка попала под более жесткие, чем раннее, запреты, хотя азартные игроки, преступники и *якудза* продолжали носить татуировки. Новое правительство сочло татуировку элементом варварской культуры, портящим в глазах стран Запада образ Японии. Стоит отметить, что вмешательство государства в вопросы, связанные с телом и здоровьем, в эпоху Мэйдзи стало очень активным, так как человек стал рассматриваться как ресурс, используемый в процессе модернизации страны.

Запреты татуировки эпохи Мэйдзи включали такие меры наказания как изъятия инвентаря и эскизов, наложение штрафов и лишение свободы. В 1872 г. был введен запрет на обнажение в общественных местах. Так, *хоримоно*, которая украшала тела части городского населения, стала скрытой от глаз окружающих. Это оказало сильное влияние на восприятие татуировки японским обществом, так как, исключенная из поля видимости, она перестала ассоциироваться с нормальными социальными ролями, какие несли рабочие (пожарные, строители и т. д.), которые в эпоху Эдо часто носили татуировки [McLaren 2015: 31–41].

Однако японская татуировка начала привлекать внимание иностранцев, и люди западного мира — сначала путешественники и моряки — стали набивать себе японские татуировки, которые казались им намного красивее и искуснее европейских и американских. Примечательно, что среди японских моряков татуировка популярностью не пользовалась [DeMello 2007: 168].

Из-за заинтересованности иностранцев в татуировке власти частично сняли запрет на татуировку: процедура была разрешена в портовых городах и исключительно для иностранцев. Некоторые мастера становились известными, работая с иностранными клиентами. Искусство японской татуировки стало достаточно популярным, и даже известные личности и представители европейской элиты желали получить себе нательный рисунок. Так, например, английский король Георг V и император Николай II имели японские татуировки [Gilbert 2000: 77]. Для европейских и американских людей татуировка, полученная в путешествиях, была показателем богатого жизненного опыта.

Однако иностранцы, желавшие получить японскую татуировку, не хотели наносить себе классическое *хоримоно*, которое покрывало тело почти как костюм. Поэтому тату-мастера, работавшие с иностранными клиентами, стали делать более маленькие татуировки, занимавшие значительно меньше места.

Популярность японской татуировки среди западных путешественников с одной стороны и запреты на родине этого искусства с другой привели к тому, что некоторые мастера уезжали из Японии и работали в других странах. Некоторые оседали в портовых городах в разных странах мира, некоторые путешествовали и постоянно меняли места работы. Известным мастерам, таким как Хоритиё и Саката Китисукэ, платили большие деньги за то, чтобы они приезжали работать в Америку.

Были и мастера из Европы и Америки, желавшие обучиться искусству японской татуировке. К примеру, в 1889 г. Джордж Бэрчетт (1872–1953), известный английский тату-мастер, приехал в Японию. Он писал, что вдохновлялся искусной работой

японских тату-мастеров, и желал посетить одного из самых известных мастеров — Хоритиё. Ему представилась такая возможность, и он отправился в дом Хоритиё, где его вежливо приняли. Он был встречен учениками мастера, которые, к слову, были весьма молоды, например, одному из учеников было всего 14 лет. Исходя из записей, ученики мастера предлагали свои работы тем, кто не мог позволить себе *хоримоно*, сделанное их учителем. Так как Хоритиё работал с иностранными клиентами, со своим английским гостем он говорил на прекрасном английском языке. Мастер предложил Бэрчетту понаблюдать за ним в работе. Хоритиё работал выполненными из слоновой кости *тэбори* — инструментом нанесения татуировки, — окруженный помогающими ему учениками. Он не предоставлял клиенту книг с эскизами и практически не обсуждал с ним работу. Также Хоритиё сделал Джорджу Бэрчетту маленькую татуировку ящерицы в качестве сувенира [Gilbert 2000: 107–111].

Вернувшись из морских путешествий, Джордж Бэрчетт открыл собственный тату-салон и добился достаточно большого успеха в этой сфере, получив прозвище «Король татуировок». В своих работах он использовал японские мотивы и образы. Так, одна из его работ — татуировка дракона на груди короля Дании Фредерика IX.

В записях о посещении японского мастера Джордж Бэрчетт рассказал о полученной им татуировке в качестве сувенира. Такого рода татуировки обрели, между тем, достаточно большую популярность среди иностранцев, так как они редко желали получить большую татуировку *хоримоно* в виде костюма — это была долгая и дорогостоящая процедура. Чаще их интересовали значительно менее внушительные по размеру татуировки «на память», размер которых был нередко был сравним со значком.

Таким образом, эпоха Мэйдзи была временем распространения художественной татуировки *хоримоно* в другие страны. Европейцы и американцы были впечатлены искусным выполнением татуировок японскими мастерами, стремились получить себе татуировку в качестве сувенира и перенимали опыт японских мастеров. В то же время у себя в стране мастера были ограничены в работе, так как им было запрещено делать татуировки соотечественникам. Классическое *хоримоно* ушло в подполье, став элементом криминальной культуры, так как основными японскими носителями *хоримоно* были *якудза*.

Список литературы:

Акулов А. Ю. К истории вопроса о *цорпок-куру*. Связи культуры айну с культурой Дзёмон // Этнографическое обозрение. 2007. №2. С. 150–157.

Жуков А. Е. (ред.). История Японии. Т. II. 1868–1998. М.: Институт востоковедения РАН. 1998. 703 с.

Лим С. Ч. История татуировки айнов Сахалина и Хоккайдо // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №3. Владивосток. С. 105–111.

Малинина Е. Е., Головешко Д. С. Эстетический феномен японской татуировки ирэдзуми и ее связь с искусством гравюры укиё-э (на примере графики Утагава

Куниёси) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 99–108.

Мещеряков А. Н. История и культура традиционной Японии. М.: Наталис, 2011. 448 с.

Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. 736 с.

Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003. 556 с.

Спиридонова Л. В. Нэцкэ. Миниатюрная скульптура Японии из частных коллекций: каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 324 с.

Ankirskiy, Alexander. Perception of Tattoos: Now and Then. Japan vs. The Western World. The University of Island. January 2014. Reykjavik. 42 p.

Carrie E. Reed. Tattoo in Early China. Journal of the American Oriental Society 120. 3. Middlebury College. 2000. pp. 360-370.

Deal, William E. Handbook to life in medieval and early modern Japan. New York. 2006. 415 p.

DeMello, Margo. Encyclopedia of body adornment. Westport, 2007. 326 p.

Gilbert, Steve. Tattoo history: an anthology of historical records of tattooing throughout the world. New York. 2000. 216 p.

Jansen, Marius B. The Cambridge history of Japan. Volume 5. The Nineteenth Century. New York. 2008. 812 p.

McLaren, Hayley. Needling between social skin and lived experience: an ethnographic study of tattooing in downtown Tokyo. March 2015. Tokyo. 166 p.

W. R. Van Gulik. Irezumi. The pattern of dermatography in Japan. E. J. Brill. Leiden. 1982. 380 p.

Skutlin, John. Fashioning Tattooed Bodies: An Exploration of Japan's Tattoo Stigma. Asia Pacific Perspectives, Vol. 16, no. 1. URL: <https://www.usfca.edu/center-asia-pacific/perspectives/v16n1/skutlin> (дата обращения 02.05.2020)

*Пудова Арина Вячеславовна
студентка 1 курса магистратуры
Восточного факультета СПбГУ¹*

Попытка реализации теории «географии масштаба» в префектурах Осака и Окинава

Отношение к геополитике в Японии изменилось с 1990-х гг. Основная причина стремления Японии к пониманию «новой геополитики» — изменение политических условий: окончание холодной войны, продолжающиеся споры об истории японской колонизации, территориальные споры между Японией и другими странами Восточной Азии, а также критика гуманитарных наук в научном сообществе.

В понимании Запада «новая геополитика» изучает международные отношения на основе мирового системного анализа, пересматривает концепции «традиционной геополитики» и критикует её использование как способа оправдания агрессии в военное время. «Новая геополитика» изучает международные отношения на макроуровне. Именно поэтому она стала необходима Японии, где преобладало изучение политической географии лишь в микросферах.

Сейчас в Японии хрупкость положения политической географии объясняется не только абсолютной нехваткой специалистов, но и отсутствием систематических эмпирических исследований. Кроме того, в этой области наблюдается заметная тенденция к заимствованию теорий и отсутствию распространения собственных. В данной работе будут представлены попытки заимствования и применения европейской теории «географии масштаба» в японских реалиях на примере префектур Осака и Окинава.

Говоря о развитии теории «географии масштаба» стоит обратить особое внимание на определение этого термина. В современной географии существует три значения слова «масштаб»: 1) «картографический масштаб»; 2) «методологическая шкала» — диапазон исследования (в целом/детальный); 3) «географический масштаб» — единица пространства, на которой происходят социальные процессы, имеющие территориальную протяженность и влияющие на поведение людей. Это новое понятие, которое используется в основном в западной географии с 1980-х гг.

Первым исследователем «географии масштаба» стал Питер Тейлор, который основываясь на мир-системном анализе уловил изменения в международной ситуации на мировом, региональном и местном уровнях. До него никто не пытался объяснить принцип деления пространства на: глобальный, национальный, региональный уровень и какие между ними могут существовать взаимосвязи [Taylor 1982: 22]. Тейлор пытается объяснить необходимость именно в трёх уровнях с помощью идеологии Иммануила

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Е. М. Османов

Валлерстайна между «реальностью» и «опытом», где Валлерстайн делил мировую экономику также на три шкалы: мировой рынок, фрагментарную политическую структуру и региональную экономику. Наличие третьего элемента – обязательно, только так система может быть стабильна [Wallerstein 1975: 368]. Также и в политической географии: государство отделяет наш повседневный опыт жизни в городе от реальности в глобальном масштабе. То есть цель идеологии разделения на три шкалы в том, чтобы отделить опыт от реальности и не допустить их столкновения. Глобальную шкалу Тейлор называет «реальностью» в связи с тем, что именно этот уровень «действительно имеет значение» [Taylor 1982: 29].

Особенно важно в рамках теории «географии масштаба» мнение о конце или «отмирании государства» (того национального уровня, который и стабилизирует систему в мировом масштабе) в связи с глобализацией. Либерализация торговли может значительно изменить территорию страны. Государство имеет территорию и стремится достичь своих политических и экономических целей, контролируя социальные взаимоотношения (войны, экономические потоки, потоки мигрантов) внутри и за пределами своих границ. Следовательно, государство существует, занимая определённое пространство, и территория становится властью, осуществляемой государством, источником национального суверенитета. В таком случае исчезновение государства означает, что и территориальность может измениться.

Внимание исследователей привлекают также «Мировые (международные) города», напрямую связанные с глобализацией. Есть мнение, что по мере усиления глобальной экономической конкуренции «Мировые города» должны быть признаны полюсами роста в государственном и местном экономическом развитии, а крупные города в каждой стране должны быть перестроены как новые органы управления и экономические субъекты.

Есть очень много исследований на эту тему у западных географов о ситуации в Европе и США, однако ситуацию в Японии и Азии в целом не отражена. Как следствие остается проблема прояснения феномена изменения масштаба, его сравнениями международном и региональном уровнях.

Внедрение теории «географии масштаба» в Японии еще только началось. Ямадзаки Такаси один из первых применяет эту теорию и рассматривает изменение масштаба как одну из политических стратегий реорганизации управляемого пространства, исходящего из регионов Японии. Во-первых, он рассматривает политическую инициативу Окинавы: «Великий замысел в XXI веке / Окинава», продвигаемый губернатором Масахидэ Ота в префектуре Окинава (1994–1998) [Ямадзаки 2010:18].

В середине 1990-х гг. губернатор Масахидэ Ота разработал политику, направленную на то, чтобы избавить Окинаву от бремени оборонительной территории, возложенного государством. Он назвал эту инициативу «Великий замысел в XXI веке / Окинава». Она состоит из двух статей: поэтапного полного вывода военной базы США

и создания Зоны свободной торговли (ЗСТ) на всей территории префектуры для самостоятельного экономического развития. В этой связи «Великий замысел» поднял вопрос о том, возможно ли осуществить политико-экономическую детерриториализацию региона.

Концентрация военных баз США на Окинаве означает, что структура американо-японской системы безопасности действует на Окинаве в качестве основного ограничения для осуществления «Великого замысла». Эта система безопасности зависит от геополитического контекста в Восточной Азии и оказывает значительное влияние на ситуацию внутри префектуры (несчастные случаи, преступления и разрушение окружающей среды, угрожающие жителям префектуры).

В совокупности распад коммунистического блока способствовал глобализации рыночной экономики. Окинава достигла пика экономического роста и уровня занятости примерно в 1990 г. и попыталась изменить направление своего развития в сторону либерализации торговли наряду с глобализацией, не следуя по пути простого подчинения государственным субсидиям как это было в 1980-х гг. [Ямадзаки 2010: 19]. В контексте вышеупомянутых геополитических изменений правительство г-на Ота попыталось выбрать путь к политической и экономической независимости от центра путем введения ЗСТ.

В 1996–1999 гг. голосование в префектурах, возглавляемое «Коалицией Окинава», было направлено на консолидацию «воли народа» о сокращении баз и пересмотре Соглашения о статусе Японии и США. Последнее заключается в применении гонконгской модели в рамках глобальной экономики (одна страна, две системы) к Окинаве. План состоит в том, чтобы превратить всю префектуру в ЗСТ.

Действительно, Советский Союз распался, но угроза безопасности со стороны Северной Кореи и Китая все ещё существует. Поэтому в 1997 г. правительства США и Японии пересмотрели значение американских баз в Японии, утверждая, что невозможно установить крайний срок для вывода баз. Сопrotивление г-на Ота правительству США застопорило переговоры с японским правительством, а сама экономика Окинавы ухудшилась в 1990-х гг. вместе с замедлением экономики всей Японии. В 1997–2011 гг. ЛДП (правящая партия префектуры) выразила несогласие с введением ЗСТ на территории Окинавы.

В этом сложном контексте в качестве политики была принята концепция формирования «Мирового города». Однако план такой «радикальной» реформы был отвергнут экономическими группами (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и пищевая промышленность) в префектуре, которые обеспокоены ущербом, который мог бы быть причинен либерализацией торговли [Ямадзаки 2012: 62].

В итоге радикальное правительство сменилось консервативным, планы по перенесению военных баз, формированию ЗСТ и «Мирового города» были отменены в рамках мер по продвижению правительства префектуры [Ямадзаки 2012: 63].

На примере префектуры Окинава можно заметить проявление теории «географии масштаба»: префектура на региональном уровне (голосования среди жителей префектуры) хочет освободиться от влияния государства (среднего уровня) и навязанной ей оборонительной роли, которая мешает ей реализовать глобальные планы (третий уровень) по улучшению экономики.

В Осаке ситуация развивалась иначе: в 2011 г. Тоору Хасимото (бывший губернатор префектуры) и его региональная партия «Осакская ассоциация реставрации» институализировали теорию «географии масштаба» в виде плана «Метрополии Осаки». План состоял в том, чтобы создать двухуровневую систему управления, которая ликвидировала бы управление в городах префектуры и централизовала бы их функции в одной столице, затем разделила бы их на более низком уровне.

Хасимото и его партия указали на экономический упадок префектуры, и связали это с большими тратами на бюрократический аппарат, а также с неспособностью двух муниципалитетов сотрудничать и координировать экономический спад. По мнению Хасимото, план «Метрополии Осаки» привлёк бы внутреннюю и внешнюю деловую активность и мог восстановить экономику Осаки (Префектура Осака...).

Действительно, внимание исследователей теории «географии масштаба» привлекают «Мировые города», напрямую связанные с глобализацией. Есть мнение, что по мере усиления глобальной экономической конкуренции «Мировые города» должны быть перестроены как новые экономические субъекты. При таком раскладе только после модернизации Осака сможет стать конкурентноспособным городом на мировой арене. План Хасимото можно считать первым шагом реализации системы «досюсэй» и попыткой реформы децентрализации, исходящей из региона.

После проведения двух референдумов среди населения в 2015 и 2020 гг. (Вопрос по «Плану метрополии Осаки».../ «План метрополии Осаки» снова отвергнут) вопрос о реализации «плана метрополии Осаки» был отклонен. В том числе политические круги префектуры имели неоднозначное мнение касаясь этого плана, опасаясь полной консолидации власти в руках Хасимото и его партии, поэтому план не был реализован. Также оппозиционные ЛДП и Коммунистическая партии утверждали, что «ликвидация города Осака приведет к упадку городской власти Осаки и уровня жизни внутри префектуры».

На примере префектуры Осака мы также можем заметить проявление теории «географии масштаба»: модернизировав региональный/местный уровень, в обход государства (среднего уровня) правительство префектуры планировало выйти на мировой рынок и стать вторым в Японии «Мировым городом».

Мы видим, что по мере усиления авторитета местного самоуправления в обоих случаях авторитет государства снижается, это может привести к трансформации и реорганизации многоуровневых отношений по географической шкале.

В этой работе рассматриваются «Великий замысел» в префектуре Окинава и «Концепция столицы/Метрополии Осака» в префектуре Осака в качестве попытки

реализации теории «географии масштаба» в Японии. Каждый случай представляет собой попытку освободиться от территориализации со стороны государства и развивать местные регионы посредством глокализации, которая бы связывала регионы с глобальным масштабом экономики. Однако на наш взгляд развитие двух этих случаев имеет три отличия:

Во-первых, правительство Окинавы во главе с г-ном Ота попыталось в обход государства связать свою экономику с глобальной. В Осаке же г-н Хасимото не считал государство виновником в экономическом упадке территории, они выступали лишь против двойной системы администрирования и за глобальную урбанизацию городов.

Во-вторых, правительство ЛДП (центральной верхушки) было против реализации «Великого замысла» Окинавы. Кроме того, внутри префектуры образовалась собственная оппозиция внутри деловых кругов, выступающих против либерализации торговли и введения ЗСТ, боясь краха промышленности. В отношении ситуации в Осака почти все партии центрального аппарата (ЛДП, ДПЯ, Комэйто) приняли нейтральную позицию, избегая конфликтов с «Ассоциацией реставрации», которая в будущем имела тенденции к выходу на государственный уровень. Именно поэтому правительство префектуры во главе с г-ном Хасимото критиковали центральный бюрократический аппарат, якобы они «терпят» и ничего не предпринимают. Однако профсоюзы ЛДП, ДПЯ, Комэйто, Компартии на местах выступали против реализации «Мирового города» внутри префектуры.

В-третьих, если рассматривать реформу административных районов как способ ослабить вмешательство государства в регионы и возможностью для них стать политически и экономически независимыми, в этом случае решающее различие между префектурой Окинава и префектурой Осака заключается в том, что Окинава является государственным оборонительным объектом, а префектура Осака желает возглавить национальную экономику и стать вторым столичным регионом Японии. Учитывая этот геополитический контекст, окружающий префектуру Окинава и префектуру Осака, считается, что реформа административного регулирования по факту может быть осуществлена только в Осака.

В настоящее время Япония пытается перейти к принципиально новой постиндустриальной модели самоуправления. Однако отношение традиционно консервативной элиты к политической модернизации всегда было неоднозначным, и в данном случае реализация теории «географии масштаба» в виде реформ «Великого замысла» и «Метрополии Осаки» грозила бы полной перестройкой всей административной системы, к чему Япония ещё не готова.

Список использованной литературы:

1. Taylor P. J. A Materialist Framework for Political Geography // Transactions of the Institute of British Geographers. The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). 1982. Vol. 7. No. 1. P. 15–34.

2. Wallerstein I. Class formation in the capitalist world-economy // *Politics and Society*. 1975. Vol. 5. No. 3. P. 367–375.

3. 山崎孝史。スケール/リスケーリングの地理学と日本における実証研究の可能性。[Ямадзаки Такаси. География масштаба (масштабная география) и возможности эмпирических исследований в Японии.] // *Годовой отчет Общества региональной социологии*, Том 24, 2012. С. 55–71.

4. 山崎 孝史。政治・空間・場所: 「政治の地理学」へ向けて。[Ямадзаки Такаси. «Пространство, место и политика: в отношении «политической географии».] // *Abstracts of the Annual Meeting, The Human Geographical Society of Japan*, 3-3, 2010. С. 16—19.

5. Префектура Осака Февраль 2009 г. Очередное собрание Постоянного комитета по общим вопросам [大阪府 平成 21 年 2 月 定例会 総務常任委員会]. Официальный сайт протоколов собрания префектуры Осака (дата размещения новости: 02.2009). URL:

https://ssp.kaigiroku.net/tenant/prefosaka/SpMinuteView.html?tenant_id=315&power_user=false&view_years=&council_id=701&schedule_id=4&is_search=true (дата обращения: 01.03.2022).

6. Вопрос по «плану метрополии Осаки» был отклонен на референдуме с небольшим перевесом [大阪都構想の住民投票、僅差で否決]. Официальный сайт газеты NIKKEI (дата размещения документа: 18.05.2015). URL: https://www.nikkei.com/article/DGXLASDG17H4S_X10C15A5MM8000/ (дата обращения: 28.12.2021).

7. «План метрополии Осаки» снова отвергнут. Мэр Осаки Мацуи уйдет в отставку по истечении срока полномочий [「大阪都構想」再び否決。松井大阪市長任期後引退へ]. Официальный сайт новостной службы Японии NHK (дата размещения новости: 02.11.2020). URL: <https://www.nhk.or.jp/politics/articles/statement/47507.html> (дата обращения: 28.02.2022).

Новые данные о реликвиях с затонувшего китайского судна «Наньхай-1»

Южно-Китайское море — это первая часть дальнего трансазиатского торгового пути, ведущего из Китая в Средиземное море. Во времена династии Сун сухопутные маршруты Великого шёлкового пути, вследствие набегов северных и западных кочевых племен, стали приходить в упадок и на передний план вышла торговля на морских просторах.

В X–XIII вв. здесь доминировали китайские купцы. Они активно предлагали покупателям из Юго-Восточной и Центральной Азии готовые изделия и сырьевые материалы. Особой популярностью пользовались ценные породы древесины, фарфор и монеты [Войтишек, Кумпол 2020, с. 74–75].

В последние несколько десятилетий XXI в. мировое научное сообщество потрясает беспрецедентные случаи сенсационных находок кораблекрушений китайских торговых кораблей времен династии Сун и Юань. Обзор работ китайских и западных исследователей, посвященных анализу уникальных находок с «Наньхай-1», затонувшего судна времен династии Южная Сун (XII–XIII вв.), выявляет необходимость дальнейшего изучения судьбы этого корабля в контексте развития морских торгово-экономических связей вдоль Морского шелкового пути.

В 1987 г. Британская морская поисковая компания Maritime Exploration & Recoveries PLC совместно со Спасательным бюро Гуанчжоу (广州救捞局) случайно обнаружила затонувший корабль времен династии Южная Сун в акватории Южно-Китайского моря недалеко от островов Чуаньшань 川山群岛 пров. Гуандун². Основатель подводной археологии Китая Ю Вэйчао предложил назвать судно «Наньхай-1» (《南海一号》), что означает «Южное море-1» [Чжоу Сяндун, 2014. С. 52]. Судно «Наньхай-1» могло и дальше быть скрыто от посторонних глаз под толщей воды, песка и ила, и лишь благодаря необычайному стечению обстоятельств мировое научное сообщество получило чрезвычайно редкие подлинные данные для реконструкции истории Морского шелкового пути и истории керамики. Археологам с помощью грейфера удалось поднять на поверхность золотую цепь около 2 м длиной и весом 600 г, украшенную орнаментом в виде виноградной лозы, выложенным клиновидным узором. Вместе с цепью со дна подняли множество целых фарфоровых изделий. Однако дальнейшие исследования были отложены на несколько лет из-за финансовых и технических проблем [Рассолова 2021, с. 96–97].

¹ Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

² Chen Xi. China's oldest shipwreck reveals secrets of Maritime Silk Road // The Global times journal (электрон. изд.-е) 29.08.19 URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1163040.shtml> (дата обращения 10.11.21).

Благодаря анаэробной среде, созданной благоприятными природными условиями, не только сам корабль «Наньхай-1», но и его груз очень хорошо сохранился: акватория островов Чуаньшань известна сильными подводными течениями, которые приносят много речного песка и ила, вместе с морской водой они препятствовали доступу воздуха, что позволило естественным образом «законсервировать корабль». Примечательно, что в деревне Далин 大岭村, находящейся под юрисдикцией города Шилюу 石楼市 провинции Гуандун, сохранился обычай хранения лодок-драконов под слоем ила в метр толщиной. Резной нос лодки в форме головы дракона снимают и помещают в местный храм предков, а корпус лодки специально закапывают после соревнований и откапывают только перед следующим фестивалем. Так, в храме предков Лююань 柳源宗祠堂 в течение всего года можно посмотреть на нос одной из самых старых лодок дракона, которую удалось сохранить благодаря народному обычаю жителей древни Далин³.

Согласно отчетам о раскопках, основным грузом корабля «Наньхай-1» были фарфоровые и керамические изделия. На данный момент фарфор, главным образом, представлен изделиями из знаменитых китайских частных гончарен Цзиндэчжэнь 景德镇 (пров. Цзянси), Дэхуа 德化 и Цыцзао 磁灶 (пров. Фуцзянь), Лунцюань 龙泉 (пров. Чжэцзян) [Xu Yongjie 2015, с. 85]. Стоит отметить, что фарфоровая утварь, найденная на других китайских торговых кораблях, потерпевших крушение (например, Цюаньчжоу 泉州湾古船, Наньао-1 南澳一号, Синаньчуань 新安船, Хуагуанцзяо-1 华光一号 и др.) не отличается таким разнообразием форм и орнаментов. До обнаружения судна «Наньхай-1», специалисты не находили столько изделий из разных частновладельческих мастерских времен династий Сун и Юань, собранных вместе. Это беспрецедентный случай в китайской археологии [Расолова 2021, с. 98].

Наряду с фарфоровыми изделиями на судне были обнаружены золотые драгоценности: золотой браслет в форме двуглавого дракона и три золотых кольца: в европейском стиле с инкрустацией большого бриллианта, в арабском стиле с инкрустацией жемчужин и гранатов, а также кольцо в китайском стиле. Исследователи продолжают выдвигать гипотезы о том, кому могли принадлежать кольца и золотой браслет с драконьим орнаментом [Расолова 2021, с. 277].

На судне также было обнаружено значительное количество монет, датированных различным временем: к последним находкам принадлежали монеты династии Южная Сун 建炎通宝 *Цзяньян тунбао* (1127–1130) и 绍兴通宝 *Шаосин тунбао* (1131–1162), что во многом помогло датировать корабль временем династии Южная Сун на первоначальном этапе раскопок. Кроме того, было найдено несколько очень изящных артефактов, среди них черная лакированная шкатулка с орнаментом из красных вздымающихся облаков, бронзовое зеркало в форме цветка подсолнечника. Были

³См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: <https://youtu.be/h2OM-fw0yyU> (дата обращения 25.03.21).

обнаружены также нефритовые статуэтки архата и богини Гуаньинь. Вполне вероятно, что данные артефакты могли принадлежать членам экипажа, использовались как личные вещи и не были предназначены для продажи.

Органические вещества, как и материальные артефакты, также хорошо сохранились: археологи обнаружили фрагмент бамбуковой циновки, остатки рисовой соломы, которая использовалась как «упаковочный материал». На корабле для экономии пространства в грузовых отсеках внутри больших по объему сосудов располагали сосуды поменьше, а пространство между ними заполняли рисовой соломой⁴.

Однако беспрецедентным открытием стало обнаружение остатков пищи. В общей сложности археологи извлекли из отсеков палубы около трех тыс. семян растений и плодов: в том числе фрукты, орехи, бахчевые и зерновые культуры, специи, большинство из которых съедобны. Как предположил Чжао Чжицзюнь, заведующий профильным комитетом археоботаники Китайского археологического общества, «похоже, что для того, чтобы справиться с океанским путешествием, «гурманы» на корабле тщательно отобрали [продукты] и сделали запасы». Рацион экипажа корабля был весьма разнообразный: сливы, орехи бетеля, плоды белого канариума, китайской личи, виноград, плоды китайского финика, хереспондиас или непальская слива, каштаны, гинкго билоба, орехи торрея и кедровые орехи. Среди этих продуктов большая часть семян приходится на каштан, больше шестидесяти процентов от общего количества обнаруженных семян растений. Второй по популярности продукт – китайская слива [Цюй Тин 2018].

На палубе корабля «Наньхай-1» был найден самый «старый» черный перец в Китае. Упоминание об использовании перца в Китае впервые встречается в произведении династии Тан «Всякая всячина из Юяна» (酉阳杂俎 *Юян цацзю*) — сборник историй, легенд, медицинских и других сведений IX в. автора Дуань Чэнши. Однако вещественных подтверждений данному факту не хватало. Остатки перца, найденные на судне «Наньхай-1», показывают, что китайцы использовали его для приготовления пищи не позднее середины XIII в. [Там же].

В связи с этим возникает вопрос, связано ли обнаружение достаточно редких для времени династии Южная Сун продуктов с тем, что перец, виноград и китайские личи были достаточно популярными продуктами, распространёнными среди непривилегированного населения или все же состав команды корабля был не однородным, и в рискованное морское путешествие отправлялись состоятельные купцы.

На судне «Наньхай-1» помимо растительных остатков, были найдены кости животных, птиц, крупного и мелкого рогатого скота. Так, младший научный сотрудник Института археологии Китайской академии социальных наук Люй Пэн сообщает о том, что больше всего было найдено бараньих, куриных, гусиных, свиных костей и одна

⁴См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: <https://youtu.be/h2OM-fw0yyU> (дата обращения 25.03.21).

говяжьей кость. Команда китайских ученых сделала вывод, что некоторых животных могли выращивать на корабле, а молоко, яйца и другие продукты животного происхождения команда корабля использовала в пищу [Цюй Тин, Цао Пэньюань, 2017].

Больше всего ученых поразил тот факт, что кости крыс и мышей на судне отсутствовали, ведь на затонувшем китайском торговом корабле Хоучжу, обнаруженном в заливе Цюаньчжоу провинции Фуцзянь, который так же, как и «Наньхай-1» датируется временем династии Сун, большинство останков животных были крысиными костями [Там же].

Помимо животных останков были обнаружены и человеческие кости. Цуй Юн, лидер археологической группы «Наньхай-1», сообщил что, эти человеческие останки были случайно обнаружены в каюте под палубой: «В процессе раскопок мы нашли в общей сложности три-четыре человеческих кости в разных местах корабля, включая челюстную кость, грудные позвонки, бедренные кости, конечности, кости и т. д.». После напряженной работы группа археологов извлекла коллаген из останков, успешно секвенировала ДНК и пришла к выводу, что останки, скорее всего, не принадлежат монголоидной расе, что также дает важные сведения о реалиях древнего Морского шелкового пути. По мнению экспертов-археологов, скелет был найден в нижней каюте, откуда трудно выбраться в случае экстренной ситуации. Результаты секвенирования ДНК в определенной степени подтверждают, что в династии Южная Сун могли быть иностранные моряки⁵.

Археолог Цуй Юн заключил, что теперь практически достоверно, что «Наньхай-1» отплыл из китайского порта Цюаньчжоу провинции Фуцзянь. Согласно историческим записям, Цюаньчжоу был крупнейшим портом на Востоке во времена династии Южная Сун, где проживали десятки тысяч купцов, в том числе, возможно, и арабского происхождения. Не исключено, что некоторые из них путешествовали на торговых кораблях в качестве членов экипажа корабля⁶.

В настоящий момент все реликвии, найденные на судне (до 80 тыс. предметов), а также сам корабль находятся в музее Морского шелкового пути провинции Гуандун (广东海上丝绸之路博物). В ходе спасательной операции корабль был поднят со дна и помещен в специально построенный для него резервуар с водой (см. подробнее [Рассолова 2021, с. 278]).

Музей Морского шелкового пути провинции Гуандун представляет собой образовательный и научно-исследовательский комплекс, который состоит из двух ведомств: непосредственно сам институт музея, ответственный за экспонирование,

⁵«Наньхай и хао» чуаньцан фасянь фэй хуанчжун жэнь ихай вэй гудай хайшан сычжоу чжи лу тигун сяньсо [“南海 I 号” 船舱发现非黄种人遗骸 为古代海上丝绸之路提供线索 // 百家号]. Останки людей не монголоидной расы, найденные в каюте судна «Наньхай-1», дают ключ к пониманию [истории] древнего Морского шелкового пути. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1599150571465098076&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 28.02.20).

⁶ Там же.

хранение и каталогизирование коллекции, а также исследовательский центр и центр НИОКР по изучению морского Шелкового пути, сотрудники которого проводят раскопки на корабле «Наньхай-1» методами наземной археологии, занимаются консервацией находок, отвечают за сохранение культурных реликвий⁷. Правительство Китая уже имеет опыт в создании подобного учреждения на территории действующих археологических раскопок: как и в Музее терракотовых воинов (Сиань), посетители могут воочию увидеть процесс работы специалистов.

Музей Морского шелкового пути провинции Гуандун является визитной карточкой г. Янцзян. Всего за восемь месяцев с момента открытия музей успели посетить 300 тыс. человек, среди которых 70 % иностранные туристы. Согласно туристической статистике острова Хайлин, в 2009 г. количество туристов, прибывающих на остров, впервые превысило отметку в 2 миллиона, а общий доход от туризма достиг 1,068 миллиарда юаней, что составило рост почти на 40% за год⁸.

«Наньхай-1» — самое крупное хорошо сохранившееся океанское торговое судно среди всех известных затонувших кораблей. Уникальные данные, которые археологи продолжают получать в ходе исследований артефактов, не только проливают свет на историю фарфора и помогают реконструировать историю морского Шелкового пути, но и приоткрывают тайну повседневной жизни моряков, историю пищевой культуры Китая.

Обнаружение судна «Наньхай-1» по праву можно назвать сенсационным открытием, которое напрямую повлияло на развитие подводной археологии Китая, а также на развитие рекреационных ресурсов г. Янцзян провинции Гуандун.

Список использованной литературы

1. *Войтишек Е. Э., Кумпол Т. А.* Судьба китайского корабля Синьаньчуань и морская торговля в Восточной Азии в средние века // Мат-лы конф. / Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 74–82.

2. *Рассолова Д. В.* Затонувшее торговое судно «Наньхай-1» и развитие китайской подводной археологии // Мат-лы конф. / Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 74–82. DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-95-101.

3. *Рассолова Д. В.* Китайское судно «Наньхай-1» и морская торговля в Восточной Азии // Мат-лы конф. / Китай и соседи: 6-я всероссийская научная конференция

⁷ Гуандун хайшан сычоу чжи лу боугуань [广东海上丝绸之路博物馆 // 百度百科]. Музей Морского шелкового пути провинции Гуандун. URL: <https://baike.baidu.com/item/广东海上丝绸之路博物馆/6021987?fromtitle=南海一号博物馆&fromid=6010270> (дата обращения 15.01.2021).

⁸ Наньхайихао» ин кэ 30 вань сянь вэньхуа люю «лунтоу» [“南海一号”迎客 30 万 显文化旅游“龙头”地位]. Дивэй «Наньхай-1» принимает 300 тыс. гостей и демонстрирует культурного-туристическое лидерство // 中国日报 Chinadaily.com.cn (электрон. изд-е) 16.09.10 URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/2010/09-16/2538108.shtml> (дата обращения 01.01.22).

молодых востоковедов, Санкт-Петербург, 17–18 марта 2021 года. Санкт-Петербург: изд-во Art-Xpress, 2021. С. 276–280.

4. *Цюй Тин, Цао Пэнъюань*. “Наньхай и хао” дуну каогу цзяншу лин жэнь ивай дэ гуши [屈婷、曹鹏远。 “南海一号” 动物考古讲述令人意外的故事]. «Наньхай № 1» Зоологическая археология рассказывает удивительную историю // Чжунго каогуван (中国考古网) 08.12.17 URL: <http://www.kaogu.cn/cn/kaoguyuandi/kaogusuibi/2018/0108/60647.html> (дата обращения 15.01.22).

5. *Цюй Тин*. Шэцзянь шандэ ханхай ши – хуцзяо “пяо сян” «Наньхайихао» [屈婷。舌尖上的航海史——胡椒“飘香”南海一号]. История мореплавания на кончике языка – «Наньхай-1» с ароматом черного перца// Чжунго каогуван (中国考古网) 01.08.18 URL: <http://www.kaogu.cn/cn/kaoguyuandi/kaogusuibi/2018/0108/60647.html> (дата обращения 15.01.22).

6. *Чжоу Сяндун*. Цун «Наньхайихао» чушуй цыци кань гудай хайвай маои цыци дэ шэнчань бяньцянь [周湘东。从“南海一号”出水瓷器看古代 海外贸易瓷器的生产变迁：丝绸之路]. На примере фарфора с судна «Наньхай-1» рассмотрим изменения в производстве древнего фарфора, предназначенного для международной морской торговли // Сычоу чжилу. 2014. № 14. С. 52–53.

7. *Xu Yongjie*. The Test Excavation of the Nanhai No. 1 Shipwreck in 2011: a Detail Leading to the Whole. The Silk Road 13, p. 84–87, 2015.

Реунова Валерия Алексеевна
студентка 4 курса Департамента востоковедения
и африканистики НИУ ВШЭ СПб¹

Стремление китайских и японских потребителей к экономии и накоплению: культурные истоки и современный характер потребления

Япония и Китай располагают крупнейшими потребительскими рынками², которые не могут не привлекать зарубежные торговые и сервисные компании. Тем не менее, неоспоримой трудностью для проникновения на зарубежный рынок является комплекс социокультурных особенностей местных потребителей, который, определяясь их ценностями, управляет выборами покупателей³. Одной из таких уникальных черт процесса потребления является желание покупателей приобрести товар по более выгодной цене и сэкономить денежные ресурсы. По мнению автора, данная особенность может быть детально проанализирована на основе двух культурных измерения Г. Хофстеде, а именно долгосрочной ориентации (англ. LTO) и индугльгенции против допущения (англ. IVR).

Таким образом, исследовательский вопрос звучал следующим образом: «Каковы социокультурные базисы и проявления измерений допущения и долгосрочной ориентации в стремлении китайских и японских потребителей к экономии и накоплению?» Главными задачами работы являлись идентификация социокультурных основ обозначенных измерений, а также оценка их проявлений в процессе потребления. В качестве основных материалов были использованы теоретические исследования А. Прасола, В. Малявина, Г. Хофстеде, результаты проекта GLOBE. В рамках работы применялся социокультурный подход, а также было осуществлено анкетирование представителей потребительских обществ Японии и Китая в количестве более 60 респондентов от 18 до 60 лет.

Помимо общенаучных методов анализа и синтеза, автором сделан акцент на сравнении эмпирических данных различных статистических ресурсов, доклада проекта World Values Survey Association и новостных источников (The Japan Times, South China Morning Post).

По Г. Хофстеде, «сдержанность» в противовес «индугльгенции» обозначает, во-первых, жесткий контроль желаний и импульсов индивидов, во-вторых, поощрение

¹ Научный руководитель — ст. преп. Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ СПб К. А. Чижова.

² Final Consumption Expenditure // The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.CD?year_high_desc=true&locations=JP-CN-EU-US (дата обращения: 15.04.2022).

³ Perera L. C., Hewege C. An Analysis of the Controlling Function of National Culture in Product Choice Preferences of Japanese Consumers // Contemporary Management Research. 2007. Vol. 3(2). P. 120.

самоограничения и сдерживания социальными нормами эмоциональных порывов⁴ и, в третьих, в превознесение усердной работы и бережливости над отдыхом, развлечениями и расточительством⁵. Неудивительно, что в обществах Японии и Китая, где интерес группы ставится выше интереса индивида и большое внимание уделяется «внешней оболочке» человека, «сдержанность» преобладает над «индульгенцией».

По Г. Хофстеде Япония, получив в данном измерении 42 балла⁶, находится на границе между сдержанностью и индульгенцией, что имеет следующее объяснение. С одной стороны, стремительный экономический рост стимулировал потребление, целью которого являются удовлетворение материалистических желаний и проведение досуга. Согласно World Values Report за 2017-2020 гг. около 44,5 % людей считают досуг очень важным в своей жизни, а 45,8 % считают его достаточно важным. Для сравнения, в Китае эти числа составляют 20,6 % и 50,0 % соответственно, а процент населения, для которого свободное время не особо важно, равен 27,5⁷. Однако с другой стороны, неоспорим факт существования эмоциональной сдержанности и ряда обязательных правил для межличностного общения в японском обществе, восходящих к концептам *рэй*, *хикаэ*, *татэмаэ* и *сэкэнтэй*⁸. Более того, в период экономического застоя ценности экономии и бережливости («кэнъяку») становятся всё популярнее среди японских потребителей⁹, равно как и концепт негодования по поводу расточительной траты ресурсов («моттаинай»).

Китай, в отличие от Японии, обладает более выраженным параметром сдержанности (24 балла)¹⁰, ввиду сильного конфуцианского влияния¹¹ и экономической сдержанности китайских потребителей. По сей день воспитание детей подразумевает следование конфуцианской системе ценностей, а отход от нее в сторону потакания своим желаниям рассматривается как нечто неправильное и осуждаемое¹². Более того, несмотря на то, что по экономическим показателям Китай стремительно богатеет,

⁴ Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of The Mind. New York: McGraw Hill Professional, 2010. P. 281.

⁵ Liu Y., Ge Y., Hu Z., & Wang S. Culture and capital flows—Exploring the spatial differentiation of China's OFDI // China Economic Review. 2018. Vol. 48. P. 32.

⁶ Country Comparison // Hofstede Insights. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/china,japan/> (дата обращения: 15.04.2022).

⁷ World Values Survey Wave 7 (2017-2020) // World Values Survey Association. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 15.04.2022).

⁸ Прасол А. Ф. Япония, лики времени: менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наталис, 2008. С. 189.

⁹ Там же. С. 207.

¹⁰ Country Comparison // Hofstede Insights. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/china,japan/> (дата обращения: 15.04.2022).

¹¹ She S., Eimontaite I., Zhang D., Sun Y. Fear, Anger, and Risk Preference Reversals: An Experimental Study on a Chinese Sample // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. P. 2.

¹² Pareek P., Kumar N. Social Factors of People's Republic of China: A study through HOFSTEDER Model // Journal of Development Economics and Management Research Studies. 2020. Vol. 5(05). P. 35.

доходы представителей среднего класса КНР не сопоставимы с доходами той же категории населения в развитых странах¹³.

Следовательно, в обеих культурах прослеживается стремление к сдержанности и умеренности, что объясняется общими ценностными основами конфуцианской этики. В данном контексте следует выделить два вида сдержанности: экономическую сдержанность, связанную с досугом и удовлетворением материалистических желаний, и эмоциональную сдержанность, сопряженную с самоконтролем в выражении чувств и мыслей. И если первый вид лучше описывает Китай, доходы населения которого только в последние годы постепенно увеличиваются, то второй тип более подходит Японии, известной формальностью и ценностью контроля над эмоциями в условиях сравнительно высокого экономического достатка.

Исходя из определения GLOBE¹⁴, ориентация на будущее или конфуцианский динамизм по Хофстеде¹⁵, описывает, насколько члены общества заботятся о том, как их действия повлияют на будущее, и в какой степени они сосредотачиваются на бережливости в нынешний момент.

Неудивительно, Япония и Китай показывают высокие показатели по шкале данного культурного измерения: 88 и 87 баллов соответственно¹⁶. Подобная высокая ориентация на будущее объясняется концептом цикличности времени в китайской философии, в рамках которого терпение и бережливость рассматривались в качестве главных благодетелей¹⁷. Однако необходимо отметить, что японскому мировоззрению свойственно подчеркивать непостоянство как благополучия в целом¹⁸, так и экономического его проявления, в чем прослеживаются отголоски буддийского влияния и что заставляет японцев невероятно ценить «стабильность». Проявлением этого считаются феномены системы пожизненного найма на работу («сю:синкоё:сэй») и непопулярности фриланса: только 5 % населения страны самозанято¹⁹.

Переходя к проявлению измерений в моделях потребительского поведения, нужно отметить, что процент сбережений в Китае медленно, но стабильно снижается: если на 2010 г. он составлял 50,6 %, то в 2019 г. упал до 44,2 %. Тем не менее, он остается довольно высоким, что объясняется укоренившимся влиянием конфуцианских

¹³ Is China rich or poor? Nation's wealth debate muddied by conflicting government data // South China Morning Post. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3130769/chinas-gen-z-splashes-out-luxury-little-regard-debt> (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁴ House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies. Thousand Oaks: Sage publications, 2004. P. 285.

¹⁵ Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Op. cit. P. 239.

¹⁶ Country Comparison // Hofstede Insights. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/china,japan/> (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁷ House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. Op. cit. P. 283.

¹⁸ Ibid. P. 288.

¹⁹ Protecting the interests of freelancers // The Japan Times, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/08/28/editorials/protecting-interests-freelancers/> (дата обращения: 15.04.2022).

ценностей²⁰. По этой причине более 50 % респондентов согласились с тем, что общество побуждает к сбережению денег. К тому же, согласно проведенному анкетированию было выяснено, что для китайских потребителей важнейшими параметрами товара при совершении покупки являются наличие скидки или низкая цена, состав и подробное описание. Необходимо отметить, что относительно привлекательных особенностей товаров любимых брендов китайские респонденты чаще всего отмечали отличное соотношение цены и качества. Касаясь частоты поиска самой низкой и выгодной цены, большинство китайских потребителей склонно к поиску дешевизны и выгоды, и лишь четверть респондентов либо не поступает подобным образом вовсе, либо делает это редко.

Современные японские потребители характеризуются средним уровнем сбережений, а связанные с накоплением практические моменты жизни объясняются традиционными ценностями, являющимися основой ориентации на будущее. Уровень сбережений на 2020 г. в Японии составил 26,0 %, а его развитие характеризуется попеременными взлетами и падениями²¹. Вероятно, именно поэтому на вопрос о том, побуждает ли общество к сбережению денег, лишь треть респондентов ответила положительно, когда как остальные опрошенные не согласились с данным высказыванием. Тем не менее, утверждения некоторых авторов о том, что японские потребители всегда предпочитают качество цене товара²², в нынешний момент не соответствуют реальности. После краха экономики «мыльного пузыря» и в период экономического застоя потребители современного японского общества, испытывающие тревогу за будущее, стали более чувствительными к ценам²³. Исходя из результатов проведенного анкетирования, среди параметров, которыми опрошенные потребители руководствуются в первую очередь при совершении покупки, были названы подробное описание продукта, его низкая цена и внешний вид. На вопрос частоты поиска самого выгодного и дешевого предложения, менее четверти опрошенных выбрала вариант «никогда» или «редко», около трети временами поступает подобным образом, а 45,2 % часто или всегда стремятся сэкономить при покупке; к тому же, 54,8 % респондентов готовы к поиску альтернативы, если цена на продукт любимого бренда сильно поднимется в цене.

²⁰ Meet the 2020 Chinese consumer // McKinsey Consumer & Shopper Insights. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/asia%20pacific/meet%20the%20chinese%20consumer%20of%202020/mckinseyinsightschina%20meetthe2020chineseconsumer.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

²¹ Japan Gross Savings Rate // CEIC Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/japan/gross-savings-rate> (дата обращения: 15.04.2022).

²² Synodinos N. E. Understanding Japanese consumers: Some important underlying factors // Japanese Psychological Research. 2001. Vol. 43(4). P. 242.

²³ The new Japanese consumer // McKinsey Quarterly. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/the-new-japanese-consumer> (дата обращения: 15.04.2022).

Из обоснований выше можно заключить, что японские и китайские потребители, подверженные влиянию культурных измерений ориентации на будущее и сдержанности, стремятся к бережливости и накоплению, а также чувствительны к цене. В данном контексте нужно отметить особое воздействие экономической природы сдержанности в случае Китая, которая объясняется относительно низкими доходами населения по сравнению с другими развитыми странами и выражается в подчеркивании хорошего соотношения цена-качество в товарах любимых брендов.

Таким образом, в результате исследования автор приходит к следующим выводам. Во-первых, некогда высокие проценты сбережений, являющиеся одним из важнейших проявлений ориентации на будущее, исходящей из конфуцианских и буддийских концептов, в современных условиях постепенно уменьшаются, что указывает на решающее значение экономического фактора в потребительских привычках. Во-вторых, противопоставленную допущению по шкале данного культурного измерения сдержанность в рассматриваемом случае следует разделить на два вида: сдержанность экономическую и эмоциональную. Первый тип лучше описывает Китай, доходы населения которого только в последние годы постепенно увеличиваются, а второй вид более подходит Японии, известной формальностью и ценностью контроля над эмоциями в условиях сравнительно высокого экономического достатка, который, впрочем, снизился в период экономического застоя.

Список источников и литературы

1. Country Comparison // Hofstede Insights. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/china,japan/> (дата обращения: 15.04.2022).
2. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of The Mind*. New York: McGraw Hill Professional, 2010.
3. House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Thousand Oaks: Sage publications, 2004.
4. Is China rich or poor? Nation's wealth debate muddied by conflicting government data // South China Morning Post. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3130769/chinas-gen-z-splashes-out-luxury-little-regard-debt> (дата обращения: 15.04.2022).
5. Japan Gross Savings Rate // CEIC Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/japan/gross-savings-rate> (дата обращения: 15.04.2022).
6. Liu Y., Ge Y., Hu Z., & Wang S. Culture and capital flows—Exploring the spatial differentiation of China's OFDI // *China Economic Review*. 2018. Vol. 48. P. 32.
7. Meet the 2020 Chinese consumer // McKinsey Consumer & Shopper Insights. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/asia%20pacific/meet%20>

0the%20chinese%20consumer%20of%202020/mckinseyinsightschina%20meetthe2020chineseconsumer.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

8. Pareek P., Kumar N. Social Factors of People's Republic of China: A study through HOFSTEDE Model // Journal of Development Economics and Management Research Studies. 2020. Vol. 5(05). P. 35.

9. Perera L. C., Hewege C. An Analysis of the Controlling Function of National Culture in Product Choice Preferences of Japanese Consumers // Contemporary Management Research. 2007. Vol. 3(2). P. 120.

10. Protecting the interests of freelancers // The Japan Times, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/08/28/editorials/protecting-interests-freelancers/> (дата обращения: 15.04.2022).

11. She S., Eimontaite I., Zhang D., Sun Y. Fear, Anger, and Risk Preference Reversals: An Experimental Study on a Chinese Sample // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. P. 2.

12. Synodinos N. E. Understanding Japanese consumers: Some important underlying factors // Japanese Psychological Research. 2001. Vol. 43(4). Pp. 235–248.

13. The new Japanese consumer // McKinsey Quarterly. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/the-new-japanese-consumer> (дата обращения: 15.04.2022).

14. World Values Survey Wave 7 (2017-2020) // World Values Survey Association. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 15.04.2022).

15. Прасол А. Ф. Япония, лики времени: менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наталис, 2008. С. 189.

Русак Дмитрий Васильевич
студент 3 курса факультета международных экономических отношений
МГИМО МИД России¹

**Российско-китайские экономические отношения в постковидную эпоху:
динамика и перспективы**

Уже на протяжении более двух лет российско-китайские отношения развиваются в условиях пандемии COVID-19, оказавшей существенное влияние на мировую экономику. Пандемия не обошла стороной и российско-китайское экономическое сотрудничество, оказав негативное воздействие на торгово-экономические связи двух стран. В связи с поступательным наращиванием всеобъемлющего партнерства и стратегического развития отношений России и Китая по широкому спектру направлений, особую важность в настоящее время представляет анализ изменения динамики в экономическом сотрудничестве двух стран и прогноз перспектив его развития, что будет способствовать поиску путей восстановления и дальнейшего наращивания объемов сотрудничества России и Китая. Данное исследование направлено на определение тенденций и перспектив российско-китайских отношений в пост-пандемийный период и подкреплено систематизированными статистическими данными.

Данное исследование проведено с опорой на материалы, представленные в докладах «Российско-китайский диалог: модель 2019» и «Российско-китайский диалог: модель 2021». Первый характеризует развитие отношений РФ и КНР в 2018 г. и начале 2019 г., в так называемый «доковидный» период. Второй, в свою очередь, содержит анализ ситуации в «ковидные» 2020–2021 г. Оба источника содержат взгляды ведущих российских экспертов-международников на сотрудничество России и КНР, подкрепленные комплексным мониторингом и оценками динамики двусторонних связей. Также был широко использован труд профессора А.А. Маслова «Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы», содержащий анализ экономической ситуации в Китае в кризисном 2020 году.

В 2018–2019 гг. произошло укрепление взаимодействия России и Китая в торговой сфере. В 2018 г. товарооборот РФ и КНР составил 108,2 млрд долл. (рост относительно предыдущего года составил 24,5%), а в 2019 г. товарооборот достиг рекордного показателя 111,5 млрд долл. Следует отметить, что в 2018 г. двусторонняя торговля увеличилась более быстрыми темпами (24,5%), чем внешняя торговля КНР в целом (12,6%). При этом экспорт из РФ в КНР рос более высокими темпами (44,1%),

¹ Научный руководитель – преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России Круглов Владислав Владиславович.

чем экспорт из КНР в РФ (8,7%)². В целом сложившаяся до пандемии структура торговли характеризовалась экспортом российской стороной на китайский рынок в большей степени сырья и технологий, в то время как Китай наращивал поставки готовой продукции³.

В 2020 г. происходит сокращение товарооборота между странами до 104,1 млрд долл. (по оценкам ФТС России). Товарный экспорт из России в Китай сократился на 14,4%, что обусловлено снижением спроса КНР на российские товары из-за существенного спада в экономике, а также противоэпидемиологическими мерами. Несмотря на снижение показателей сохранилась тенденция к росту экспорта в КНР сельхозпродукции и продуктов питания, изделий металлургии. В противоположность российскому экспорту, показатели поставки товаров из Китая демонстрируют положительную динамику. Продолжает наблюдаться рост экспорта машин и оборудования из Китая, увеличился экспорт ноутбуков, планшетов и смартфонов. В целом в динамике и структуре торгового взаимодействия сохранились тенденции предыдущих лет⁴. И несмотря на спад, доля КНР во внешней торговле России достигла рекордного показателя 18,3% (рост составил 1,7 п. п.), что закрепляет за Китаем статус одного из важнейших торговых партнеров. 2021 г., в свою очередь был отмечен высокими показателями роста взаимной торговли – товарооборот вырос примерно на треть, достигнув в очередной раз рекордных показателей – 140 млрд долл.

Внимания заслуживает такая глобальная инициатива Китая, как «Один пояс, один путь», являющаяся самым масштабным межгосударственным геоэкономическим и инфраструктурным проектом современности. По состоянию на конец марта 2019 г. китайское правительство подписало 173 документа о сотрудничестве со 125 странами и 29 международными организациями в рамках инициативы. Эксперты отмечают, что вследствие пандемии активность реализации инициативы замедлилась. Тем не менее, внешнеторговый оборот между Китаем и странами-участницами с января по апрель 2020 г. составил 2,76 трлн юаней (403 млрд долл.) – это увеличение на 0,9% в годовом выражении. Объем китайских инвестиций в страны инициативы за 7 месяцев того же года составил 10,27 млрд долл., что на 29% больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (Дюсембекова и др. 2021, с. 48–52). Кроме того, пандемия открыла странам-участницам инициативы новые сферы сотрудничества, например, в области медицины и здравоохранения: Китай принял участие в оказании помощи партнерам, что

² Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран (2018). [Электронный ресурс]. – // Федеральная таможенная служба. – URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_statistics_file/2019-06/04/IyU0/WEB_UTSA_09.xls (дата обращения: 21.02.2022).

³ Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019 / [С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. С. 50.

⁴ Российско-китайский диалог: модель 2021: доклад № 70/2021 / [А.А. Маслов (рук.), А.В. Кортуннов (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2021. С. 51.

оформилось в концепцию «здоровый Шелковый путь». Более того, развиваются такие инициативы, как «зеленый Шелковый путь», направленный на защиту окружающей среды, и «цифровой Шелковый путь», направленный на развитие стран в сфере цифровизации. Таким образом, пандемия коронавируса привела к обновлению и расширению инициативы «Пояса и пути» и открыла новые возможности для сотрудничества стран-участниц (в том числе России и Китая), которые в свою очередь могут способствовать успешной экономической нормализации (Сокол 2021, с. 30–31).

Среди важных достижений в двустороннем взаимодействии России и Китая имеет место трансформация ведения и учета взаимных расчетов. 28 июня 2019 г. стороны заключили межправительственное соглашение о начале перехода на расчеты и проведение платежей в национальных валютах. Более того, ряд российских банков переключились на использование китайского аналога SWIFT – China International Payments System. Расширению взаимных расчетов в юанях по торговым и финансовым операциям способствовало также создание в 2017 г. в России расчетно-клирингового центра по операциям в юанях. В итоге, существенно снизилась доля доллара США во внешней торговле двух стран. Так в 2018 г. на доллар приходилось 75,1% платежей КНР за российский экспорт. В июле 2019 г. этот показатель упал до рекордных значений, составив 45,7%. В целом во внешней торговле России и КНР в первом квартале 2019 г. доля доллара снизилась до 55,7% (Маслов 2020, С. 206–207). Кроме того, существенно возросла в расчетах доля евро. По словам посла РФ в КНР А. Денисова, доля национальных валют во взаимных расчетах составила около 25% в 2020 г.⁵, при этом доли рубля и юаня в расчетах за поставки товаров и услуг в Китай составили 5,7% и 6,3% соответственно⁶. Для сравнения: в 2013–2014 гг. доля национальных валют во взаимных расчетах составляла около 2–3%.

Стоит более подробно проанализировать возможности использования российскими финансовыми институтами китайской международной платежной системы CIPS (Crossborder Interbank Payment System), поскольку в настоящее время в силу геополитической напряженности существует опасность отключения российских банков от системы SWIFT. Система SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи) представляет собой акционерное общество, участниками которого являются банки-участники расчетов. Система осуществляет телекоммуникационное обслуживание банков членов с обеспечением надежности, точности, конфиденциальности и оперативности с использованием стандартных форм и методов обмена информацией. Система SWIFT имеет огромную значимость в международных расчетах, поскольку к

⁵ Доля расчетов в нацвалютах между Россией и Китаем в 2020 году достигла 25%. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10376077> (дата обращения: 21.02.2022).

⁶ Валютная структура расчетов за поставки товаров и оказание услуг по внешнеторговым договорам (в процентах к итогу). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/cur_str.xlsx (дата обращения: 21.02.2022).

ней подключено не только большое количество банков-участников, но и ряд международных и национальных банковских сетей. Участие данных субъектов расширяет сферу действия сети SWIFT, увеличивая эффективность ее деятельности (Юзвович 2019, С. 77–79). Отключение РФ от данной системы – серьезная угроза для национальной экономики, поскольку это существенно ограничит денежные потоки из России и в нее. Еще в 2014 г. А. Кудрин, бывший министр финансов РФ, заявил, что такое отключение приведет к снижению ВВП России на 5% в год⁷.

В случае отключения России от системы SWIFT китайская система CIPS могла бы стать альтернативой для России. Однако система CIPS сравнительно мала и составляет около 0,3% от размеров SWIFT, а на китайский юань приходится только около 2% международных платежей⁸. Поэтому в ближайшее время система CIPS не сможет полностью восполнить потенциальные потери от отключения России от SWIFT, но может стать достойной региональной альтернативой.

Чрезвычайно важным для укрепления экономических связей двух стран является визит Президента РФ Владимира Путина в Пекин по случаю Олимпиады. В ходе визита стороны обсудили текущее состояние и перспективы российско-китайского всеобъемлющего партнерства, в том числе в торгово-экономической, энергетической, финансово-инвестиционной, научно-технической и гуманитарной областях. Был подписан ряд договоров и соглашений, достигнутых в ходе переговоров. Договоры касались сотрудничества в энергетической сфере, в том числе поставок энергоресурсов в Китай, строительства нового газопровода «Союз Восток» через территорию Монголии; был подписан Меморандум о взаимопонимании в отношении сотрудничества в сфере низкоуглеродного развития, а также в области информатизации и цифровизации и другие важные документы⁹.

Конечно, следует принимать во внимание, что в настоящее время торгово-экономические отношения России и Китая протекают на фоне введенных обеими странами особых требований и противоэпидемиологических ограничений, которые сдерживают развитие внешнеэкономических связей. При условии снятия карантинных мер ожидается восстановление динамики сотрудничества. Однако при более детальном анализе ситуации на пути развития российско-китайских экономических отношений имеется ряд проблем, связанных с недостаточным развитием институциональной, транспортно-логистической и таможенной инфраструктуры, недостаточной

⁷ Европарламент поддержал идею об отключении России от SWIFT. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/18/evroparlament-podderzhal-ideyu-ob-otklyuchenii-rossii-ot> (дата обращения: 21.02.2022).

⁸ The digital Yuan will only lend a minor boost to internationalization of the currency. [Electronic resource]. – URL: <https://merics.org/en/short-analysis/digital-yuan-will-only-lend-minor-boost-internationalization-currency> (date of access: 21.02.2021).

⁹ «Олимпийский» визит Владимира Путина в Китай: значение для двусторонних отношений // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/Olimpiyskiy-vizit-Vladimira-Putina-v-Kitay-znachenie-dlya-dvustoronnikh-otnosheniy/?sphrase_id=88459682 (дата обращения 21.02.2022).

эффективностью системы таможенного оформления (необходимо широко использовать цифровые технологии для модернизации таможенных систем с целью ускорения прохождения грузов через границу, что не представляется возможным при «бумажном» формате взаимодействия), сложностями в установлении связей на уровне малого и среднего бизнеса, низким уровнем взаимных прямых иностранных инвестиций и других проблем.

Проведенный анализ показывает, что российско-китайские экономические связи продемонстрировали сравнительную устойчивость в условиях пандемии и имеют дальнейшие перспективы для динамичного развития, были открыты новые направления сотрудничества. Углубление сотрудничества двух стран может стать действенным инструментом для преодоления экономического кризиса, вызванного пандемией. Более того, состоявшаяся в Пекине встреча лидеров России и Китая подтвердила, что государства остаются стратегическими партнерами на международной арене.

Список использованной литературы:

«Олимпийский» визит Владимира Путина в Китай: значение для двусторонних отношений. [Электронный ресурс]. – // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/Olimpiyskiy-vizit-Vladimira-Putina-v-Kitay-znachenie-dlya-dvustoronnikh-otnosheniy/?sphrase_id=88459682 (дата обращения 21.02.2022).

Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы. М.: РИПОЛ классик, 2021. 367 с.

Реализация инициативы «Пояс и путь» в Центральной Азии в условиях постпандемии / М. К. Дюсембекова, Е. Л. Нечаева, К. М. Батырбаев, К. У. Майгельдинов // Евразийский союз ученых. 2021. № 3–4(84). С. 48–52.

Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019 / [С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 200 с.

Российско-китайский диалог: модель 2021: доклад № 70/2021 / [А.А. Маслов (рук.), А.В. КОРТУНОВ (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2021. 201 с.

Сокол В. А., Свилас С. Ф. Об эволюции инициативы «Один пояс, один путь» в условиях и под влиянием пандемии COVID-19 // ЕАЭС и ШОС: по пути взаимовыгодного сотрудничества: материалы международного круглого стола по инновациям в международных исследованиях, Минск, 20 апреля 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 27–33.

Юзвович Л. И., Князева Е. Г., Истомина Ю. В. Финансы и кредит. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. 280 с.

Рябышев Павел Дмитриевич
студент 4 курса отделения
«Востоковедение и африканистика» ГИ НГУ¹

О проблеме происхождения ароматических печатей в Китае

Ароматическая печать (香印 *сяньинь*, 印香 *иньсян*, 香篆 *сянчжуань*, 篆香 *чжуаньсян* или 印篆香 *иньчжуаньсян*) – это вид курильниц и способ воскурения ароматического сырья, измельченного в порошок, с последующим выкладыванием его в форме непрерывного узора.

Судя по всему, ароматические печати возникли в Китае – имеющиеся письменные и материальные источники позволяют отслеживать их историю вплоть до эпохи Тан. Такой способ воскурения благовоний представляет собой уникальное явление ароматической культуры и, насколько нам известно, не имеет аналогов в мире. В связи с этим актуальным представляется вопрос о том, каковы были те особенности культурной обстановки в Китае соответствующего исторического периода, благодаря которым стало возможным возникновение ароматических печатей.

Китайские исследователи, хотя и не ставят перед собой задачи объяснения обстоятельств возникновения ароматических печатей, но косвенно высказывают свое отношение к этой проблеме, когда говорят, что ароматические печати появились в Китае в эпоху Тан и первоначально использовались в буддийских храмах для определения продолжительности чтения сутр. То есть, по их мнению, главным фактором, обусловившим появление печатей, была необходимость создания нового инструмента измерения времени. Аналогичной точки зрения придерживается американский историк науки и техники Сильвио Бедини (1917–2007), автор единственной монографии, посвященной ароматическим печатям (Bedini, 2005. P. 77).

Однако, по нашему мнению, эта гипотеза, а точнее та ее часть, в которой говорится о первоначальной функции печатей, не имеет под собой достаточно надежной доказательной базы. Ароматические печати действительно использовали для отсчета временных отрезков, но достоверные сведения об этом можно найти в источниках, датированных лишь эпохой Сун, не Тан.

Кроме того, если мы принимаем имеющуюся гипотезу, то возникают сомнения относительно ее способности объяснить этимологию термина 香印 *сяньинь*. Насколько возможно судить, именно этот вариант сочетания иероглифов является первым наименованием того предмета и связанного с ним способа воскурения благовоний, который обозначается словосочетанием «ароматическая печать». Это слово состоит из двух морфем, 香 *сян* («аромат» или «благовония») и 印 *инь* («печать»), где второй иероглиф вполне однозначно выступает в именном значении, а первый – в роли

¹ Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек.

определения к нему. Факт нахождения иероглифа 印 *инь* на позиции определяемого слова наталкивает на мысль о том, что именно этот иероглиф и отражал суть ароматической печати для ее неизвестных создателей.

В тех же случаях, когда ароматические печати действительно использовались для измерения времени, это находило отражение в их названиях, например: ароматическая печать ста *кэ*² (百刻香印 *байкэ сяньинь*), ароматическая печать пяти ночных страж³ (五更印刻 *угэн инькэ*) или, уже в Японии, ароматические часы (яп. 香時計 *ко: докэй*)⁴. Все эти предметы, по сути, были ароматическими печатями и, как можно заметить, в их названиях есть иероглифы, значение которых связано со временем. Соответственно, если таких иероглифов нет в самом раннем наименовании ароматических печатей (香印 *сяньинь*), то, вероятно, печати не задумывались как инструмент измерения времени. Итак, мы принимаем что иероглиф 印 *инь* («печать»)⁵ был, в некотором смысле, определяющим для ранних ароматических печатей. Кроме того, нет сомнений, что ароматические печати возникли в Китае в рамках развития буддизма. Эти два фактора определили область поисков для прообразов ароматических печатей.

В буддийской материальной культуре эпохи Тан уже очень заметным было такое явление, как печати-талисманы (印符 *иньфу*), которые были заимствованы из даосизма, где они активно использовались уже в IV в. Одно из самых ранних письменных подтверждений применения талисманов в ритуально-религиозных целях можно найти в трактате Гэ Хуна (葛洪, 284–343/363 гг.) «Бао-пу цзы» 抱朴子, а точнее в его внутренних, или эзотерических, главах (內篇 *нэйпянь*). Описание рецептов эликсиров бессмертия в этом трактате очень конкретны и практически лишены символической нагрузки. То же самое можно сказать и об описаниях печатей-талисманов, которые представлены в 17-й главе, которая посвящена всевозможным средствам, защищающим от горной нечистой силы. Особое внимание Гэ Хун уделяет различным формам экзорцизма и

² Понятие 刻 *кэ* обозначало единицу измерения времени, равную 14 минутам 24 секундам, следовательно, один западный час (60 минут) составлял примерно 4,2 *кэ*, а сто *кэ* равнялись одним суткам (24 ч = 1440 минут).

³ Ночные стражи – единица измерения ночного времени. Ночь делится на пять страж, продолжительность одной стражи варьируется в зависимости от продолжительности ночи в течение года.

⁴ О суточных ароматических печатях, о печатях пяти ночных страж, о японских ароматических часах см. (Войтишек, 2021. С. 102–118).

⁵ Авторитетный китайский этимологический словарь дает следующее толкование этого понятия. Знак 印 *инь* встречается на древних гадательных надписях *цзягувэнь*. В левой его части изображена «рука», а в правой – «коленипреклоненный человек». Обе графемы вместе обозначают, что во время ритуального действия некая рука (божественная сила) придавливает человека, понуждая его встать на колени. Изначальное значение иероглифа – «придавливать» (压抑 *я и*). С появлением оттисков и штампов (印章 *иньчжан*) иероглиф 印 *инь* стал использоваться в значении «печать», со значением «давить» (Хуашо ханьцзы, 2010. С. 437).

защитительной магии, прежде всего даосским амулетам и талисманам (Гэ Хун, 1999. С. 16).

В исходном тексте эти «амулеты и талисманы» обозначаются иероглифами 符 *фу* или 印 *инь*. Тем не менее, наиболее часто встречающимся термином для обозначения такого рода предметов был термин 符 *фу*, который на западные языки чаще всего переводят как «талисман». Всего в этой главе упоминается 18 таких талисманов, часть из которых можно носить на поясе, а часть следует отпечатывать на глине. На лицевой поверхности печатей-талисманов были нанесены знаки, которые и обладали чудодейственной силой. Символизм этих знаков так или иначе связан с небесной тематикой, но ею не ограничен.

На многих представленных талисманах встречается элемент, воспроизводящий с помощью семи точек созвездие Большого ковша (北斗 *бэйдоу*), зашифрованы в них и другие созвездия и небесные тела. Сам Гэ Хун в 19-й главе⁶ о знаках на талисманах сообщает следующее: «Господин Чжэн говорил, что амулеты берут свое начало от самого Государя Лао, Лао-цзюня, и они представляют собой небесные письма (天文 *тяньвэнь*) – созвездия. Государь Лао мог проникнуть в божественный разум, а амулеты – это то, что божественный разум передает нам» (Гэ Хун, 1999. С. 304). Таким образом, талисманы наделяются божественным происхождением и считаются посланием самого верховного божества – Лао-цзюня 老君 (Лао-цзы 老子).

Принято считать, что изображенные на талисманах знаки – это так называемый истинный образ (真形 *чжэньсин*) некоего высшего существа или космической силы (Торчинов, 2007. С. 101). С понятием истинного образа, в свою очередь, связано понятие истинного имени (真名 *чжэньмин*). Знание истинного имени божества или демона равносильно распознаванию его истинной формы, по этой причине на талисманах часто можно найти имена или даже изображения духов (на более поздних экземплярах). При этом понимание написанного на талисмানে отнюдь не было необходимым для жреца и никак не влияло на их чудодейственность.

Последний фактор наталкивает на мысль о том, что в функционировании талисманов ключевой была сама их материальность, сам факт наличия физического воплощения священных знаков, а не то, какое значение эти знаки имели в обыденном языке. Можно выделить ряд особенностей даосских печатей-талисманов, которые в равной мере будут прослеживаться и в буддийских аналогах:

1. Печати-талисманы способны призывать или контролировать духов и божеств.
2. На печатях-талисманах присутствовали знаки особого письма, которое было непонятным не только простым смертным, но и зачастую даже посвященным жрецам.

⁶ Гэ хун. Баопу цзы нэйпянь: цзюань шици, сялань [葛洪。抱朴子内篇：卷十九，遐览]. Баопу-цзы, внутренние главы: цзюань 19, Обозрение удаленного // Официальный сайт: China text project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=676399&remap=gb> (дата обращения: 31.03.2022).

3. Печати-талисманы материальны, материальность является необходимым условием их существования.

В буддизме печати-талисманы активнее всего использовали последователи эзотерической школы. Именно эзотерическое направление ассимилировало больше даосских практик, чем остальные ветви буддизма. Причина этого кроется в особенном упоре школы 密教 *мицзяо* на ритуальные обряды и магию. В сутрах эзотерического буддизма можно найти значительное количество элементов, заимствованных не только из даосизма, но и из более широкого спектра исконно китайских гадательных и магических практик (Sorensen, Suchan. P. 406).

Большинство известных буддийских текстов о талисманах и печатях находятся в коллекциях, вывезенных из Дуньхуана, но небольшое количество таких сутр было канонизировано. Так, например, в сутре которая была включена в буддийский канон Тайсё Трипитака (大正新修大藏经 *Дачжэн синсю дацзанцзин*) под номером T1238 (предположительно VI в.) говорится о сжигании благовоний в прямом контакте с ритуальной печатью 神印 *шэньинь*⁷. Это можно воспринимать как свидетельство того, что в ритуалах эзотерического течения буддизма существовала связь между печатями (印 *инь*) и благовониями (香 *сян*).

Что касается ароматических печатей, то первые упоминания об их использовании встречаются в буддийских источниках, датируемых VIII в. Один из них – сутра эзотерического буддизма под номером T1042⁸. Хотя переводчиком сутры значится Букун 不空 (он же Амогхаваджра), вероятность того, что мы имеем дело с переводом, крайне мала, так как нам не известно о факте использования подобных печатей в Индии. Кроме того, в Индии печати в целом никогда не имели той культурной и ритуальной ценности, как в Китае. В сутре описан ритуал визуализации бодхисаттвы Гуаньинь в дыме от ароматической печати (香印 *сяньинь*). Текст содержит схематические изображения крышки курильницы, узора ароматической дорожки и дымного облака. На крышке, которая снабжена ручкой в форме жезла-ваджры с навершием в виде лотоса, выгравированы пять слогов мантры (*ом ваджра дхарма*), а ароматическая дорожка выполнена в виде стилизованного особым образом «семенного слога»⁹ Гуаньинь (*хрих*). Эти шесть слогов складываются в мантру бодхисаттвы (*ом ваджра дхарма хрих*).

⁷ *Ачжапохоу гуйшэнь дацзян шан фо толони цзин* 阿吒婆嚩鬼神大將上佛陀羅尼經 (Дхарани-сутра Атаваки, Генерала демонов) // Официальный сайт: Интернет-база классических буддийских текстов. URL: <https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T1238> (дата обращения 16.04.2022).

⁸ *Гуаньцзыцзай пуса дабэй чжиинь чжоубянь фацзе ли'и чжунишэн сюнь чжэньжэ фа* 觀自在菩薩大悲智印周遍法界利益眾生薰真如法 (Ритуал великой печати сострадания и мудрости Бодхисаттвы Гуаньинь, [который] охватывает мир дхармы, приносит пользу всем живым существам, наполняет благоуханием таковость) // Официальный сайт: Интернет-база классических буддийских текстов. URL: <https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T1042> (дата обращения 16.04.2022).

⁹ В текстах не только эзотерического течения, но и Махаяны многие буддийские бодхисаттвы имеют свой магический «семенной слог» (種子字 *чжунцзы цзы*), который «вмещает в себя» сущность божеств. Одиночные магические слоги занимают важное место в учениях эзотерического буддизма.

Описание ритуала изобилует сложным символизмом, столь характерным для сутр школ эзотерического буддизма, в центре которого – Бодхисаттва Великого Сострадания, воплощенная во всех деталях ароматической печати, имеющей вид курильницы с крышкой. Выбор этой бодхисаттвы в качестве «главного героя» ритуала ароматической печати не случаен: в Китае ее культ был на подъеме, начиная с конца VII в., а одним из ее атрибутов была печать (Suchan, Sorensen, 2013. P. 403–443).

Можно заметить, что ароматическая печать из сутры T1042 обладает теми же характерными особенностями, что и печати-талисманы, а именно: с ее помощью можно визуализировать бодхисаттву, ее узор выполнен в виде особого письма, она материальна.

Концептуальное сходство печатей-талисманов и ароматической печати, описанной в этом тексте, позволяет выдвинуть гипотезу о существовании взаимосвязи между этим двумя ритуальными предметами. Учитывая это, а также представленные выше сведения о возможной этимологии слова 香印 *сянъинь*, мы можем прийти к следующему выводу о происхождении ароматических печатей: они действительно появились в эпоху Тан, но не с целью измерения времени, а как ритуальные инструменты. При этом прообразом ароматических печатей служили даосские и буддийские ритуальные печати-талисманы.

Список использованной литературы

Войтишек Е. Э. Ароматическая культура Восточной Азии. Китай: с древности по настоящее время: Учебное пособие / Е. Э. Войтишек; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 224 с.

Гэ Хун. Баопу-цзы. / Пер. с китайского, коммент., предисл. Е. А. Торчинова. Спб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 384 с.

Торчинов Е. А. Путь золота и киновари: Даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. Спб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. 480 с.

Хуашо ханьцзы. Туцзе шовэнь цзецзы (Дун Хань Сюй Шэнь) 画说汉字. 图解说文解字. (东汉许慎). Иллюстрированный словарь происхождения китайских иероглифов (составлен Сюй Шэнем при Восточной Хань). Сиань: Шэньси шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. 509 с.

Bedini S. *The Trail of Time: Time Measurement with Incense in East Asia.* Cambridge University Press, 2005. 368 p.

Sorensen H., Suchan T. Seal-bearing bodhisattvas in the sculptural art of Sichuan and the significance of seals within the Chinese esoteric Buddhist tradition // *Artibus Asiae*, Vol. 73, No. 2, 2013. P. 403–443.

Саакян Полина Арменовна
студентка 1 курса бакалавриата
НИУ «Высшая Школа Экономики»¹

Совместные проекты Италии и Китая в сфере образования, науки и культуры в начале XXI в.

Дипломатические отношения между Италией и Китаем были установлены в 1970 году, с тех пор взаимодействие этих стран только усиливалось, и с каждым годом увеличивается число совместных проектов. В XXI веке появляется все больше возможностей сотрудничества между странами в различных областях.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать содержание основных проектов по сотрудничеству Италии и Китая в сферах культуры, науки и образования в начале XXI в. Основные задачи исследования — дать характеристику организациям на территории Италии, занимающимся образовательной деятельностью в области китаеведения; исследовать проекты, реализуемые совместно Италией и Китаем в сфере науки и образования; рассмотреть прошедшие и предстоящие культурные мероприятия, проводимые этими странами.

Тема культурного взаимодействия КНР и Италии уже рассматривалась некоторыми авторами. К. Менегуцци-Ростаньи в книге «Италия и Китай. Век отношений» и Дж. Борса в статье «Попытки проникновения идей Италии в Китай в 1932–1937 гг.» описали первые культурные контакты Италии и Китая в XX-ом веке²³. С. Липпи изучил взаимодействие Италии и Китая в области культурного наследия на примере Вероны и Ханчжоу⁴. Т. Уинтер проанализировал современную политику Италии и КНР по вопросу культурного наследия в рамках инициативы «Один пояс – один путь»⁵.

Объектом данного исследования стали отчеты об основных культурных и образовательных проектах, организованных в последние годы Италией и Китаем совместно, а предметом - итало-китайские отношения в научной, образовательной и культурной сферах.

Мы рассмотрели деятельность Институтов Конфуция на территории Италии, собрали информацию об образовательных программах этих Институтов. Всего на территории Италии располагается 12 Институтов. Большая часть Институтов Конфуция

¹ Научный руководитель – преподаватель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Ефименко Мария Владимировна

² Meneguzzi Rostagni C. Italia e Cina un secolo di relazioni // Italogramma, Vol. 2, 2012 ; Borsa G. Tentativi di penetrazione dell'Italia fascista in Cina: 1932-1937. // Il politico. Sep 1:381-419., 1979.

³ Borsa G. Tentativi di penetrazione dell'Italia fascista in Cina: 1932-1937. // Il politico. Sep 1:381-419., 1979

⁴ Lippi S. La cooperazione internazionale nell'ambito del patrimonio culturale: il caso Hangzhou-Verona. Traduzione e commento di un articolo accademico e di tre articoli di rivista, 2020.

⁵ Winter T. Heritage diplomacy along the one belt one road // TheNewsletter, 74, pp.8-10. 2016.

была открыта в Италии с 2007 по 2009 год. Первый Институт появился в Риме в 2006 году в коллаборации с Университетом Иностранных языков Пекина для усиления итальянско-китайского сотрудничества в сфере образования и для продвижения культурных обменов между этими странами.

Как показало исследование, они занимаются преподаванием китайского языка и проведением экзаменов HSK, HSKK, YCT, VCT; проводят обмены студентов по программе «Китайский мост»; организуют такие мероприятия, как чтения китайской литературы, фестивали китайского документального кино “Luci dalla Cina” и “Chinese documentaries”; празднования Китайского Нового года; встречи “Клуба Конфуция”, на которых обсуждаются история и культура Китая и др.

В итальянском обществе и среди итальянских китаеведов отношение к Институтам Конфуция неоднозначное. Существует мнение, что они являются инструментом китайской пропаганды, из-за чего их деятельность на территории Италии должна быть прекращена или ограничена⁶. Одни исследователи указывают, что китайское правительство ограничивает свободу слова сотрудников итальянских Институтов Конфуция: из-за страха перед ним синологи боятся высказывать свое мнение о китайской политике⁷. Другие стараются убедить общественность, что Институты занимаются исключительно образовательно-просветительской деятельностью⁸. Тут стоит отметить, что основные взаимодействия Китая и Италии в сфере образования осуществляются в основном за счет деятельности Институтов Конфуция.

Мы также собрали данные о студенческой мобильности и программах обмена Марко Поло и Турандот. Было установлено, что в 2019 году студентов из Китая в Италию приехало больше, чем из всех стран, не входящих в Евросоюз. Также мы выяснили, что китайские студенты составляли 75% от числа иностранных студентов в итальянских университетах искусства и 59% в музыкальных учебных учреждениях. По данным на 2020-2021 год обучения, 54% китайских студентов отправляются в Италию по этим программам. В настоящее время в программах участвуют 65 университетов, 15 Высших школ перевода и 108 учебных заведений художественной направленности⁹.

В честь пятидесятилетней годовщины установления дипломатических отношений между КНР и Италией 2020 год был объявлен «Годом культуры и туризма», на протяжении года должны были проводиться различные культурные мероприятия, организованные странами совместно. Однако из-за пандемии все события пришлось перенести на 2022 год. В этом году их будет множество, например, выставка “Tota Italia”, посвященная происхождению итальянской нации, она пройдет сначала в Риме, а потом

⁶ Stafutti S. Gli Istituti Confucio negli atenei sono occasioni di crescita e confronto // Corriere della sera, 2019.

⁷ Scarpari M. La Cina e noi: fuori gli Istituti Confucio dalle università italiane // Corriere della sera, 2019.

⁸ Carrer G. Istituti Confucio? Vi spiego come funzionano. // Formiche, 2020.

⁹ Calvi R., Di Calisto A., Jianjung X., Naldi C., Ningxin H., Stocchero M. VI Convegno sui Programmi Governativi Marco Polo e Turandot // Direzione Generale per la Promozione del Sistema Paese Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale, 2021

отправится в Пекин. Помимо этого, Китай согласился предоставить несколько солдат из Терракотовой армии мавзолея императора Цинь Шихуан-ди из г. Сианя. Они появились в Италии на выставке “Spazio Parallelo” (Параллельное пространство) в резиденции итальянского президента Quirinale и стали символом культурного сотрудничества и доверия. Наконец, в начале января в Милане состоялась выставка, посвященная Олимпийским играм в Пекине, поскольку Милан примет Олимпийские игры в 2026 г. после Пекина.

В 2019 году до пандемии коронавируса 5,3 миллиона китайских граждан посетили Италию, сейчас же доехать до нее могут немногие. Однако страны планируют развитие туризма после пандемии, особенно в городах, где расположены объекты наследия UNESCO. Уже существуют пары городов, ведущие тесное сотрудничество: Милан и Шанхай, Флоренция и Нанкин, Венеция и Сучжоу; они получили статус города-побратимы¹⁰.

Продолжая тему сотрудничества в области культуры, стоит упомянуть, что китайские дизайнеры регулярно представляют свои работы на ежегодных неделях моды в Милане. Однако в 2020 году из-за пандемических ограничений дизайнеры из Китая не смогли присутствовать на этом событии лично. Тем не менее, в рамках инициативы “China, we are with you” велась прямая трансляция миланской недели моды, а работы китайских дизайнеров были представлены виртуально. Дизайнеры давали комментарии к работам с помощью видеозвонков¹¹.

Ежегодно с 2016 года проводится неделя итальянского дизайна в Шанхае Italian Design Icons, в 2021 году прошла шестая выставка. На ней итальянские бренды представляют свою лучшую продукцию, проводятся лекции дизайнеров и архитекторов¹².

Далее перейдем к рассмотрению научного сотрудничества Италии и Китая. С 2015 по 2017 год итальянские и китайские студенты и исследователи совместно анализировали данные, полученные в ходе китайских исследовательских миссий на Луне. Результатом проекта стала карта лунного региона «Залив Радуг». В проекте приняли участие студенты из институтов обеих стран. Среди университетов, участвовавших в проекте, были Чунцинский университет, университет Пекина, Китайский университет геонаук; Миланский политехнический университет, университет Падуи¹³.

В 2017 году в Чунцине был открыт исследовательский образовательный центр “Sino-Italian Research and Innovation Area”. В этом центре разрабатываются новые

¹⁰ Goldin L. Buona la terza? 2022 anno della cultura e del turismo Italia-Cina // Istituto Confucio università degli studi di Milano, 2022.

¹¹ Salibian S. Camera Della Moda’s Antidote to Coronavirus Is Technology // WWD, 2020.

¹² Cina: settimana del design attira imprese italiane // Ansa.it Notiziario Xinhua, 2021

¹³ Gamba P., Lavagna M., Melis M., Massironi M. The “MOON Mapping” Project to promote cooperation between students of Italy and China // Results from the Moon Mapping project, 2017.

образовательные программы магистратуры и аспирантуры, ведутся совместные исследования¹⁴.

Ежегодно проводится Итало-Китайская неделя науки, технологий и инноваций¹⁵. Два основных события недели – Итало-Китайский форум инноваций и SIEE – Sino Italian Exchange Event. Там обсуждаются направления сотрудничества в области научно-технологического развития, подписываются двухсторонние соглашения между университетами Италии и Китая. За время существования этого мероприятия обе стороны достигли значительных успехов в проведении проектов в сфере биомедицины, агрокультуры и пищевой безопасности и др.

Таким образом, на основе собранных данных можно сделать вывод о том, что в области науки, культуры и образования между Италией и Китаем ведется активное сотрудничество и проводится множество мероприятий и проектов, которые способствуют продвижению дальнейшего сотрудничества. Однако, стоит отметить, что в итальянском обществе существует определенный уровень недоверия к Институтам Конфуция. Хотя пандемия новой коронавирусной инфекции и затормозила многие проекты сотрудничества, но не остановила их вовсе. Италия и Китай постепенно восстановят потерянные проекты и перейдут к разработке новых.

Источники и литература

1. Apre in Cina il centro d'innovazione per le startup italiane // Corriere comunicazioni, 2017.
2. Borsa G. Tentativi di penetrazione dell'Italia fascista in Cina: 1932-1937. // Il politico. Sep 1:381-419., 1979
3. Calvi R., Di Calisto A., Jianjung X., Naldi C., Ningxin H., Stocchero M. VI Convegno sui Programmi Governativi Marco Polo e Turandot // Direzione Generale per la Promozione del Sistema Paese Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale, 2021
4. Carrer G. Istituti Confucio? Vi spiego come funzionano. // Formiche, 2020
5. Cina: settimana del design attira imprese italiane // Ansa.it Notiziario Xinhua, 2021
6. Gamba P., Lavagna M., Melis M., Massironi M. The "MOON Mapping" Project to promote cooperation between students of Italy and China // Results from the Moon Mapping project, 2017.
7. Goldin L. Buona la terza? 2022 anno della cultura e del turismo Italia-Cina // Istituto Confucio università degli studi di Milano, 2022
8. Lippi S. La cooperazione internazionale nell'ambito del patrimonio culturale: il caso Hangzhou-Verona. Traduzione e commento di un articolo accademico e di tre articoli di rivista, 2020.

¹⁴ Apre in Cina il centro d'innovazione per le startup italiane // Corriere comunicazioni, 2017.

¹⁵ 11th China-Italy Innovation Cooperation Week kicks off // Zhongguancun science park, 2021.

9. Meneguzzi Rostagni C. Italia e Cina un secolo di relazioni // Italogramma, Vol. 2, 2012.
10. Salibian S. Camera Della Moda's Antidote to Coronavirus Is Technology // WWD, 2020.
11. Scarpari M. La Cina e noi: fuori gli Istituti Confucio dalle università italiane // Corriere della sera, 2019.
12. Stafutti S. Gli Istituti Confucio negli atenei sono occasioni di crescita e confronto // Corriere della sera, 2019.
13. Winter T. Heritage diplomacy along the One belt one road // The Newsletter, 74, pp.8-10. 2016
14. 11th China-Italy Innovation Cooperation Week kicks off // Zhongguancun science park, 2021.

Сёмочкина Адель Сергеевна
студентка 4 курса кафедры Истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ¹

Символизм XXIV Олимпийских игр в контексте внутри- и внешнеполитической повестки Китайской Народной Республики

XXIV зимние Олимпийские игры во многом отличаются от большинства проводившихся ранее в этом столетии Олимпиад. Пекинские игры состоялись вопреки многим обстоятельствам: пандемии Covid-19, сопровождающейся на данном этапе распространением нового штамма вируса омикрон, а также активному дипломатическому давлению ввиду неоднозначной внутривосточной ситуации в Китае.

Несмотря на то, что данные события произошли в преддверии игр, Олимпиаду все же сложно назвать аполитичной — повестка КНР нашла свое отражение в элементах церемоний, символике и риторике игр. Так, официальный слоган Олимпийских игр “一起向未来” дословно переводится с китайского как «Вперед в будущее вместе». Однако официальные варианты перевода на русский и английский языки, принятые пекинским организационным комитетом Олимпийских игр, всё же отличаются от оригинала — «Вместе ради общего будущего» или «Together for a shared future». Подобные различия наталкивают на мысль о том, что данный перевод был выбран не случайно: он отражает, пожалуй, одну из основных внешнеполитических доктрин Китая — построение сообщества единой судьбы человечества. Предположение о связи слогана и данной концепции также базируется на сходстве их определений:

➤ сообщество единой судьбы человечества — это создание мира, в котором существует прочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и толерантность, чистота и красота²;

➤ девиз Олимпийских игр — это позиция, инициатива и план действий, который провозглашает стремление к достижению таких общих целей, как единство, мир, прогресс и терпимость³.

¹ Научный руководитель – доцент кафедры Истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, к. и. н., Ю. С. Мьельникова

² Китайская традиционная культура в концепции сообщества единой судьбы человечества. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoi-s/> (дата обращения: 07.04.2022).

³ *Бэйцзин дунао фабу коухао: ици сян вэйлай* 北京冬奥发布口号：一起向未来 (Опубликован девиз Олимпийских игр в Пекине: «Вместе ради общего будущего») [электронный ресурс] URL: [北京冬奥发布口号：一起向未来-新华网 \(news.cn\)](http://news.cn) (дата обращения: 07.04.2022).

Как нетрудно заметить, даже определение слогана во многом повторяет концепцию, что вновь ставит под вопрос непреднамеренность выбора данного варианта перевода.

Кроме того, церемонии открытия и закрытия также были наполнены множеством символов, указывающих на те или иные аспекты политики Китая: «зеленую революцию», использование достижений науки и техники, нивелирование внутренних конфликтов – Тайваньского и Гонконгского вопросов, а также обвинения в геноциде уйгурского населения. Так, Олимпийские игры в Пекине прошли под эгидой устойчивого развития и защиты окружающей среды: по этой причине вместо традиционного олимпийского огня над «Птичьим гнездом» зажглось оптическое изображение звезды. Также было принято решение отказаться от грандиозных выступлений: нынешние церемонии представляли из себя высокотехнологические шоу, во время которых были использованы технологии создания трехмерных подвижных изображений, позволяющие зрителям увидеть голографические видеоролики без специальных очков⁴. Интерес вызывает и попытка организаторов нивелировать внутренние конфликты, часто мелькавшие в западном дискурсе – Тайваньский и Гонконгский вопросы, а также обвинения в геноциде уйгурского населения – продемонстрировав единство китайской нации. В этой связи, несмотря на разногласия и неоднократные отказы отправки делегации, представители Тайваня и Гонконга всё же приехали на Олимпийские игры, а также приняли участие в параде атлетов под своими суверенными флагами. Кроме того, организационный комитет Олимпийских игр выбрал одной из факелоносцев представительницу уйгурского национального меньшинства – 20-летнюю лыжницу Динигээр Иламуцзян.

Тем не менее, реакция в средствах массовой информации на Олимпиаду была довольно неоднозначна. В основном положительно об Олимпиаде писали китайские новостные издания, которые отметили:

(i) экологический характер игр. Так, для питания игровой инфраструктуры были использованы оптимизированные системы водо- и электроснабжения, экологический транспорт и возобновляемые источники энергии, а также посредством повторного использования 5 Олимпийских объектов, построенных для летних Олимпийских игр 2008 г. в Пекине, были сокращены количество выбросов углекислого газа в атмосферу и углеродный след. Точные данные об объеме выбросов пока отсутствуют, однако согласно плану Пекинского оргкомитета их итоговый объем не должен превышать 1.36

⁴ «*Чжунго ши ланмань*» шуапин бэйхоу, шао бу ляо чжэ си инхэ лилян! “中国式浪漫” 刷屏背后, 少不了这些硬核力量! (В «романтике по-китайски» нельзя обойтись без этих основ!) [электронный ресурс] URL: [“中国式浪漫”刷屏背后, 少不了这些硬核力量! \(qq.com\)](http://qq.com) (дата обращения: 07.04.2022).

млн. тонн⁵, что почти в 1,5 раза меньше объема выбросов летних Олимпийских игр в Токио – 2.3 млн. тонн⁶;

(ii) активное применение высоких технологий, что выразилось в проведении мультимедийных церемоний, а также использовании роботов и совершении покупок посредством «цифрового юаня» на территории олимпийской деревни;

(iii) а также беспрецедентный уровень безопасности по предотвращению распространения Covid-19. В этой связи можно отметить «стерильность» олимпийской деревни, соблюдение масочного режима, ежедневное взятие ПЦР-тестов у атлетов и персонала и пр.⁷

В российском медиа-поле оценки Олимпиады расходятся. Официальные новостные порталы (РИА-новости, ТАСС) предпочитают оставаться нейтральными в своих формулировках: содержание многих статей носит больше описательный нежели оценочный характер, отсутствуют комментарии относительно бытовой жизни спортсменов и условий их проживания. Однако, если оценка и имеется, то она зачастую положительна: одобрение антиковидных мер как гаранта «безопасности участников игр и персонала», восхищение попыткой провести «зеленые игры» и, что немаловажно в пандемию, рекордной явкой – «в спортивном празднике примут участие около трех тысяч спортсменов из 90 стран»⁸. Для сравнения: на зимних Олимпийских играх в Пхёнчхане 2018 г. присутствовало около 2900 спортсменов. Кроме того, публикуются одобрительные комментарии наших политиков: так, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров поздравил своего китайского коллегу Ван И «с успешным проведением Олимпийских игр»⁹.

В то же время оценки остальной части российского информационного пространства далеки от позитивной официальной риторики. Пожалуй, наиболее емко общее впечатление удалось описать журналисту Ивану Зуенко: «...от былой щедрости

⁵ Pizza, Angelica 4 Ways the Beijing Winter Olympics Is Going for the Gold in Sustainability. [Электронный ресурс] URL: <https://brightly.eco/winter-olympics-sustainability/> (дата обращения 07.04.2022).

⁶ McDonnell, Tim. The Olympics are becoming less sustainable. [Электронный ресурс] URL: <https://qz.com/2037375/what-is-the-carbon-footprint-of-the-olympics/> (дата обращения: 07.04.2022).

⁷ Жан шицзе каньдао цзысинь цунжун дэ чжунго – цун Бэйцзин дунаохуй кань вэньхуа цзысинь 让世界看到自信从容的中国——从北京冬奥会看文化自信 (Пусть мир увидит уверенный и спокойный Китай – культурная уверенность, которую демонстрируют Олимпийские игры в Пекине) [электронный ресурс] URL: [让世界看到自信从容的中国——从北京冬奥会看文化自信--时政--人民网 \(people.com.cn\)](http://people.com.cn) (дата обращения: 07.04.2022).

⁸ Обратный отсчет. Как Китай готовится к исторической зимней Олимпиаде [электронный ресурс] URL: [Обратный отсчет. Как Китай готовится к исторической зимней Олимпиаде - РИА Новости, 02.02.2022 \(ria.ru\)](http://ria.ru) (дата обращения: 07.04.2022).

⁹ Лавров и Ван И обсудили по телефону ситуацию на востоке Украины. [Электронный ресурс] URL: [Лавров и Ван И обсудили по телефону ситуацию на востоке Украины - Политика - ТАСС \(tass.ru\)](http://tass.ru) (дата обращения: 07.04.2022).

и душевности не осталось и следа»¹⁰. И действительно, многие профессиональные спортивные журналисты – Дмитрий Губернев, Елена Вайцеховская и Василий Конов – в своих телеграмм-каналах сходятся во мнение, что на прошедших Олимпийских играх хороша была только идея, а не форма ее исполнения. Так, они отмечают следующие проблемы: во-первых, сложности с соблюдением антиковидных мер. К этому относится как беспорядок с ПЦР-тестами – в этой связи можно вспомнить матч между сборными России и Канады по женскому хоккею, когда спортсменкам пришлось играть в масках из-за длительного ожидания результатов, так и недочеты в организации – задержки выдачи багажа, из-за чего образовывались очереди, переполненный транспорт и пр. Во-вторых, сбои в логистике: в интервью радио «Эхо Москвы» Дмитрий Губернев отметил, что «олимпийские шаттлы ходили с большими задержками, приходилось ждать транспорт на морозе по 4 часа»¹¹. Данные высказывания подтверждаются и заявлениями атлетов: так, после заключительного проката фигуристке Александре Трусовой пришлось ожидать транспорт до отеля примерно час. В-третьих, большие вопросы вызвала действительная работоспособность технологий, которые были обещаны организаторами: роботы не всегда корректно выполняли свои функции, а платежи в олимпийской деревне осуществлялись преимущественно посредством карты Visa или наличными¹².

Тем не менее, в профессиональной среде звучали и позитивные отзывы: так, журналист Василий Конов поблагодарил волонтеров за их отзывчивость и готовность помочь¹³, а церемонию открытия многие характеризовали как «не лучшую, но достойную»¹⁴. Кроме того, были и независимые обозреватели, которые призывали быть более снисходительными в оценках ввиду сложной эпидемиологической ситуации и наступившей новой «пандемийной» реальности.

Западные средства массовой информации также не были благосклонны в своих комментариях. Так, журналисты газеты «The New York Times» были разочарованы церемонией открытия и сочли ее излишне политизированной: «...решение Китая показать «обычных людей» разных национальностей, которые счастливо живут вместе, выглядит, как прямой ответ на обвинения со стороны Запада», «...будем считать, что

¹⁰ Зуенко И. Почему иностранные гости остались недовольны пекинской Олимпиадой. [Электронный ресурс] URL: [Почему иностранные гости остались недовольны пекинской Олимпиадой \(profile.ru\)](https://profile.ru) (дата обращения: 07.04.2022).

¹¹ Интервью Дмитрия Губернева радиостанции «Эхо Москвы». [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ahKqKk3tCUM&t=761s> (дата обращения: 07.04.2022).

¹² Кузьмина А. Что пошло не так с цифровым юанем на Олимпиаде? [Электронный ресурс] URL: [Что пошло не так с цифровым юанем на Олимпиаде? — Финансы на vc.ru](https://vc.ru) (дата обращения: 07.04.2022).

¹³ Белобородов М. Журналист Конов назвал тех, кому больше всего благодарен за состоявшиеся Олимпийские игры в Пекине [электронный ресурс] URL: [Журналист Конов назвал тех, кому больше всего благодарен за состоявшиеся Олимпийские игры в Пекине \(liveresult.ru\)](https://liveresult.ru) (дата обращения: 07.04.2022).

¹⁴ Алимова Л. Не лучшая, но достойная. Какой была церемония открытия Олимпийских игр-2022 в Пекине. [Электронный ресурс] URL: [Не лучшая, но достойная. Какой была церемония открытия Олимпийских игр-2022 в Пекине \(sportbox.ru\)](https://sportbox.ru) (дата обращения: 07.04.2022).

зажжение факела – это недвусмысленная пропаганда»¹⁵. Однако, основным предметом критики на Западе стали условия содержания атлетов. Многие спортсмены столкнулись с проблемой питания, поскольку в олимпийских столовых зачастую не оказывалось привычных для них продуктов и блюд¹⁶, вследствие чего это приводило к пищевым отравлениям, как в случае норвежского лыжника Йоханнеса Клебо. Также сообщается о сложной психологической обстановке: ввиду политики нулевой терпимости к Covid-19 на играх, объявленной Пекинским оргкомитетом, некоторые участники ощущали сильное давление, так как им приходилось также нести ответственность за свою личную безопасность, а не только за результат¹⁷.

В заключении можно отметить, что китайские, отечественные и западные СМИ зачастую пытаются осветить разные стороны игр, выделяя только негативное или же положительное. Реальность же такова, что, с одной стороны, действительно невозможно отрицать те большие коррективы, которые внесла пандемия в организацию игр, усложняя многие процессы взаимодействия атлетов и персонала. С другой стороны, мы наблюдаем проблемы в обеспечении первичного комфорта и удобств при условии, что данные Олимпийские игры призывают к соблюдению общечеловеческих ценностей, а также явный контраст с летней Олимпиадой 2008 г.

Существование этих конфликтующих мнений и наталкивает на мысль о том, какая роль в геополитическом дискурсе Китая в действительности была отведена Олимпиаде. Затронутая на играх повестка, казалось бы, могла быть использована для «сглаживания острых углов» в отношениях с международным сообществом, однако неприятное послевкусие игр не позволит реализовать положительный потенциал, который, вероятно, и не нужен был Китаю.

В этом смысле, существует конспирологическая теория касательно того, что Китай, ощущающий довольно крепкую почву под собой в последние годы, и вовсе не пытался понравиться – он хотел продемонстрировать свое истинное лицо со всеми достоинствами и недостатками. Однако большинство специалистов склонно считать, что, вероятно, Олимпийские игры планировалось использовать как способ демонстрации позиции Китая в мире: так, несмотря на пандемию, более 30 стран отправили своих официальных представителей на Олимпиаду. Подобная, более глобальная, цель во многом оправдывает случившиеся форс-мажорные ситуации

¹⁵ Opening Ceremony Highlights: A Surprise Start to China's Big Moment. [Электронный ресурс] URL: [Highlights from the Opening Ceremony at the 2022 Winter Olympics - The New York Times \(nytimes.com\)](https://www.nytimes.com/2022/04/07/sports/olympics/2022-winter-olympics-opening-ceremony-highlights.html) (дата обращения: 07.04.2022).

¹⁶ Lemocelli, Jenna Olympians in tears over poor living conditions, lack of food at Winter Games. [электронный ресурс] URL: [Olympians complain about food, isolation rooms at Winter Games \(nypost.com\)](https://www.nypost.com/2022/04/07/olympians-complain-about-food-isolation-rooms-at-winter-games/) (дата обращения: 07.04.2022).

¹⁷ This Is What Happens When an Athlete Tests Positive for COVID-19 at the Tokyo Olympics. [Электронный ресурс] URL: <https://time.com/6081564/tokyo-olympics-positive-covid-test-what-happens/> (дата обращения: 07.04.2022).

(задержки разгрузки багажа, отправление автобусов не по расписанию и т.д.), поскольку основное внимание Китая было сосредоточено на ином аспекте игр.

Принимая все выше сказанное во внимание, мы, тем не менее, не можем с точностью утверждать были ли просчеты в организации частью некоего плана, или же всему виной пресловутый человеческий фактор.

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на обстоятельства проведения игр, скрытые смыслы и смазанное впечатление, не стоит забывать о том, что действительно символизируют Олимпийские игры – это мир, единство, равенство и справедливость.

Список литературы

На китайском языке:

1. *Бэйцзин дунао фабу коухао: ици сян вэйлай* 北京冬奥发布口号：一起向未来 (Опубликован девиз Олимпийских игр в Пекине: «Вместе ради общего будущего») [электронный ресурс] URL: [北京冬奥发布口号：一起向未来-新华网 \(news.cn\)](http://news.cn) (дата обращения: 07.04.2022).
2. *Жан шицзе каньдао цзысинь цунжун дэ чжунго – цун Бэйцзин дунаохуй кань вэньхуа цзысинь* 让世界看到自信从容的中国——从北京冬奥会看文化自信 (Пусть мир увидит уверенный и спокойный Китай – культурная уверенность, которую демонстрируют Олимпийские игры в Пекине) [электронный ресурс] URL: [让世界看到自信从容的中国——从北京冬奥会看文化自信--时政--人民网 \(people.com.cn\)](http://people.com.cn) (дата обращения: 07.04.2022).
3. *«Чжунго ши ланмань» шуапин бэйхоу, шао бу ляо чжэ си инхэ лилян!* “中国式浪漫”刷屏背后，少不了这些硬核力量！ (В «романтике по-китайски» нельзя обойтись без этих основ!) [электронный ресурс] URL: [“中国式浪漫”刷屏背后，少不了这些硬核力量！ \(qq.com\)](http://qq.com) (дата обращения: 07.04.2022).

На английском языке:

4. Lemoncelli, Jenna Olympians in tears over poor living conditions, lack of food at Winter Games. [электронный ресурс] URL: [Olympians complain about food, isolation rooms at Winter Games \(nypost.com\)](http://nypost.com) (дата обращения: 07.04.2022).
5. McDonnell, Tim. The Olympics are becoming less sustainable. [Электронный ресурс] URL: <https://qz.com/2037375/what-is-the-carbon-footprint-of-the-olympics/> (дата обращения: 07.04.2022).
6. Opening Ceremony Highlights: A Surprise Start to China’s Big Moment. [Электронный ресурс] URL: [Highlights from the Opening Ceremony at the 2022 Winter Olympics - The New York Times \(nytimes.com\)](http://nytimes.com) (дата обращения: 07.04.2022).

7. Pizza, Angelica 4 Ways the Beijing Winter Olympics Is Going for the Gold in Sustainability. [Электронный ресурс] URL: <https://brightly.eco/winter-olympics-sustainability/> (дата обращения 07.04.2022).
8. This Is What Happens When an Athlete Tests Positive for COVID-19 at the Tokyo Olympics. [Электронный ресурс] URL: <https://time.com/6081564/tokyo-olympics-positive-covid-test-what-happens/> (дата обращения: 07.04.2022).

На русском языке:

9. Алимова Л. Не лучшая, но достойная. Какой была церемония открытия Олимпийских игр-2022 в Пекине. [Электронный ресурс] URL: [Не лучшая, но достойная. Какой была церемония открытия Олимпийских игр-2022 в Пекине \(sportbox.ru\)](https://sportbox.ru) (дата обращения: 07.04.2022).
10. Белобородов М. Журналист Конов назвал тех, кому больше всего благодарен за состоявшиеся Олимпийские игры в Пекине [электронный ресурс] URL: [Журналист Конов назвал тех, кому больше всего благодарен за состоявшиеся Олимпийские игры в Пекине \(liveresult.ru\)](https://liveresult.ru) (дата обращения: 07.04.2022).
11. Зуенко И. Почему иностранные гости остались недовольны пекинской Олимпиадой. [Электронный ресурс] URL: [Почему иностранные гости остались недовольны пекинской Олимпиадой \(profile.ru\)](https://profile.ru) (дата обращения: 07.04.2022).
12. Интервью Дмитрия Губернева радиостанции «Эхо Москвы». [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ahKqKk3tCUM&t=761s> (дата обращения: 07.04.2022).
13. Китайская традиционная культура в концепции сообщества единой судьбы человечества. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoy-s/> (дата обращения: 07.04.2022).
14. Кузьмина А. Что пошло не так с цифровым юанем на Олимпиаде? [Электронный ресурс] URL: [Что пошло не так с цифровым юанем на Олимпиаде? — Финансы на vc.ru](https://vc.ru) (дата обращения: 07.04.2022).
15. Лавров и Ван И обсудили по телефону ситуацию на востоке Украины. [Электронный ресурс] URL: [Лавров и Ван И обсудили по телефону ситуацию на востоке Украины - Политика - ТАСС \(tass.ru\)](https://tass.ru) (дата обращения: 07.04.2022).
16. Обратный отсчет. Как Китай готовится к исторической зимней Олимпиаде [электронный ресурс] URL: [Обратный отсчет. Как Китай готовится к исторической зимней Олимпиаде - РИА Новости, 02.02.2022 \(ria.ru\)](https://ria.ru) (дата обращения: 07.04.2022).

Смирнова Анастасия Алексеевна

студентка 4 курса

Института международных отношений К(П)ФУ¹

Собака, волк и крыса как образы яо гуай на примере культурной традиции минского Китая

С древнейших времён человеку свойственна вера в сверхъестественное. Мифологическое сознание людей наделяет мистическими способностями все предметы и явления, которые выходят за грань понимания окружающего их мира. В легендарных романах династии Мин есть множество различных видов демонов-оборотней и их количество очень велико. Оборотни привлекают наше внимание даже в современном мире, а в древних легендах и преданиях им придавалось особенное значение. В данной работе мы сосредоточимся на некоторых ярко описанных в минской литературной традиции видах оборотней яо гуай в облике животных, а именно на собаках, волках и крысах.

В традиционной культуре любого народа существует свой комплекс представлений и ритуалов о мистике и загробной жизни, Китай не является исключением. Китайская культура хранит в своей истории огромное количество мифов, легенд, а позже – романов и новелл, в которых мистика является центральным объектом: загробная жизнь и обряды перехода между жизнью и смертью, место божеств, роль духов в повседневной жизни играют в китайской литературе важнейшую роль.

В культурной традиции минского Китая насчитывается огромное количество оборотней в облике животного, к XIV веку в китайской литературе было описано более 70 типов различных демонов². К ним относятся лисы, кошки, собаки, обезьяны, крысы, медведи, тигры, волки, леопарды, олени, черепахи, змеи, петухи, свиньи, коровы, овцы, лошади, мулы, рыбы, моллюски, журавли, аисты, лягушки, скорпионы, черви, орлы, ласточки, гуси, утки, драконы, креветки, выдры, блохи, комары, попугаи, пауки, муравьи, пчёлы, кузнечики и другие виды животных, обитающих на территории Китая. Лисы, тигры, змеи, собаки и крысы составляют наибольший культурный массив среди многообразия упоминаний об оборотнях в различных произведениях. Обратимся к каждому из оборотней подробнее.

1. Собака (цюань яо)

Собака — это распространённое домашнее животное многих народов, в том числе китайцев, а также представители китайской системы зодиаков. Когда собаки были одомашнены, они использовались в основном для охоты и перевозки грузов, но позже

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Р. Р. Мухаметзянов.

² Ян Якоб Мария де Гроот. Демонология Древнего. Лейден, 1907. С. 56.

постепенно стали верными друзьями людей в их доме. Собаки помогали людям в бытовой жизни, они пасли скот вместе с человеком, выискивали добычу, охраняли дом, в связи с чем, так же как и предыдущие животные обладали тотемистическим прошлым. Кроме того, существуют легенды, по которым образ дракона считается собирательным образом, состоящим из частей тела различных животных³. В этой системе когти дракона — это когти собаки.

Зачастую собаки-оборотни в образе людей описываются распущенными девушками, которые охотятся за янской энергией. Как в рассказе «Бай цюань гуай»⁴ соседская собака превращалась в красивую девушку и каждую ночь навещала молодого человека. Постепенно герой начинал чувствовать себя болезненно, и предположил, что девушка может быть демоном. Тогда он отрезал кусок белого платья красавицы, и вместо куска материи в его руках оказалась прядь белых волос. На следующее утро он заметил, что у соседской собаки недостаёт шерсти на теле, и понял, что это собака-оборотень. После этого собаку убили, и молодой человек в тот же момент был исцелён.

В минской литературе также записано множество историй, в которых собака-оборотень превращалась в мужчину и также вступала с человеком в связь. Оборотень в сюжетах может выступать в роли проститутки, как в рассказе «Цао Чан»⁵ или затуманивать разум человека, как в истории «Цюань Цзин»⁶, где белая собака из соседнего дома превращалась в мужа соседки, и, обманывая женщину, вступала с ней в отношения.

Однако сюжеты о чистой любви также имеют место быть. Романисты минского периода любили развивать тему однополых отношений, самым частым сюжетом среди них являлись придворные интриги, в которых мужчина-оборотень являлся главным героем. У многих императоров династии Мин были фавориты, среди них истории о Чжэн Дэ (1506–1521) наиболее известны. «В начале своего правления император У Цзун выбирал красивых приближённых, оказывая им своё покровительство. Их называли «счастливики»,

³ Китайская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев – М., 1998. С. 26.

⁴ См.: Чжу Юньмин. Чжи гуай лу. Сы ку цюань шу цунь му цун шу – Цзинань : ци лу шу шэ (Книгоиздательство Цилу), 1995. (На китайском: 祝允明. 志怪录·四库全书存目丛书. 济南: 齐鲁书社·1995).

⁵ См.: У Дачжэнь. Гуан янь и бянь. Сюй сю сы ку цюань шу – Шанхай: Шан хай гу цзи чу бань шэ (Шанхайское издательство древних книг), 1955. (На китайском: 吴大震. 广艳异编·续修四库全书 1267[M]. 上海: 上海古籍出版社, 1995).

⁶ См.: Лу Цань. Гэн сы бянь – Ханчжоу: Чжэ цзян гу цзи чу бань шэ (Издательство древних книг Чжэцзяна), 1986. (На китайском: 陆粲·庚巳编·杭州: 浙江古籍出版社·1986).

которые иногда были молодые, а иногда и пожилые»⁷. Прогуливаясь вечерами по дворцу, император «ежедневно играл в цуцзюй, после чего отправлялся выпить с кем-то из фаворитов и оставался там же ночевать. В свои покои император возвращался не чаще четырех-пяти раз в месяц»⁸. Ориентация У Цзуна оказала значительное влияние на популяризацию однополых отношений в минское время, а также повлияла на быстрое развитие литературы о подобных связях, которые были романтизированы минскими авторами.

Например, в сборнике «Гуан янь и бянь»⁹ есть рассказ «Бай цзян цзюнь» о собаке-оборотне, который превращался в мужчину. Однако в этой истории характер оборотня сложен, в нём не только отражено животное начало собаки, но и описаны человеческие чувства, такие как ответственность и честь, что отличает его от демонов других произведений. Главный герой, генерал Бай, родился от человека и собаки-оборотня. Он зачастую воровал и вступал в связь с соседскими мужчинами, но возвращал вещи через несколько дней. Узнав об этом, один из друзей его отца пригрозил ему убийством, тогда генерал Бай поклонился своей матери, пообещал ей вернуться через три года и, возглавив стаю воров, отправился в странствие, отомстив своему обидчику смертью, оставив в живых женщин. В данном случае характер главного героя раскрывает и добрую, и злую сущность оборотня. С одной стороны, он совершал жестокие, безнравственные действия, однако с другой стороны, он боготворил свою мать и через три года выполнил обещание и вернулся к ней в родной дом.

2. Крыса (шу яо)

Роль крысы в китайском фольклоре очень значительна, если рассматривать её образ в контексте сказок, мифов, легенд или преданий. Они представляются читателю в добром и злом амплуа. «По китайским поверьям, крыса, которая появилась в жилище, считается предвестником финансового процветания семьи и ее защиты от нужды. С другой стороны, в Китае крысы частично считались демоническими, некой мужской противоположностью

⁷ Шэнь Дэцянь. Вань ли е хо бянь. Бу и цзюань и – Пекин : чжун хуа шу цзюй (Китайское книгоиздательство), 1959. С. 820. (На китайском: 沈德潜. 万历野获编. 补遗卷一. 北京: 中华书局, 1959. 820 页).

⁸Мао Цилин. Мин у цзун вай цзи – Шанхай : шан хай шу дянь (Шанхайское книгоиздательство), 1984. С. 12-13. (На китайском: 毛奇龄·明武宗外纪·上海: 上海书店·1984. 12-13 页).

⁹ См.: У Дачжэнь. Гуан янь и бянь. Сюй сю сы ку цюань шу – Шанхай: Шан хай гу цзи чу бань шэ (Шанхайское издательство древних книг), 1955. (На китайском: 吴大震. 广艳异编·续修四库全书 1267[M]. 上海: 上海古籍出版社, 1995).

женских духов-лис. Широкое распространение получил у китайского народа культ змей, лисиц, обезьян, ящериц, крыс»¹⁰.

Из-за небольшого размера и ловкой натуры животного, крыса зачастую оборачивается в молодых детей и подростков. Например, в рассказе «Шу Цзин» повествуется о мальчике, которого взрослые подговорили украсть экзаменационные билеты для получения учёной степени. Мальчик был пойман и забит палкой до состояния полусмерти, после чего превратился в крысу и убежал. В данном романе крыса используется в качестве метафоры изобретательных и бесчестных учёных, которые хотят получить степень обманным путём, поскольку находятся под давлением имперской экзаменационной системы. Мечта попасть в исключительный список учёных мужей для большинства остаётся нереализованной, поэтому её осуществляют с помощью сверхъестественной силы, в данном случае – крысы-оборотня¹¹.

Положительная роль крысы-оборотня связана с древними китайскими представлениями о крысе, как о предвестнике богатого урожая, семейного счастья и достатка. Более того, долгое время в Китае существовала традиция женитьбы на крысе, это животное считалось благоприятным. Ведь, женившись на крысе, можно было избавиться от несчастий и привлечь удачу в семейных и сельскохозяйственных делах «Китайская история крысиного брака является продуктом обычая жениться на крысе, чтобы избежать бедствий в сельскохозяйственной культуре Китая»¹².

3. Волк (лан цзин)

Не менее опасным образом демонов в китайской мифологии является волк. Волки-оборотни упоминаются в китайской литературе с древних времен, однако особую популярность получают именно в средневековье. Упоминания о них встречаются настолько часто, что мы можем сделать вывод о повсеместном распространении легенд о блуждающих волках. Они упоминаются вместе, отражая страх жителей перед их могуществом и кровожадностью. Ранние упоминания встречаются в «Тай пин гуан цзи», далее – в более поздних рассказах, таких как «Бай лан» Сянь Чи, в рассказе Чжан Цисяня «Чэнь и цунь лан»¹³. «Цао Энь по своей сущности оказался лютым волком, и сердце у него

¹⁰ Кириллова Е.О. Мотивы ухода от реальности, созерцания, отшельничества в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (на примере произведений Б. Юльского) // Вестник Череповецкого государственного университета: Научный журнал / гл. ред. Н.И. Шестаков. 2016. № 2 (71). 139 с. С. 71.

¹¹ Чжу Юньмин. Чжи гуай лу. Сы ку цюань шу цунь му цун шу – Цзинань : ци лу шу шэ (Книгоиздательство Цилу), 1995. С. 553. (На китайском: 祝允明. 志怪录·四库全书存目丛书. 济南: 齐鲁书社·1995. 553页).

¹² Ма Чанъи. Чжун го шу хунь гу ши лэй син янь цю. (Исследование типов историй о крысиных браках в Китае) Минь суянь цю (Исследование фольклористики), 1997. С. 68. (На катаяском: 马昌仪·中国鼠婚故事类型研究[J]. 民俗研究, 1997. 68页).

¹³ См.: Цинь Цзюань. Мин цин шэнь мо сяо шо чжун дэ яо гуай син сян янь цю (Исследование образа демонов в романах о богах и демонах династий Мин и Цин) / Пер. автора. Хэ нань да сюэ, Нань шо ши лунь

как у кровожадного тигра, он взял большую чашку, наполнил вином, осушил одним глотком – и так проделал три раза. Потом ухватил свиную лопатку, руками разорвал ее на несколько кусков и мигом проглотил – точно волк или тигр»¹⁴. От остальных оборотней волки отличаются особой кровожадностью, порой этот тип демонов даже мог убить свою жертву после истощения её энергетического потенциала. Однако волки не являются исключениями в китайском комплексе оборотней и также как и ранее упомянутые типы яо гуай представлены в добром амплуа. «Не редки случаи, когда волки были благодарны человеку, спасшему волка от смерти во время какой-либо природной катастрофы»¹⁵. Помимо этого иногда волки описаны в рассказах как верные путники, которые сопровождают заблудившихся в лесах людей до ближайшей деревни, защищают от хищников и помогают добыть пропитание. «В рассказах волки-оборотни могут быть представлены и как озлобленные мужчины, жаждущие крови, и как добрые старцы, которые сопровождают путников домой через густые чащи лесов»¹⁶.

Представления о демонах появились в древнем Китае и являлись продуктом мифологического сознания предков. Постепенно они покидали позицию китайского культа и становились самостоятельным элементом в китайской культурной традиции, появлялось множество легенд, сказаний и далее романов, повествующих о тех или иных оборотнях. Демоны-оборотни стали самостоятельной и важной частью китайской культуры и веры духов. Понятия демон и оборотень проникли в различные области древнего Китая и в средневековье стали отражением не только народных верований, но и религиозно-философских идей, социально-политических мыслей масс, отражали общественные потребности, политическую ситуацию и бытовую жизнь через художественную литературу и искусство.

Список использованной литературы

Кириллова Е. О. Мотивы ухода от реальности, созерцания, отшельничества в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (на примере произведений Б. Юльского) // Вестник Череповецкого государственного университета: Научный журнал / гл. ред. Н.И. Шестаков. 2016. № 2 (71).

вэнь (Магистерская диссертация, Хэнаньский университет). Хэнань, 2009. С. 7 (На китайском: 秦娟. 明清神魔小说中的妖怪形象研究·开封: 河南大学·2009. 第7页).

¹⁴ Цит. по: Лоу Хуньянь. Мин цин шэньмо сяошо чжун дэ дао ши син сянь янь цзю (Исследование даосских образов в романах о богах и демонах времен династий Мин и Цин) / Пер. автора. Хэнь ань да сюэ, Нянь шо ши лунь вэнь (Магистерская диссертация, Хэнаньский университет). Хэнань, 2013. С. 13. (На китайском: 娄红岩. 明清神魔小说中的道士形象研究·河南大学 2013 年硕士论文. 13 页).

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Там же.

Китайская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1998.

Лоу Хунъянь. Мин цин шэньмо сяошо чжун дэ дао ши син сянь янь цзю (Исследование даосских образов в романах о богах и демонах времен династий Мин и Цин) / Пер. автора. Хэнь ань да сюэ, Нянь шо ши лунь вэнь (Магистерская диссертация, Хэнаньский университет). Хэнань, 2013. (娄红岩. 明清神魔小说中的道士形象研究, 河南大学 2013 年硕士论文).

Лу Цань. Гэн сы бянь – Ханчжоу: Чжэ цзян гу цзи чу бань шэ (Издательство древних книг Чжэцзяна), 1986. (陆燾. 庚巳编. 杭州: 浙江古籍出版社, 1986).

Ма Чаньи. Чжун го шу хунь гу ши лэй син янь цзю. (Исследование типов историй о крысиных браках в Китае) Минь суянь цзю (Исследование фольклористики), 1997. (马昌仪. 中国鼠婚故事类型研究[J]. 民俗研究, 1997).

Мао Цилин. Мин у цзун вай цзи – Шанхай: шан хай шу дянь (Шанхайское книгоиздательство), 1984. (毛奇龄. 明武宗外纪. 上海: 上海书店, 1984).

У Дачжэнь. Гуан янь и бянь. Сюй сю сы ку цюань шу – Шанхай: Шан хай гу цзи чу бань шэ (Шанхайское издательство древних книг), 1955. (吴大震. 广艳异编. 续修四库全书 1267. 上海: 上海古籍出版社, 1995).

Цинь Цзюань. Мин цин шэнь мо сяо шо чжун дэ яо гуай син сян янь цзю (Исследование образа демонов в романах о богах и демонах династий Мин и Цин) / Пер. автора. Хэ нань да сюэ, Нань шо ши лунь вэнь (Магистерская диссертация, Хэнаньский университет). Хэнань, 2009. (秦娟. 明清神魔小说中的妖怪形象研究. 开封: 河南大学, 2009).

Чжу Юньмин. Чжи гуай лу. Сы ку цюань шу цунь му цун шу. Цзинань: ци лу шу шэ (Книгоиздательство Цилу), 1995. (祝允明. 志怪录. 四库全书存目丛书. 济南: 齐鲁书社, 1995).

Шэнь Дэцянь. Вань ли е хо бянь. Бу и цзюань и. Пекин: чжун хуа шу цзюй (Китайское книгоиздательство), 1959. (沈德潜. 万历野获编. 补遗卷一. 北京: 中华书局, 1959).

Ян Якоб Мария де Гроот. Демонология Древнего. Лейден, 1907.

Соколов Данил Владимирович
магистрант кафедры востоковедения Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета¹

«Правдивые записи о Чингисхане» Нака Митиё: к истории создания труда и его роли в развитии японской исторической науки

Нака Митиё 那珂通世 (1851–1908) — японский историк и педагог эпохи Мэйдзи. Исследовательская деятельность Нака была посвящена широкому кругу проблем: от вопросов адекватности хронологии правлений древнеяпонских государей, до социального устройства ранних государств Кореи. В разное время Нака Митиё преподавал в университете Гакусюин 学習院大学, Токийском императорском университете 東京帝国大学, Токийском женском педагогическом училище 東京女子師範学校 [Эгами 1992: 2; Кубодэра 2009: 150].

Нака Митиё называют «отцом» японского востоковедной истории как научной дисциплины: в 1894 г., на образовательной конференции, посвященной содержанию курсов, преподаваемых в средней школе, именно Нака внёс революционное предложение разделить историческое образование на три сферы: *кокуси* 国史 «отечественная история», *сэйё:си* 西洋史 «история Запада», *то:ё:си* 東洋史 «история Востока» [Наками 2009: 9]. Инициативу Нака поддержали коллеги, и в результате родилось японское историческое востоковедение — дисциплина, посвященная истории государств и обществ Азии, в первую очередь, конечно, Китая и стран синосферы; дисциплины, применяющей западные научные методы и новый подход к изучению истории Китая [Эгами 1992: 3–4; Fujita 2011: 21].

В отечественной историографии Нака Митиё, как правило, упоминают как автора первого в мире полного перевода монголоязычного оригинала *Юань чао би ши* 元朝秘史 «Сокровенного сказания монголов» (альтернативное название на русском языке — «Тайная история монголов») на иностранный язык [Козин 1941: 10; Кроль 1998: 12; Таубе 1993: 42]. Перевод на китайский язык, сопровождающий монгольский текст памятника, невозможно назвать исчерпывающим: он далеко не полный, а скорее сокращенный. Поэтому пальма первенства в переводе «Сокровенного сказания» по праву принадлежит Нака Митиё. Однако о значении перевода Нака для японской исторической науки при упоминаниях в отечественной исследовательской литературе не сообщается [Таубе 1993: 42].

¹ Научный руководитель — канд. ист. н., доц. С. В. Алкин.

При этом, невозможно игнорировать тот факт, что выполнение перевода «Сокровенного сказания» на японский язык было лишь частью другого, куда более масштабного проекта Нака – издания нового школьного учебника по истории Китая, который назывался *Сина цу:си* 支那通史 «Всеобщая (сводная) история Китая». При жизни Нака успел издать части, освещающие историю Китая от легендарной древности до гибели династий Цзинь и Южная Сун.

На тот момент историю Китая японским школьникам приходилось изучать по известному историческому трактату *Шива шилюэ* 十八史略 «Восемнадцать очерков» авторства Цзэн Сяньчжи 曾先之. Этот трактат был написан ориентировочно на закате эпохи Сун или в начале Юань и попал в Японию в XVI в., и, конечно, в качестве учебного материала уже не соответствовал духу эпохи: история Китая, преподаваемая по этому трактату, как дисциплина представляла собой скорее уроки *камбуна* [Наками 2009: 9–10; Миякэ 1915: 25].

Именно поэтому Нака Митиё задался целью разработать новый учебник, который в результате стал в своем роде революционным. Прежде всего, при составлении учебника Нака обращался в качестве источника не только к китайской исторической классике (династийные истории *чжэньши* 正史, летопись *Цзы чжи тун цзянь* 資治通鑑 и др.), но и многое почерпнул из западной исследовательской литературы [Кубодэра 2009: 168–169; Хуан 2016: 7–9;]. В качестве еще одного важного достижения Нака можно отметить введение нового подхода: в учебнике не просто изложена последовательность правлений, но и рассказывается о политико-социальной системе Китая. Кроме того, учебник сопровождает вступление, в котором рассказывается о географии Китая и о населяющих Поднебесную народах [Хуан 2016: 11; Сина цу:си]

При этом, однако, с традиционной исторической литературой учебник роднит тот факт, что повествование начинается с легендарных древних императоров Яо и Шуня. О преемственности традиции говорит и тот факт, что учебник Нака написан на *камбуне* (что не в последнюю очередь обусловило популярность пособия в империи Цин). В итоге, «Всеобщую историю Китая» Нака Митиё возможно рассматривать как образец исторической мысли переходного периода: при создании учебника Нака сделал шаг в сторону современной западной исторической науки, но все еще находился под влиянием привычного конфуцианского подхода, традиции *кангаку* 漢学.

Завершив публикацию частей учебника, посвященных Цзинь и Сун, Нака начал активно искать достоверные источники по истории династии Юань, чтобы продолжить написание учебника. Тексту династийной истории Юань *Юань ши* 元史, известному многочисленными неточностями, Нака не доверял и потому стремился найти источник, более заслуживающий доверия [Наками 2009: 11].

В 1900 г. циньский сановник Вэнь Тинши 文廷式, сторонник Ста дней реформ, прибыл в Японию и нанес ряд визитов японским политикам (в том числе Ито Хиробуми 伊藤博文). Известный японский востоковед Найто Конан 内藤湖南 был знаком с Вэнь Тинши и представил его Нака Митиё и его ученикам (Сиратори Куракити 白鳥庫吉 и др.). Пообщавшись с Вэнь Тинши, Найто и Нака узнали о существовании монголоязычного оригинала «Сокровенного сказания», чей список в 12-ти цзюанях был в коллекции и попросили Вэнь Тинши выслать им копию по возвращении в империю Цин. Из-за вспыхнувшего восстания боксеров отправка затянулась, но в 1901 г. Найто все-таки получил в распоряжение копию «Сокровенного сказания», нанял писцов, которые переписали текст, и, наконец получив свой экземпляр, Нака вскоре приступил к изучению текста памятника [Наками 2009: 11–12; Эгами 1992: 7].

Как известно, «Сокровенное сказание» – это текст на монгольском языке, записанный китайскими иероглифами (а не старомонгольским письмом) с пословным и общим (т.е. после каждого параграфа) переводом на китайский язык. Изучая текст памятника и сличая монгольскую часть с китайской, Нака Митиё убедился, что перевод на китайский достаточно волен, и стоит проанализировать именно часть, записанную по-монгольски.

Задавшись целью изучать историю Юань, в 1899 г. Нака решил погрузиться в монгольский и маньчжурский языки и стал изучать их самостоятельно по «Краткой маньчжурской грамматике» П. фон-Мёллендорфа и монгольско-немецко-русскому словарю И. Я. Шмидта. Таким образом, ему пришлось потрудиться и овладеть ещё немецким и русским языками. Совершенствованием знаний по монгольскому языку Нака занимался на протяжении всей последующей жизни [Эгами 1992: 6–7; Кубодэра 2009: 225–226].

В 1902 г. Нака взялся за перевод монгольского оригинала «Сокровенного сказания» на японский язык, одновременно изучая китайские и западные исследовательские работы, посвященные памятнику. На протяжении трех лет Нака активно переводил, еще год длилась подготовка к изданию, и, наконец, в 1907 г. перевод с подробным авторским предисловием и комментарием был издан под названием *Тингисукан дзицуроку* 成吉思汗實錄 «[Правдивые] записи о Чингисхане» [Кубодэра 2009: 346; Наками 2009: 16–17].

Изначально Нака Митиё хотел издать этот перевод под названием *Мо:ко кодзики* 蒙古古事記 «Монгольские записи о деяниях древности». Однако впоследствии ученый отказался от этой идеи, посчитав, что подобное название подводит читателя к проведению аналогии с японским памятником Кодзики 古事記. Нака верил в «Сокровенное сказание» в первую очередь как в исторический, а не литературный источник, другими словами, считал, что в «Сокровенном сказании» описана быль, а не мифы, как в Кодзики. Поэтому

он остановился на названии *Тингисукан дзицуроку* 成吉思汗實錄 «[Правдивые] записи о Чингисхане». *Дзицуроку* по-японски или *шилу* по-китайски 實錄 – это отдельный жанр китайской историографии, императорская хроника, поэтому, учитывая веру Нака Митиё в правдивость источника, идея выбора названия прозрачна – он рассматривал памятник как действительную хронику, повествующую о родословной Чингисхана и его восхождении на императорский трон [Нака 1907: 58–59].

Говоря о переводе «Сокровенного сказания» Нака, нельзя не отметить тот факт, что он предпочел выполнить перевод на бунго, а не на *камбун*. Хотя изначально у него было намерение перевести памятник на оба письменных стандарта, впоследствии он отказался от этого замысла. Как отмечал Нака, у японского и монгольского языков очень схожий грамматический строй, а потому поэтические вставки, занимающие значительную часть от общего объема текста, гораздо изящнее и выглядят в переводе на бунго; то есть для Нака выбор в пользу бунго как языка перевода – это еще и вопрос эстетики [Миякэ 1915: 41].

Планы Нака Митиё о продолжении издания учебника по истории Китая, составлении грамматики монгольского языка в 1908 г. перечеркнул сердечный приступ, ученый скончался в возрасте 58 лет [Эгами 1992: 8].

Какие тенденции в японской исторической науке начала XX в. может проиллюстрировать вклад Нака Митиё? Фигуру Нака Митиё как исследователя можно рассматривать как иллюстративную, деятельность ученого — своеобразное свидетельство переходного состояния японской исторической науки. Во многом все еще следуя японской научной традиции, Нака Митиё постепенно осваивает фундаментальные принципы западной науки.

Нака Митиё — “отец” новой дисциплины *то:ё:си* 東洋史. Новый учебник по истории, составленный Нака, хотя и сохраняет некоторые присущие традиционному историописанию черты, тем не менее, открывает совершенно новую страницу в преподавании истории Востока в Японии, да и в целом в Восточной Азии. Хотя учебник, изданный в 1888–1889 гг., был написан на *камбуне*, перевод «Сокровенного сказания» вышел уже на *бунго*. Постепенно происходит языковой переход, от *камбуна* отказываются, в 1890-х гг. в японском обществе постепенно начинает развиваться идея о том, что писать надлежит не «китайским письмом», а на японском языке [Mehl 2000: 52].

Еще один характерный пример «переходности»: хотя Нака Митиё выполнил перевод «Сокровенного сказания», он не составил лингвистической реконструкции текста памятника, необходимой для анализа, и тем самым, как утверждал немецкий китаевед и монголовед Эрих Хениш, пошёл по ложному пути [Haenisch 1941: 19]. Нака Митиё не был лингвистом, был ограничен в материалах и, возможно, попросту не видел в создании реконструкции острой необходимости. Латинизированную транскрипцию-реконструкцию памятника создаст и опубликует его ученик Сиратори Куракити, представитель

следующего поколения исследователей, гораздо лучше владеющих иностранными языками и стажировавшихся в Европе [Наками 2009: 19; Сиратори 1943: 1–2].

Список литературы

1. Эгами Намио (ред.). То:ё:гаку но кэйфу [江上波夫編。東洋学の系譜] Генеалогия востоковедения (сб. под ред. Эгами Намио). Токио: Тайсюкан, 1992. 283 с.

2. Кубодэра Коити. То:ё:гаку котохадзимэ – нака митиё то соно дзидай [窪寺紘一。東洋学事始—那珂通世とその時代]. Токио: Хэйбонся, 2009. 370 с.

3. Наками Тацуо. «Гэнтё: хиси» торай-но коро – нихон-ни окэру «то:ё: сигаку»-но кайси то ё:роппа то:ё:гаку, синтё: нэнкё: тиригаку то-но ко:са – [中見立夫。「元朝秘史」渡来のころ—日本における「東洋史学」の開始とヨーロッパ東洋学、清朝「辺疆史地学」との交差—] Время появления «Тайной истории монголов—Начало японской «истории Востока» и ее пересечение с западным востоковедением и цинскими исследованиями по истории и географии приграничных территорий// East Asian Cultural Interaction Studies Supplemental. 2009. №4. С. 3–26.

4. Fujita T. The Establishment of the Field of “Oriental History” in Japan: To Facilitate Consideration of East Asian Studies in Modern Japan // A Selection of Essays on Oriental Studies of ICIS, 2011, pp. 19-28

5. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un niuča tobčiyun. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 619 с.

6. Кроль. Ю. Л. Жизнь и научно-педагогическая деятельность Бориса Ивановича Панкратова (1892–1979) // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. с. 5–37.

7. Таубе М. К реконструкции и переводам Mongqol-un niuča tobča'an на европейские языки // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука. 1993. С. 40–53.

8. Миякэ Ёнэки. Бунгаку хакасэ Нака Митиё кундэн // Нака Митиё исэ [文學博士 那珂通世君傳 // 那珂通世遺書] Биография доктора словесности Нака Митиё // Посмертное собрание сочинений Нака Митиё. Токио: Дайниппон тосё, 1915. С. 1-54.

9. Хуан Дунлан. Мэйдзики камбун тю:гокуси сёмоцу-но рэкиси дзёдзюцу [黄東蘭。明治期漢文中国史書物の歴史叙述] Исторический нарратив сочинений по истории Китая, написанных на камбуне в эпоху Мэйдзи // Researches of Educational History in Asia. Т. 25, 2016. С. 1–24

10. Сина цу:си. Макино 1–3. Нака Митиё хэн [支那通史. 卷之 1–3. 那珂通世 編] «Всеобщая история Китая». Т. 1–3. под ред. Нака Митиё. // База данных японской и

китайской классики. Библиотека университета Васэда 古典籍総合データベース. 早稲田大学 図書館 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/ri08/ri08_00039/index.html (дата обращения 15.04.2022)

11. Нака Митиё. Тингисукан дзицуроку. [成吉思汗實録] Правдивые записи о Чингисхане. Токио: Дайниппон тосё, 1907. 676 с.

12. Mehl M. Chinese Learning (Kangaku) in Meiji Japan (1868–1912) // History, vol. 85, no. 277, 2000, pp. 48–66.

13. Haenisch E. Die geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1941. p. 19.

14. Сиратори Куракити. Онъяку мобун гэнтё хиси [白鳥庫吉. 音譯蒙文元朝祕史] Латинизированное представление «Тайной истории монголов» в оригинальном монгольском звучании. Токио: Тоё бунко, 1943. 1220 с.

Солопов Николай Игоревич
студент 2 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета СПбГУ¹

Влияние официальной китайской идеологии на взаимоотношения Японии и Китая в эпоху Тан

История изучения китайских отношений с внешним миром привлекала множество отечественных и иностранных синологов. Одним из наиболее выдающихся является Александр Степанович Мартынов, который написал множество работ, освящающих данную тему. Одной из них стала статья «Традиционный китайский подход к внешнему миру». Основные положения, изложенные в данной статье, были взяты за основу для описания ключевых аспектов официальной китайской идеологии и сравнения их с реальными отношениями, сложившимися между Китаем эпохи Тан и Японией.

В ходе многовековых контактов с другими народами Китай выработал четко структурированную систему внешних отношений, которая практически в неизменном виде просуществовала со времен правления династии Хань до второй половины XIX в.²

В соответствии с этими представлениями мир был разделен на две части (*хуа-и*): первая из них — процветающий, цивилизованный Центр (*хуа*), к которой относился Китай. Другая часть — «варварская» периферия (*и*), к которой относились все остальные народы. Исходя из этого положения, все известные Китаю государства с самого начала их отношений ставились на ступень ниже. Они были обязаны принимать статус вассала китайского императора.

Дуальная конструкция мира легла в основу китайской традиционной идеологии и применялась по отношению к любому народу, с которым контактировал Китай, в том числе и к Японии, которая также воспринималась в качестве китайского вассала, хотя официально никогда подобного статуса не имела.

Универсальная монархия. Единственное, что могло связывать разделенный на две части мир — это всеобъемлющая власть китайского императора, которая распространяется на всю Поднебесную³. Исходя из этой концепции, китайский император является единственным в мире носителем высшей власти, дарованной ему Небом. Эта часть официальной китайской идеологии стала своего рода камнем преткновения в отношениях Китая и Японии, так как вторая никак не хотела признавать подчиненного положения по отношению к своему могущественному соседу.

¹ Научный руководитель — к. и. н., ст. преп. кафедры истории стран Дальнего Востока СПбГУ А. Е. Донская.

² Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках. М.: Наука. Восточная литература, 1978. С. 37.

³ Мартынов А. С. Традиционный китайский подход к внешнему миру // Страны и народы Востока. Вып. XX. М.: Наука. Восточная литература, 1979. С. 234

Это отразилось даже в первом послании принца Сётоку-тайси к императору династии Суй Ян-ди, которое положило начало официальным отношениям между двумя государствами. Это послание начиналось со слов: «Сын Неба (*Тэнси*) Страны восходящего солнца шлет письмо Сыну Неба Страны заходящего солнца». Тем самым Сётоку-тайси хотел подчеркнуть равенство правителей двух стран⁴.

Еще одним способом демонстрации собственной независимости и равного положения было именование подвластных японскому императору земель термином «Поднебесная»⁵. Более того, с 702 г. название страны было изменено с Ямато на «Япония», что было сделано с целью того, чтобы продемонстрировать независимость страны от империи Тан. Так как зависимые от Китая правители не имели права на изменение названия своего государства без дозволения на то китайского императора⁶.

Мироустроительная монархия. Всеобъемлющая власть императора имела еще и упорядочивающую функцию, благодаря которой в обществе царит гармония, а природные процессы функционируют должным образом.

Благодаря универсальной функции императорской власти мироустроительная функция могла влиять и на дальние «варварские» страны. В этом китайцы видели своего рода помощь, которая мыслилась не как обязанность императора, но как «милость», которая и обеспечивала поддержание нормальных отношений между Китаем и «варварами»⁷.

Так, например, приобщение Японии к достижениям китайской цивилизации виделось не результатом деятельности самих японцев, а как распространение на их землях благотворного, упорядочивающего влияния китайского монарха. Поэтому в представлении китайцев Япония была в долгу перед ними за оказание им подобного рода императорской «милости»⁸.

«Китайцы были склонны к тому, чтобы делиться с другими народами знаниями о своей цивилизации, поскольку они были полностью уверены в своем превосходстве как в культурном, так и в военном отношении. У них не было опасения по поводу того, что этнические группы за пределами границ Китая могут обогнать их в развитии. Приобщение других этнических групп к китайской цивилизации было сознательной частью политической стратегии Китая»⁹.

Однако «варвары» могли по-разному реагировать на воздействие на них императорской власти. Определенная часть сразу покорялась императорскому влиянию, и их действия называли «*гуй шунь*», т.е. «предаться под власть императора, сообразуясь

⁴ Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Китай — Япония: любовь или ненависть? М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. С. 15

⁵ Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии: Учебное пособие для вузов. М.: Наталис, 2010. С. 362–363.

⁶ Там же. С. 364

⁷ Мартынов А. С. Традиционный китайский подход к внешнему миру. С. 236–237.

⁸ Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Указ. соч. С. 22.

⁹ Vogel, Ezra F. China and Japan: facing history/ Ezra F. Vogel – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, Cop. 2019 – P. 2

с мировым законом»¹⁰. К такому роду «варваров» относились и японцы, которые начали активно перенимать достижения китайской цивилизации, не оказав при этом никакого сопротивления растущему китайскому влиянию.

«Японское правительство охотно приняло Китай в качестве культурной и политической модели. В 649 году японский двор начал серию крупных политических реформ, которые превратили Японию в централизованную монархию с правовым кодексом, военной системой, структурой землевладения и налогообложением по образцу династии Тан»¹¹.

Приезд «варваров». Этот процесс мыслился как обязательный для всех государств, с которыми Китай поддерживал официальные отношения, так как это выражало покорность «варваров» и их несопротивление благотворному влиянию китайского императора.

В этом плане Япония не давала никаких поводов усомниться в «верности» к китайскому двору. Посольства с данью были относительно регулярными. «В период с 630 по 894 гг. было назначено 19 посольств. Обычно их возглавляли чиновники 4-го, т. е. более высокого ранга, чем послы в Силла и Бохай»¹².

Таким образом мы можем сделать вывод, что все аспекты международной политики Китая были четко регламентированы и приводились в соответствии с основными концепциями официальной китайской идеологии. И даже те элементы, которые явно не соответствовали ей, как, например, отказ Японии от признания вассалитета или же ношение японскими правителями титула императора игнорировались и не оказывали серьезного влияния на способ ведения международных связей со стороны китайских властей.

Список литературы

1. Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Китай — Япония: любовь или ненависть? М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 200. 376 с.
2. Кроль Ю. Л. О концепции «Китай — варвары» / «Китай: общество и государство». М.: Изд «Наука». ГРВЛ, 1973. С. 13-29.
3. Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках. М.: Наука. Восточная литература, 1978. 282 с.
4. Мартынов А. С. Традиционный китайский подход к внешнему миру // Страны и народы Востока. Вып. XX. М.: Наука. Восточная литература, 1979. С. 230–243.
5. Мартынов А. С. Формирование доктрины межгосударственных отношений в начальный период династии Тан (40-ые годы VII века) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО

¹⁰ Мартынов А.С. Традиционный китайский подход к внешнему миру. С. 238

¹¹ Lewis, Mark Edward. China's cosmopolitan empire: the Tang dynasty. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, Cop. 2009. P. 154-155

¹² Мещеряков А.Н., Грачев М.В. Указ соч. С. 390-391

ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1979. Часть 1(1). М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 136–141.

6. Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии: Учебное пособие для вузов. М.: Наталис, 2010. 544 с.
7. Vogel, Ezra F. China and Japan: facing history. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, Cop. 2019. 523 p.
8. Lewis, Mark Edward China's cosmopolitan empire: the Tang dynasty. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, Cop. 2009. 356 p.

Сорокина Юлия Александровна
студентка 4 курса кафедры китайской филологии
Восточный факультет СПбГУ¹

О первых китайских журналах в Японии в конце XIX – начале XX вв.

Журналистика и публицистика, в современном понимании, начали складываться в Китае только в конце XIX века — как средство общения с народом, идеологической пропаганды и просвещения. Наряду со статьями о политике и науке, в первых журналах публиковали художественную прозу и поэзию, которые, в более возвышенной и интересной форме, несли те же идеи о необходимости перемен в Китае. Особенно внимание стоит уделить китайским журналам, созданным в Японии, поскольку именно в них развернулись первые политические и философские дискуссии по поводу Китая — сначала это был Лян Цичао (1879–1929) и реформаторы, затем Сунь Ятсен (1866–1925) и революционеры. К началу XX в. Япония стала самым развитым государством в Азии, она сделала огромный скачок во всех сферах и встала в ряд с крупнейшими западными державами, именно через Японию — и благодаря переводам с японского и публикациям таких китайских журналов в Японии, как «Циньбао», «Миньбао», «Хэнань» и т. д. — Китай познакомился с классическими научными и политическими трудами и произведениями искусства Запада.

Кроме того, интересны не только причины, но и условия создания китайских журналов в Японии – многие из них, например, были созданы при поддержке японских деятелей, политиков, коммерсантов, литераторов, питавших симпатию к прогрессивным идеям китайских сподвижников, критиковавшим цинский двор. Также, несмотря на то, что издавались журналы в Японии, большинство из них печаталось полностью на китайском языке, однако издания при этом должны были соответствовать и требованиям Японцев, что привило, например, к тому, что дата издания указывалась дважды, согласно китайскому и японскому летоисчислению соответственно. Эти и другие особенности китайских журналов в Японии сделали данные журналы уникальными, заслуживающими стать объектом для исследования. Ниже рассмотрим некоторые из подобных журналов и поговорим об их особенностях.

«Вестник чистых обсуждений» 清議報 (1898–1901)

Журнал был создан двадцать третьего декабря 1898 г. в городе Иокогама, префектура Канагава, Япония. Инициатором создания выступил Лян Цичао, он же принял пост главного редактора и составителя, его поддержали Май Мэнхуа 麦孟华 (1875–1915), Оу Цзюцзя 欧榘甲 (1870–1911) и другие ученики Кан Ювэя. Представители японского правительства помогли Лян Цичао и Кан Ювэю обосноваться

¹ Научный руководитель — к. ф. н., доцент кафедры китайской филологии А. А. Родионов.

в Японии после неудачи «ста дней реформ» в Китае — реформаторы бежали в Японию от казни — и обеспечили их всем необходимым по приезде. Они поддержали идеи монархистов и их желание продолжить работу из Японии.

Лян Цичао оказался в Японии в ноябре 1898 г., а идея создания нового печатного издания — до этого в 1896–1898 гг. группа реформаторов выпускала в Шанхае журнал «Шиубао» 时务报 («Современные дела») — уже существовала. Сам журнал пошёл в печать уже через два месяца, что явно говорит о большом желании действовать, а также о поддержке со стороны, о чём писал сам Лян Цичао в письме жене: «Пока что никакой выручки нет. Еду и жильё предоставляет японское правительство» [Дин, Чжао 2016: 288]. Известно, что Лян Цичао финансово поддерживали многие влиятельные японцы: консул Японии в Шанхае Хаяси Гонсукэ 林権助 (1860–1939), который помог ему и другим реформаторам бежать; премьер-министр и приближённый императора Японии Ито Хиробуми 伊藤博文 (1841–1909), который был близок с литератором и Кан Ювэем ещё во времена создания «Шиубао» и который восхищался работой Ляна; а также японские коммерсанты, которые помогли создать план «Циньбао» и претворить его в жизнь [Сюй 2010: 117].

Интересный факт: на первой странице «Циньбао» указана дата согласно японскому календарю (японская династия) и адрес в Японии, а уже на второй — согласно китайскому календарю, год от рождения Конфуция, а также девиз и год правления китайского императора. На обложке также указано, что выпуск журнала одобрен японским департаментом связей 遞信省, так называемым министерством связи, — Лян Цичао особенно восхищался Хоси Тоору 星亨 (1850–1901), занимавшим должность министра связи в короткий период с ноября по декабрь 1900 г. при временном премьер-министре Сайондзи Кинмоти (1849–1940), о чём написал в своём эссе «Новые жертвы XX века» (二十世纪之新鬼, 1902).

«Вестник» выходил три раза в месяц полностью на китайском языке. В журнале освещались различные события прошлого и настоящего Китая, Японии и Запада, рубрики включали политические и культурологические эссе, переводы трудов из многочисленных научных сфер, прозу и поэзию, новости и объявления, экстренные сообщения и др.

В свет вышло ровно сто выпусков. Но сразу после издания юбилейного номера с новой программной статьёй, «Поздравление с сотым выпуском издания и мысли о его задачах и основных положениях», в здании редакции случился большой пожар, возместить потери не удалось и двадцать первого декабря 1901 г. журнал «Циньбао» прекратил своё существование.

«Народный журнал» 民報 (1905–1910)

В июле 1905 г. Миядзаки Тотэн 宮崎滔天 (1871–1922) — позже в доме японского учёного была открыта первая редакция журнала революционеров — познакомил Сунь

Ятсена и Сун Цзяожэня, двух революционеров, которые быстро нашли общий язык [Цзинь Маньлоу 2016: 49]. 20 августа того же года был создан Объединённый союз Китая 中國同盟會. Из-за выпуска провокационной статьи во втором номере, печатное издание Союза вскоре было запрещено японскими властями, поэтому в ноябре было создано новое – в действительности то же издание, только теперь оно выходило под названием «Миньбао». «Первый» номер вышел 26 ноября, отсчёт начался заново, не учитывая два номера «Эршицзи чжи чжина». Как и предшественник, новый журнал выходил раз в месяц.

Союзу и его газете, как и многим действиям Сунь Ятсена (в Японии он также был известен под именами Накаяма Сё 中山樵 и Такано Нагао 高野长雄) оказывал финансовую поддержку Умэя Сёкити 梅屋莊吉 (1868–1934), продюсер и основатель одной из первых кинокомпаний Японии. Последним даже была открыта «Контора по оказанию помощи Союзной лиге Китая» 中國同盟會後援事務所 в районе Юаркутё, Токио — за большие заслуги перед новым Китаем японскому предпринимателю открыт памятник в Шанхае. Он не просто поддерживал идеи революционеров, как в случае Миядзаки Тотэна, Сунь Ятсен был его большой товарищ на протяжении многих лет. Он сыграл огромную роль в развитии как китайского революционного движения, так и китайской революционной литературы.

Издание журнала также поддержали политик Каяно Нагамото 萱野長知 (1873–1947) и юрист и бизнесмен Кикиути Рёуити 菊池良一 (1879–1945), они сотрудничали с Сунь Ятсеном и вступили в Лигу. Первый стал посредником во время появившихся позже разногласий между Хуан Сином и Сунь Ятсеном [Сяо 2011:13].

Разделы «Миньбао» в целом повторяли своего предшественника. Здесь были история, политика, философия и др. Однако новый революционный журнал активно публиковал японские, западные и русские сочинения революционного или нигилистского толка, по большей части нехудожественные. Журнал просуществовал почти до начала Синьхайской революции, все, связанные с ним люди, приняли участие в свержении монархии в Китае.

«Хэнань» 河南 (1907–1908) простой журнал с простой обложкой

20 декабря 1907 г. китайские студенты из провинции Хэнань, последователи и сторонники Сунь Ятсена, создали в Японии журнал «Хэнань». Редактором стал Сунь Чжудань 孙竹丹 (1882–1911), глава отделения Союзной Лиги в провинции Аньхой. Всего вышло девять номеров, журнал «Хэнань» не просуществовал и года, закрывшись в начале декабря 1908 г., однако его деятельность оказала огромное влияние на молодёжь Китая и её мировоззрение.

Журнал поддерживал идеи демократической революции и народничества и занимался просвещением хэнаньцев, китайских товарищей в Японии и всего китайского народа. Они почти открыто выступали против Цинского правительства и призывали к

борьбе. «Хэнань» поддерживал идеи хэнаньского собрата журнала «Юйбао», хотя последний больше занимался просвещением, нежели революционной пропагандой. На то «Хэнань» и был почти в два раза меньше «Юйбао», да и разделов было меньше – остались лишь политика и литература, социальные вопросы и переводы, убрали все разделы о науках и технологиях, тем самым литература для них стала главным средством трансформации Китая и китайского общества.

В журнале «Хэнань» издавали авантюрные и детективные произведения, такие как повесть Томаса М. Рида «морской волчонок» 海上健儿 (№2, №4-5, оригинал 1859), повесть А. П. Чехова «В усадьбе» 庄中 (№8, оригинал 1887) или рассказ Эдгара А. По «Тишина» 寂寞 (№8, оригинал 1837) в переводе Лу Синя под разными псевдонимами. «Хэнань» оказал поддержку братьям Чжоу Шужэню и Чжоу Цзожэню после провала с литературным журналом «Синьшэн» 新生 и издал часть уже подготовленных работ.

Всего вышло девять номеров, журнал «Хэнань» не просуществовал и года, закрывшись в начале декабря 1908 г., однако его деятельность оказала огромное влияние на молодёжь Китая и её мировоззрение.

На примере данных трёх журналов можно с лёгкостью отследить тесную связь вышедших в Японии в конце XIX – начале XX вв. китайских журналов с Японией: без японских связей или без японских инвестиций они бы не смогли выйти в свет, без которых, в свою очередь, не началось бы обновление китайского общества. Однако при изучении журнала «Хэнань» можно обнаружить некоторую самостоятельность — его связь с Японией заключается, в основном, лишь в том, что он издавался в этой стране. Это, как и неудача братьев Чжоу с журналом, может быть связано с нарастанием напряжённости в отношениях Китая и Японии в начале XX в. — китайцы видели в них не союзников, а властных империалистов. И всё же Япония дала молодым реформаторам и революционерам все условия для создания собственных журналов, нового китайского общества и новой культуры, которые они позже поставляли на материк.

Список использованной литературы

1. 丁文江, 趙豐田 Дин Вэньцзян, Чжао Фэнтянь. Лян Цичао няньпу чанбянь 梁啓超年譜長編 Полная биография Лян Цичао в хронологической последовательности по годам. Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2019. Т. 1. 780 с.
2. 徐水生 Сюй Шуйшэн, Жиисисюэ юй Чжунгочжисюэ дэ цзиньдай чжуаньсин – и цзюйжицицзянь дэ Лян Цичао вэй чжунсинь 日译西学与中国哲学的近代转型 — 以居日期间的梁启超为中心 Трансформация трудов западной науки на японском и китайской философии на примере японского периода биографии Лян Цичао. Гоцзи жибэньвэньхуа яньцзю чжунсинь, 2010. №35. С. 107–114.

3. 萧致治 Сяо Чжичжи. Хуан Син юй Жибэнь 黄兴与日本 Хуан Син и Япония. Уханьдасюэ чубаньшэ, 2011, №3. С.10–14.

4. Цзинь Маньлоу 金满楼. Дунъян икэ: Сунь Чжуншань хэ тадэ жибэнь южэньмэнь 东洋异客: 孙中山和他的日本友人们 Незнакомец в Японии: Сунь Ятсен и его японские друзья. Тунчуаньгунцинъ, 2016, № 11. С. 48–52.

Станьева Владислава Владимировна
Студентка 2 курса магистратуры
Восточного факультета СПбГУ¹

Свадебный обряд в монгорском эпосе «Гэсэр»

Героический эпос «Гэсэр» — это объемное эпическое произведение, распространённое на обширной территории от Калмыкии до северо-западных провинций КНР. В настоящее время на территории КНР зафиксированы несколько национальных вариантов эпоса о храбром правителе Гэсэре, а именно тибетский, монгольский, монгорский, а также версии желтых уйгуров (югуров). Каждый из них представлен несколькими локальными вариантами. Они схожи сюжетом, персонажами, эпизодами войн. При этом каждый из вариантов содержит уникальные элементы. Так, например, различаются характеристики персонажей, количество жен Гэсэра, отличительные черты врагов Гэсэра и другие.

В настоящей статье мы обратимся к локальной версии эпоса «Гэсэр» (《格萨尔》 *гэсаэр*), полученной в Тяньчжу-Тибетском автономном уезде провинции Ганьсу. Она была передана исследователям сказителем Гэндэн Шэньцзя (更登什嘉)² в 80-90 гг. XX в. После чего была инициирована обработка полученных записей, их изучение и перевод на китайский язык, поскольку данный вариант одновременно исполнялся на тибетском и монгорском языках.

С точки зрения культурных реалий, представленных в эпосе, монгорские версии обладают уникальным содержанием, в котором, помимо аутентичных элементов монгорской культуры, обнаруживается влияние соседних культур, а именно тибетской, монгольской и ханьской. Данный факт делает монгорские версии эпоса важнейшим материалом для изучения традиционной культуры, а также этапов ее формирования.

Одним из важнейших сюжетов первых глав всех версии эпоса является эпизод свадьбы Гэсэра на его первой жене Бругмо (тиб. *seng btsan 'brug mo*, кит. 桑赞珠牡 *санцзань чжуму*, МФА *Fsaŋ ʋtsan ntʂu(wə) mo*).

Данный эпизод встречается во всех версиях эпоса, однако его детальное содержание существенно различается в локальных вариантах. Стандартное его содержание следующее. Гэсэр встречает красавицу и соревнуется за право на ней жениться. Соревнования обычно состоят из трех этапов. Так, в бурятской унгинской версии эпоса о Гэсэре они включают в себя скачки, борьбу и стрельбу из лука. После абсолютной победы героя во всех состязаниях устраивался пышный свадебный пир.

В монгорской версии эпоса из уезда Тяньчжу этот эпизод показан более полно и красочно. Его описание передается во множестве деталей, от свадебного убранства

¹ Научный руководитель – к. филол. н., доц. Нармаев Б. М.

² Китайское имя сказителя - Ван Юнфу (王永福), тибетское имя – Гедун Кьяб (*dGe 'dun skyabs*).

помещений до особенностей облачения невесты и жениха. Также подробно изложены правила сватовства, символические действия, которые необходимо исполнить, например, встреча невесты в доме будущего мужа, последовательное подношение пищи и напитков божествам, родственникам и так далее. В структуру эпоса также вошли несколько свадебных ритуальных песен.

Кроме того, в монгorsкой версии в сжатой форме повествуется о знакомстве и свадьбе родителей Гэсэра – Ман Гэжи (кит. 芒格日, МФА *maŋ qak gəu*) и Ман Госачжома (кит. 芒果萨卓玛, МФА *maŋ qak ŋtsal tʂol ma*), что также отличает данную версию от прочих.

Рассмотрим непосредственно формы брачных отношений и проведение свадебного обряда, представленных в «Гэсэре» и таковые в традиционной монгorsкой культуре.

В настоящее время традиционный свадебный обряд сохранился в монгorsкой общине в Хучжу-Туском автономном уезде провинции Цинхай КНР. Он претерпел изменения с течением веков, и сейчас во многом вобрал элементы других культур.

Свадебный обряд, детально описанный в монгorsком Гэсэре из Тяньчжу, схож с таковым у современных монгоров из уезда Хучжу. Одной из причин подобия может служить тот факт, что сказитель Гэндэн Шэньцзя (Ван Юнфу) был родом из Хучжу, в молодом возрасте он переселился в уезд Тяньчжу. Поэтому можно сказать, что версия из Тяньчжу вобрала в себя элементы разных регионов расселения монгоров.

Китайский исследователь Ли Маоцо выделяет четыре формы брачных отношений, представленных в эпосе из Тяньчжу:

- 1) эндогамия;
- 2) близкородственный брак;
- 3) многоженство (полигиния);
- 4) брак умыканием (похищение невесты);
- 5) договорной брак с выкупом.³

Большинство современных монгоров имеют только одного брачного партнера и вступают в брак по любви, однако договорные браки также существуют. В деревнях практикуется и проведение традиционного свадебного обряда с похищением невесты или посредством уплаты выкупа.

Далее подробнее рассмотрим каждую из традиционных форм брака.

Эндогамия достаточно распространена среди монгоров. До 1949 г., (до основания КНР), если монгorsкий мужчина женился на девушке другой этнической

³ Ли Маоцо. *Туцзу «Гэсаэр» чжун дэ хуньинь яньцзю* 李毛措。土族《格萨尔》中的婚姻研究：西北民族大学硕士学位论文。(Исследование свадебного обряда в эпосе «Гэсэр» монгоров): Дис. на соискание учен. степени магистра Северо-Западного ун-та национальностей. Ланьчжоу, 2016. 70 с. URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201701&filename=1016313318.nh&uniplatform=OVERSEAS_CHS&v=Oe3pvTbd3pr6J_5MhVbwYLAFsBfUxvdbbyoKKL-qoZ4psDMRKfEd5aEhPm0l3A (дата обращения 20.02.2022). С. 9–16.

принадлежность, то это подвергалось осуждению старших. Сейчас большинство монголов предпочитает сочетаться браком именно с представительницей своей же этнической общности.

В монгорском Гэсэре с этим явлением связан брак родителей Гэсэра – Ман Гэжи и Ман Госачжома. Судя по их именам мы можем сделать вывод, что они были из одного рода 𐰽𐰺 *ман*. Однако они не были родственниками, поскольку мать Гэсэра была третьей дочерью правителя государства Ли.

С древности у монголов, как и многих других народов мира, существует запрет на брак между людьми, носящими одну фамилию. Считается, что люди с одинаковыми фамилиями принадлежали к одной семье.

Некоторые исследователи считают, что они не были прямыми родственниками, и просто были однофамильцами из соседних поселений, другие больше склоняются к версии, что родители Гэсэра все же были родственниками, а их фамилии могли быть омонимичны.

Следует также добавить, что сам «монгорский» Гэсэр первый раз женится на своей соплеменнице Бругмо, что соответствует традиции эндогамных браков. О происхождении его второй жены Бацзань Буцзи (кит. 巴答布吉, МФА праа *ntsan pə ʧʰə*) нам неизвестно. Это существенно отличает данную версию эпоса от остальных, где женами Гэсэра становились принцесс или простые девушки из других царств.

Что касается близкородственного брака, у монголов издавна было принято заключать брак между двоюродными родственниками (обычно между сыном брата матери и дочерью сестры отца). После свадьбы, брат матери обретал более высокий статус в общине. В Гэсэре также прослеживается данный факт. Во время проведения свадебного обряда дяде отводится самое почетное место за столом, ему подносят подарки и при разделывании праздничного барана ему отдают самую почетную его часть – копчик.

Многоженство ярко представлено во всех версиях эпоса о Гэсэре. У главного героя было от двух до трех жен, при этом образ первой жены Бругмо достаточно четко прослеживается в каждой версии. На основании содержания первых четырех глав эпоса из Тяньчжу, можно сделать вывод, что у Гэсэра было по крайней мере две жены – Бругмо и Бацзань Буцзи.

Похищение невесты сейчас мало практикуется самими монголами, но элемент этого ритуального действия еще остался. Так, в «Гэсэре», когда гости-мужчины со стороны жениха садятся за праздничный стол, они снимают свои шапки *дэр-кха*, после чего эти шапки внезапно крадут женщины со стороны невесты. Перед этим эти женщины брызгают на этих гостей водой, поют особые песни, в которых «ругают» гостей. Тем самым выражается некий «ритуальный» протест против свадьбы. «Похищение невесты» связано с другими формами «протеста» против свадьбы, в которых также отражается несогласие родственников со стороны невесты со свадьбой.

К другим мало распространенным среди современных монголов свадебным типам относится свадьба с выкупом. Однако в эпосе присутствует данный элемент. Прежде чем жениться на матери Гэсэра, отцу героя Ман Гэжи было необходимо собрать выкуп в виде тысячи баранов, быков, лошадей и так далее.

Обратимся непосредственно к эпизоду свадьбы Гэсэра.

Свадебный обряд состоял из следующих этапов:

- 1) сватовство через свата;
- 2) достижение договоренности о браке;
- 3) обсуждение размеров выкупа;
- 4) назначение даты свадьбы;
- 5) бракосочетание;
- 6) проводы невесты в дом мужа;
- 7) преподношение подарков;
- 8) трапеза за праздничным столом.

Свадьбе предшествовали соревнования за руку Бругмо. Состязания между юношами за руку принцессы достаточно распространённый мотив, и различные эпосы о Гэсэре тому подтверждение. Так, в бурятском унгинском эпосе Гэсэру, прежде чем быть удостоенным права жениться на Урмай Гохон (Бругмо), было необходимо победить в трех конкурсах. Первый - подбрасывание молота. Во втором состязании герою было необходимо сдвинуть гору. Третье соревнование – борьба. Перед женитьбой на второй жене Тумэн Жаргалаан «бурятский» Гэсэр выиграл состязания, метко выстрелив по трем целям.

В монгорском «Гэсэре» главному герою предстояло победить в других трех конкурсах: скачки на лошадях, стрельба из лука и угадывание невесты в паланкине. Далее осуществлялось поэтапное сватовство. Сватом был близкий старший друг Гэсэра, один из «Пяти великих героев» Цисянданьма (кит. 齐项丹玛, тиб. khyu zhang 'dan ma, МФА tɕhə ɕaŋ ntaŋ ma). Итогом сватовства стала пышная свадьба.

Отдельно стоит выделить традиционные монгорские обряды, проводимые на разных этапах свадебного процесса:

- 1) смена прически невесты;
- 2) ритуал «сохранения удачи»;
- 3) облачение жениха в свадебный костюм.

Это самые главные ритуалы, распространенные и в наши дни. Они достаточно подробно представлены в эпосе «Гэсэр» из Тяньчжу.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что свадебный обряд, представленный в эпосе, напрямую связан с ныне существующими свадебными традициями монголов. Он вобрал в себя элементы различных религиозных верований, являясь одним из примеров синкретизма монгорской культуры. Данный эпос зафиксировал определенный этап развития свадебного обряда монголов. Таким образом, монгорская версия эпоса из Тяньчжу содержит богатый материал по обрядовой культуре монголов,

что также позволяет изучать историю трансформации эпоса у данной этнической общности, а также его распространения в регионе.

Список источников и литературы

Источники:

Гэсэр: Бурятский героический эпос: В 2-х кн. / Пер. с бурят. и вступ. статья Вл. Солоухина. М.: Современник, 1988. Кн. I. 397 с.; Кн. II. 451 с.

Ван Гомин 王国明. *Туцзу «Гэсаэр» шочан силе цуншу. Фаньи силе: Шэньцзы сяфань бу* 土族《格萨尔》说唱系列丛书。翻译系列：神子下凡部。（Собрание сочинений монгорских [эпических] сказаний «Гэсэр». Серия переводов: Раздел «Сошествие сына бога на землю»). Пекин: *Миньцзу чубаньшэ* 民族出版社, 2014. 153 с.

Ван Гомин 王国明, Ван Синсянь 王兴先. *Гэсаэр вэньку (дисань цзюань) туцзу «Гэсаэр» шан*. 格萨尔文库(第三卷) 土族《格萨尔》上。（Собрание сочинений эпоса о Гэсэре (третья серия). Монгорский эпос о Гэсэре. Первый том). Ланьчжоу: *Ганьсу шэн миньцзу чубаньшэ* 甘肃省民族出版社, 1996. 719 с.

Литература:

Ли Маоцо 李毛措. *Туцзу «Гэсаэр» чжун дэ хуньинь яньцзю: Си-бэй миньцзу дасюэ бошисюэ лилуньвэнь* 土族《格萨尔》中的婚姻研究：西北民族大学硕士学位论文。（Исследование свадебного обряда в эпосе «Гэсэр» монголов: Дис. на соискание учен. степени магистра Северо-Западного ун-та национальностей). Ланьчжоу, 2016. 70 с.
URL:

https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201701&filename=1016313318.nh&uniplatform=OVERSEAS_CHS&v=Oe3pvTbd3pr6J_5MhVbwYLAfsBfUxvdbbbyoKKL-qoZ4psDMRKfFE5aEhPm013A (дата обращения 20.02.2022).

Лю Инцзюнь 刘应军. *Туцзу хуньли* 土族婚礼。（Свадебный обряд монголов). Синин: *Цинхай миньцзу чубаньшэ* 青海民族出版社, 2014. ISBN 978-7-5420-2271-4. 162 с.

Цяо Чжилян 乔志良. *Хучжун туцзу миньсу вэньхуа* 互助土族民俗文化。（Фольклор и культура монголов из уезда Хучжун). Синин: *Цинхай миньцзу чубаньшэ* 青海民族出版社, 2015. ISBN 978-7-5420-2554-1. С. 72-120.

Айнская топонимика Хоккайдо

Топонимика — наука о названиях географических объектов и их происхождении — находится на стыке трёх дисциплин: лингвистики, географии и истории. Говоря о топонимике Японии, а в частности, а топонимике острова Хоккайдо нельзя не затронуть айнов (или айну) — этническое меньшинство и коренное население Японии. Когда-то айны жили ещё и на территории нынешней России, в низовьях Амура, на юге полуострова Камчатка, Сахалине и Курильских островах². В настоящее время айны остались только в Японии, численность их составляет примерно 25000 человека. Айны отделены от своих исторически известных соседей и их язык до сих пор продолжают изучать как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Айны внесли свой вклад в образовавшуюся японскую культуру и японский язык. Однако долгое время сами японцы относились к своим соседям негативно. Из-за этого айны были оттеснены в северную часть Японии, на о. *Эдзогасима* 蝦夷島 (ныне о. Хоккайдо) — «остров варваров»³.

Стоит сказать, что именно благодаря такой «экспансии», была заселена большая часть Хоккайдо. И всё же, до второй половины XIX в. (эпоха Мэйдзи) отношение к древнейшему народу оставалось неизменным: айны мало контактировали с японцами, и им даже запрещалось говорить по-японски.

Японцы стали заимствовать иероглифы из Китая для записи японского текста во второй половине V века. Суть заимствования состояла в приспособлении китайской письменности для фиксации на письме японского языка. При этом происходило смешение двух принципов письма — идеографического и фонетического. Заимствование иероглифов оказало большое влияние на японский язык. Японцы усваивали не только слова, но и корневые морфемы и, изменяя их звучание согласно произносительным нормам японского языка, продуцировали новые слова⁴. Существует определенный перечень наиболее часто встречающихся иероглифов в названиях географических объектов, такие как 川 (река), 東 (восток), 田 (рисовое поле), 江 (бухта), 岸 (берег), 山 (гора), 阪 (холм) и т. п. Первенство таких иероглифов как «гора», «река», «рисовое поле» отражают хозяйственное представление японцев как земледельческого народа. Визуальное восприятие топонима удобно, т. к. в названиях часто использовали качественные признаки местности (большой, маленький,

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук Д. Г. Кикнадзе.

² Щепкин В. В. (ред.). Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв., 2020.

³ Там же.

⁴ Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов, 1977.

болотистый, сухой и т. д.). Однако существует ряд иероглифов, которые «запрещено» употреблять в названиях географических мест. Это иероглифы с несчастливыми значениями, такие как 死 (смерть), 下 (низ), 病 (болезнь), 泥 (грязь) и др. Представление и «счастливых» и «несчастливых» иероглифах в японских топонимах издавна присутствует в жизни японцев. Включение в название своей деревни «хорошего» иероглифа рассматривалось в качестве просьбы или молитвы к богам о защите своего места жительства⁵.

В японском языке важно придать иероглифу не только благопожелательный смысл, но и красивое фонетическое звучание. Японцы избегали использовать в топонимах цифры четыре и девять, т.к. четыре звучит на японском языке как «си» - смерть, а цифра девять звучит как «ку» и ассоциируется со словом страдание. В истории Японии известно немало случаев, когда японцы переименовывали места, чтобы придать им красивое звучание и тем самым привнести благопожелательный смысл.⁶

То же самое произошло и при переименовании айнских названий. Когда японцы с материковой части пришли на Хоккайдо они переименовали топонимы с айнского на японский язык, используя иероглифы, подходящие по фонетическому звучанию.

Стоит отметить, что айны не вкладывали «хорошего» или «плохого» смысла в название того или иного географического объекта, и называли места по их качественным внешним признакам: «большая река», «ветренное место», «большая охота» и т. д. Обширная литература, посвящённая айнам (русская и зарубежная), позволяет говорить о богатстве языка и разнообразии лексики. В айнском языке можно выделить слова, обозначающие природные объекты, например *ка* (почва, место), *ватари* (камень), *най* (река), *вакка* (вода), *томари* (бухта, гавань)⁷. У айнов-охотников было много географических терминов непосредственно связанных с географией гор и лесов, точно также у рыболовов. Топонимы точно характеризовали особенности местности: характер русла рек, почву, цвет, и даже запах и вкус воды, а также виды рыб и животных, обитающих в местности. Также многие термины указывали на места сбора ягод, растений, заготовок коры, древесины и т. п.

Айнский язык не имел письменности, и именно поэтому японцы приспособили айнские названия под особенности своей фонетики. Из-за этого, после полной экспансии японцев все названия на айнском языке, которые не подходили японцам по звучанию либо переименовывались, либо записывались «хорошими» иероглифами. Сейчас многие топонимы японского языка записаны иероглифами, которые схожи по звучанию с айнскими словами, однако несут в себе совершенно иной смысл, либо от смысла не зависят, и подобраны исходя из фонетического звучания.

Подробно это можно увидеть, рассмотрев названия некоторых городов на о. Хоккайдо.

⁵ Садокова, А. Р. Японские «счастливые» топонимы, 2018.

⁶ Симонова-Гудзенко Е. К. Топоним в политической культуре средневековой Японии, 2016.

⁷ Там же

Название города	Айнское значение	Японская запись
Абасири	«Открытая земля»	網走
Асахигава	«Река волн» или «солнечная река»	旭川
Энива	«Острая гора»	恵庭
Муроран	«Дно небольшого склона»	室蘭

Топоним «Абасири» восходит к айнскому слову «アパシリ» (*ана сири*). Существуют различные теории: «アパシリ» (*ана сири*) — земля у входа, «アパシリ» (*a na siри*) — земля, которую мы нашли, и точное значение неизвестно⁸. Первоначальное значение айнского топонима можно интерпретировать как «открытая земля». В японском языке это место было записано катаканой アバシリ村 (*абасири мура*) — деревня Абасири, а далее было записано китайскими иероглифами 網 и 走, которые японцы слышали как «абасири»⁹. На японском смысловое значение (такое как у айнов) отсутствует.

Город Асахикава произошёл от названия реки, которую айны называли «アサヒチウペツ» (*асахи тиу пет*), что означает «Река волн». Однако на японском языке «асахи» означает «утреннее солнце», и поэтому по-японски город стал называться Асахикава — *асахи* 旭 (утреннее солнце) и *кава* 川 (река).¹⁰

Город Энива. Название города происходит от близлежащей горы Энива, расположенной в национальном парке Сикоцу-тоя. Название на языке айнов означает «острая гора». Японская транслитерация была выбрана из-за омонимов *нива* 庭 (сад) и *эи* 恵 (мудрость, благодеяние). Данный топоним — яркий представитель того, насколько тщательно японцы подходили к благозвучному и благопожелательному значению иероглифов. Само название можно интерпретировать как «сад благодеяний», однако точной интерпретации нет, т. к. в первую очередь японцы переименовывали название города по созвучию иероглифов.

Происхождение названия города Муроран происходит от айнского слова «モルエラン» (*мо руэран*), что означает «дно небольшого склона»¹¹. Японцы подобрали более красивое значение, где *муро* 室 — погреб, теплица, парник, а *ран* 蘭 — орхидея. Этот топоним — яркий представитель того, как от исходного (айнского) значения не осталось ничего. Новый смысл полностью перекрывает старый и его можно интерпретировать как «теплица орхидей».

⁸ Добротворский М. М. Айно-русский словарь, 1875.

⁹ <https://gogen-yurai.jp/>

¹⁰ Там же

¹¹ Там же

Таким образом, географические условия, природная среда, специфика хозяйственной деятельности, материальная и духовная культура, исторические обстоятельства породили географическую терминологию островных жителей, обусловили её детализацию и специфику. У айнов сложилась хорошо отработанная специализированная терминология, связанная с особенностями микрорельефа, имеющего значение при ориентировке на море и в горах. А японцы в свою очередь адаптировали айнские топонимы под свою культуру, подбирая топонимы по фонетическому звучанию или ориентировались на благопожелательный смысл иероглифов. Японские географические названия подчиняются законам японской фонетики и словообразования, и имеют различную этимологию. На о. Хоккайдо множество названий произошло из айнского языка, однако написаны иероглифами и приспособлены под особенности японской фонетики.

Список литературы:

Акулов А. Ю. История языка айну // Вестник Санкт-Петербургского университета. №2. 2007. С. 117–123.

Алпатов В.М. Айнский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997. С. 126–138.

Добротворский М. М. Айно-русский словарь. Казань, 1875. 656 с.

Садокова, А. Р. Японские «счастливые» топонимы // Актуальные проблемы филологии: материалы III Междунар. науч. конф. Казань.: Молодой ученый, 2018. С. 18–21.

Симонова-Гудзенко Е. К. Топоним в политической культуре средневековой Японии. Японские исследования. №2. 2016. С. 26–41.

Щепкин В. В. (ред.). Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. Коллективная монография. СПб.: ЛЕМА, 2020. 255 с.

Нихон-но тимэй (Японские географические названия). Токио.: Кадокава Сётэн. 2006. 658 с.

<https://gogen-yurai.jp/>

Таболina Лина Михайловна
студентка 3 курса
Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена¹

**Особенности семантики некоторых номинаций
сверхъестественных существ на материале
Соу шэнь цзи («Записки о поисках духов») Гань Бао**

Введение

Гань Бао 干寶 родился предположительно в 280 г. в знатной, но обедневшей семье. Он с юности отличался стремлением к знаниям и благодаря своему упорству дослужился, в итоге, до позиции придворного историографа (Алимов 2014, с. 170). Несмотря на репутацию, которой пользовался Гань Бао в свое время, многие детали его биографии (например, точная дата рождения) на данный момент не установлены точно. Большая часть произведений автора знакома нам лишь по названиям в библиографических списках и цитатам из них в других произведениях. Единственным максимально полно сохранившимся до наших дней произведением является *Соу шэнь цзи* 搜神記 («Записки о поисках духов»).

Соу шэнь цзи является сборником историй о сверхъестественном — часть из них заимствованы автором из произведений предшественников, часть представляют собой записи со слов современников Гань Бао (в том числе народные легенды и предания). Судя по библиографическим спискам эпохи Сун, примерно с XII в. *Соу шэнь цзи* считалось утерянным. Позже, 20 из 30 оригинальных *цзюаней* текста были реконструированы Ху Инлинем в XVI в. на основе цитирующих труд работ. Самым авторитетным критическим текстом сочинения с комментариями является издание Ван Шаоина 汪绍楹 (1909-1970 гг.), на основе которого отечественным синологом Л. Н. Меньшиковым был сделан в 1994 г. перевод произведения (Меньшиков 1994). Настоящее исследование проводилось как раз на материале издания Ван Шаоина с учетом исследования и перевода Меньшикова.

В предисловии к сборнику Гань Бао заостряет внимание на цели своего труда, которая заключается в том, чтобы доказать читателю что “пути духов — вовсе не обман”. Меньшиковым в предваряющем перевод тексте утверждается что как Гань Бао, так и его современники, считали *Соу шэнь цзи* трудом имеющим исключительно историческую ценность (Меньшиков 1994: 22). Сам Гань Бао в жизни напрямую столкнулся с событиями, которые можно считать проявлениями сверхъестественного. Во-первых, имевшая место быть в его семье история смерти и последующего воскрешения служанки его отца, убитой из ревности матерью Гань Бао. Во-вторых, на автора произвело впечатление возвращение к жизни после тяжелой болезни его

¹ Научный руководитель — к. и. н., м. н. с. ИВР РАН О. А. Бонч-Осмоловская.

старшего брата, принесшего из загробного мира рассказ о демонах, духах и потустороннем (Алимов 2014: 175-176).

Таким образом, занесенные в сборник истории отражают мировосприятие писателя и его современников. Это дает нам повод полагать, что результаты анализа используемой Гань Бао лексики позволят сделать соответствующие выводы о его взгляде на окружающий мир и его функционировании. В русском и западном синологических научных сообществах *Соу шэнь цзи* почти не рассматривалось с лингвистической точки зрения, подобные работы на данный момент имеются только на китайском языке. В настоящем исследовании автор стремится сделать первые шаги к восполнению данной лакуны.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей семантики терминологии, применяющейся для описания сверхъестественных существей. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач: 1) провести сравнительный анализ семантики слов *гуй* 鬼 («злой дух»), *шэнь* 神 («дух»), *мэй* 魅 («нечисть»), *гуйшэнь* 鬼神 («призрак»), *гуймэй* 鬼魅 («дух-оборотень»), *гуйу* 鬼物 («бесовская сущность») в отобранных фрагментах *Соу шэнь цзи*; 2) вывести на основе полученных результатов определения данных слов и их отличительные характеристики.

Типы сверхъестественных существей в *Соу шэнь цзи*: семантика терминов и основные характеристики

Ниже приведена таблица с указанием терминов, анализируемых в рамках настоящего исследования.

Название сверхъестественной сущности	Количество упоминаний в СШЦ	Отличительные характеристики
<i>Шэнь</i> 神 («дух»)	64 упоминания (в 38 рассказах)	<ul style="list-style-type: none"> ● положительные отношения с людьми ● бестелесны ● знания за гранью смертных, способность предсказывать будущее, сверхъестественные способности ● покровительствуют конкретной местности ● появляются смертным во снах, при посещении храма ● происходят из душ людей после смерти, могут вселиться в животное/растение/предмет
<i>Гуй</i> 鬼 («злой дух»)	86 упоминаний (в 30 рассказах)	<ul style="list-style-type: none"> ● негативные отношения с людьми ● бестелесны, но принимают облик телесного существа ● знания за гранью смертных, способность предсказывать будущее, сверхъестественные способности ● не привязаны к конкретной области

		<ul style="list-style-type: none"> • проявляются для причинения вреда, некоторые обладают способностью их видеть и говорить с ними • происходят из умерших незаслуженной смертью, вредных животных (напр. лисы), как физическое воплощение болезни
<i>Мэй</i> 魅 («нечисть»)	18 упоминаний (в 7 рассказах)	<ul style="list-style-type: none"> • негативные отношения с людьми • монстрообразны • вызывают болезни, могут менять облик, появляться и исчезать
<i>Гуйшэнь</i> 鬼神 («призрак»)	6 упоминаний (в 5 рассказах)	<ul style="list-style-type: none"> • отношения с людьми нейтральные • призрачный облик • привязаны к месту смерти • проявляются для огласки истории своей смерти • происходят из умерших незаслуженной смертью
<i>Гуймэй</i> 鬼魅 («дух-оборотень»)	9 упоминаний (в 8 рассказах)	<ul style="list-style-type: none"> • негативные отношения с людьми • ночью имеют облик человека, днем - вредного животного • меняют облик на человеческий для причинения вреда • происходят из вредных животных
<i>Гуйю</i> 鬼物 («бесовская сущность»)	5 упоминаний (в 5 рассказах)	<ul style="list-style-type: none"> • негативные отношения с людьми • неспецифичная сущность, которой присущи черты <i>гуй</i> • оценочный термин, используется в прямой речи или при описании суждений героя

Данные термины были выбраны для анализа в первую очередь ввиду частоты их появления. Термины *шэнь* 神 («дух») и *гуй* 鬼 («злой дух») вполне очевидно представляют собой оппозиции, поэтому особенности их семантики наиболее продуктивно проследить путем сравнительного анализа. *Мэй* 魅 представляет собой одну из ряда односложных номинаций, представленных в труде и, что самое главное, используемых для словообразования (*гуймэй* 鬼魅). Термины *гуйшэнь* 鬼神 («призрак»), *гуймэй* 鬼魅 («дух-оборотень») и *гуйю* 鬼物 («бесовская сущность») все имеют общую родовую морфему *гуй* 鬼, вследствие чего особенности их семантики прослеживаются при сравнительном анализе номинаций как с термином *гуй*, так и между собой.

Стоит уточнить, что приводимые нами переводы указанных терминов были даны на основе выведенных в результате анализа ключевых характеристик называемых данными терминами сущностей. Этим обусловлены предлагаемые нами переводы терминов *гуй* как «злой дух» и *гуйшэнь* как «призрак» несмотря на существующую традицию перевода термина *гуй* как «призрак» или «демон». Более подробно об этом будет сказано ниже (см. *гуйшэнь* 鬼神).

Дух - *шэнь* 神 и злобный дух - *гуй* 鬼

Для начала уточним определение термина *шэнь* 神 («дух»), которое автор использует в названии своего труда, тем самым обобщая этим понятием все описанные в работе сюжеты. Данный термин, помимо заглавия, по нашим подсчетам используется для описания более 40 различных персонажей². Главными характеристиками *шэнь* является поклонение со стороны людей (обычно в виде постройки храмов³ и принесения подношений⁴) и доброжелательность по отношению к людям⁵.

Лучше всего значение термина *шэнь* раскрывается в оппозиции с его антонимом *гуй* 鬼 («злобный дух»), который, в свою очередь, используется для описания духов злонамеренных. В большинстве рассмотренных нами в ходе анализа примерах *гуй* по своим основным характеристикам не сильно отличен от *шэнь* — они также как и *шэнь* рождаются из душ умерших, обладают знаниями о бытии за гранью знаний простых смертных и используют свои силы для вмешательства в их жизни. Ключевая разница заключается в том, что действия *шэнь* по отношению к людям самими людьми оцениваются как положительные, например помощь в продвижении по карьерной лестнице⁶ или излечение от болезни в награду за добрые дела⁷. Действия *гуй* же всегда считаются людьми негативными (даже если не обязательно таковыми являются⁸), например *гуй* ответственны за распространение болезней, забирают человека в конце жизни на тот свет, являются источником бытовых проблем или просто пугают путников среди ночи.

Интересно также заметить особенности происхождения *шэнь* и *гуй* как сущностей. Как уже было сказано, оба существа происходят из души умершего. Казалось бы, закономерно появление доброго и могущественного *шэнь* из высокоморального человека, а появление злобного и презренного *гуй* из греховного человека. Но это не та система что наблюдается нами в *Соу шэнь цзи*. В труде дважды описывается обращение человека после смерти в *шэнь*⁹ — в обоих случаях это высокопоставленные личности, не отличающиеся особой святостью (даже наоборот в рассказе 92).

При этом *гуй*, обычно, становятся люди, погибшие смертью незаслуженной, например затравленная жестокой свекровью девушка¹⁰, или люди умершие от болезни¹¹, голода, холода. Помимо этого, *гуй* могут родиться как физическое воплощение

² Только в первых 5 *цзюанях* - рассказы 1, 2, 27, 31, 44, 48, 74, 76, 78, 81, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 92, 95 (Гань Бао 1979: 1, 2, 14, 16, 25, 27, 44, 47, 49, 50, 52, 53, 55, 57, 60)

³ Рассказы 84, 90 (Гань Бао 1979: 53, 55)

⁴ Рассказ 95 (Гань Бао 1979: 60)

⁵ Рассказ 89 (Гань Бао 1979: 55)

⁶ Рассказ 424 (Гань Бао 1979: 221)

⁷ Рассказ 280 (Гань Бао 1979: 135)

⁸ Рассказы 378, 383, 386, 391 (Гань Бао 1979: 189, 193, 196, 198)

⁹ Рассказы 91 и 92 (Гань Бао 1979: 55, 57)

¹⁰ Рассказ 97 (Гань Бао 1979: 61)

¹¹ Рассказ 400 (Гань Бао 1979: 207)

болезни¹² или появиться из долгоживущего животного вроде лиса¹³. Отметим, что в результате диахронического анализа термина в своем труде А. Г. Сторожук разделил *гуй* на 2 категории на основе происхождения: просто нечисть и происходящие из неуспокоенной души умершего (Сторожук, 2012: 58). Наш анализ *Соу шэнь цзи* позволяет заключить что второй тип *гуй*, выделяемый А. Г. Сторожуком, в анализируемом труде называется *гуйшэнь* (см. ниже).

Таким образом, *шэнь* — это дух, обладающий широким спектром сил и знаний о мире, доброжелательно относящийся к людям в том случае, если он получает подобающие его статусу молитвы и приношения, и, обычно, прикрепленный указом свыше как покровитель определенной местности (где и должен находиться его храм¹⁴).

Гуй, в свою очередь, — это дух, обладающий широким спектром сил и знаний о мире, относящийся ко всякому человеку в первую очередь недоброжелательно и использующий свои силы для негативных с точки зрения человека деяний, хотя также определенный на выполнение оных силами свыше.

Стоит упомянуть, что термин *шэнь* часто используется как собирательный для сверхъестественных существ в целом — злонамеренных и несущих добро. Поэтому Гань Бао и выбирает именно это слово для названия книги о всех возможных проявлениях чудес. Гипо-гиперонимичные отношения терминов *шэнь* и *гуй* обуславливают перевод *шэнь* как просто «дух», а *гуй* как конкретно «злой дух».

Нечисть - мэй 魅

Из важных для определения терминов стоит также обратить внимание на *мэй* 魅 («нечисть»). Сущностей, названных в тексте *мэй* присутствует всего лишь 9¹⁵. Все они имеют ряд общих характеристик: обладают большей телесностью чем стандартные *гуй*, обычно являются если не монстрами, то лисами (или подобными им животными)¹⁶, и, естественно, пользуются своими силами во вред путникам. От *гуй* их принципиально отличает монстрообразность и меньшая могущественность. Так, *мэй* — это дух, проявляющийся в виде монстра, часто происходящий из вредных животных, и обычно несущий неприятности людям.

Призрак - гуйшэнь 鬼神, дух-оборотень - гуймэй 鬼, бесовская сущность - гуйу 鬼物

Далее, имея уже представление о терминах *шэнь*, *гуй* и *мэй*, хотелось бы обратиться к “вариациям” *гуй*: *гуйшэнь* 鬼神 («призрак»), *гуймэй* 鬼魅 («дух-оборотень»)

¹² Рассказы 362, 364 (Гань Бао 1979: 180, 182)

¹³ Рассказ 426 (Гань Бао 1979: 223)

¹⁴ Рассказы 89, 92 (Гань Бао 1979: 55, 57)

¹⁵ Рассказы 32, 67, 405, 406, 425, 427, 438 (Гань Бао 1979: 20, 40, 210, 211, 222, 224, 229)

¹⁶ Монстрообразное существо в рассказе 406, лиса в рассказах 67, 425, 427, змея в рассказе 32, свинья, петух и скорпион в рассказе 438 (Гань Бао 1979: 211, 40, 222, 224, 20, 229)

и *гуйу* 鬼物 («бесовская сущность»). В первую очередь, стоит заметить, что все эти номинации естественно связаны некоторым образом между собой и с общей для них корневой морфемой *гуй* 鬼. Кроме *гуйшэнь*, все духи, называемые терминами с *гуй* в составе, будут представлять из себя сущности, оцениваемые людьми как вредоносные.

То, что *гуйшэнь* представляет собой исключение, объясняется наличием в этом слове морфемы *шэнь* 神: она «нивелирует» негативную коннотацию. То, что роднит *гуйшэнь* с *гуй* — это происхождение. *Гуйшэни* являются духами умерших незаслуженной смертью, возвратившимися не в качестве злобных *гуй*, но и не в качестве покровителей *шэнь*. Такие сущности обычно являются смертным с того света чтобы рассказать историю своей смерти и тем самым повлечь наказание тех, кто их погубил¹⁷. Из сказанного следует, что *гуйшэнь* — это дух несправедливо убитого, возвращающийся к смертным для огласки истории своей смерти.

Очевидно, что именно образ *гуйшэнь* является максимально приближенным к индоевропейскому концепту «призрака», тогда как термин *гуй* обычно называет более широкий спектр сверхъестественных сущностей. Таким образом, можно утверждать что: во-первых, термин *гуй* будет являться гиперонимом для всех злобных духов, включая *гуйшэнь*; во-вторых, перевод *гуй* как «призрака» не является корректным, ведь для обозначения этого подвида *гуй* используется термин *гуйшэнь*.

Как уже было сказано ранее, *гуймэй* и *гуйу*, как гипонимы *гуй*, оба обладают ключевой характеристикой *гуй* — злонамеренностью. Логично предположить, что ввиду наличия в своем составе морфемы *мэй* 魅, *гуймэй* будет перенимать часть его характеристик. Отличительной особенностью *мэй* является монстрообразность и животность, это справедливо и для *гуймэй*. Эти сущности имеют обыкновение прибегать к обращению в людей для того чтобы приносить вред в ночное время¹⁸, а при свете дня обнаруживается что *гуймэй* все это время были животными¹⁹. *Гуймэй* — это разновидность злобных духов *гуй*, которые осуществляют злодеяния путем превращения в людей, и зачастую происходят из вредных животных.

Что касается *гуйу*, то главным отличием данного термина от прочих будет стилистическая особенность его употребления. *Гуйу* используется как оценочное слово, используемое в большинстве своем в прямой речи персонажей или в описании их рассуждений²⁰. Это слово употребляется как указание на общую присущую определенному персонажу негативную характеристику *гуй*, при этом они не обязательно будут представлять собой конкретно *гуй*²¹. Например, так можно назвать человека, проявляющего отрицательные черты²². Все сказанное свидетельствует о том,

¹⁷ Рассказы 97, 384, 394 (Гань Бао 1979: 61, 194-196, 200)

¹⁸ Рассказы 390, 398, 422, 432, 439 (Гань Бао 1979: 198, 205, 221, 226, 230)

¹⁹ Рассказы 422, 432, 439 (Гань Бао 1979: 221, 226, 230)

²⁰ Рассказы 22, 399, 436 (Гань Бао 1979: 10, 206, 228)

²¹ Например, рассказ 400 (Гань Бао 1979: 207)

²² Рассказ 399 (Гань Бао 1979: 206)

что *гуй* - это оценочный термин для обозначения существа, которому присущи характеристики *гуй*, при этом не обязательно являющегося *гуй*.

Заключение

В настоящей статье была предпринята попытка уточнения определений ряда терминов, используемых Гань Бао для описания сверхъестественных существ: были выведены их ключевые особенности и характеристики, проведен сравнительный анализ.

На этом не исчерпывается представленная в *Соу шэнь цзи* лексика для описания сверхъестественных существ. Этот классический труд продолжает представлять живой интерес для заинтересованных в данном пласте лексики исследователей. По нашим подсчетам в работе Гань Бао представлено, помимо освещенных в настоящей статье, более 18 различных терминов. Работа по их анализу является перспективой развития данного исследования.

Список литературы

Алимов И. А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I—VI вв. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2014. 592 с.

Гань Бао Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). Пер. с древнекит., предисл., прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. 576 с.

Меньшиков Л. Н. О Гань Бао, его времени и его разысканиях о духах // Гань Бао. Записки о поисках духов. СПб., 2000. С. 5–22.

Сторожук А. Г., Корнильева Т. И., Завидовская Е. А. Духи и божества китайской преисподней СПб: КАРО. 2012. 464 с.

Гань Бао 干寶. Соу шэнь цзи 搜神記 [Записки о поисках духов]. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1979. 263 с.

Теплюк Ирина Андреевна
студентка 3 курса
Института иностранных языков МГПУ¹

Своеобразие женских образов в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие»

Роман «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна (*кит.* 《三国演义》, 罗贯中) – один из четырех китайских классических романов, которые сыграли важную роль в формировании искусства народа Поднебесной: он дал начало жанру исторического, военного романа. Произведение повествует о событиях эпохи Троецарствия (220–280 гг.), хотя было написано в XIV веке.

Несмотря на военную тематику, содержание романа не исчерпывается батальными сценами, изображением стратегических планов, описанием тактик военных действий и переговоров. В произведении звучит также и женская тема, которая решена с точки зрения господствующей идеологии. Ло Гуаньчжун жил в XIV веке, значит, мы можем предположить, что образы романа, как мужские, так и женские, создавались под влиянием конфуцианства.

Конфуцианство утвердилось в качестве официальной идеологии китайской империи при императоре Восточной Хань – Мин-ди (*кит.* 明帝, правил в 57–75 года), а к XIV веку оно было уже прочно закреплено в умах китайского народа. Конфуцианский взгляд на женщину во многом определил позицию автора романа «Троецарствие» при создании женских образов. Исследователь китайской литературы Б. Л. Рифтин также указывал на желание Ло Гуаньчжуна отразить в произведении конфуцианские идеи.² Однако важно отметить, что в романе изображен и другой концептуальный вектор – даосизм, который связан, прежде всего, с образом Чжугэ Ляна; даосской идеологией также освещены первые страницы романа, где речь идет о восставших, с которыми борются герои.

Согласно конфуцианской идеологии, разделение мужчин и женщин и их обязанностей, правил поведения является необходимым условием жизни. Конфуцианство рассматривает женщину как важный элемент для гармонии в обществе, олицетворяющий «инь» и сдерживающий мужскую энергию «ян». Конфуцианский идеал приписывает женщине такие качества, как преданность и подчинение мужу, жертвенность, почитание родителей. Особая роль отводится матери — продолжательнице рода.

¹ Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент ИИЯ МГПУ Т. И. Кондратова.

² Рифтин Б. Л. Повествовательная проза: [Китайская литература XIII—XVI вв.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. 1985. С. 639–647.

Поскольку война — сфера деятельности мужчин, на первый взгляд кажется, что женские образы не могут играть в ней значительной роли. Однако статистика убеждает в обратном: в результате исследования было выявлено, что среди более 400 героев романа 66 женских образов, что составляет 16,5% от общего числа: процент является достаточно весомой долей для такого «мужского» произведения. Рассмотрев наиболее яркие эпизоды с участием женщин, мы выделили особенности их образов в «Троецарствии».

Образы героинь всех социальных типов лишены самодостаточности: их функции в романе подчинены военным, патриотическим целям, характерным для их мужчин. Часто женские образы становятся мощным инструментом стратегических планов.

Например, один из эпизодов посвящен устранению диктатора Дун Чжо с помощью женской интриги. Ван Юнь стоит во главе этого заговора против тирана Дун Чжо. С помощью молодой и красивой певички Дяо Шань, которая считает Ван Юня приемным отцом, он осуществляет план, когда сын убивает отца. Как он смог это сделать? Ван Юнь сначала влюбляет Люй Бу в свою приемную дочь, а потом продает её в наложницы Дун Чжо. Вернувшийся после сражения сын узнает, что его любимая теперь в числе наложниц его приемного отца. Дяо Шань говорит Ван Юню, когда тот просит её о помощи: «Вы всегда были милостивы ко мне, — начала Дяо Шань. — Вы научили меня петь и танцевать и обращались со мной так хорошо, что *если бы даже я умерла ради вас, и то я не отплатила бы и за десятую долю ваших благодеяний*. С недавних пор я стала замечать, что вы, господин мой, сурово хмурите брови. Причиной тому, наверно, какое-то государственное дело, и я не осмеливаюсь спрашивать. Вот и сегодня вы опять чем-то озабочены. Я вижу это и потому вздыхаю. Если бы я могла вам чем-нибудь помочь, поверьте, *я не пожалела бы своей жизни*»³. Данная реплика подчеркивает осознанную готовность девушки пойти на риск, который мог бы лишить её жизни, в знак благодарности мужчине (тут — «приёмному отцу», хозяину). Чем заканчивается эта ситуация? «Сын» Люй Бу сносит голову «отцу» Дун Чжо. Этот эпизод очень показателен в плане того, как строятся стратагемы — умение рассчитать поступки других на несколько ходов вперед. И женщины очень часто становятся инструментом исполнения таких стратегических планов.

Примером такого же использования женщин в мужской политике можно считать эпизод, когда Чжугэ Лян, главный, классический стратег романа, чтобы настроить Сунь Цюаня (правителя царства У) против Цао Цао (правителя царства Вэй) и заставить первого отправиться в военный поход, говорит о сестрах Цяо. Он убеждает своих будущих союзников в том, что Цао Цао ведет войну, чтобы заполучить двух сестёр-красавиц Цяо, она из которых — Сяо Цяо — жена Чжоу Юя, главного военно-стратегического помощника царства У. В качестве аргумента Чжугэ Лян приводит строки из «Оды башне Бронзового воробья» Цао Чжи:

³ Ло, Гуаньчжун. Троецарствие: роман : в 2 т. / Ло Гуаньчжун ; [пер. В. А. Панасюка ; под ред. В. С. Колоколова ; подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина]. СПб.: Наука, 2014. 1664 с. Гл. 8.

На юго-востоке пленивши *двух Цяо прекрасных*,
Веселью предаться хочу я с красотками тут.⁴

Резкий ответ Чжоу Юя стал гарантией осуществления похода: «*Чтобы я склонился перед Цао Цао? — не унимался Чжоу Юй. — Не бывать этому! Не для того пользовался я доверием Сунь Цэ, чтобы предать его память!*»⁵. Это заставляет Сунь Цюаня предпринять решительные меры и отправить Чжоу Юя в военный поход против Цао Цао, что ещё раз подтверждает эффективность такого способа привлечения женщин в политические дела.

В романе мы видим и примеры женской жертвенности. Первая жена Лю Бэя, госпожа Ми, не побоялась покончить жизнь самоубийством ради спасения младенца Лю Шаня (А-доу — детское имя): «— О, как я счастлива, теперь А-доу будет жив! — обрадовалась жена Лю Бэя, заметив Чжао Юня. — Сохраните жизнь ребенку ради его отца, который, как вихрь, кружит по белу свету. У него нет детей, кроме этого сына. *Теперь я умру спокойно*»⁶. Ло Гуаньчжун уважает этот поступок и выражает почтение госпоже Ми, используя стилистический приём – оксюморон: «Она положила А-доу на землю и одним прыжком бросилась в колодец. Так погибла эта *мужественная женщина*»⁷.

Пример иной жертвенности мы видим в образе матери Сюй Шу (также Юаньчжи), военного советника Лю Бэя. Её сын отказался не настолько мудрым и повелся на уловку Цао Цао, по приказу которого Чэн Юй подделал письмо его матери, тем самым заставив покинуть Лю Бэя (противника Цао Цао). Сюй Шу перед отъездом объясняет Лю Бэю: «Цао Цао хитростью завлек ее в Сюйчан и бросил в темницу, ей угрожает казнь! И вот она прислала письмо, призывая меня спасти ее»⁸. Сыграв на преклонном возрасте матери, враг смог обхитрить сына. Мать Сюй Шу покончила с собой от позора: «Ну как ты мог из-за подложного письма покинуть свет ради тьмы! *Какими глазами мне смотреть на тебя? Ты опозорил своих предков! Напрасно ты живешь на свете!*»⁹. Данный отрывок не только характеризует образ матери, которая переживает за сына и за будущее страны в целом, но и ещё раз подчёркивает исключительное положение матери (в особенности в преклонном возрасте): её почитают и уважают все, вне зависимости от возраста и рода деятельности.

Ло Гуаньчжун создает образы женщин разного возраста. Он изображает мудрость вдовствующей княгини У, матери и главы семьи. Последнее слово остается за ней, ведь конфуцианство осуждает восстание против воли матери. Показательный момент в этом

⁴ Ло, Гуаньчжун. Троецарствие: роман : в 2 т. / Ло Гуаньчжун ; [пер. В. А. Панасюка ; под ред. В. С. Колоколова ; подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина]. СПб.: Наука, 2014. 1664 с. Гл. 44.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Гл. 41.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Гл. 36.

⁹ Ло, Гуаньчжун. Троецарствие: роман : в 2 т. / Ло Гуаньчжун ; [пер. В. А. Панасюка ; под ред. В. С. Колоколова ; подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина]. СПб.: Наука, 2014. 1664 с. Гл. 37.

отношении – выбор мужа или жены, который обязательно должен был проходить непосредственно согласно воле матери (как одобрение выбора детей либо решения вместо них). В одном из эпизодов романа мы как раз видим, что благосклонность княгини У к Лю Бэю стала решающим фактором женитьбы Лю Бэя на ее дочери, госпоже Сунь: «Я еще не знакома с Лю Бэем, — оборвала его княгиня. — Завтра я посмотрю на него в кумирне Ганьлу, и если он мне не понравится, можете делать с ним все, что хотите! *Но если он мне понравится, я сама выдам дочь за него!*»¹⁰. Фактически вдовствующая княгиня У здесь спасла Лю Бэя от смерти, которую ему готовили противники из царства У.

Если говорить о госпоже Сунь, сестре Сунь Цюаня, стоит отметить оригинальность её образа, отличающегося от других. Это тип женщины-воительницы, амазонки, обладающей сильным характером: «— Ах, так вы Чжоу Юя больше боитесь, чем меня? — *набросилась* на них госпожа Сунь. — Думаете, что *он может вас казнить, а я не могу?*»¹¹. Может возникнуть вполне закономерный вопрос: почему появился такой типаж в романе, ведь он вступает в противоречие с конфуцианством? В образе госпожи Сунь мы можем видеть влияние фольклора и городской литературы, где были образы воинственных женщин, например, в легенде о Хуа Мулань или новелле «История Се Сяо-э» неизвестного автора эпохи Тан. Хотя Образ госпожи Сунь необычен, но и в нем доминирует конфуцианская идеология. Выйдя замуж за Лю Бэя, несмотря на свой резкий и смелый характер, госпожа Сунь всё-таки станет покорной женой, причём полностью осознавая свой женский долг, как подобает женщине в конфуцианской семье: «*Жена обязана служить своему мужу и всегда быть вместе с ним*»¹². Она поможет Лю Бэю бежать в Цзинчжоу, отказавшись покинуть его, сохранив верность и преданность своему мужу.

В основном женские образы в романе идеализированы, однако в некоторых проявляются и отрицательные черты. В этом отношении показателен эпизод предательства Хуан Куя (чиновника при Цао Цао) его наложницей Ли Чун-сян. Женщина находилась в близких отношениях с Мяо Цзэ (младшим братом его жены), который желал избавиться от Хуан Куя и взять Ли Чун-сян в жены. Мяо Цзэ посоветовал девушке вызвать последнего на разговор. Хуан Куй по неосторожности (он был пьян) раскрыл свой заговор с Ма Тэном против Цао Цао: «Ну, *где тебе, женщине, понимать, что хорошо, а что плохо! Да и какое тебе дело до меня! Я ненавижу Цао Цао и не могу дождаться дня, когда его убьют*»¹³. Наложница, в свою очередь, рассказала об этом Мяо Цзэ, тот донес Цао Цао. В итоге всю семью Хуан Куя казнили как предателей. Интересен тот факт, что самих влюблённых Цао Цао тоже казнил, выразив таким образом

¹⁰ Там же. Гл. 54.

¹¹ Там же. Гл. 55.

¹² Ло, Гуаньчжун. Троецарствие: роман : в 2 т. / Ло Гуаньчжун ; [пер. В. А. Панасюка ; под ред. В. С. Колоколова ; подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина]. СПб.: Наука, 2014. 1664 с. Гл. 55.

¹³ Там же. Гл. 57.

презрительное отношение к женскому полу: «Ах, так ты ради женщины погубил семью своей сестры? — усмехнулся Цао Цао. — Не стоит оставлять в живых такого бесчестного человека!»¹⁴.

Стремление сохранить свое положение любыми способами приводит к применению хитрости. Так, госпожа Цай, жена Лю Бяо, написала подложное завещание, согласно которому правителем округа Цзинчжоу назначался её любимый сын Лю Цзун, а не старший сын Лю Ци (как изначально хотел Лю Бяо): «Посоветовавшись с близкими, он [Лю Бяо] написал завещание, умоляя Лю Бяэ помогать его старшему сыну Лю Ци в делах управления округом Цзинчжоу. Госпожа Цай была крайне недовольна таким решением мужа. Она заперла все двери в доме и велела Цай Мао и Чжан Юнью закрыть ворота и никого не впускать»¹⁵. Автором романа осуждается такое поведение: вскоре после осуществления заговора мать с сыном будут убиты Цао Цао.

Итак, можно выделить основные социальные типы женских образов: жена или наложница (Сяо Цао, госпожа Ми, госпожа Гань, госпожа Сунь, Ли Чунсян, госпожа Цай), мать (княгиня У, мать Сюй Шу), служанка (Дяо Шань). Все эти типы в романе соответствуют конфуцианским идеалам, в них присутствуют характерные для данного учения черты, такие как покорность, благодарность, смирение, готовность служить мужу и отцу, пожертвовать собой ради их дела.

Таким образом, исследование показало, что женские образы романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» формировались под влиянием конфуцианского учения. Несмотря на то что в произведении уделяется внимание описанию женских судеб и иногда героини даже играют довольно важную роль в том или ином эпизоде (как, например, помощь госпожи Сунь в бегстве Лю Бяэ; использование Чжугэ Ляном двух сестёр Цяо в качестве предлога для похода Чжоу Юя против Цао Цао), женские персонажи остаются лишь вспомогательным инструментом для развития сюжета.

Список источников и литературы

Кондратова Т. И. Литература Китая: учебное пособие. М.: МГПУ, 2020. 224 с.

Конфуций. Лунь Юй. Режим доступа: https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read/ (дата обращения: 12.02.2022)

Ло, Гуаньчжун. Троецарствие: роман : в 2 т. / Ло Гуаньчжун ; [пер. В. А. Панасюка ; под ред. В. С. Колоколова ; подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина]. СПб.: Наука, 2014. 1664 с.

Рифтин Б. Л. Повествовательная проза: [Китайская литература XIII–XVI вв.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. 1985. С. 639–647.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Гл. 40.

Серебряков Е.А. Женщина в конфуцианской традиции (по материалам досунских комментариев к «Шицзину») // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы XI научной конференции. Ч. II / ЛО ИВ РАН, Вост. фак-т ЛГУ. С. 246–253. Из библиотеки Л.Р. Концевича. Режим доступа: http://rauk.ru/index.php?option=com_jdownloads&Itemid=4&view=viewdownload&catid=13&cid=4651&lang=en (дата обращения: 12.02.2022)

Шаров. К.С. Женщины в конфуцианской традиции. // Журнал «Человек». 2012. №4. С. 148–163.

Tan Michael Chandra. The process of translation, adaptation, and question of feminism in Luo Guanzhong's Romance of the Three Kingdoms // Journal «Indonesian Journal of English Language Studies». Vol. 4, No. 2. 2018. С. 56–62.

Хачатурян Софья Вадимовна
студентка 5 курса департамента востоковедения и
африканистики НИУ ВШЭ – СПб¹

Халлю в Китае

В настоящее время популярная культура Южной Кореи обрела известность не только в азиатском регионе, но и во всем мире. Для обозначения процесса экспорта массовой культуры Республики Корея (далее – РК) за рубеж применяется термин «корейская волна» или халлю. Особое международное признание приобрели такие продукты корейской креативной сферы, как К-поп (корейская популярная музыка) и драмы (корейские сериалы).

Распространение халлю в Азии началось с успеха сериала «Что такое любовь?»² в Китае, после чего корейские драмы стали пользоваться популярностью у китайской публики. Сам термин «корейская волна» был впервые введен в оборот тайваньской газетой «Китайские хроники» в 1997 г., а по отношению к южнокорейской популярной культуре стало применяться в 1999 г., после выхода в «Пекинской молодежной газете» статьи «Временами и восточный ветер дует на восток» (Лачина 2014, с. 148).

Поскольку именно Китай стал первой страной, в которую экспортировались продукты корейской креативной сферы, кейс восприятия контента халлю в КНР заслуживает более пристального внимания. Кроме того, в отечественной литературе данная проблема изучена недостаточно глубоко, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель данной работы — выявить специфику восприятия контента халлю в Китае. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: изучить стадии процесса рецепции «корейской волны» в Китае, определить методы и формы восприятия корейских культурных продуктов и проанализировать причины и методы ограничения экспорта халлю в КНР.

Методология настоящего исследования базируется на применении метода кейс-стади. С его помощью были выявлены особенности механизмов рецепции контента халлю в Китае. Кроме того, был задействован диахронический метод, позволивший проследить эволюцию халлю в период с конца 1990-х гг. по настоящее время и составить периодизацию процесса восприятия продуктов «корейской волны». Также в ходе изучения аудиовизуальных источников (телесериалов, музыкальных клипов и т.д.) применялся метод контент-анализа.

¹ Научный руководитель — к. и. н. Н. В. Григорьева.

² «사랑이 뭐길래», транслировался в 1991–1992 гг. на канале MBC.

Процесс рецепции халлю в Китае

Процесс восприятия контента халлю в Китае начался в конце 1990-х гг. и происходил крайне неравномерно, разделившись в общей сложности на пять периодов (Park, Lee, Seo, 2019, p. 144–152). Первый этап (конец 1990-х – середина 2000-х гг.) характеризовался невероятным подъемом популярности продуктов «корейской волны», достигшим пика в 2005 г. после показа сериала «Жемчужина дворца»³ (Ibid, p. 144–145). Несмотря на быструю рецепцию корейского медиаконтента в конце 1990-х гг., обусловленную, прежде всего, культурной близостью Китая и Кореи, на втором этапе (2006–2012 гг.) наблюдалось резкое падение интереса к продуктам халлю, в связи с ограничениями, наложенными ГУППРКТ КНР⁴ на трансляцию иностранных телепрограмм⁵. Отрицательная динамика сохранялась в течение продолжительного времени, однако после трансляции в 2013–2014 гг. дорам «Наследники»⁶ и «Человек со звезды»⁷ на китайских онлайн-платформах, а также создания китайских версий нескольких корейских развлекательных программ популярность контента «корейской волны» снова стала увеличиваться. Хотя третий этап (2013 – 2015 гг.) превзошел успех предыдущих и оказался самым удачным и в культурном, и в коммерческом измерениях, длился он недолго, закончившись полномасштабной блокадой южнокорейской продукции — как культурной, так и товарной — после развертывания летом 2016 г. на Корейском полуострове системы ТНААД для противодействия ядерной угрозе со стороны КНДР (Park, Lee, Seo, 2019, p. 150). Правительство КНР, расценив данные действия как опасность с точки зрения национальных интересов своей страны, ввело негласные ограничения на корейскую поп-культуру, действовавшие вплоть до конца 2021 г. В настоящее время рецепция халлю в Китае вступает в новый этап, наблюдается постепенное снятие запрета на контент южнокорейской культурной индустрии.

Трансформация контента «корейской волны»

Говоря о процессе рецепции, необходимо отметить, что на протяжении его периодов корейский контент не оставался неизменным, а подвергался определенным трансформациям. Начав с импорта продуктов «корейской волны» и простого перевода их на китайский язык, ведущие акторы индустрии развлечений КНР постепенно изменили свою стратегию восприятия халлю в сторону адаптации контента корейской поп-культуры под вкусы собственного зрителя.

Одним из первых методов подобной адаптации выступили ремейки популярных корейских дорам и телешоу. Данный способ рецепции вначале представлял скорее

³ «대장금», 2003–2004 гг.

⁴ Государственное управление прессы, публикаций, радио, кино и телевидения КНР, с 2018 г. – Национальное управление радио и телевидения КНР.

⁵ В 2005 году постановлением ГУППРКТ КНР китайским телеканалам было запрещено транслировать корейские дорамы больше 20 часов в год.

⁶ «상속자들», 2013 г.

⁷ «에서 온 그대», 2013–2014 гг.

копирование, чем производство нового продукта. Так в 2011 г. на экраны вышла китайская версия⁸ корейской драмы «Осень в моем сердце»⁹. Затем, в 2013–2014 гг., китайские компании начали массово выкупать права на самые популярные корейские телешоу (Chai, 2018, p. 35), в числе которых были «Бегущий человек»¹⁰ и «Я певец»¹¹. Пик производства ремейков пришелся на 2015 г., когда в эфир вышли адаптации сериала «Мужчина королевы Инхён»¹² и фильма «Слепая»¹³. На четвертом этапе рецепции возникает явление «обратных ремейков», когда корейские продюсеры выпускают свои версии китайских сериалов. Примером может служить драма «Лунные влюблённые – Алые сердца: Корё»¹⁴, являющаяся адаптацией китайского сериала «Поразительное на каждом шагу»¹⁵.

Еще одним методом рецепции контента халлю является совместное кинопроизводство. Что касается корейско-китайских отношений в данной сфере, следует отметить, что вначале китайская сторона лишь помогала корейской подбирать подходящие места для съемок, однако впоследствии это переросло во взаимовыгодное сотрудничество между киноиндустриями двух стран. В настоящее время в процессе производства задействуется персонал с обеих сторон, особенно часто китайские продюсеры приглашают на главные роли популярных корейских актеров (Jang, 2012, p. 105) («Озорная принцесса»¹⁶ – Чан Нара, «Относительная любовь»¹⁷ – Пак Хэчжин, «Девушка-вихрь 2»¹⁸ – Чжи Чанук).

Кроме того, во время третьего периода рецепции халлю в Китае сотрудничество между китайской и корейской медиаиндустриями выходит на новый уровень: с 2014 г. китайские компании не только в большом количестве приобретают лицензии на дистрибуцию корейских дорам, но и скупают доли в крупных корейских кинокомпаниях. К примеру, Sohu инвестировала 15 млн долларов в корейскую компанию KeyEast, занимающуюся продвижением артистов халлю (Park, Lee, Seo, 2019, p. 147).

Что касается музыкальной индустрии, существует тенденция дебюта китайских исполнителей сначала в Корее, а уже затем в Китае. Корейские компании организуют глобальные прослушивания, в том числе и в КНР, где при помощи местных агентств отбирают стажеров для будущих К-поп групп. Именно так проходил набор в одну из самых успешных групп халлю EXO, четверо из участников которой – китайцы. Наличие

⁸ «一不小心爱上你», 2011 г.

⁹ «가을동화», 2000 г.

¹⁰ «런닝 맨», 2010 г. – настоящее время, ремейк – «奔跑吧兄弟», 2014 г. – настоящее время.

¹¹ «나는 가수다», 2011 г. – настоящее время, ремейк – «我是歌手», 2013 г. – настоящее время.

¹² «인현왕후의 남자», 2012 г., ремейк «Любовь сквозь тысячелетие», «相爱穿梭千年», 2015 г.

¹³ «블라인드», 2011 г., ремейк – «Свидетель», «我是证人», 2015 г.

¹⁴ «달의 연인-보보경심 려», 2016 г.

¹⁵ «步步惊心», 2011 г.

¹⁶ «刁蛮公主», 2005 г.

¹⁷ «恋爱相对论», 2014 г.

¹⁸ «旋风少女第二季», 2016 г.

подобной тенденции обуславливается прежде всего высоким уровнем профессиональной подготовки корейских развлекательных агентств: молодые люди хотят дебютировать в РК, так как вероятность успеха в этом случае гораздо выше, а последующее продвижение на китайском рынке проходит значительно легче (Chai, 2018, p. 36).

В последние годы китайская сторона начала активно перенимать опыт корейских специалистов в сфере создания продуктов массовой культуры и, опираясь на него, создавать собственную индустрию продюсирования айдолов. В качестве наиболее эффективного способа поиска талантливых артистов используются шоу на выживание, доказавшие свою продуктивность на корейской сцене. Среди них – китайская версия проекта Produce 101¹⁹, четвертый сезон²⁰ которой вышел на экраны зимой 2021 г. Среди наставников Produce Camp 2021 присутствовала Эмбер Лю, участница К-поп группы f(x).

Ограничение импорта халлю: причины и методы

Несмотря на огромный успех «корейской волны» во всем мире, в Китае в разные периоды наблюдается целенаправленное противодействие ее распространению. Восприятие халлю осложняется ограничениями, которые накладывает как правительство, так и само общество: за социальным протестом часто следуют политические и правовые меры.

Движение анти-халлю зародилось в Китае еще во время первого этапа рецепции. Уже в середине 2000-х гг., когда рейтинг одного из самых популярных продуктов «корейской волны», сериала «Жемчужина дворца», был на пике, в китайском обществе появились анти-корейские настроения, связанные с опасениями по поводу вытеснения китайского медиаконтента корейским (Jang, 2012, p. 107). Первые официальные ограничения в отношении халлю были введены в связи с общественным недовольством, однако последующее ужесточение мер, направленных на сокращение трансляции корейских дорам на китайском телевидении, имело куда более серьезные причины. Когда «корейская волна» начала получать государственную поддержку, а основной ее целью стало продвижение южнокорейского культурного стандарта на территории Азии, произошло столкновение медиасфер РК и КНР, также стремившейся к культурному доминированию в регионе (Jeong, 2012, p. 88).

На протяжении всего второго этапа рецепции «корейская волна» периодически подвергалась ожесточенной критике как с позиции китайской индустрии развлечений, так и со стороны интернет-пользователей. Антагонистические настроения в отношении халлю нередко перерастали в культурный национализм и призывы бойкотировать ее контент, но все изменилось со вступлением в третий этап рецепции.

¹⁹ «프로듀스 101», 2016 г. – настоящее время.

²⁰ «创造营 2021», 2018 – настоящее время.

Широкомасштабное сотрудничество в сфере производства культурных продуктов принесло пользу обеим сторонам, а прежние конфликты медиасфер, казалось, были улажены.

Однако, когда 8 июля 2016 г. в РК была размещена американская система ПРО THAAD, политические интересы Китая и Южной Кореи столкнулись вновь, что повлекло за собой негласный запрет халлю на территории КНР. Уже в августе были отменены показы нескольких корейских дорам, концерты EXO в Шанхае, а также ряд других мероприятий, запланированных корейскими артистами. Помимо этого, сцены с участием звезд «корейской волны» были вырезаны из всех шоу, сериалов и фильмов, в которых они принимали участие. Разорваны были и рекламные контракты с южнокорейскими знаменитостями: компании-производители мобильных телефонов Oppo и VIVA заменили Чон Чжихён и Сон Чжунки, ранее являвшихся лицами их брендов, актерами китайского происхождения Анджелой Бейби и Эдди Пэном (Park, Lee, Seo, 2019, p. 151).

Некоторые исследователи полагают, что запрет на «корейскую волну» в действительности был наложен не из-за политического конфликта, а по той же причине, что и ранее – из-за столкновения медиасфер (Jeong, 2012, p. 93). Так или иначе действие запрета на халлю, несмотря на периодические послабления, продолжалось до конца 2021 г. Поскольку «корейская волна» никогда не была запрещена официально, трудно понять, когда ограничения будут сняты полностью, однако в настоящее время наблюдается положительная динамика в отношениях между культурными индустриями КНР и РК. Об этом можно судить по ряду косвенных факторов, в числе которых – выход в китайский прокат корейского фильма «О! Мун Хи»²¹ 3 декабря 2021 г. (Korean film, 2021) после почти шестилетнего перерыва в трансляции южнокорейского контента.

Выводы

В ходе исследования было выявлено, что процесс восприятия продуктов халлю в Китае происходил крайне неравномерно, разделившись в общей сложности на пять периодов. Часто рецепция искусственно замедлялась вследствие столкновения интересов культурной политики двух стран. В целом несмотря на то, что в Китай всячески препятствует культурной диффузии, степень адаптации и распространения продуктов халлю в стране очень высока, поскольку китайская сторона на протяжении многих лет активно перенимала корейский опыт с целью создания собственной индустрии развлечений. В связи с этим представляется, что дальнейшее исследование процесса рецепции «корейской волны» в КНР следует сфокусировать на особенностях китайской индустрии развлечений, ее связи с «корейской волной» и перспективах ее развития.

²¹ «오! 문희», 2020 г.

Список источников и литературы

Chai Danhong. The Korean Wave and its Influences under Korean Performing Arts Activities Ban in PRC, 2016 Both in China and South Korea. // ProQuest Dissertations Publishing. 2018. Pp. 1–68. [Электронный ресурс] URL: <https://search.proquest.com/openview/bb2178ea82e1960392b83721b72def7f/1.pdf?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (дата обращения: 03.03.2022).

Jang Soo-Hyun. The Korean Wave and Its Implications for the Korea-China Relationship // Journal of International and Area Studies. 2012. Vol. 19. № 2. Pp. 97–113.

Jeong Jong-Ho. Ethnoscapes, Mediascapes, and Ideoscapes: Socio-Cultural Relations between South Korea and China // Journal of International and Area Studies. 2012. Vol. 19. № 2. Pp. 77–95.

Korean film 'Oh! My Gran' opens in Beijing // Yonhap News. 03.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://en.yna.co.kr/view/PYH20211203192100315> (дата обращения: 03.03.2022).

Park Ji-Hoon, Lee Yong-Suk, Seo Ho-Geun. The rise and fall of Korean drama export to China: The history of state regulation of Korean dramas in China // The International Communication Gazette. 2019. Vol. 81(2). Pp. 139–157.

Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №2. С. 147–155.

Чаплина Елена Ивановна
студентка 2 курса магистратуры
НИУ Высшая Школа Экономики — Санкт-Петербург¹

Особенности современной религиозной политики КНР в отношении буддизма: экономический аспект

Новая политическая идеология Китайской Народной Республики (1949 г.) основывалась на философии марксизма-ленинизма, которая во главу угла ставила теорию секуляризации, предполагающую естественное и неизбежное отмирание религий, как «пережитка прошлого» и «опиума для народа», вследствие модернизации общества. Иными словами, данная теория подразумевала полную атеизацию, как это было во времена СССР. Мао Цзэдун, первый лидер КНР, не только стал приверженцем данной концепции, но и воплотил ее на практике, особенно во время Культурной революции (1966–1976 гг.), когда на государственном уровне уничтожались религиозные памятники и запрещалась любого рода религиозная деятельность, параллельно замещаясь культом личности Мао.

Несмотря на длительное подавление, религии доказали свою жизнеспособность в атеистическом государстве, подтверждением чего является директива 1982 г. «Основные взгляды и основная политика по религиозному вопросу в период социализма в Китае» 关于我国社会主义时期宗教问题的基本观点和基本政策, более известная как «Документ №19» религий [Информационное бюро КНР]. Согласно его содержанию, с 1950-1980е гг. количество мусульман увеличилось с 8 до 10 млн; количество католиков возросло с 2.7 до более, чем 3 млн; протестантов – с 0.7 до 3 млн. Данных по количеству буддистов и даосов предоставлено не было. В 1980-х гг. провальная стратегия агрессивной борьбы с религиями была принята во внимание новым лидером КНР, Дэн Сяопином, который в рамках новой политики «реформ и открытости» ослабил давление на религиозную деятельность, прекратил уничтожение религиозных сооружений и литературы.

Однако у религиозных общин возникла новая проблема – нехватка средств на восстановление зданий и самообеспечение, в связи с чем им пришлось стать участниками рынка и коммерциализировать свою деятельность. Под их эгидой открывались клиники, туристические фирмы и даже целые производства, а символика нередко становилась объектом извлечения финансовой выгоды. Например, под руководством Даосского монастыря функционировали завод алкогольной продукции и чайная фабрика, а под началом монастыря Уданшань — фабрика лекарственных препаратов. Также появлялось все больше желающих вложить деньги в восстановление

¹ Научный руководитель — к. и. н., доцент Веселова Людмила Сергеевна.

храмов с целью последующего извлечения выгоды. Это все постепенно приводило к утрате изначальной сакральности религий [Афони́на 2015, с. 78].

На современном этапе развития экономическое положение религиозных общин менялось вместе с новыми векторами религиозной политики. Впервые в XXI веке принципы подхода к религиям были выработаны председателем третьего поколения Цзян Цзэмином в 2002 году на XVI Всекитайском съезде КПК. Повестка начала нового столетия была обусловлена рядом факторов, повлиявших на религиозную политику КПК. Прежде всего, это распад СССР (1991 г.) и падение Берлинской стены (1989 г.); террористические акты в США, совершенные 11 сентября 2001 года; восстания представителей этнических меньшинств, буддистов и мусульман (в 1990-х гг.); а также активная деятельность запрещенной секты Фалуньгун и «катакомбных» церквей [Афони́на 2015, с. 83–85]. На фоне этих событий было принято решение не только усилить религиозный контроль верующих, но и «активно направлять религию к соответствию социалистическому обществу». Так была объявлена политика «адаптации» религий к социалистическому укладу.

Данные шаги были продолжены Си Цзиньпином, который в 2015 году расширил политику «адаптации» до «китаизации» религий в рамках построения «гармоничного» общества и достижения «китайской мечты». Через год на Всекитайском совещании по религиозной работе в Пекине он указал на важность «китаизации» религий и их соответствию социалистическому обществу, в связи с этим призвал религиозных деятелей преподносить вероучения так, чтобы они соответствовали современному развитию КНР, а также традиционным ценностям китайской культуры. Лидер КПК, тем не менее, напомнил о том, что Партия должна придерживаться атеистической идеологии, следовательно, верующих среди членов КПК быть не должно [СРС News]. В целях усиления «китаизации» и роли КПК в религиозной активности в 2018 году Государственное управление КНР по делам религий (ГУДР), бывший орган прямого подчинения Госсовету, вошло в состав Отдела единого фронта ЦК КПК.

Религиозная деятельность современной КНР регулируется Конституцией КНР (1982 г.), уставами ГУДР и семью патриотическими религиозными объединениями. С целью полного контроля и превентивности зарубежного вмешательства в работу религиозных организаций, государство КНР взяло большую часть финансового обеспечения на себя, оставляя при этом общинам право на осуществление коммерческой деятельности с целью самообеспечения. Со стороны государства финансирование поступает от ГУДР и Министерства культуры и туризма КНР.

Официально в Китае существует пять религий: буддизм, даосизм, ислам, католицизм и протестантство. Буддизм в Китае является наиболее многочисленной религией, которая согласно отчету Freedom House за 2017 год, насчитывает около 185-250 млн. верующих. На сегодняшний день это – самая актуальная статистика, которая наглядно показывает превалирование буддистов среди представителей иных религий в Китае. В этой связи, наглядным примером монетарной политики государства КНР в

отношении религий является именно буддизм. Можно выделить несколько факторов влияния: развитие туристической отрасли и культурное воспитание, использование буддизма как инструмента «мягкой силы» в отношении других стран, особенно Юго-Восточной Азии, а также сдерживание сепаратистских настроений в Тибете.

Туризм может выступать одновременно средством создания дополнительных рабочих мест, средством пополнения бюджета, а также средством поддержания религиозных и культовых объектов в хорошем состоянии. Более того, государственное финансирование данного сектора как раз балансирует и в некотором роде объединяет людей с атеистическими и религиозными воззрениями. Для одних это экономика и культурное наследие, для других – культовое место для исполнения религиозных обрядов. Хорошим примером здесь может служить священная буддистская гора Путошань, туристические центры которой принадлежат таким государственным корпорациям, как Mount Putuo Tourism Development Company 普陀山旅游发展股份有限公司, Mount Putuo Tourism Group 普陀山旅游集团, Zhejiang Tourism Group 浙江省旅游集团, Zhoushan Islands Tourism Investment Development Company Limited 舟山群岛旅游投资开发有限公司. Mount Putuo принадлежит большая часть туристических объектов Путошань, 42 процента, которые включают канатную дорогу “Putuo”, пассажирскую транспортную компанию, туристическую фирму “Mount Putuo”, газоснабжающую компанию, сувенирную компанию “Putuo Tianhua”, компанию по обслуживанию пассажиров и фабрику по изготовлению благовоний “Mount Putuo”. Это не единичный пример, и здесь важно отметить, что хотя компании по развитию туризма функционируют как частные предприятия, официально они принадлежат государству [Bruntz 2021, с. 73].

Не менее важным фактором является внешняя политика, благодаря которой китайское правительство осуществляет поддержку и финансирование различных религиозных мероприятий, например таких, как Всемирный буддийский форум, который проводится раз в три года при поддержке Китайской буддийской организации и Ассоциации по религиозному и культурному обмену. При содействии правительства КНР в разных странах также организовываются и проводятся выставки с буддийскими реликвиями и искусством, отдельное внимание уделяется буддийским скульптурам, музыки и живописи. Правительство Китая также выделяет финансирование на обучение английскому языку не только монахов из Китая, но и других стран. Делается это в целях улучшения межкультурной коммуникации с иностранными представителями [Понька 2017, с. 295-296]. Также на данный момент Китай возглавляет проект стоимостью 3 млрд долларов в Непале, поселении Лумбини, которое считается местом рождения Будды, а поэтому основным объектом паломничества буддистов со всего мира [Lauren 2019].

Во внутренней политике отдельным фактором является нестабильная ситуация в Тибете, жители которого не раз выражали свое намерение отделиться от Китая и быть независимым государством с Далай-ламой во главе. В 1959 году жители Тибета

восстали против «китаизации» тибетского буддизма, желая добиться полной независимости от территории, однако протест был подавлен КПК, а Далай-Лама изгнан в Индию. С тех пор несмотря на то, что Тибет считается столицей буддизма в КНР, он по сей день остается нестабильным регионом, которому власти всегда уделяли особое внимание. Примером тому является визит Си Цзиньпина в июле 2021 года, во время которого председатель призвал монахов «поддерживать руководство Коммунистической партии Китая» и «сохранять единство Родины». Он также добавил, что КПК будет «активно руководить развитием тибетского буддизма» в рамках более широких усилий по продвижению того, что партия называет «китаизацией» тибетского буддизма с упором на патриотизм и обеспечением полномочий Пекина в назначении лам и ключевых религиозных деятелей [Craig 2020]. Таким образом, Си Цзиньпин подчеркнул роль тибетского буддизма в рамках своей концепции о «китаизации» религий.

Исходя из указанного выше, существование китайского буддизма и его жизнедеятельность экономически обеспечиваются в основном государственным финансированием. В условиях сложной структуры китайского общества, с его многоликим религиозным составом, а также с атеистическими воззрениями большого количества людей и проводимой в стране политикой, данный подход на сегодняшний день является тем цементирующим общество фактором, который позволяет избежать серьезных конфликтов.

Список литературы:

Афолина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.). М., 2016.

Понька, Т.И. Буддизм как ресурс «Мягкой силы» Китая. Вестник Российского университета дружбы народов. – 2017. Серия: Международные отношения, 17 (2), 290-300.

Bruntz C. Religion as Financial Asset: State Investments in Chinese Buddhism. Journal of Human Values. 2021;27(1):72-83. doi:10.1177/0971685820973189

Craig C Lewis. Xi Jinping Calls For “Sinicization” of Tibetan Buddhism. BDG. August 30, 2020: <https://www.buddhistdoor.net/news/xi-jinping-calls-for-sinicization-of-tibetan-buddhism/>

Freedom House. “A Freedom House Special Report. The Battle for China’s Spirit. Religious Revival, Repression, and Resistance under Xi Jinping”. February, 2017: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_ChinasSpirit2016_FULL_FINAL_140pages_compressed.pdf

Lauren Jackson. China Is Winning the War for Nepali Buddhism. The Diplomat. March 21, 2019: <https://thediplomat.com/2019/03/china-is-winning-the-war-for-nepali-buddhism/>

Гуаньюй ши го шэхуйчжун шици цзунцзяо вэньти-дэ цзибэнь гуаньдянь хэ цзибэнь чжэнцэ 关于我国社会主义时期宗教问题的基本观点和基本政策 (Основные взгляды и

основная политика по религиозному вопросу в период социализма в Китае). Информационное бюро Государственного совета КНР. 1982: <http://www.scio.gov.cn/wsz/wz/Document/883077/883077.htm>

Си Цзиньпин 习近平. *Гунгу фачжань цзуйгуанфа-дэ айго тунъи чжаньсянь* 巩固发展最广泛的爱国统一战线 (Си Цзиньпин: укреплять и развивать самый широкий патриотический единый фронт). CPC News. 2015: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0520/c64094-27031759.html>

Влияние традиционной экзаменационной системы на формирование социального портрета чиновничества эпохи Мин (1368–1644)

Китай стал одним из первых государств, где реализовалась мечта о меритократии — власти достойных. В качестве «достойных» выступали чиновники гражданской администрации, получавшие свои посты после успешного прохождения экзаменационных *кэцзюй*. Впервые это реализовалось в эпоху Тан (618–907), но в полной мере меритократия началась с эпохи Мин (1368–1644).

Конфуцианское учение предполагало, что человек даже незнатных кровей мог продвигаться по службе. Всё, что нужно — добродетель да знание конфуцианского учения. Однако было ли такое условие единственным для государственной службы? И можно ли назвать такую систему в полной мере меритократической?

Задачей исследования является характеристика социального портрета чиновника минской эпохи. Чтобы это сделать, потребуется рассмотреть принцип комплектования чиновничества и его механизмы выдвижения — экзаменационную систему *кэцзюй*. Акцент на ней сделан для демонстрации роли традиционного образования в конфуцианском обществе. Для поэтапного рассмотрения изменений задействован сравнительно-исторический метод: сопоставление выдвижения чиновников при Мин и предыдущих династиях. За образец были взяты династии Тан (618–907) и Сун (960–1279): в период первой *кэцзюй* сформировалась как явление, во время второй же получила свой классический вид. К тому же тогда ещё существовала практика «выдвижения чиновников» как альтернатива.

Касательно историографии вопроса. В данной работе не привлекались китайские работы на языке оригинала из-за недостаточного уровня лингвистической подготовки автора. Этот недостаток компенсируется хорошей историографической базой, которую обеспечило предыдущее поколение китаеведов. В основном использовалась отечественная историография вопроса и переводы на русский язык, в том числе переводная «История китайской цивилизации» современных авторов КНР. В отечественной историографии этой темой занимались В. В. Малявин, А. А. Бокщанин и Н. П. Свистунова, а также ряд других историков. Они акцентировали внимание на отображении взаимодействия чиновников и верховной власти на примере императора. На основании работ автора заинтересовал социальный портрет чиновника эпохи Мин. Этому и посвящено данное исследование.

Начать анализ можно с особенностей чиновников империи Мин. Прежде всего — принцип отбора: они назначались исключительно после прохождения *кэцзюй*; ранее, в

¹ Научный руководитель — доц. Института гуманитарных наук БФУ А. Д. Чумаков.

империях Тан и Сун, параллельно практиковалось выдвижение чиновников и общественная рекомендация. Также изменилась форма отбора: экзамен стал проводиться в форме восьмичленного сочинения с архаичной формализованной структурой.

По условиям *кэцзюй*, заявлять свою кандидатуру на сдачу экзамена могли любые кандидаты-мужчины. Отсутствовал официальный сословный ценз: любой человек, даже незнатного происхождения, имел право участвовать в отборе. Есть упоминания об отсеве по состоянию здоровья и других критериях, но они единичны. Чаще сдавали экзамен представители состоятельных семейств или потомки служивых кланов. Данное обстоятельство способствовало консолидации чиновничества и его замыканию в себе.

Экзамены *кэцзюй* пришли на смену системе выдвижения чиновников *чацзюй* ещё при династии Тан. Образовательный ценз был необходим для ограничения власти родовой аристократии. *Чацзюй* предполагала выдвижение кандидата в чиновники на основании его природных способностей (История китайской цивилизации 2021, с. 173). Такой тип отбора характеризуется необъективностью, а также диссонансом моральных качеств с требованиями административной работы. Экзамены, введённые ещё в конце империи Суй (до 581), должны были устранить эти недостатки и сделать систему более объективной. При иноземной монгольской династии Юань система пришла в упадок, однако полностью отказаться от нее не смогли. К эпохе Мин от *чацзюй* и представления свитка полностью отказались, оставив только трёхступенчатые экзамены: уездные, провинциальные и столичные.

Средний возраст сдающих определить сложно. Всё зависело от уровня подготовки, но чаще встречается информация о кандидатах старше 30 лет, реже моложе. Это связано со сложностью подготовки к экзамену, и не было необычным для империи Мин. Похожая картина существовала при Тан и Сун. Так, поэт эпохи Тан Бо Цзюйи писал, что «был самым младшим из всех семнадцати людей, успешно сдавших экзамены» (История китайской цивилизации 2021, с. 180). На момент сдачи ему было 28.

Стоит сказать о формате самого экзамена. К эпохе Мин окончательно перешли к форме восьмичленного сочинения *багувэнь*, что было закреплено указом Чжу Юаньчжана от 1370 года. Оно включало восемь обязательных разделов: тема, её разъяснение, основные положения сочинения, подход к изложению, начало, середина и конец изложения с заключением (Сидихменов 2004, с. 199). Сам формат *багувэнь* строго регламентирован числом знаков и предложений, что следует из его архаичности и неприменимости (он использовался только в экзаменационных сочинениях). В качестве задания давалась фраза из конфуцианского канона – Пятикнижия и Четверокнижия. Её требовалось раскрыть с использованием дословных выдержек из канона. Таким образом, в формате сочинения и требованиях к нему проверялись не практические навыки, требуемые на государственной службе. Здесь прослеживается связь с конфуцианским образованием и воспроизведением классических образцов.

Проблемы *кэцзюй* очевидны. Прежде всего, цензовые ограничения (не в плане происхождения). Так, высокий образовательный ценз не позволял сдать экзамен людям «со стороны»: даже на заучивание канона требовалось немало лет. Далее – косвенный имущественный ценз: экзамен проводился, в зависимости от уровня, в уездном, провинциальном центре или столице. Туда ещё требовалось попасть. Это не было проблемой для семей чиновников, которые и так жили в городах по долгу службы. Особых же успехов добивались выходцы из семей чиновников, приближенных к столице (сперва Нанкин, с 1421 — Пекин): туда тянулись наиболее способные учителя. В учителя шли люди, уже знавшие формат экзамена или участвовавшие в нём.

Жёсткая архаичная структура сочинения ограничивала возможность к самовыражению кандидатов. Объективность экзамена ставилась в приоритет, в то же время индивидуальные способности экзаменуемого оставались неостребованными. Становилось важнее не его содержание, а лишь форма.

Всё вышеперечисленное приводило к сокращению социальной базы рекрутирования чиновников: выходило, что только состоятельные семьи, особенно чиновнические, имели средства для подготовки детей к экзаменам. Известно, что госслужащие после реформы Чжу Юаньчжана за службу получали надёлы, но при этом сами они землю не обрабатывали. Они становились землевладельцами от государства, и, сдавая землю, получали средства: как правило, речь шла о доле от урожая (Адамчик 2007, с. 405). Повышенный достаток был у сборщиков налогов и чиновников, занимавшихся распределением материальных ресурсов. Подготовка начиналась с найма учителей ещё в детстве. Будущих чиновников учили *вэньяню*, в них закладывали архаичные тексты *Пяти-* и *Четырёхкнижия*. Буквально вся их жизнь была положена на сдачу одного-единственного экзамена на разных уровнях. Выходит, что место сословного ценза в минском Китае занимали образовательный и косвенный имущественный цензы. Подчас такой ценз был даже тяжелее.

Сверху наложился демографический взрыв XVI-XVII века. В тот момент число кандидатов в чиновники выросло, при этом не изменилось количество доступных должностей. Это вело к снижению престижа чиновничества именно как деятельности. Таким образом, типичным чиновником минского Китая был мужчина почтенного возраста с классическим конфуцианским образованием, но без опыта практической деятельности из среды чиновников. Получается, что они отстаивали интересы своего сословия. Их образование было в большей степени догматическим, связанным со следованием традиций, слабо учитывавшим реальность. Они занимали посты в уездной, губернской и центральной администрации. Однако реальной властью они не обладали, встречаясь с властью назначенных императором лиц из числа евнухов.

Сюда же добавлялось падение влияния министров и служилого сословия на императора. С начала XVI века последних отодвигают от власти евнухи, которые и занимались управлением государства — выходцы из различных слоёв населения. Такая дезориентация и отстранение от рычагов управления страной вела к оттоку молодых

людей оттуда. К тому же, оказалась сломана сама система замещения должностей в империи: из-за отсутствия одного ответственного человека на рабочем месте кандидаты, сдавшие экзамены, просто не могли получить назначения на должность (Адамчик 2007, с. 462). Подобное разочарование подталкивало образованных людей того времени к действию. Это выражалось в поиске путей обновления страны и деятельности реформаторских академий, например, академии Дунлинь. Несмотря на замкнутое положение, часть чиновников пыталась учесть реалии времени, хотя это могло привести к падению их влияния и столкновению с евнухами.

Подводя итоги, можно отметить следующее. По сравнению с империями Тан и Сун, где практиковалось выдвижение чиновников с параллельной системой экзаменов, империя Мин полностью перешла на экзаменационное комплектование бюрократии. Несмотря на конфуцианские идеи и заявленное равенство возможностей в *кэцзюй*, сдать экзамен могли далеко не все испытуемые. Успешность сдачи напрямую зависела от предыдущей подготовки, что определялось происхождением кандидатов: из семей чиновников, живших вблизи городов как административных центров. Их обучение было направлено на воспроизведение устоявшихся образцов — яркое свидетельство инерции традиций. Так формировалась очень замкнутая прослойка чиновников. Развитие Мин в течение первого века её существования доказывает, что этого было достаточно для поддержания равновесия. Однако это со временем привело к росту консерватизма и падению влияния на императора (вспомним столкновение с евнухами): излишний догматизм и приверженность традициям вели к поражению в дворцовой борьбе и последующему кризису во власти. Довершал картину демографический взрыв. Это способствовало оттоку кандидатов в чиновники в другие сферы. Несмотря ни на что, чиновничество сохраняло свой замкнутый статус, что не позволяло аппарату реагировать на изменения времени и в целом не снимало социальной напряжённости.

Список использованной литературы

Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. Минск: Миринда, 2004. 448 с.

История китайской цивилизации: в 4 т. / Под ред. Юань Синпэй и др.; Т. 3: От династий Суй и Тан до середины правления династии Мин (581-1525) / гл. ред. Юань Синпэй. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2021. 735 с.

Адамчик В. В. История Китая. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2007. 736 с.

Шавкунов Данила Александрович
студент 4 курса
Института Философии СПбГУ¹

Политическое влияние ислама в Китае до династии Цин

История ислама в Китае насчитывает более чем тысячелетнюю историю взаимоотношений ханьского населения с носителями иноземной религией. Тем не менее, политическая составляющая этого общения описывается отечественными авторами, начиная преимущественно с династии Цин. Разумеется, были описаны политические перестановки в китайском обществе при правлении монголов, когда мусульмане могли становиться высокопоставленными чиновниками, но в если оглядеться на историю мусульманства в Китае до династии Юань, можно ли сказать, что это была объединенная политическая общность, способная выражать свою волю?

Ислам в Китае изучался многими учеными, но как правило в работах рассматривался вопрос политики Китая в отношении мусульман, но при этом должным образом не был рассмотрен вклад мусульман в политику Китая до династии Цин. Ислам впервые упоминается в китайских источниках в 638 году, когда иранский правитель просил помощь для борьбы с растущим арабским халифатом. Уже позже император Су Цзун (肅宗) отправляет в арабские страны посольства, после чего Китай получает военную помощь для подавления восстания. Помимо солдат в Поднебесную переселяются ремесленники и торговцы, которые оседают в основном в прибрежных городах на Юге Китая. По мере становления и укрепления мусульманской общины, государство выпускает соответствующие постановления для того, чтобы держать мусульман под контролем.

В. С. Кузнецов указывает, что отношение самих хань к арабам могло меняться от смеха над запретами, которые вера приписывала мусульманам, до агрессии на почве зависти к богатству арабов. Следует оговорить, что мусульмане были не единственными, кто подвергался нападкам со стороны ханьского населения: в 874–889 гг. в Гуанчжоу насилию подвергались все иностранцы, независимо от вероисповедания. Сложно говорить о положении мусульман при династии Сун, но до нас дошло повеление сунского правителя: “Переходите на сторону нашей страны, блюдите обычаи предков...”. В. С. Кузнецов анализируя данный фрагмент, указывает на свободу вероисповедания в Китае, но исключительно с дозволения императора. Помимо этого, отмечаются меркантильные соображения правителя: опытные торговцы хорошо влияли на благосостояние казны.

¹ Научный руководитель — старший преподаватель кафедры философии и культурологии Востока Института философии СПбГУ А. Д. Зельницкий.

Как уже было сказано раньше, первая волна мусульман прибыла в Китай из приграничных государств в виде воинов и торговцев. Большинство из них осели в Южном Китае, самом густонаселенном регионе страны. Захват монголами Северного Китая открыл новый независимый путь для переселения мусульман в Китай. Приход монголов к власти сопровождался ростом численности мусульман и усилением их политического влияния. Монгольская аристократия вела дела с мусульманами еще до завоевания и объединения Китая. Известные своей предприимчивостью и умением торговать, мусульмане стали постоянными партнерами монгольской знати. В последствии произойдет своеобразное социальное разделение мусульманства: на простых жителей империи и приближенных к государственному аппарату купцов и чиновников.

В этот период самой влиятельной группой при дворе правителя Китая становятся мусульмане, а если точнее, мусульманское купечество, так называемые, ортаки². Ортаки представляли собой торгово-профессиональную ассоциацию, которая, соответственно, выражала и защищала интересы своих членов, они получили ряд определенных привилегий. Во-первых, в руках купцов-ортаков находилась вся транзитная торговля, проходившая не только через Монголию, но и через Китай. Во-вторых, мусульманам выдавались льготные ханские ярлыки, дающие им право на беспошлинную торговлю. Для того, чтобы понять всю важность торговли, необходимо представить весь её масштаб и объем. Огромный военный аппарат при отсутствии производства как такового нуждался в гигантских денежных вложениях. Помимо этого, торговые пути, которые создавались мусульманами, являлись средством коммуникации в масштабном государстве.

Серьезные противоречия в отношениях между монгольскими властями и мусульманами становятся тем больше, чем скорее империя захватывает и объединяет весь остальной Китай. Приближенные к хану мусульмане и монгольская аристократия выражают недовольства разного толка, но определенно выступают за то, чтобы не допускать коренное население Среднего государства к административным постам и хоть сколько-то важным делам. Мусульмане считали, что использование традиционно китайских методов управления государством приведет к ослаблению их позиций при дворе и потере столь важного статуса³.

После завоевания Южной Сун происходят кардинальные изменения в жизни мусульманской общины на территории Китая. Мусульмане живут в своих собственных кварталах, где образуются собственные базары, больницы и мечети, которые являются стержнем всей общины. Она самоуправяема: глава общины, который должен вести

² История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. редактор С. Л. Тихвинский. 2013. Т. 5: Династии Юань и Мин (1279–1644) / отв. ред. А. Ш. Кадырбаев, А. А. Бокщанин; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2016. С. 85.

³ Там же. С. 90.

дела в юаньской администрацией, выбирается самими мусульманами, но внутреннюю жизнь регулирует выбираемый администрацией человек- кади. Сама должность не является монгольским новшеством. Она существовала еще при династиях Тан и Сун, но кади прикреплялся только к торговцам для того, чтобы решать их внутренние проблемы в соответствии с китайским законодательством. В сферу надзора кади входил такой принципиальный элемент мусульманской общины как молитва о благополучии государства. Дело в том, что прежде, до династии Юань, в пятничной хутбе восхвалялся халиф, но теперь испрашивается благополучие монгольской династии и её правителю. Должность кади на протяжении истории монгольского Китая существовала не постоянно, очень часто менялись её функции и полномочия. Монгольское правительство осознавало какую роль играло в мусульманской общине духовенство, поэтому выделяло его особыми привилегиями, например, в сборах налогов.

Именно правление династии Юань считается временем образования этнорелигиозной общности хуэй⁴. Религия сыграла роль этнодифференцирующего фактора. Свою роль в жизни мусульманской общины сыграло и отношение коренного населения Китая. Известны случаи, когда советники ханьцы доносили на мусульманских чиновников. Особенно много недовольств вызывали мусульмане, которые тем или иным образом были задействованы в экономической жизни людей, будь то торговля или сбор налогов. Коренная и преобладающая народность, хань, относилась и к монголам, и к мусульманам, как к иноземцам с чужой культурой и чужой религией. Именно же мусульмане подвергались нападкам, из-за того, что это было менее опасно, чем показывать свою ксенофобию по отношению к правящим монголам⁵.

Говоря о мусульманах при династии Мин, нужно сказать, что, как минимум по началу, она придерживалась теории «земля — основа, торговля и ремесло — побочное»⁶. Существовали разные способы дискриминации торговцев и ремесленников. Например, запрещалась торговать отдельными видами товаров, ограничивалось время и место для осуществления сбыта товара, государство в одностороннем порядке регулировало уровень цен.

Чтобы уменьшить количество граждан, занимающихся торговлей, государство могло не обращать внимание на известные завышения поборов с купцов, но мы наблюдаем в ряде указов ужесточение правил в отношении сборщиков, но не в отношении купцов. Помимо этого, иностранцы вовсе получали привилегии и даже в некотором роде монополию на внешнюю торговлю. Если коренному населению запрещалось выезжать за пределы государства и вести дела с иностранцами на территории страны, то мусульмане и выходцы из сэму зачастую вообще не облагались

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Кузнецов В. С. Ислам в политической истории Китая (VIII в. – первая половина XX в.). М., 1987. С. 56.

⁶ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. С. 446.

никакими налогами и спокойно торговали с кем хотели. Возможно, все это говорит о том, что минская администрация не хотела подрывать жизненный уровень низких слоев общества, тем самым вызывая недовольства и протесты. Если правительство Мин не пресекало торговлю в целом, то коммерческая деятельность среди сановников и военных чиновников морально порицалась. Возможно, это один из факторов, из-за которых в государственном аппарате Мин сократилось количество сэму и мусульман в частности. В конце XV в. осложнились отношения минского двора и правителей мусульманского Турфана, чему способствовала ограничительная политика китайской администрации в отношении доступа иноземцев в пределы Китая. Китайские мусульмане помогали мусульманам Турфана противиться постановлениям минской администрации.

Таким образом, налицо мусульманская солидарность, которая проявилась гораздо раньше того, что официально стало именоваться как «панисламизм» и пропагандировалась Османской империей. Наслоения в отношениях Турфана и минского Китая выливались в вооруженных столкновениях. Они были частым явлением в конце XV в. и начале XVI в. После захвата в 1513 г. Турфаном Кумульского ханства минские власти столкнулись, в сущности, с новой ситуацией, когда против них с оружием в руках выступают мусульмане в пределах самого Китая. Поощряемые успехом Турфана, они бунтуют против минских властей и совершают налеты на пограничные поселения. Упадок минского государства, особенно явственно проявившийся в годы правления Вань Ли, отмечен частыми выступлениями и рейдами мусульман. Таковых зафиксировано минимум 7 в период с 1573 по 1612 гг. Сами по себе, разбойные нападения на города и поселения были заурядным явлением в Китае, в особенности в период разложения политической системы и упадка центральной власти. Но то, что разбойниками выступали инородцы-мусульмане, носило принципиальный характер: насилие совершали дикие «чужаки».

Подводя итог, необходимо отметить, что два разных пути появления и последующего расселения мусульман в Китае, привели к тому, что на территории государства образовалось множество мест, где последователи ислама осели небольшими группами. Дисбаланс населенности Юга и Севера страны также сыграл свою роль: при огромном количестве жителей на Юге, малая часть мусульман по большому счету ассимилировалась. Север страны под конец династии Мин стал оплотом менее ассимилированных мусульман. Исходя из анализа истории мусульманства в Китае, автор делает вывод, что наибольшее влияние на политику в Китае, действуя изнутри аппарата управления могущественной империи, мусульмане играли при династии Юань. С падением монгольской династии позиции мусульман в политической жизни страны падают, а нарастающие конфликты с приграничными мусульманскими государствами приводят к новому для Китая явлению: мусульманскому сепаратизму, вооруженным столкновениям на религиозной почве в западных территориях Китая.

Швецова Анастасия Александровна
студентка 3 курса факультета
международных отношений СПбГУ¹

Роль Пакистана в отношениях Китая и Индии на современном этапе

Отношения двух сильнейших государств Азии, Китая и Индии, за последнее десятилетие носят достаточно напряженный характер. Цель данной статьи заключается в определении влияния фактора Пакистана на отношения Китая и Индии. Согласно инициативе Си Цзиньпина, Пакистан является важнейшей составляющей программы «Один пояс и один путь», Китай здесь активно инвестирует в строительство портов, создание Китайско-Пакистанского экономического коридора, всячески способствует экономическому развитию Пакистана. В данной статье будут подробнее рассмотрены обострившиеся из-за Пакистана проблемы индо-китайского диалога, создающие препятствия на пути к сотрудничеству.

Индию и Пакистан можно по праву назвать «вечными соперниками». Их конфликт начинается в 1947 году, когда Британская Индия делится на две части и образуются два новых государства – Индийский Союз и Пакистан. Именно с тех пор между двумя странами идет борьба за территории Джамму и Кашмир. На фоне этого конфликта между странами не раз возникали вооруженные столкновения, террористические акты. На данный момент большая часть Кашмира принадлежит Индии (около 60% территории, до 2019 года -индийский штат Джамму и Кашмир). Большая часть населения Джамму и Кашмир – мусульмане. Несмотря на то, что территория принадлежит Индии, здесь распространены различные организации, которые активно выступают против Индийского правительства и всячески поддерживают идею присоединения к Пакистану. К таким организациям можно отнести запрещенную в РФ группировку "Лашкар-э-Тайба". Ситуация в Кашмире обострилась после 2019 года, когда индийское правительство приняло решение лишить штат Джамму и Кашмир особого статуса и наделить данную территорию меньшими правами. В августе 2019 года парламент Индии утвердил отмену 370-й статьи конституции, на территории Джамму и Кашмир были введены дополнительные вооруженные силы, приняты серьезные меры безопасности. Это, в свою очередь, вызвало крайне негативную реакцию у исламистских группировок². На фоне событий 2016 года (нападение исламистских боевиков на военный лагерь Индии) министр внутренних дел Индии выступил с серьезным призывом к «изоляции» Пакистана на международной

¹ Научный руководитель – к. п. н., доцент СПбГУ Н. В. Ковалевская.

² СМИ: не менее восьми боевиков исламистской группировки арестованы в Джамму и Кашмире // ТАСС 10.09.2019 URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6867785> (Дата обращения: 12.03.21)

арене. Он обвинил власти Пакистана в поддержке сепаратистов и террористических группировок на территории Кашмира, выразил свое глубокое разочарование в сложившейся ситуации³.

Таким образом, на данном этапе развития отношения между Индией и Пакистаном все еще носят достаточно напряженный характер. Однако, как сопротивление Индии и Пакистана влияет на развитие сотрудничества Пекина и Дели?

Дело в том, что Китай активно поддерживает развитие экономики Пакистана. Эта поддержка выражается в значительных инвестициях Китая в развитие инфраструктуры Пакистана. 2015 год стал поистине плодотворным для китайско-пакистанских отношений: было подписано несколько инвестиционных соглашений на сумму около 46 млрд. долларов⁴, сделаны крупные вложения в строительство «Китайско-пакистанского экономического коридора» (КПЭК) (решение о начале строительства было принято еще в 2013 году). В рамках данного инфраструктурного проекта построено множество дорог и магистралей, важной частью является глубоководный порт Гвадар. На 2017 год Китай вложил свои инвестиции в 51 проект Китайско-пакистанского экономического коридора. В 2020 году Председатель КНР Си Цзиньпин в устном послании президенту Пакистана Арифу Альви передал, что КПЭК является «знаковым проектом» в рамках осуществления инициативы «Пояса и пути»⁵. Помимо вложений в строительство КПЭК Китай уделяет большое внимание инвестициям, ненаправленным на развитие экономического коридора (по данным 2017 года Пекин проинвестировал около 200 проектов вне строительства КПЭК), это отражается в инвестициях в энергетический комплекс Пакистана. В качестве примера можно привести ядерный энергетический проект Hualong One, в который Китай вложил около 6,5 млрд. долларов⁶. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Пакистан является ключевой опорной точкой в осуществлении китайской инициативы «Пояс и путь», значительная часть инвестиций Китая направлена именно в этот регион.

На пути строительства Китайско-пакистанского экономического коридора встала Индия. Выше упомянутый КПЭК проходит по территории Джамму и Кашмир, это вызывает серьезные недовольства и протесты со стороны Дели. Правительство Индии считает, что данная территория незаконно оккупирована Пакистаном, и строительство там экономического коридора придает Пакистану легитимности во владении этой

³ Глава МВД Индии призвал к "изоляции" Пакистана // РИА НОВОСТИ 18.09.2016 URL: <https://ria.ru/20160918/1477248146.html> (Дата обращения: 12.03.21)

⁴ China's Xi Jinping agrees \$46bn superhighway to Pakistan // BBC News 20.04.2015 URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-32377088> (Дата обращения: 13.03.21)

⁵ CPEC of great importance for China-Pak ties: Xi Jinping // Oneindia News 22.08.2020 URL: <https://www.oneindia.com/international/cpec-of-great-importance-for-china-pak-ties-xi-jinping-3137698.html?story=3> (Дата обращения: 13.03.21)

⁶ China-Pakistan Economic Corridor takes form amid serious security concern // Global Times 26.06. 2017 URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1053543.shtml> (Дата обращения: 13.03.21)

частью Кашмира. Дели считает эту часть своей законной территорией. Китай является не прямым, но все же участником данного конфликта в то время, как Дели выступает против вовлечения какой-либо третьей стороны в кашмирский конфликт. Таким образом, Пекин превратил двусторонний конфликт между Индией и Пакистаном в трехсторонний.

При строительстве КПЭЖ Китай наращивает свое влияние и военное присутствие в регионе. Ключевым пунктом здесь является порт Гвадар, благодаря которому Китай сумеет усилить свое влияние не только на границах с Индией, но и в водах Индийского океана. Китай сыграл важную роль в разработке проекта порта: он обеспечивает примерно 80% стоимости строительства порта в виде грантов и льготных кредитов., большое количество китайских рабочих и инженеров принимали участие в строительстве. Китай также взял на себя обязательство предоставлять деньги и ресурсы по мере необходимости⁷. Кроме этого, в 2015 году Пакистан передал 152 гектара в порту Гвадар китайской государственной компании China Overseas Port Holding в аренду на 43 года для создания особой экономической зоны⁸. Порт Гвадар занимает стратегически важное положение между Аравийским морем и Персидским заливом, это позволяет Китаю контролировать не только передвижение морских торговых судов, нефтеналивных танкеров, но и осуществлять контроль за передвижениями вооруженно-морских сил сопредельных стран. Помимо этого, Китай активно развивает военные связи с Пакистаном. В 2018 году новый главнокомандующий пакистанской армией, генерал Камар Джавед Баджва, провел переговоры с высшими китайскими чиновниками, в ходе которых была подчеркнута необходимость поддержания безопасности Китайско-пакистанского экономического коридора. В связи с этим Китай и Пакистан укрепили свое военное сотрудничество⁹. В 2020 году Китай и Пакистан продолжали развивать военные связи. Так, например, согласно журналам экспорта-импорта, склад боеприпасов Пакистанской армии в Малирском кантонменте принял поставку фугасных противотанковых снарядов для основного боевого танка VT4 (МВТ) в 2020 году¹⁰. В 2021 году представитель Министерства национальной обороны Китая Тан Кэфэй еще раз подчеркнул положительную динамику развития китайско-пакистанских связей в военной сфере. Обратил внимание на успешно проведенные

⁷ Gwadar the dream city // Gwadar private scheme information center. URL: <https://gwadarprivatescheme.wordpress.com/chinese-investment/> (Дата обращения: 16.04.2021)

⁸ Пакистан передал под контроль китайской компании порт Гвадар на побережье Аравийского моря // ТАСС 12.11.2015 URL: <https://tass.ru/ekonomika/2428503> (Дата обращения: 16.04.2021)

⁹ China to boost military cooperation with Pakistan: Report // The Economic Times News 12.07.2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-to-authorise-pakistan-to-build-missiles-tanks-fc-1-xiaolong-combat-aircraft/articleshow/57684105.cms> (Дата обращения: 16.04.2021)

¹⁰ Pakistan's Chinese arms purchases start taking shape // Quwa 23.08.2020 URL: <https://quwa.org/2020/08/23/pakistans-chinese-arms-purchases-start-taking-shape-2/> (Дата обращения: 16.04.2021)

китайско-пакистанские учения ВВС, которые проходили пакистанской авиабазе в Бхолари¹¹. Исходя из этого, между Китаем и Пакистаном наблюдается не только активное развитие экономических связей, но и осуществляется широкое сотрудничество в военной сфере. Все эти факторы подрывают безопасность региона, в большей степени Индии.

В ноябре 2020 года Пакистан обвинил Индию в поддержке террористической деятельности на территории Пакистана, направленную против строительства КПЭК. Было заявлено, что сам премьер-министр Индии Нарендра Моди непосредственно руководит террористической ячейкой. По данным Пакистана эта ячейка действует еще с 2015 года. Кроме этого, Индию обвинили в активном финансировании террористических группировок и организации информационных атак с целью помешать развитию китайско-пакистанского экономического коридора. Делается акцент на то, что с 2013 года (именно тогда впервые принято решение о начале строительства КПЭК) на территории Пакистана наблюдается рост числа террористических атак в Кашмире, Белуджистане, а также в Гилгит-Балтистане¹². Подобные действия Индии наносят ущерб в первую очередь самому Пакистану, однако это отражается и на Китае, так как именно он является инициатором строительства КПЭК. Китаю чрезвычайно важен этот проект в рамках инициативы «Пояс и путь», поэтому Индия, препятствуя строительству КПЭК, вредит развитию полноценного сотрудничества Пекина и Нью-Дели.

Между Китаем и Индией так же существуют разногласия по поводу статуса территорий Кашмира. 5 августа 2019 года Индийское правительство объявило о решении упразднить штат Джамму и Кашмир и создать в этом регионе две союзные территории (административные единицы, имеющие меньше прав, чем штат). Такое решение вызвало резкое осуждение со стороны Пакистана и со стороны Китая. По инициативе КНР была проведена закрытая встреча Совета Безопасности ООН по кашмирскому вопросу, где Китай четко выразил свою позицию. По словам китайского дипломата, постпреда КНР Чжан Цзюнь: «Согласно резолюции ООН, статус Кашмира не определен, это предмет дискуссий... Такие действия Индии (отмена особого статуса штата – *А.Ш.*), которые спровоцировали напряжение в регионе, не заставят Китай изменить свою позицию относительно суверенитета и административной юрисдикции этого штата». Кроме этого, министр иностранных дел Китая заявил, что проблема

¹¹ China-Pakistan relations can only get better: Defense Spokesperson // Ministry of National Defense of the People's Republic of China 31.12.2020 URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2020-12/31/content_4876253.htm (Дата обращения: 16.04.2021)

¹² Indian PM Modi directly running anti-CPEC terror cell // Global Village Space 14.11.2020 URL: <https://www.globalvillagespace.com/indian-pm-modi-directly-running-anti-cpec-terror-cell/> (Дата обращения: 23.03.21)

статуса Кашмира должна строгим образом решаться в рамках Совета Безопасности ООН по Уставу организации¹³.

Исходя из этого, можно сделать следующий вывод: фактор Пакистана в отношениях Китая и Индии играет достаточно важную роль, так как служит серьезным препятствием на пути развития двусторонних отношений Китая и Индии. Вмешательство Китая в многолетний индийско-пакистанский конфликт, строительство Китайско-Пакистанского экономического коридора, активные инвестиции Китая в Пакистан и противостояние этому всему Индии омрачают общую картину китайско-индийских отношений. Помимо территориальных споров и опасений Нью-Дели по поводу усиления Китая в Пакистане и, следовательно, на границах с Индией, строительство КПЭК, и особенно порт Гвадар усиливают соперничество Китая и Индии не только на межгосударственном, но и на региональном уровне.

Список источников и литературы

1. СМИ: не менее восьми боевиков исламистской группировки арестованы в Джамму и Кашмире // ТАСС 10.09.2019 URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6867785> (Дата обращения: 12.03.21)

2. Глава МВД Индии призвал к "изоляции" Пакистана // РИА НОВОСТИ 18.09.2016 URL: <https://ria.ru/20160918/1477248146.html> (Дата обращения: 12.03.21)

3. China's Xi Jinping agrees \$46bn superhighway to Pakistan // BBC News 20.04.2015 URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-32377088> (Дата обращения: 13.03.21)

4. CPEC of great importance for China-Pak ties: Xi Jinping // Oneindia News 22.08.2020 URL: <https://www.oneindia.com/international/cpec-of-great-importance-for-china-pak-ties-xi-jinping-3137698.html?story=3> (Дата обращения: 13.03.21)

5. China-Pakistan Economic Corridor takes form amid serious security concern // Global Times 26.06. 2017 URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1053543.shtml> (Дата обращения: 13.03.21)

6. Gwadar the dream city // Gwadar private scheme information center URL: <https://gwadarprivatescheme.wordpress.com/chinese-investment/> (Дата обращения: 16.04.2021)

7. Пакистан передал под контроль китайской компании порт Гвадар на побережье Аравийского моря // ТАСС 12.11.2015 URL: <https://tass.ru/ekonomika/2428503> (Дата обращения: 16.04.2021)

8. Замараева Н.А. Индия и проект Китайско-пакистанского экономического коридора // Восточная аналитика. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiya-i-proekt-kitaysko-pakistanskogo-ekonomicheskogo-koridora> (дата обращения: 23.03.2021).

¹³ Постпред Китая: Пекин не изменит своей позиции по Кашмиру после действий Нью-Дели // ТАСС 16.08.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6771194> (Дата обращения: 16.04.21)

9. China to boost military cooperation with Pakistan: Report // The Economic Times News 12.07.2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-to-authorise-pakistan-to-build-missiles-tanks-fc-1-xiaolong-combat-aircraft/articleshow/57684105.cms> (Дата обращения: 16.04.2021)

10. Pakistan's Chinese arms purchases start taking shape // Quwa 23.08.2020 URL: <https://quwa.org/2020/08/23/pakistans-chinese-arms-purchases-start-taking-shape-2/> (Дата обращения: 16.04.2021)

11. China-Pakistan relations can only get better: Defense Spokesperson // Ministry of National Defense of the People's Republic of China 31.12.2020 URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2020-12/31/content_4876253.htm (Дата обращения: 16.04.2021)

12. Indian PM Modi directly running anti-CPEC terror cell // Global Village Space 14.11.2020 URL: <https://www.globalvillagespace.com/indian-pm-modi-directly-running-anti-cpec-terror-cell/> (Дата обращения: 23.03.21)

13. Постпред Китая: Пекин не изменит своей позиции по Кашмиру после действий Нью-Дели // ТАСС 16.08.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6771194> (Дата обращения: 16.04.21)

Шереметова Виктория Эдуардовна
студентка 3 курса Высшей школы международных отношений
Гуманитарного института СПбПУ¹

Типология драконов на ханьских рельефах провинции Шаньдун

Образ дракона занимает важное место в китайской истории, ведь он, вероятнее всего, появившись в Китае еще во времена эпохи Шан-Инь 商殷 (XVII–XI вв. до н. э.), о чем свидетельствуют записи на гадательных костях, до сих пор входит в число ключевых для китайской культуры символов. Наиболее активно этот образ стал развиваться в эпоху Хань 漢 (206/202 г. до н. э. – 220 г. н. э.), когда за ним окончательно закрепилась ассоциация с властью императора. Дракон перестал восприниматься как дурное знамение или обыкновенное животное, которое могли употреблять в пищу, и стал символизировать нечто сакральное и божественное, что влияло на смысл будущих сюжетов и знамений, а также все последующие представления об образе дракона². Об этом можно судить по множественным появлениям образа дракона в сюжетах погребальных рельефов эпохи Хань, которыми украшали гробницы (стены, стелы, саркофаги и т. д.) знатных людей. Рельефы изготавливали из камня или керамических плит и иногда покрывали краской. В погребениях они воплощали надежды рода на благоприятное будущее, служили отражением культа предков, помогали умершему достичь бессмертия и перейти в мир небожителей, а также защищали его от плохих духов и обеспечивали ему богатую загробную жизнь³.

Дракон часто описывался в текстах и появлялся в изобразительном искусстве, исходя из чего мы примерно понимаем, каким было представление китайцев о драконах и какие характерные черты отделяли их от других существ. Тем не менее, еще до того, как образ дракона сложился окончательно, в китайской культуре существовали представления о существах, обладавших теми или иными драконьими чертами, в связи

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук Антон Эдуардович Терехов

² До эпохи Хань, когда дракон стал прочно ассоциироваться с императорской властью, его символика могла быть не такой позитивной. Появляясь мертвым или в схватке с другим драконом, не в том месте или не в то время, он мог служить предзнаменованием дурных событий. В некоторых источниках даже говорилось об употреблении драконов в пищу, что было немыслимо в период после установления тесной связи между образом дракона и императором. См. Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. Пер. с англ. Фесюн А.Г. М., 2008. С. 49–52; Терехов А. Э. Три аспекта ханьских представлений о драконах (лун) // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. М.: Вост. лит., 2011. С. 344–346; Терехов А. Э. Эволюция представлений о драконе лун в китайской культуре XVII в. до н. э. — III в. н. э.: на материале письменных источников // XV всероссийская конференция «Философии восточно-азиатского региона и современная цивилизация»: Москва, 18—19 мая 2009 г. М.: Печатно-множительная лаборатория ИДВ РАН, 2010. С. 65.

³ Подробнее о них см.: Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб., 2004. С. 240–245.

с чем в древнекитайском искусстве выделяется несколько видов т. н. «протодраконов»: змееподобные, крокодилоподобные, рыбоподобные, свиноподобные, коршуноподобные и т. д.⁴ Это говорит нам об изначальной неоднородности образа, нашедшей воплощение в зафиксированных впоследствии представлениях о множестве драконоподобных существ, наиболее заметное место среди которых занимает *лун* 龍, само название которого обычно и переводится на европейские языки словом «дракон». Наибольшую популярность образ дракона приобрёл именно в эпоху Хань, когда он стал чаще появляться в текстах, архитектурных элементах и на стенах погребений. Также именно в эпоху Хань у дракона появляются некоторые новые черты: например, на рельефах дракон начинает чаще изображаться с крыльями⁵.

Как отмечает китайский исследователь Хуан Ваньфэн, каменные погребальные рельефы являются самой большой группой произведений искусства эпохи Хань, дошедшей до наших времен⁶. Именно на материале ханьских рельефов, представляющих собой единый массив, появилась возможность сравнить разнообразные изображения дракона, проследить их отличия и предназначение, а также рассмотреть образ дракона в ханьском погребальном искусстве как отдельно, так и в контексте целого сюжета рельефа.

Китайский исследователь Синь Лисян выделил пять зон распространения ханьских погребальных рельефов, к первой из которых отнёс район современной провинции Шаньдун как территорию, где рельефы появляются относительно рано и в большом количестве⁷. Кроме того, дракон появляется в сюжетах шаньдунских рельефов чаще, чем в других провинциях. Так, изображения дракона встречаются на 154 из 694 рельефов, содержащихся в трех посвящённых Шаньдуну томах «Полного собрания каменных рельефов [эпохи] Хань»⁸.

⁴ Терехов А. Э. Лун // Духовная культура Китая / гл. ред. М. Л. Титаренко и др. Т. 6. 2010. С. 626–630

⁵ Там же. С. 628.

⁶ Хуан Ваньфэн 黄宛峰. *Хань хуасяньши юй Ханьдай миньцзянь санцзан гуаньнянь* 汉画像石与汉代民间丧葬观念 (Ханьские каменные рельефы и народное представление о похоронах в эпоху Хань). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中国社会科学出版社, 2015. С. 1–2.

⁷ Синь Лисян 信立祥. *Ханьдай хуасяньши цзунхэ яньцзю* 汉代画像石综合研究 (Комплексное исследование каменных рельефов эпохи Хань). Пекин: Вэньу чубаньшэ 文物出版社, 2000. С. 13–15.

⁸ Чжунго Хань хуасяньши баньцзи вэйюаньхуэй 中国汉画像石编辑委员会 (Редакционный комитет [по вопросам] китайских каменных рельефов [эпохи] Хань, Юй Вэйчао 俞伟超. Шаньдун Хань хуасяньши цюань цзи 山东汉画像石全集 (Полное собрание каменных рельефов [эпохи] Хань провинции Шаньдун). Тт. 1–3. Пекин: Шаньдун мэйшу чубаньшэ 山东美术出版社, 2000. Подсчеты проводились на основе как подписей к иллюстрациям, так и результатов самостоятельного их исследования, поскольку подписи порой не содержат описания рельефа и лишь указывают его местоположение в погребении. Как драконы определялись существа, обладающие рядом специфических черт: ярко выраженной драконьей пастью, наличием чешуи на теле, длинным хвостом, изогнутым телом, длинной вытянутой шейей, крыльями, иногда рогами и т.д. Тем не менее, в некоторых случаях определенные черты (крылья, рога, чешуя) могли отсутствовать. Кроме того, в некоторых случаях для идентификации дракона использовалась

Тем не менее, эти данные достаточно условны, поскольку не все существа, которых мы можем идентифицировать как драконов, могли восприниматься в качестве таковых современниками рельефов. Более того, мы также не можем быть уверены в том, что ошибок такого рода, равно как и случаев неправомерного отнесения драконов к тому или иному виду, не допустили редакторы альбомов ханьских рельефов, и поэтому для идентификации драконов на изображении не можем опираться лишь на подписи к рельефам. Так, например, изображенный на рельефе №30 во 2 томе⁹ дракон идентифицирован как *и-лун* 翼龍 («крылатый дракон»), однако в древнекитайских письменных памятниках крылатых драконов обычно называют иначе – *ин-лун* 應龍 («откликающийся дракон»)¹⁰, что заставляет задуматься, являются ли данные термины полностью синонимичными, или же между ними существуют отличия и почему тогда китайские исследователи определили изображённое существо именно как *и-луна*, а не как *ин-луна*. Тем не менее, китайские коллеги могли использовать *и-лун* не как определенный тип дракона, а как описание изображения – «дракон с крыльями».

Также довольно часто в подписях к рельефам фигурируют группы драконов: *цзяо лун* 交龍 («перевивающиеся драконы») и *цюнь лун* 群龍 («множество драконов»). При этом композиция *цзяо лун* обычно представляет собой изображение двух или четырех перепелетенных между собой драконов, тогда как *цюнь лун* представляет собой стаю драконов, достаточно близко стоящих друг к другу, а иногда и взаимодействующих друг с другом.

Поскольку выявить определенный тип дракона, не зная точного списка характерных именно для него черт, а только лишь с помощью визуального анализа на данный момент не представляется возможным, в данной работе была предпринята попытка типологизировать драконов на ханьских рельефах по двум принципам: 1) согласно функциям, выполняемым драконами на рельефах; 2) по внешнему виду изображенных драконов.

По функциям, выполняемым *лунами* на рельефах, можно выделить следующие типы драконов: медиатор между миром смертных и небожителей (в компании *сяней*, *шэней* и мифологических существ), ездовое животное божеств, символ Востока (*цин-лун* в компании *бай-ху*), элемент культа плодородия (переплетающиеся драконы). В роли медиаторов драконы появляются преимущественно в композициях с мифологическими существами (например, тигр, дракон и феникс, идущие друг за другом), иногда – в сюжетах с похоронными процессиями (в таком случае можно их также отнести и к

композиция рельефа – например, наличие на нём других характерных образов, таких, как *бай-ху* (см. далее).

⁹ Там же. Т. 2. С. 24.

¹⁰ Возможно, *ин* 應 "откликаться" здесь стоит вместо *ин* 鷹 "ястреб", и тогда получается "ястребо[видный] дракон", что уже меняет смысл.

ездовым животным божеств, поскольку в колесницах, запряженных драконами, скорее всего, ездили только небожители, изображаемые иначе, нежели обычные люди, которых мы можем наблюдать на рельефах с бытовыми сюжетами). Например, на рельефе № 129 из 1 тома изображается процессия из колесниц, запряженных лошадьми, в которой также принимают участие драконы и феникс, но уже самостоятельно, без колесниц и наездников¹¹. Помимо этого, дракон как медиатор мог появляться и в сюжетах, изображающих танцы и веселье, где дракон выступал в виде представителя мира небожителей, а люди – мира смертных. Подобная картина наблюдается на рельефе № 150 из 1 тома¹².

Как ездовые животные божеств драконы появляются запряженными в колесницы *сяней* 仙 («бессмертных») или же с *сянями* в роли наездников. Так, например, на рельефе № 88 из 1 тома изображено большое количество драконов с наездниками в образе *сяней* или же *шэней* 神 («божеств»)¹³. В этом случае драконов также можно было бы отнести к медиаторам, если бы не тот факт, что часто данный сюжет идет отдельно от других и изображает скорее мир небожителей, редко затрагивая мир смертных.

Помимо вышеперечисленных драконов в подписях китайских ученых к рельефам часто встречается *цин-лун* 青龍 («лазурный дракон»), являющийся, возможно, единственным видом дракона, который мы можем опознать практически всегда, поскольку он символизировал Восток и часто изображался в паре с символом Запада – белым тигром (*бай-ху* 白虎). Можно встретить три варианта изображения данных образов: 1) на двух отдельных, но почти полностью копирующих композицию друг друга рельефах, на одном из которых изображен *бай-ху*, а на другом – *цин-лун*; 2) на одном рельефе, где дракон и тигр расположены противоположно или друг за другом; 3) на одном рельефе, но часто не в главной роли, а в компании других мифологических существ, *сяней* и *шэней*. В то время как первые два случая не вызывают вопросов, третий был выделен мной лишь из-за подписей китайских учёных к рельефам, где дракон в подобном сюжете практически всегда идентифицируется как *цин-лун*. Иногда он появляется на рельефе в одиночестве, но в таком случае мы не можем быть уверены, что данный дракон является *цин-луном*, если рядом не было найдено похожего по композиции рельефа с тигром, который бы позволил идентифицировать изображённое

¹¹ Чжунго Хань хуасяньши баньцзи вэйюаньхуэй 中国汉画像石编辑委员会 (Редакционный комитет [по вопросам] китайских каменных рельефов [эпохи] Хань, Юй Вэйчао 俞伟超. Шаньдун Хань хуасяньши цюань цзи 山东汉画像石全集 (Полное собрание каменных рельефов [эпохи] Хань провинции Шаньдун). Т. 1. Пекин: Шаньдун мэйшу чубаньшэ 山东美术出版社, 2000. С. 94.

¹² Там же. С. 110.

¹³ Чжунго Хань хуасяньши баньцзи вэйюаньхуэй 中国汉画像石编辑委员会 (Редакционный комитет [по вопросам] китайских каменных рельефов [эпохи] Хань, Юй Вэйчао 俞伟超. Шаньдун Хань хуасяньши цюань цзи 山东汉画像石全集 (Полное собрание каменных рельефов [эпохи] Хань провинции Шаньдун). Т. 1. Пекин: Шаньдун мэйшу чубаньшэ 山东美术出版社, 2000. С. 63.

существо именно как *цин-луна*. Данное предположение выдвигается на основании того, что *цин-луна* и *бай-ху* обычно располагали таким образом, чтобы рельефы были расположены напротив друг друга, обычно по две стороны от арок, на стелах (восточной и западной) или по двум сторонам от саркофага.

Говоря о культе плодородия, следует сказать, что подобное понимание смысла рельефов с перевивающимися драконами выдвигается мной исходя из того, что божества Фу-си 伏羲 и Нюй-ва 女媧¹⁴, практически всегда изображавшиеся с переплетенными змеиными хвостами вместо нижних конечностей, воспринимаются учеными как символ продолжения рода, культа плодородия, а также из-за мысли о том, что переплетающиеся существа часто интерпретировались как спаривающиеся, что можно воспринять как выражение древними китайцами надежды на долгую жизнь рода. Исследователь композиционной составляющей ханьских рельефов Би Чжичэн также отмечал, что именно композиции с переплетенными существами, кольцами или сюжеты, где Фу-си и Нюй-ва сплетаются хвостами, являются сюжетами, относящимися к культу плодородия¹⁵.

Переходя к классификации драконов по их внешнему виду, следует заметить, что нельзя считать её точной, поскольку внешний вид драконов на каждом рельефе крайне отличается и не дает сформировать четкое представление о том или ином виде дракона для дальнейшей безошибочной типологизации. Тем не менее, обобщить драконов в примерные группы с некоторой погрешностью представляется вполне возможным. Для разделения дракономорфных существ по группам были приняты во внимание такие характерные особенности, как длина тела, наличие или отсутствие рогов, крыльев и чешуи, вид хвоста и пасти, а также размер шеи. На основании этих критериев мною было выделено три вида драконов: звероподобные, переходные и змеевидные.

К звероподобным драконам можно отнести существа с достаточно коротким туловищем, которых легко спутать с тиграми из-за их похожих хвостов; от прочих типов драконов их отличает наличие характерной для изображений драконов пасти, иногда – крыльев, шея иногда может быть неестественно вытянутой (по сравнению с другими существами). Например, данный тип *луна* изображается на рельефе № 6 из 3 тома¹⁶.

¹⁴ Фу-си является мифическим правителем и первопредком, который, согласно традиции, обучил людей рыболовству, охоте, установил правила женитьбы, изобрел гадательные триграммы и т. д. Нюй-ва, согласно китайской мифологии, – создательница человечества, избавившая мир от потопа и починившая небосвод, а также богиня брака и сватовства. Часто появляются вместе в различных легендах и на изображениях.

¹⁵ Би Чжичэн. Каменные рельефы эпохи Хань в провинции Шаньдун: контекст, сюжеты, стилистика, композиция: дис. на соискание ученой степени канд. искусствовед. наук. СПб., 2020. С. 138–139.

¹⁶ Чжунго Хань хуасяньши баньцзи вэйюаньхуэй 中国汉画像石编辑委员会 (Редакционный комитет [по вопросам] китайских каменных рельефов [эпохи] Хань, Юй Вэйчао 俞伟超. *Шаньдун Хань хуасяньши цюань цзи* 山东汉画像石全集 (Полное собрание каменных рельефов [эпохи] Хань провинции Шаньдун). Т. 3. Пекин: *Шаньдун мэйшу чубаньшэ* 山东美术出版社, 2000. С. 4–5.

Змеевидные же драконы обладают довольно вытянутым телом, обычно изображаются на рельефах с культом плодородия, поскольку другие виды драконов не имеют достаточно длинного туловища, чтобы переплетаться друг с другом. Кроме того, что у драконов данного типа тело достаточно длинное, оно также достаточно часто изображается покрытым чешуёй, однако они крайне редко обладают другими конечностями, помимо хвоста. Иногда змеевидные драконы изображаются как раз-таки больше похожими на змей, чем на драконов, и идентифицировать их помогает опять же характерная пасть и достаточно длинное тело. Характерным примером для драконов данного типа могут служить рельефы из 2 тома, например, рельеф № 173¹⁷, а также рельеф № 189¹⁸, на котором изображены переплетенные змеевидные *луны*.

Говоря о драконах переходного типа, следует отметить, что данный тип является наиболее условным, поскольку включает в себя дракономорфных существ, которых нельзя отнести к звероподобным из-за наличия более ярких драконьих черт (иногда из-за крыльев, рогов и не звериного хвоста, но чаще из-за более вытянутой и утонченной формы тела), но также нельзя отнести к змеевидным из-за слишком короткого тела. Зачастую данный тип драконов встречается в сюжетах, где они выступают в качестве ездовых животных божеств — например, на рельефе № 153 из 1 тома¹⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для более точного выявления видов драконов на ханьских рельефах необходимо обладать более полной информацией о том, как именно разделяли драконов сами китайцы эпохи Хань (что на данный момент возможно понять только из письменных источников, зачастую не дающих достаточной информации, которая позволила бы разделять их визуально). Кроме того, как было показано выше, существуют основания для сомнений в достоверности подписей к конкретным рельефам, на которых, как предполагают редакторы, составившие альбомы ханьских рельефов, изображались именно *луны*. Классифицировать драконов удалось по функциям, выполняемым ими на рельефах: медиатор между миром смертных и небожителей (в компании *сяней*, *шэней* и мифологических существ), ездовое животное божеств, символ Востока (дракон в компании тигра) и элемент культа плодородия (переплетающиеся драконы). Помимо этого, удалось выделить три типа драконов по их внешности: звероподобные, переходные и змеевидные. Говоря о перечисленных в работе классификациях, следует отметить, что многие из них перекликаются на рельефах с определенными сюжетами, например, *цзяо лун*, как и змеевидный дракон, появляются на рельефах, которые можно связать с культом плодородия.

¹⁷ Там же. Т. 2. С. 165.

¹⁸ Там же. С. 180–181.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 113.

Список использованных источников и литературы:

Би Чжичэн. Каменные рельефы эпохи Хань в провинции Шаньдун: контекст, сюжеты, стилистика, композиция. СПб, 2020 г. 371 с.

Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб., 2004. 993 с.

Терехов А. Э. Лун // Духовная культура Китая / гл. ред. М. Л. Титаренко и др. Т. 6. 2010. С. 626–630.

Терехов А. Э. Три аспекта ханьских представлений о драконах (лун) // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. М.: Вост. лит., 2011. С. 334–352.

Терехов А. Э. Эволюция представлений о драконе лун в китайской культуре XVII в. до н. э. — III в. н. э.: на материале письменных источников // XV всероссийская конференция «Философии восточно-азиатского региона и современная цивилизация»: Москва, 18—19 мая 2009 г. М.: Печатно-множительная лаборатория ИДВ РАН, 2010. С. 64–68.

Фиссер М. В. Драконы в мифологии Китая и Японии. Пер. с англ. Фесюн А. Г. М., 2008. 272 с.

Синь Лисян 信立祥. *Ханьдай хуасяньши цзунхэ яньцзю* 汉代画像石综合研究 (Комплексное исследование каменных рельефов эпохи Хань). Пекин: *Вэньу чубаньшэ* 文物出版社, 2000. 362 с.

Хуан Ваньфэн 黄宛峰. *Хань хуасяньши юй Ханьдай миньцзянь санцзан гуаньнянь* 汉画像石与汉代民间丧葬观念 (Ханьские каменные рельефы и народное представление о похоронах в эпоху Хань). Пекин: *Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ* 中国社会科学出版社, 2015. 288 с.

Чжунго Хань хуасяньши баньцзи вэйюаньхуэй 中国汉画像石编辑委员会 (Редакционный комитет [по вопросам] китайских каменных рельефов [эпохи] Хань, Юй Вэйчао 俞伟超. *Шаньдун Хань хуасяньши цюань цзи* 山东汉画像石全集 (Полное собрание каменных рельефов [эпохи] Хань провинции Шаньдун). Тт. 1–3. Пекин: *Шаньдун мэйшу чубаньшэ* 山东美术出版社, 2000. 181+216+215 с.

Шкотов Артём Владимирович
студент 4 курса Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета¹

Миграционная политика Японии в XX и XXI вв.

В Японии достаточно низкий процент иностранных резидентов от общего числа населения страны (около 2% или 2 823 565 человек)². Отправной точкой современной миграционной политики Японии является послевоенный период (1945–1952 гг.), когда за основу реформирования всей политической системы была взята американская модель. С момента издания Закона «Об иммиграционном контроле» в 1951 г.³, который до сих пор регламентирует порядок въезда иностранцев, происходили незначительные изменения, вызванные прогрессированием снижения рождаемости и старения населения. В целом миграционную политику Японии можно охарактеризовать как непрогрессивную, зависимую от этнических стереотипов.

Миграционную политику Японии принято делить на три большие периода: «Режим-52», «Режим-82» и «Режим-90». Цифры в названиях периода указывают на год начала того или иного режима.

«Режим-52» (1952–1981) характеризуется жесткой политикой правительства. В этот период формируется база для современной миграционной политики на основе американской модели. В частности, были установлены правила въезда и выезда⁴ и список миграционных статусов⁵, которые пересматриваются и по сей день в зависимости от социально-экономических изменений в Японии.

Однако процесс формирования миграционной политики привел к репатриации корейцев и тайванцев. После демонтажа японского империализма (1945) те лишились статуса «японских поданных», и, чтобы его восстановить, правительство предложило в ультимативной форме корейцам и тайванцам пройти процедуру присвоения японского

¹ Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова.

² Рэйва-ни нэнмацу гэндзай ни окэру дзайрю: гайкокудзин ниндзу: ницуитэ [令和 2 年末現在における在留外国人数について] О количестве иностранных резидентов на конец 2020 г. // Статистика Иммиграционного Бюро Японии, представленная в качестве материала для пресс-релиза 31.03.2021 г. URL: http://www.moj.go.jp/isa/publications/press/13_00014.html (дата обращения: 04.05.2021).

³ Сюцуню: коку канри оёби нанминнин тэйхо: [出入国管理及び難民認定法]. Закон «Об иммиграционном контроле и признании статуса беженца» от 4.10.1951 // Интернет-портал Министерства юстиции Японии, отдел переводов законов. 31.03.2020. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/%20law/detail_main?id=173&vm=4 (дата обращения: 03.12.2020).

⁴ Там же.

⁵ Дзайрю: сикаку итиранхё: [在留資格一覧表] Список миграционных статусов на август 2021 г. / Интернет-портал Иммиграционного бюро URL: <https://www.moj.go.jp/isa/applications/guide/qaq5.html> (дата обращения: 01.02.2022).

имени и отказа от этнического. Во многом внедрение этой процедуры связано с принятием «концепции привратника» (門を守る *мон о мамору*), которая оформила популярный на тот момент в правительстве миф о гомогенности нации⁶.

Таким образом потенциальный нарратив Японии как страны открытой к миграции был заменен на националистический. При этом стоит учитывать следующее. Во-первых, концепция была попыткой конструирования новой национальной идентичности после демонтажа японского империализма, поэтому не должна осуждаться потомками⁷. Во-вторых, японское определение «национализма» существенно шире западного и не всегда отражает негативные тенденции⁸.

«Режим-82» (1982–1990) наследует строгость предыдущих лет, однако пересматриваются некоторые положения миграционной политики. Например, с 1982 г. Япония принимала беженцев из бывших французских колоний Индокитая после ратификации Конвенции о статусе беженцев 1981 г. Кроме того, в 1987 г. была учреждена «программа международного обмена (яп. *кокусай ко:рю*: 国際交流), направленная на улучшение культурного взаимопонимания между местными жителями и иностранными резидентами.

Однако подобные меры были приняты в целях трансляции привлекательного имиджа Японии⁹. Кроме того, по мнению некоторых ученых, на поле международного сотрудничества Япония утверждала свою национальную идентичность через дихотомию «Я/Другой», где под «Другим» подразумевалась страна, с которой взаимодействовали японские власти¹⁰.

«Режим-90» (с 1990 г.) встретил последствия экономического пузыря (1986–1991) и столкнулся с проблемой нелегальной миграции. В рамках «концепции привратника» начали приоткрываться «двери» для новой категории мигрантов, которые должны были восполнить дефицит рабочей силы в Японии. Однако неолиберальные тенденции в миграционной политике, даже в эпоху Абэномики (2012–2019), когда они достигли своего пика, не смогли преодолеть влияние мифа о гомогенности нации. Мы наблюдаем это влияние в семантической особенности законодательных актов: японское правительство намеренно избегает слово «мигрант» (яп. *иминся* 移民者) и создает

⁶ Минамикава Фуминори. Сэнгоки ни окэру сюцуню:кокуканри тайсэй-но сэйрицу то «хиьиминкоку» нихон [南川 文里。 戦後期における出入国管理体制の成立と「非移民国」日本] Формирование послевоенного режима иммиграционного контроля и генезис Японии как «страны не открытой к миграции» // Журнал университета Рицумэйкан, Киото, 2017. Вып.29, С.141-142.

⁷ Там же.

⁸ Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Японский национализм. Идеология и политика. М.: Международные отношения, 2012. С.10.

⁹ Kondo A. Migration and Law in Japan / Asia & the Pacific Policy Studies. Australian National University, 2015. Vol. 2, no. 1, P. 157-158.

¹⁰ Бух А. Япония. Национальная идентичность и внешняя политика. Россия как Другое Японии. // М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 141.

странные термины для обозначения иностранных резидентов, например, такие как «иностраный талант» (яп. *гайкокудзиндзай* 外国人材) или «иностранная рабочая сила» (яп. *гайкоку ро:до:* 外国労働)¹¹.

В общем и целом, японская миграционная политика представляется нам достаточно противоречивой. Например, можно выявить следующие закономерности: смягчения проводились в ситуациях, когда страна признавала невозможность выхода из экономического кризиса за счет внутренних сил и нуждалась в притоке дешевой иностранной рабочей силы. В этой связи стоит отметить, что с самого начала миграционная политика не ставила целью интегрировать иностранцев в общество. В принципе подобная осторожность закономерна для японской истории в периоды эпохальных трансформаций, что отмечает Д. В. Стрельцов: «возникновение угрозы военной, экономической или информационной безопасности Японии провоцирует воспроизводство одной модели: угрозы неизменно наталкиваются на сопротивление механизмов, сберегающих ключевые ценности и смыслы, и происходит адаптация к воздействию извне»¹².

Что касается реформ по смягчению политического курса, можно отметить их несвоевременность и непоследовательность. Например, «политика мультикультурализма» (яп. *табунка кё:сэй* 多文化共生), вступившая в силу в 2006 г., признает необходимость обеспечения комфортной среды иностранным резидентам, но при этом снимает ответственность с государства за ее создание, делегируя эту задачу местным муниципалитетам, которые не справляются с высокой нагрузкой и страдают от нечетких указаний сверху. Складывается впечатление, что правительство старалось выдержать баланс между поддержанием мифа о гомогенности нации и признанием его несостоятельности. В то время как центральная власть в мягкой форме пропагандировала идеи мультикультурализма, местные муниципалитеты и НКО, напротив, занимались именно целевой поддержкой иностранцев, более чутко реагировали на изменения в регионах и настаивали на проведении смелых инициатив. Различия между политикой центральных и местных властей свидетельствуют о разрыве между «правительственными иммиграционными» и «региональными интеграционными» интересами¹³.

Кроме того, два года пандемии способствовали еще большей изоляции мигрантов от японского общества и разрушению накопленного иностранными резидентами социального капитала. В результате был подорван и без того слабый потенциал

¹¹ Roberts Glenda. An Immigration Policy by Any Other Name: Semantics of Immigration to Japan / Social Science Japan Journal. Tokyo, 2017. Vol. 21, no.1, P. 89-91.

¹² Япония в эпоху великих трансформаций // Под ред. проф. Д. В. Стрельцова // М., АИРО-XXI. 2020. С. 302.

¹³ Kim Viktoriya & Streich Philip. Tabunka Kyōsei without immigration policy: The role of centers for international exchange and their challenges / Contemporary Japan, 2020. Vol. 32. No.2. P.183.

политики мультикультурализма. Помимо того, что иностранные резиденты, в отличие от японских граждан, больше пострадали в вопросах мобильности, занятости и здоровья, пандемия породила еще одну опасность: определенный прогресс политики мультикультурализма может быть окончательно нивелирован из-за рекомендаций соблюдать социальную дистанцию, вследствие чего мигранты, у которых по сравнению с местными жителями связи между сообществами и социальный капитал значительно слабее, рискуют потерять возможности интегрироваться в общество. Миграционная политика не смогла обеспечить иностранцев комфортной средой, поэтому, по мнению некоторых ученых, подлежит комплексному пересмотру¹⁴.

¹⁴ Burgess Chris. The Impact of COVID-19 on Foreign Residents in “No Immigration” Japan / IRiS Working Paper Series, Birmingham: Institute for Research into Superdiversity, 2021. No.48, P.3.

Шохина Юлия Олеговна
студентка 2 курса факультета
международных отношений СПбГУ¹⁵

“Поворот России на Восток” в рамках взаимодействия России и Китая

“Поворот России на Восток” — это тенденция, которая активно развивается в современном мире; она началась в 2000-х гг. и продолжается до сих пор. “Поворот России на Восток” происходит и на международном, и на внутригосударственном уровнях. Первый уровень проявился во взаимоотношениях с иностранными азиатскими государствами, а второй уровень – создание проектов по развитию российского Дальнего Востока.

Азия — стратегически важный для России регион мира, который приносит огромное количество как экономических, так и различных других выгод. Важнейшими партнерами для России здесь являются Китай, Япония, Республика Корея, Вьетнам и т.д. Для интенсификации развития отношений с этими и некоторыми другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона необходимо привлекать всё больше торговых, экономических партнеров государственного и негосударственного уровня и в европейских странах, и даже в США. Таким образом, будет происходить встраивание экономик стран Тихоокеанского региона в глобальную систему, а также установление тесных партнёрских отношений этих государств с Россией.

Чаще всего приходится говорить о более плотном взаимодействии между Россией и Китаем. Постепенно именно это государство становится российским экономическим и политическим партнером. Помимо Китая, Россия собирается расширять контакты с другими государствами Азии, и в настоящее время происходят некоторые положительные сдвиги в этом направлении. Трудности же связывают с разницей культур, разным пониманием своей роли в международных отношениях и сложности выбора своей глобальной стратегической ниши этими странами.

Отношения России с Японией порой имеют отчасти негативную окраску из-за спора касательно Курильских островов и поддержки антироссийских санкций этой страной, при этом перспективным видится направление развития экономических контактов, технологической сферы сотрудничества. Корея также постепенно становится потенциальным российским партнером, например, является активным импортером природного газа из России, проявляет интерес к сельскохозяйственным и другим проектам на Дальнем Востоке. Но при этом Республика Корея опасается возрастающей роли Китая как глобального лидера, а также начинает соперничество за доминирование в Дальневосточном регионе России.

¹⁵ Научный руководитель — к. п. н., доцент кафедры мировой политики СПбГУ Н. В. Ковалевская.

Если говорить об истоках «поворота России на Восток» в рамках взаимодействия России и Китая, то можно отметить, что именно отношения между этими странами стали важнейшим источником продвижения данной политики. Благодаря использованию «мягкой силы» Китай привлекает огромное количество стран, которые становятся если не его друзьями, то его партнерами в экономическом, политическом планах. Привлекательность культуры, публичная дипломатия, важнейшая роль СМИ в формировании положительного образа государства за рубежом – вот те факторы, которые способствуют повышению роли Китая на международной арене.

В наш век глобализации, информатизации можно отметить особую роль СМИ как инструмента распространения китайской культурной идентичности и мягкосилового влияния. В Китае на данный момент существует большое количество каналов связи, через которые происходит передача информации. Здесь особое место занимает китайская «большая четверка». В первую очередь, ведущая роль принадлежит каналу CCTV. Наряду с BBC, Russia Today этот канал является главным передаточным звеном информации на глобальном уровне, т.к. транслируется на 6 международных языках. Также стоит отметить Международное радио Китая (CRI), агентство Синьхуа и агентство газеты «China Daily». Несмотря на то, что сейчас существует возможность перевода с китайского на другие иностранные языки, представляется наиболее перспективным передача информации именно на китайском языке как языке-оригинале. Невозможно представить СМИ как носителя определенных ценностей без языка, без коммуникации, поэтому, безусловно, китайский язык пользуется большим спросом, в том числе и в России.

Распространение языка, в данном случае китайского, имеет огромное влияние на государства в целом. В последние годы перспективным явлением становится «китайская лихорадка» – стремление всё большего количества населения разных стран изучать китайский язык. Также здесь можно говорить и об особой роли Институтов Конфуция, которые распространяют «китайское влияние» во все уголки нашей планеты.

По мере развития торгово-экономического, политического сотрудничества между Россией и Китаем растет интерес россиян к китайскому языку. За последние 10 лет в России значительно увеличилось число изучающих китайский язык. В 1997 году около 5 тысяч россиян изучали китайский язык, в 2007 году эта цифра составила 17 тысяч, а в 2017 году уже 56 тысяч. Например, только в Москве в 2020 году школьников, изучающих китайский язык, было 13 тыс., их количество возросло за год по сравнению с 2019 годом на 3 тыс¹⁶.

¹⁶ Мода на китайский язык в России. URL: <https://www.google.com/amp/s/inosmi.ru/amp/social/20190421/244935023.html>

Говоря об образовательных контактах, можно подметить особую роль китайских университетов, которые организуют стажировки для иностранных студентов, а также осуществляют программы академического обмена. Можно также сравнить взаимодействие двух стран в области научно-образовательной сферы: в 2021 г. количество китайцев-учащихся в России достигло около 17 тыс. студентов, при этом около 16 тыс. россиян училось в КНР¹⁷. По словам руководителя управления международной академической мобильности НИТУ "МИСиС" Васафа Фараджова¹⁸, “за последние семь лет число граждан КНР в российских вузах выросло почти вдвое, и в значительной мере эта тенденция связана с расширением присутствия российских университетов в институциональном и предметном рейтингах Academic Ranking of World Universities (ARWU). Граждане Китая узнают о возможности учебы в России от сотрудников дипломатических миссий РФ в КНР, культурных центров в крупных городах, интернета и других источников”.

Для создания более развёрнутой сети получения информации иностранными студентами относительно доступных мест для обучения в Китае Министерством образования Китая создана информационная система CUCAS (China's University And College Admission System – Система поступления в китайские вузы и колледжи). Ее важнейшей задачей является выполнение функции связующего элемента между китайскими ВУЗами и колледжами и иностранными студентами, которым она помогает найти нужный ВУЗ или программу в более сжатые сроки.

Безусловно, в китайские ВУЗы принимаются иностранные студенты, обладающие довольно широким спектром знаний по китайскому языку: навыками письменной речи, написания сочинений, а также умением говорить на базовом уровне на китайском языке, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что лингвистический фактор является важнейшим аспектом «мягкой силы» влияния КНР.

Также нельзя не затронуть и культурную сферу взаимодействия России и Китая. Нашими странами была согласована Программа сотрудничества между министерствами культуры России и Китая на 2020-2023 года, которая нацелена на проведение как можно большего количества мероприятий в очном формате.

Можно упомянуть и такое явление, как «Год Китая», который получил широкое распространение во многих странах. В рамках «Года Китая» и «Года России» наши государства организуют различные мероприятия, связанные с историей стран, их традициями и обычаями. Например, впервые Год Китая в России прошёл в 2006 г., а Год

¹⁷ Интерес к русскому языку в Китае и к китайскому – в России. URL: <https://www.google.ru/amp/s/rg.ru/amp/2021/02/11/interes-k-russkomu-iazyku-v-kitae-i-kitajskomu-v-rossii-vyros-v-razy.html>

¹⁸ Рост числа китайских студентов, обучающихся в российских вузах. URL: <https://www.google.com/amp/s/rg.ru/amp/2019/09/02/chislo-kitajcev-studentov-rossijskih-vuzov-rastet-s-kazhdym-godom.html>

России в Китае – в 2007 г., Год русского языка в Китае - в 2009 г. и Год китайского языка в России – в 2010 г. и т.д.

2016-2017 гг. прошли под эгидой российско-китайских СМИ. Интересной особенностью стало то, что проводились кинопоказы среди российских зрителей классических китайских фильмов на языке-оригинале. Следует упомянуть и о Российско-китайском кинофоруме «Амурская осень», который привлёк множество выдающихся деятелей культуры, а также о гастролях Российского Государственного академического молодежного театра в Китае и т. д. Важную роль еще играют китайские культурные центры, которые распространяют китайские ценности, один из них работает в Москве. Первые китайские культурные центры появились в России еще в 2007 г., в дальнейшем их влияние всё больше возрастает. На 2021 год их насчитывается уже более 50.

Теперь хочется сказать о различных научно-технических проектах России и Китая. 2020-2021 гг. проходили под эгидой российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. Торжественная церемония открытия прошла 28 августа 2020 г. в формате телемоста. В рамках этого межгосударственного проекта было организовано множество мероприятий - выставок, олимпиад, конкурсов, совместных научно-исследовательских проектов и образовательных семинаров, хоть и с определенными ограничениями из-за пандемии коронавируса.

В целом огромное количество совместных проектов в научной сфере уже осуществилось или планируется быть осуществлено в самое ближайшее время, а также многие из них разрабатываются с дальнейшей перспективой. В качестве примера можно привести договоренность России и Китая о проведении совместного конкурса научно-исследовательских проектов. Он включает 7 приоритетных направлений: установки класса «мегасайенс»; биология и биофармацевтика; физиология и фундаментальная медицина; ресурсы и окружающая среда; физика плазмы; материаловедение; химия. В рамках конкурса планируется поддержать не менее 6 проектов, которые будут реализованы в период с 2021-2023 гг.¹⁹ В области пищевых технологий сотрудничество уже налажено: создана ассоциация пищевых университетов России и Китая, которая курирует исследования в области безопасности и качества продуктов питания. Работает российско-китайский институт питания, где решаются задачи продовольственной безопасности обеих стран. Наблюдается также положительная динамика в инвестиционном сотрудничестве России и Китая на Дальнем Востоке. В территориях опережающего развития и свободном порту Владивосток в различной стадии реализуется 59 проектов с участием китайских инвестиций общим объемом 2,4 млрд долл.

¹⁹ Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25211

С 2014 года в рамках взаимодействия России и Китая были полностью осуществлены 17 инвестиционных проектов. Среди них – «Освоение Быстринского месторождения в Забайкальском крае» и «Создание Российско-Китайского агрохолдинга на Дальнем Востоке с АО «Легендагро Холдинг». В 2020 году первая партия медного концентрата Быстринского горно-обогатительного комбината была экспортирована в Китай, а АО «Легендагро Приморье» совершена первая экспортная поставка нескольких тысяч тонн кукурузы²⁰. Недавно был запущен газопровод "Сила Сибири", начато строительство газохимического комплекса в Амурской области, а также было завершено строительство мостового перехода Благовещенск-Хэйхэ – всё это способствует сближению России и Китая в технологической и логистической сферах.

Говоря о гуманитарном сотрудничестве, также можно отметить такой факт: в 2004 г. КНР передала РФ 600 тыс. долларов на восстановление разрушенных школ Чечни, а Москва помогла пострадавшей от холодов провинции Гуйчжоу, а также провинции Сычуань после землетрясений 2008 и 2010 гг. В 2010 году Пекин выделил гуманитарной помощи на 3,9 млн долларов на помощь в ликвидации лесных пожаров в России²¹. В 2020 году, в феврале, в связи с обострившейся эпидемиологической обстановкой Россия поставила в город Ухань, где началось распространение коронавируса, груз весом 23 т с защитными и медицинскими средствами, были отправлены 2 млн медицинских масок, халаты и медикаменты в качестве гуманитарной помощи для борьбы с распространением вируса. Об этом заявил министр промышленности и торговли Д.В. Мантуров. Из Китая в Россию, в свою очередь, доставили гуманитарную помощь весом 26 т для борьбы с распространением коронавируса. В гуманитарный груз вошли медицинские маски, респираторы, защитные костюмы, одноразовые перчатки, бахилы и инфракрасные термометры²².

Также показательно взаимодействие России и Китая в туристической сфере: в 2013 году Китай посетили 2186 тыс. российских туристов. Китай посетили в 2004 году 1790 тыс. туристов из России, что поставило РФ на третье (после Японии и Южной Кореи) место в мире по числу туристов, посетивших Поднебесную. В 2019 г. РФ посетили почти 2 млн китайских туристов. Китай посетили в 2019 г. более миллиона

²⁰ Сайт Министерства экономического развития РФ. URL:

https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_utverdili_perechen_znachimyh_proektov_investicionnogo_sotrudnichestva_na_107_mlrd_dollarov.html

²¹ Гуманитарная взаимопомощь России и Китая. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26012342&pf=1>

²² Заявление министра промышленности и торговли Д.В.Мантурова об оказании гуманитарной помощи Китаю. URL:

https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e43029a9a79475ee05b828e?utm_source=amp_textincutes

туристов из России²³. Эти данные свидетельствуют о быстром росте интереса населения наших стран к различным туристическим маршрутам на территории России и Китая.

Очень важно отметить особое экономическое партнерство между двумя нациями: китайской и русской. За 2014 год товарооборот составил 88,4 млрд долл. За 2017 год он вырос на 20,8 %, а за 2018 год — на 27,1 % и превысил 107 млрд долл. За 2019 г. товарооборот между нашими странами составил 110,75 млрд долл, этот показатель вырос по сравнению с прошлым годом на 3,4%²⁴. В 2021 году объем торговли между Россией и Китаем вырос на 35,8 % и составил 146,887 млрд долл. Санкции Запада против России стимулируют рост торгового оборота между Россией и Китаем, способствуют расширению сотрудничества и построению особой российско-китайской инфраструктуры.

По итогам 2020 года Россия экспортировала в Китай 83,57 миллиона тонн нефти, что на 7,6% больше, чем в 2019 году. Наша страна заняла второе место по объемам поставок нефти. Поставки продукции российского агропромышленного комплекса в Китай с начала 2020 г. выросли на 28%, выйдя на второе место после продукции ТЭК²⁵.

По словам Президента РФ, В.В. Путина, Россия и Китай регулярно проводят морские и сухопутные военные учения на территориях обеих стран и обмениваются «лучшими практиками в сфере военного строительства». "Мы достигли большого уровня взаимодействия в сфере военно-технического сотрудничества, причем, и это, наверное, самое главное, речь не только об обмене продукцией или купле-продаже военной продукции, а об обмене технологиями", – сказал российский лидер²⁶.

В 2020 году для России и Китая открылась новая область сотрудничества — борьба с пандемией коронавируса, как было уже отмечено ранее, страны взаимодействовали в гуманитарной сфере, а также работали над созданием вакцин. Важнейшим показателем стало то, что во время пандемии России и Китаю удалось не допустить снижения товарооборота.

В 2021 году в своём интервью, посвящённом 20-й годовщине подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил: «Для нас КНР – это по-настоящему стратегический партнер, настоящий единомышленник. Наше сотрудничество на международной арене оказывает стабилизирующее влияние на глобальную и региональную обстановку. Россия исходит из того, что наш доверительный, взаимоуважительный диалог с КНР должен служить

²³ Сколько может потерять Российский въездной туризм из-за коронавируса в Китае. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/50269.html>

²⁴ Товарооборот России и Китая. URL: <https://www.google.com/amp/s/tass.ru/ekonomika/9936641/amp>

²⁵ Поставки нефти из России в Китай. URL: <https://www.google.com/amp/s/rg.ru/amp/2021/01/20/rossiia-zaniala-vtoroe-mesto-po-postavkam-nefti-v-kitaj-v-2020-godu.html>

²⁶ Заявление В.В.Путина о возможности военного союза между Россией и Китаем. URL: <https://tass.ru/politika/9793177>

примером для других стран... Будем продолжать выстраивать свою внешнюю политику созидательно, конструктивно, гибко, всегда проявляя готовность к компромиссам, но исключительно на основе взаимоуважения и поиска баланса интересов»²⁷.

Министр иностранных дел Китая Ван И, в свою очередь, прокомментировал стратегические отношения между Пекином и Москвой: сплоченность России и Китая «прочна как скала», а «дружба нерушима». Также китайская сторона отметила, что никакие внешние факторы не смогут повлиять на стратегическое взаимодействие наших стран²⁸.

Таким образом, одним из важнейших приоритетов во внешней политике России и Китая является продолжение взаимодействия в различных областях, поддержание отношений стратегического партнёрства. Несмотря на различные трудности, возникающие на глобальном пространстве, наши страны продолжают следовать в фарватере общих политических интересов в сфере политики. Всё это демонстрирует выход на новый уровень отношений России и Китая, а также возможность и в будущем продолжать всестороннее сотрудничество.

Список источников и литературы

Гуманитарная взаимопомощь России и Китая. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26012342&pf=1> (дата обращения: 15.04.2022)

Заявление В.В. Путина о возможности военного союза между Россией и Китаем. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/politika/9793177> (дата обращения: 15.04.2022)

Заявление МИД Китая о сплоченности с Россией. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/20200917/kitay-1577363908.html> (дата обращения: 15.04.2022)

Заявление министра промышленности и торговли Д.В. Мантурова об оказании гуманитарной помощи Китаю. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e43029a9a79475ee05b828e?utm_source=amp_textincutes (дата обращения: 15.04.2022)

Интерес к русскому языку в Китае и к китайскому – в России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.google.ru/amp/s/rg.ru/amp/2021/02/11/interes-k-russkomu-iazyku-v-kitae-i-kitajskomu-v-rossii-vyros-v-razy.html> (дата обращения: 15.04.2022)

²⁷ Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4646592

²⁸ Заявление МИД Китая о сплоченности с Россией. URL: <https://ria.ru/20200917/kitay-1577363908.html>

Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04/Ли Минфу. – СПб, 2016. – 25 с.

Мода на китайский язык в России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.google.com/amp/s/inosmi.ru/amp/social/20190421/244935023.html> (дата обращения: 15.04.2022)

Поставки нефти из России в Китай. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.google.com/amp/s/rg.ru/amp/2021/01/20/rossiia-zaniala-vtoroe-mesto-po-postavkam-nefti-v-kitaj-v-2020-godu.html> (дата обращения: 15.04.2022)

Рост числа китайских студентов, обучающихся в российских вузах. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.google.com/amp/s/rg.ru/amp/2019/09/02/chislo-kitajcev-studentov-rossijskih-vuzov-rastet-s-kazhdym-godom.html> (дата обращения: 15.04.2022)

Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4646592 (дата обращения: 15.04.2022)

Сайт Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25211 (дата обращения: 15.04.2022)

Сайт Министерства экономического развития РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_utverdili_perechen_znachimyh_proektov_investicionnogo_sotrudnichestva_na_107_mlrd_dollarov.html (дата обращения: 15.04.2022)

Сколько может потерять Российский въездной туризм из-за коронавируса в Китае. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/50269.html> (дата обращения: 15.04.2022)

Сытенко, Г.Н. Российско-китайское культурное сотрудничество на рубеже XX-XXI вв. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/download/4181/3635> (дата обращения: 15.04.2022)

Товарооборот России и Китая. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.google.com/amp/s/tass.ru/ekonomika/9936641/amp> (дата обращения: 15.04.2022)

Чжунвай юйянь цзяолю хэцзо чжунсинь 中外语言交流合作中心// Официальный сайт Институтов Конфуция на китайском языке. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.chinese.cn/page/#!/pcpage/mainpage> (дата обращения: 15.04.2022)

Содержание

От составителей	3
<i>Авдюхова О. С.</i> Японская военная пропаганда в отношении Китая в период Японо-китайской войны 1937–1945 гг.: средства, методы и идеи	5
<i>Алексеева Е. В.</i> Использование результатов образовательных реформ во внешней политике КНР	8
<i>Анофриева Д. С.</i> Влияние традиционной литературы Кореи на становление жанра <i>манхва</i>	16
<i>Баллетта Альфредо.</i> Идеологи японского колониализма 1920-1940-х гг.	19
<i>Болотова А. А.</i> Роль игорного бизнеса в современной экономике Макао	24
<i>Бурсакова Д. Д.</i> Синтез японских и западных мотивов в научно-фантастической антиутопии Унно Дзюдза «Музыкальная ванна в 18:00»	30
<i>Виноградов И. С.</i> Концепт «красота» в китайском и японском языках	37
<i>Власов М. К.</i> Китайско-вьетнамская граница: история формирования и особенности функционирования	43
<i>Гавришьева Е. Г.</i> Неверидикативный подход к неопределённым экзистенциальным местоимениям в современном китайском языке	48
<i>Гольцман С. Е.</i> Первая Индокитайская война во французском кинематографе	53
<i>Горбунова В. А.</i> Основные подходы к трактовке аппликатива в современном китайском языке	59
<i>Даньшин С. А.</i> Гротеск как ведущий прием изображения гендерной проблематики в японской прозе начала XXI в. (на примере произведений Мотоя Юкико и Мурата Саяка)	65
<i>Дедюхина К. И.</i> Феномен популярности образа Сунь Укуна в китайском сценическом искусстве	71
<i>Дудников П. С.</i> Даосский трактат «Ду жэнь цзин» как результат диалога буддизма и культа предков	75
<i>Заикина Е. В.</i> Геополитическое влияние китайской миграции на торгово-экономические связи с восточными регионами Российской Федерации	81
<i>Закирова А. Ш.</i> Характеристика императорского костюма в трудах китайских учёных	85
<i>Зинченко А. В.</i> Концепт «Семи внешних и внутренних дел» в церемониях японского чайного комплекса «Семь ритуалов»	91

<i>Иванов А. А.</i> Цинский фактор в англо-вьетнамских отношениях в конце XVIII – начале XIX вв.	97
<i>Клементьева Т. В.</i> Переоценка понятия «гегемон» ба 霸/伯 в трактате Ин Шао «Фэн су тун и»	103
<i>Коваль А. В.</i> Проблема буллинга в произведениях современных южнокорейских авторов	109
<i>Колотова Н. В.</i> Роль Государственного комитета по делам вьетнамцев за рубежом МИД СРВ в формировании «мягкой силы»	112
<i>Кузовков М. А.</i> Волны COVID-19 в Японии: вызовы и стратегии	117
<i>Лекарева Е. П.</i> Национализм на Западе, в Индии и Японии в понимании Рабиндраната Тагора: роман “Четыре части” как твердое “нет” идее Нации	120
<i>Лобачева В. А.</i> Сравнительное изучение китайских переводов христианских молитв иеромонаха Даниила (Сивиллова) и православных миссионеров XIX — начала XX вв.	124
<i>Ляхов М. В.</i> Жизнь и творчество Ли Юя	129
<i>Машутова О. С.</i> Жанр политической карикатуры в Китае	135
<i>Меркулова К. Е.</i> Лидерская дипломатия Синдзо Абэ (на материале выступлений премьер-министра по внешнеполитическим вопросам за 2012–2020 гг.)	140
<i>Наркевская П. Д.</i> История развития традиционного китайского обряда <i>коутоу</i>	148
<i>Никитина Д. А.</i> Россия и Китай в Арктике: вызовы и перспективы сотрудничества	154
<i>Носов В. А.</i> Экспорт маоизма: формы, закономерности и особенности	157
<i>Пастухова С. И.</i> Японская традиционная татуировка в эпоху Мэйдзи: культурное взаимодействие Востока и Запада	164
<i>Пудова А. В.</i> Попытка реализации теории «географии масштаба» в префектурах Осака и Окинава	169
<i>Рассолова Д. В.</i> Новые данные о реликвиях с затонувшего китайского судна «Наньхай-1»	175
<i>Реунова В. А.</i> Стремление китайских и японских потребителей к экономии и накоплению: культурные истоки и современный характер потребления	181
<i>Русак Д. В.</i> Российско-китайские экономические отношения в постковидную эпоху: динамика и перспективы	187

<i>Рябышев П. Д.</i> О проблеме происхождения ароматических печатей в Китае	192
<i>Саакян П. А.</i> Совместные проекты Италии и Китая в сфере образования, науки и культуры в начале XXI в.	197
<i>Сёмочкина А. С.</i> Символизм XXIV Олимпийских игр в контексте внутри- и внешнеполитической повестки Китайской Народной Республики	202
<i>Смирнова А. А.</i> Собака, волк и крыса как образы <i>яо гуай</i> на примере культурной традиции минского Китая	209
<i>Соколов Д. В.</i> «Правдивые записи о Чингисхане» Нака Митиё: к истории создания труда и его роли в развитии японской исторической науки	215
<i>Солопов Н. И.</i> Влияние официальной китайской идеологии на взаимоотношения Японии и Китая в эпоху Тан	221
<i>Сорокина Ю. А.</i> О первых китайских журналах в Японии в конце XIX – начале XX вв.	225
<i>Станьева В. В.</i> Свадебный обряд в монгорском эпосе «Гэсэр»	230
<i>Стрючкова В. С.</i> Айнская топонимика Хоккайдо	235
<i>Таболina Л. М.</i> Особенности семантики некоторых номинаций сверхъестественных существ на материале Соу шэнь цзи («Записки о поисках духов») Гань Бао	239
<i>Теплюк И. А.</i> Своеобразие женских образов в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие»	246
<i>Хачатурян С. В.</i> Халлю в Китае	252
<i>Чаплина Е. И.</i> Особенности современной религиозной политики КНР в отношении буддизма: экономический аспект	258
<i>Чуканова В. А.</i> Влияние традиционной экзаменационной системы на формирование социального портрета чиновничества эпохи Мин (1368–1644)	263
<i>Шавкунов Д. А.</i> Политическое влияние ислама в Китае до династии Цин	267
<i>Швецова А. А.</i> Роль Пакистана в отношениях Китая и Индии на современном этапе	271
<i>Шереметова В. Э.</i> Типология драконов на ханьских рельефах провинции Шаньдун	277
<i>Шкотов А. В.</i> Миграционная политика Японии в XX и XXI вв.	284
<i>Шохина Ю. О.</i> “Поворот России на Восток” в рамках взаимодействия России и Китая	288